ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

ИЗГНАННИКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

из жизни въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство П. П. Сойкина.
Стремянная, № 12, собств. д.

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если бы авторъ какого-нибудь историческаго сочиненія или романа упоминалъ о всѣхъ источникахъ его, ему пришлось бы снабдить свою книгу слишкомъ большимъ количествомъ библіографическихъ примѣчаній. Но всякій, кому приходится писать о французскомъ дворѣ семнадцатаго столѣтія, выказалъ бы полную неблагодарность, если бы не призналъ, насколько онъ обязанъ миссъ Юліи Гардъ; то же самое можно сказать по поводу исторіи Америки о м-рѣ Фрэнсисѣ Паркманѣ.

Долженъ прибавить, что позволилъ себѣ нѣкоторыя вольности относительно историческихъ фактовъ, главнымъ образомъ въ томъ, что изобразилъ событія, происходившія въ продолженіе трехъ лѣтъ, случившимися въ гораздо болѣе короткое время.

А. Конанъ-Дойль.

Южный Норвудъ, 14-го марта 1892 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ СТАРОМЪ СВѢТѢ.

I. Человѣкъ изъ Америки.

То было обыкновенное окно изъ тѣхъ, какія бывали въ Парижѣ въ концѣ семнадцатаго столѣтія — высокое, раздѣленное посрединѣ большой поперечной перекладиной и украшенное надъ срединой этой перекладины маленькимъ гербомъ — тремя красными чертополохами на серебряномъ полѣ, нарисованномъ на стеклѣ ромбовидной формы. Снаружи торчалъ толстый желѣзный прутъ, на которомъ висѣло изображеніе маленькаго золоченаго тюка шерсти, раскачивавшееся и скрипѣвшее при малѣйшемъ порывѣ вѣтра. Изъ окна были видны дома на другой сторонѣ улицы, высокіе, узкіе, вычурные, съ деревянной рѣзьбой на фасадахъ, съ остроконечными крышами и башенками на углахъ. Между двумя рядами домовъ тянулась булыжная мостовая улицы Св. Мартина, откуда доносился немолчный топотъ множества ногъ.

Внутри дома, у окна, стояла широкая скамья, обтянутая коричневой тисненой кожей. Сидя на ней, члены семьи могли видѣть, что происходило въ дѣловомъ мірѣ у ихъ ногъ.

Въ настоящую минуту на этой скамьѣ, спиной къ окну и лицомъ къ большой, роскошно убранной комнатѣ, сидѣли мужчина и женщина. По временамъ они взглядывали другъ на друга и глаза ихъ загорались выраженіемъ счастья.

Впрочемъ тутъ не было ничего удивительнаго, потому что они представляли собой красивую парочку. Она была очень молода, ни въ какомъ случаѣ не старше двадцати лѣтъ; лицо ея было блѣдно, но той блестящей блѣдностью, полной ясности и свѣжести, которая какъ бы говоритъ о чистотѣ и невинности. Никому бы и въ голову не пришло пожелать, чтобъ

эта дѣвическая прелесть замѣнилась болѣе яркими красками. Черты лица были нѣжны и пріятны, а изсиня-черные волосы и длинныя темныя рѣсницы составляли пикантный контрастъ съ мечтательными сѣрыми глазами и бѣлизной кожи, напоминавшей слоновую кость. Во всей ея осанкѣ чувствовалось какое-то особое спокойствіе и сдержанность, которыя еще болѣе оттѣнялись ея простымъ платьемъ изъ черной тафты; брошка изъ каменнаго угля и такой же браслетъ были единственными ея украшеніями. Такова была Адель Катина, единственная дочь извѣстнаго гугенота, торговца сукномъ.

Но простота ея костюма съ избыткомъ вознаграждалась роскошью одежды ея собесѣдника. Это былъ человѣкъ, старше ея лѣтъ на десять, съ строгимъ лицомъ воина, мелкими, хорошо очерченными чертами, холеными черными усами и темными, карими глазами, которые могли становиться жесткими, когда обладатель ихъ отдавалъ приказаніе мужчинѣ, и нѣжными, когда онъ обращался съ мольбою къ женщинѣ — и въ томъ, и въ другомъ случаѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. На немъ былъ кафтанъ небесно-голубого цвѣта, вышитый серебряными шнурами съ широкими серебряными погонами на плечахъ. Изъ-подъ кафтана выглядывалъ бѣлый жилетъ, а брюки изъ той же матеріи были запрятаны въ высокіе лакированные сапоги съ золочеными шпорами. Лежавшія рядомъ съ нимъ на скамьѣ рапира съ серебряной рукояткой и шляпа съ перомъ дополняли костюмъ, носить который считалось особой честью. Любой французъ призналъ бы въ незнакомцѣ офицера знаменитой голубой гвардіи Людовика Четырнадцатаго. Со своими кудрявыми, черными волосами, съ хорошо посаженной головой молодой человѣкъ казался изящнымъ, блестящимъ воиномъ. И дѣйствительно, онъ уже доказалъ это на полѣ битвы и имя Амори де-Катина стало замѣтнымъ среди множества именъ представителей мелкаго дворянства, стекавшихся ко двору короля.

Онъ приходился двоюроднымъ братомъ сидѣвшей съ нимъ молодой дѣвушкѣ и въ ихъ лицѣ можно было даже найти фамильное сходство. Де-Катина происходилъ изъ дворянскаго гугенотскаго дома, но онъ рано лишился родителей и поступилъ въ военную службу. Безо всякой поддержки онъ самъ пробилъ себѣ дорогу и достигъ своего теперяшняго положенія. Между тѣмъ, младшій братъ его отца, видя, что всѣ пути закрыты передъ нимъ, благодаря преслѣдованіямъ, которымъ

стали подвергаться его единовѣрцы, откинулъ частичку «де»— признакъ знатнаго происхожденія — и занялся торговлей съ такимъ успѣхомъ, что въ описываемое нами время былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и выдающихся гражданъ Парижа. Гвардеецъ сидѣлъ въ его домѣ и держалъ въ своей рукѣ бѣлую ручку его единственной дочери.

— Скажи, чѣмъ ты взволнована, Адель,—проговорилъ онъ.

— Я не взволнована, Амори.

— Ну, а что значитъ эта складочка между нахмуренными бровями? Ахъ, я умѣю читать твои мысли, какъ пастухъ умѣетъ угадывать время по виду неба.

— Право ничего, Амори, но...

— Что «но»?

— Ты уѣзжаешь сегодня вечеромъ.

— И возвращусь завтра.

— А тебѣ непремѣнно, непремѣнно надо ѣхать сегодня вечеромъ?

— Я могъ бы поплатиться службой, если бъ не поѣхалъ. Завтра утромъ я долженъ дежурить у спальни короля! Послѣ обѣдни меня смѣнитъ маіоръ де-Бриссакъ и тогда я опять буду свободенъ.

— Ахъ, Амори, когда я слышу твои разсказы о королѣ, о дворѣ, о знатныхъ дамахъ, я, право, удивляюсь....

— Чему?

— Удивляюсь при мысли, что ты, живущій среди такого великолѣпія, снисходишь до того, что сидишь въ комнатѣ простого торговца.

— Да, но то, что находится въ этой комнатѣ?

— Вотъ это и есть самое удивительное для меня. Ты, который проводишь жизнь среди такихъ красивыхъ, умныхъ женщинъ, вдругъ считаешь меня достойной своей любви, меня, такую тихую маленькую мышку, всегда одинокую въ этомъ большомъ домѣ, такую застѣнчивую и неловкую. Вотъ это-то и удивительно!

— У всякаго свой вкусъ, — сказалъ Амори, поглаживая маленькую ручку. — Женщины — что цвѣты. Нѣкоторые предпочитаютъ большой, блестящій подсолнечникъ или розу, которая такъ красива и велика, что невольно бросается въ глаза. А мнѣ нужна маленькая фіалка, скрывающаяся среди мховъ, но такая милая и распространяющая благоуханіе вокругъ себя... А складочка все не разглаживается, дорогая.

— Мнѣ хочется, чтобы вернулся отецъ.

— А зачѣмъ? Развѣ ты чувствуешь себя одинокой?

Внезапная улыбка озарила ея блѣдное лицо.

— Я не буду одинока до вечера. Но я всегда безпокоюсь когда его не бываетъ дома. Теперь такъ много ходитъ разсказовъ о преслѣдованіи нашихъ бѣдныхъ братьевъ.

— Ну, дядѣ-то нечего бояться!

— Онъ пошелъ къ старшинѣ гильдіи, чтобы переговорить насчетъ распоряженія о расквартированіи драгунъ.

— А, ты не сказала мнѣ объ этомъ.

— Вотъ бумага.

Она встала и взяла со стола листъ синей бумаги, на которомъ болталась красная печать. При взглядѣ на нее Амори нахмурилъ свои густыя, черныя брови.

«Предписывается вамъ, Теофилу Катина, торговцу сукномъ, проживающему въ улицѣ Св. Мартина, дать помѣщеніе и содержаніе двадцати солдатамъ изъ Лангедокскаго полка голубыхъ драгунъ подъ командой капитана Дальбера, до дальнѣйшаго распоряженія. (Подписано) Де-Бопре, королевскій коммисаръ».

Де-Катина хорошо зналъ, какъ этотъ способъ притѣсненія гугенотовъ практиковался во всей Франціи, но льстилъ себя надеждой, что его положеніе при дворѣ избавитъ его родственниковъ отъ подобнаго униженія. Съ гнѣвнымъ восклицаніемъ онъ бросилъ бумагу на полъ.

— Когда они должны придти?

— Отецъ говорилъ, сегодня вечеромъ.

— Ну такъ они недолго останутся здѣсь. Завтра я достану приказъ объ ихъ удаленіи. Однако солнце уже зашло за церковь Св. Мартина и я долженъ быть въ пути.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уѣзжай!...

— Мнѣ бы хотѣлось передать тебя въ руки отца, потому что я боюсь оставить тебя одну съ этими солдатами. Но не примутъ никакихъ извиненій, если я не поспѣю въ Версаль. Взгляни, какой-то всадникъ остановился передъ дверью. Онъ не въ военной формѣ. Можетъ-быть, онъ посланъ твоимъ отцомъ.

Дѣвушка быстро подбѣжала къ окну и выглянула въ него, опершись рукой о плечо двоюроднаго брата.

— Ахъ, я и забыла!—вскрикнула она.—Это человѣкъ изъ Америки. Отецъ сказалъ, что онъ пріѣдетъ сегодня.

— Человѣкъ изъ Америки! — повторилъ съ удивленіемъ

офицеръ и оба, вытянувъ шеи, стали смотрѣть на него изъ окна. Всадникъ, сильный, широкоплечій человѣкъ, бритый, съ коротко подстриженными волосами, повернулъ въ ихъ сторону свое длинное, смуглое лицо съ рѣзкими чертами, оглядывая фасадъ дома. На головѣ у него была сѣрая шляпа съ мягкими полями, форма которой казалась странной для глазъ парижанъ, но его темная одежда и высокіе сапоги ничѣмъ не отличались отъ костюма любого гражданина Парижа. Но вообще въ немъ было нѣчто необыкновенное и цѣлая толпа горожанъ уже собралась, глазѣя на него и на его лошадь. Старое ружье съ необычайно длиннымъ стволомъ было привязано къ стремени такъ, что дуло торчало вверхъ; у каждой луки сѣдла болталось по черному мѣшку, а сзади сѣдла было скатано ярко-красное полосатое одѣяло. Сильная лошадь, сѣрая въ яблокахъ, была вся въ поту сверху и въ грязи снизу. Ноги ея, казалось, подгибались отъ изнеможенія.

Всадникъ, очевидно убѣдившись, что это тотъ домъ, который онъ искалъ, легко соскочилъ съ сѣдла и, отвязавъ ружье, одѣяло и мѣшки, спокойно пробрался среди глазѣвшей на него толпы и громко постучался въ дверь.

— Кто же онъ такой?—спросилъ де-Катина.—Канадецъ? Я самъ почти канадецъ. По ту сторону океана у меня было почти столько же друзей, сколько здѣсь. Можетъ-быть, я знаю его. Тамъ не очень много бѣлыхъ и за два года я едва ли не перевидалъ ихъ всѣхъ.

— Нѣтъ, онъ изъ англійскихъ провинцій, Амори. Но онъ говоритъ на нашемъ языкѣ. Мать его была нашей крови.

— А какъ его имя?

— Амосъ... Амосъ... ахъ, ужъ эти имена! Да, вспомнила... Амосъ Гринъ. Его отецъ давно ведетъ дѣла съ моимъ, а теперь послалъ сына, который, какъ я слышала, жилъ всегда въ лѣсахъ, посмотрѣть людей и города. Ахъ, Боже мой, что случилось тамъ?

Изъ нижняго корридора внезапно послышались отчаянные крики и визгъ, раздался чей-то мужской голосъ и звукъ быстрыхъ шаговъ. Въ одно мгновенье де-Катина сбѣжалъ съ лѣстницы и остановился, съ изумленіемъ смотря на происходившую передъ нимъ сцену.

Двѣ дѣвушки визжали изо всѣхъ силъ, стоя по сторонамъ двери. Посреди сѣней старый слуга Пьеръ, суровый кальвинистъ, отличавшійся обыкновенно замѣчательнымъ сознаніемъ

своего достоинства, вертѣлся, какъ волчекъ, размахивая руками, и кричалъ такъ громко, что его, навѣрно, можно было слышать въ Луврѣ. Въ сѣрый шерстяной чулокъ, обтягивавшій его худую ногу, вцѣпился какой-то пушистый, волосатый черный шаръ, съ маленькимъ блестящимъ краснымъ глазомъ, устремленнымъ вверхъ, и блестящими бѣлыми зубами.

Молодой незнакомецъ, вышедшій было на улицу къ лошади, услышавъ крики, поспѣшно вбѣжалъ въ сѣни, схватилъ звѣрька, ударилъ его два раза по мордѣ и бросилъ его, головой внизъ, въ мѣшокъ, изъ котораго тотъ выбрался.

— Это ничего,—проговорилъ онъ на превосходномъ французскомъ языкѣ,—это только медвѣженокъ.

— О, Боже мой!—крикнулъ Пьеръ, отирая лобъ.—Ахъ, за эти минуты я состарился на пять лѣтъ! Я стоялъ у двери, раскланиваясь съ бариномъ, а онъ вдругъ схватилъ меня сзади.

— Это моя вина, я не завязалъ мѣшка. Звѣрекъ только-что родился въ тотъ день, когда мы выѣхали изъ Нью-Іорка, во вторникъ ему будетъ шесть недѣль. Имѣю я честь говорить съ другомъ моего отца, г. Катина?

— Нѣтъ, сударь,—отвѣтилъ съ лѣстницы гвардеецъ.—Дяди нѣтъ дома. Я капитанъ де-Катина, къ вашимъ услугамъ, а вотъ m-lle Катина, хозяйка этого дома.

Незнакомецъ поднялся по лѣстницѣ и раскланялся съ обоими съ видомъ человѣка робкаго, какъ дикая серна, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявшаго отчаянное рѣшеніе перенести все, что выпадетъ на его долю. Онъ прошелъ съ ними въ гостиную, а затѣмъ немедленно исчезъ и шаги его раздались на лѣстницѣ. Скоро онъ вернулся съ красивымъ блестящимъ мѣхомъ въ рукахъ.

— Медвѣдь предназначенъ вашему отцу,—сказалъ онъ.— Эту же шкуру я привезъ для васъ. Это пустякъ, но все же изъ нея можно сдѣлать пару мокассинъ *) или сумочку.

Адель вскрикнула отъ восторга, когда погрузила руки въ мягкій мѣхъ. Да и было чѣмъ восхищаться, потому что ни у одного короля въ мірѣ не было ничего подобнаго.

— Ахъ, какъ это красиво!—проговорила она,—а что это за звѣрь и откуда онъ?

— Это чернобурая лисица. Я самъ убилъ ее во время послѣдней экспедиціи въ Ирокезскія селенія у озера Онеида.

---

*) Мокассины—обувь американскихъ индѣйцевъ.

Адель прижалась щекой къ мѣху; ея бѣлое личико казалось мраморнымъ на этомъ черномъ фонѣ.

— Очень жаль, сударь, что отца нѣтъ дома, чтобъ привѣтствовать васъ,—сказала она,—но я отъ всего сердца привѣтствую васъ за него. Комната вамъ приготовлена на верху. Если желаете, Пьеръ проведетъ васъ.

— Комната, мнѣ? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ спать въ ней.

— А развѣ мнѣ непремѣнно нужно спать въ комнатѣ?

Де-Катина разсмѣялся при видѣ недовольнаго лица американца.

— Можете не спать тамъ, если не желаете,—сказалъ онъ.

Лицо незнакомца прояснилось. Онъ подошелъ къ дальнему окну, выходившему на дворъ.

— Ахъ!—вскрикнулъ онъ.—Тамъ есть букъ. Если вы позволите мнѣ взять туда мое одѣяло, это будетъ лучше всякой комнаты. Зимой, конечно, приходится спать въ комнатѣ, но лѣтомъ я задыхаюсь, когда меня давитъ потолокъ.

— Такъ вы живете не въ городѣ?—спросилъ де-Катина.

— Мой отецъ живетъ въ Нью-Іоркѣ, черезъ два дома отъ Питера Стьювшанта, о которомъ вы, вѣроятно, слыхали. Онъ— очень выносливый человѣкъ, переноситъ и это, но я... съ меня слишкомъ достаточно и нѣсколькихъ дней въ Альбани или Шенектэди. Я всю свою жизнь жилъ въ лѣсахъ.

— Я увѣрена, что отцу будетъ все равно, гдѣ бы вы ни спали и что бы вы ни дѣлали, только бы вы были довольны.

— Благодарю васъ. Ну, такъ я возьму туда свои вещи и вычищу лошадь.

— Но вѣдь Пьеръ можетъ сдѣлать это.

— Я привыкъ дѣлать это самъ.

— Я пойду съ вами,—сказалъ де-Катина.—Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Итакъ, до завтра, Адель!

— До завтра, Амори.

Молодые люди вмѣстѣ сошли съ лѣстницы и гвардеецъ проводилъ американца до двора.

— Вамъ пришлось сдѣлать длинный путь,—сказалъ онъ.

— Да, я пріѣхалъ изъ Руана.

— Вы устали?

— Нѣтъ; я рѣдко устаю.

— Такъ побудьте съ барышней, пока не вернется ея отецъ.

— Почему вы говорите это?

— Потому что я долженъ ѣхать, а ей можетъ понадобиться защитникъ.

Незнакомецъ молча кивнулъ головой и, скинувъ свою темную одежду, усердно принялся чистить грязную отъ путешествія лошадь.

II. Монархъ у себя въ опочивальнѣ.

Наступило утро слѣдующаго дня; гвардеецъ явился на службу. На большихъ Версальскихъ часахъ пробило восемь: монархъ скоро долженъ вставать. Во всѣхъ длинныхъ коридорахъ и украшенныхъ фресками проходахъ громаднаго дворца раздавался сдержанный говоръ и легкій шумъ, шли спѣшныя приготовленія къ вставанію короля—великому придворному событію, въ которомъ принимало участіе много лицъ. Пробѣжалъ лакей, неся придворному цирульнику, г. де-Сентъ-Квентону, серебряное блюдце съ кипяткомъ для бритья короля. Нѣсколько лакеевъ, съ переброшенными черезъ руки частями одежды, толпились у корридора, который велъ въ прихожую. Кучка гвардейцевъ въ блестящихъ голубыхъ мундирахъ съ серебрянымъ шитьемъ подтянулась и взяла аллебарды по установленной формѣ. Молодой офицеръ, задумчиво смотрѣвшій изъ окна на террассу, гдѣ нѣсколько придворныхъ смѣясь болтали между собой, круто повернулся на каблукахъ и пошелъ къ бѣлой съ золотомъ двери королевской спальни.

Онъ только-что сталъ на свое мѣсто, какъ кто-то тихонько нажалъ изнутри ручку двери, которая неслышно повернулась на петляхъ. Какой-то человѣкъ безшумно вышелъ и заперъ за собой дверь.

— Тсъ!—сказалъ онъ, приложивъ палецъ къ тонкимъ, рѣзко очерченнымъ губамъ, причемъ на его тщательно выбритомъ лицѣ съ дугообразными бровями выразились мольба и предостереженіе.—Король еще спитъ.

Эти слова шепотомъ передавались другъ другу среди группы людей, собравшихся у двери. Произнесшій ихъ г. Бонтанъ, главный камердинеръ короля, сдѣлалъ знакъ офицеру и подвелъ его къ оконной нишѣ, у которой тотъ только-что стоялъ.

— Добраго утра, капитанъ де-Катина, — фамильярно и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно проговорилъ онъ.

— Добраго утра, Бонтанъ. Какъ спалъ король?

— Чудесно.

— Но вѣдь ему уже пора вставать.

— Нѣтъ еще.

— Вы еще не будили его?

— Разбужу черезъ семь съ половиною минутъ.

Лакей вынулъ маленькіе круглые часы, управлявшіе тѣмъ человѣкомъ, который былъ правителемъ двадцати милліоновъ людей.

— Кто дежуритъ на главномъ посту?

— Маіоръ де-Бриссакъ.

— А вы дежурите здѣсь?

— Я буду дежурить при особѣ короля въ продолженіе четырехъ часовъ.

— Очень хорошо. Вчера вечеромъ, когда я былъ съ нимъ одинъ послѣ «petit coucher», онъ далъ мнѣ нѣсколько порученій къ дежурному офицеру. Онъ велѣлъ мнѣ передать приказаніе не допускать г. де-Вивоннъ къ «grand lever». Вы должны сказать ему это.

— Я исполню приказаніе.

— Затѣмъ, если будетъ записка отъ «нея»—вы понимаете, отъ новой..

— Г-жи де-Ментенонъ?

— Совершенно вѣрно. Но лучше не называть именъ. Если она пришлетъ записку, возьмите ее и при удобномъ случаѣ тихонько передайте королю.

— Будетъ исполнено.

— Но если—что очень возможно—придетъ другая, понимаете, прежняя...

— Г-жа де-Монтеспанъ.

— Ахъ, этотъ вашъ солдатскій языкъ, капитанъ! Ну, такъ я говорю, если придетъ она, вы вѣжливо не допускайте ее, понимаете, уговаривайте любезными словами, но ни въ какомъ случаѣ не позволяйте войти къ королю.

— Отлично, Бонтанъ.

— А теперь у насъ осталось только три минуты.

Онъ прошелъ черезъ толпу въ корридоръ съ видомъ гордаго смиренія, свойственнаго человѣку, хотя и лакею, но считавшему себя королемъ лакеевъ на томъ основаніи, что онъ лакей короля. У двери стоялъ рядъ блестящихъ лакеевъ въ напудренныхъ парикахъ, красныхъ плюшевыхъ кафтанахъ съ серебряными аксельбантами.

— Здѣсь истопникъ?—спросилъ Бонтанъ.

— Да, сударь,—отвѣтилъ человѣкъ, державшій въ рукахъ эмалированный подносъ съ сосновыми щепками.

— А открывальщикъ ставень?

— Здѣсь, сударь.

— Ожидайте приказаній.

Онъ опять нажалъ ручку двери и исчезъ въ темной комнатѣ.

То была большая четырехугольная комната съ двумя большими окнами, закрытыми дорогими бархатными занавѣсями. Нѣсколько лучей солнца пробивались сквозь щели и отражались яркими пятнами на свѣтлой стѣнѣ. Большое кресло стояло у потухшаго камина съ громадной мраморной доской, надъ которой вились безчисленныя арабески и гербы, доходившіе до роскошно расписаннаго потолка. Въ одномъ углу стояла узенькая кушетка, на которой спалъ вѣрный Бонтанъ.

По самой серединѣ комнаты находилась громадная кроват о четырехъ колоннахъ съ гобеленовымъ пологомъ, откинутымъ у изголовья. Она была окружена полированными перилами. между которыми и кроватью образовался проходъ около пяти футовъ ширины. Въ этомъ проходѣ стоялъ круглый столикъ, накрытый бѣлой салфеткой. На немъ лежало серебряное блюдо съ тремя кусочками телячьей грудинки и эмалированный кубокъ съ легкимъ виномъ—на случай, если бы королю захотѣлось поѣсть ночью.

Бонтанъ неслышно прошелъ по комнатѣ; ноги его утопали въ мягкомъ коврѣ; тяжелый запахъ спальни стоялъ въ комнатѣ; слышалось мѣрное дыханіе спящаго. Бонтанъ прошелъ въ проходъ и остановился съ часами въ рукахъ, ожидая того мгновенія, въ которое, согласно этикету двора, требовалось разбудить короля. Передъ нимъ, подъ дорогимъ зеленымъ шелковымъ восточнымъ одѣяломъ вырисовывалась, потонувшая въ пышныхъ кружевахъ подушки, круглая голова съ коротко подстриженными черными волосами, съ горбатымъ носомъ и съ выдавшеюся нижнею губою. Лакей закрылъ часы и нагнулся надъ спящимъ.

— Имѣю честь доложить вашему величеству, что теперь половина девятаго,—сказалъ онъ.

— А!—Король медленно открылъ свои большіе темные глаза, перекрестился и поцѣловалъ маленькую, темную ладонку, которую вынулъ изъ-подъ ночной рубашки. Потомъ онъ

сѣлъ на кровать и щурясь оглянулся вокругъ съ видомъ человѣка, собирающагося съ мыслями.

— Вы передали мои приказанія дежурному офицеру, Бонтанъ?

— Да, ваше величество.

— Кто дежурный?

— Маіоръ де-Бриссакъ на главномъ посту, а въ коррпдорѣ—капитанъ де-Катина.

— Де-Катина? А, молодой человѣкъ, который остановилъ мою лошадь въ Фонтенебло. Я помню его. Можете дать сигналъ, Бентанъ.

Камердинеръ быстро подошелъ къ двери и отперъ ее. Въ комнату стремительно вошли истопникъ и четверо лакеевъ въ красныхъ кафтанахъ и бѣлыхъ парикахъ. Безъ всякаго шума они проворно приступили къ исполненію своихъ обязанностей. Одинъ схватилъ кушетку и одѣяло Бонтана и въ одно мгновеніе вынесъ ихъ въ прихожую; другой унесъ подносъ съ закуской и серебряный подсвѣчникъ, а третій отдернулъ бархатныя занавѣси—и потокъ свѣта ворвался въ комнату. На сосновыя щепки, уже трещавшія въ каминѣ, истопникъ положилъ наискось два толстыхъ круглыхъ полѣна, такъ какъ утренній воздухъ былъ прохладенъ, и вышелъ вмѣстѣ съ другими лакеями.

Только-что они вышли, вошла группа болѣе знатныхъ людей. Впереди шли рядомъ два человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ юноша немного старше двадцати лѣтъ, средняго роста, съ важными и медленными манерами, со стройными ногами, съ лицомъ довольно красивымъ, но похожимъ на маску домино; оно было лишено и тѣни выраженія, за тѣми рѣдкими исключеніями, когда на немъ вспыхивалъ проблескъ насмѣшливаго юмора. На немъ была богатая одежда изъ бархата темно-лиловаго цвѣта; на груди красовалась широкая голубая лента, изъ-подъ которой блестѣлъ край ордена св. Людовика. Его товарищъ былъ смуглый мужчина лѣтъ сорока, съ важной, полной достоинства осанкой, въ скромной, но дорогой черной шелковой одеждѣ съ золотыми украшеніями у ворота и рукавовъ. Когда вошедшіе подошли къ королю, то по сходству этихъ трехъ лицъ можно было заключить, что они принадлежатъ къ одной семьѣ и посторонній легко могъ бы догадаться, что старшій—Монсенъ, младшій братъ короля, а младшій—дофинъ Людовикъ, единственный законный сынъ

его и наслѣдникъ престола, на который, по странному предопредѣленію Божію, не суждено было войти ни ему, ни его сыновьямъ.

Несмотря на сильное сходство между этими тремя лицами, отличавшимися горбатыми носами Бурбоновъ, большими глазами и толстыми нижними губами Габсбурговъ, унаслѣдованными ими отъ Анны Австрійской, черты ихъ рѣзко отличались другъ отъ друга, соотвѣтственно темпераменту и характеру обладателей ихъ. Королю шелъ сорокъ шестой годъ и волосы на его коротко остриженной черной головѣ уже начали слегка просвѣчивать на макушкѣ и сѣдѣть у висковъ. Но при этомъ онъ сохранилъ еще остатки красоты своихъ молодыхъ лѣтъ, носившіе характеръ величественности и суровости, усилившейся съ теченіемъ лѣтъ. Его темные глаза были полны выраженія, а точеныя черты лица приводили въ восторгъ художниковъ и скульпторовъ. Твердо обрисованный и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижной ротъ и густыя дугообразныя брови придавали его лицу выраженіе властности и силы, тогда какъ болѣе покорное выраженіе, свойственное лицу его брата, говорило о человѣкѣ, вся жизнь котораго прошла въ повиновеніи и самоограниченіи. У дофина же хотя и были болѣе правильныя черты лица, чѣмъ у отца, но у него не было ни той подвижности физіономіи при волненіи, ни той царственной ясности при покойномъ состояніи, которыя вызвали замѣчаніе одного проницательнаго наблюдателя, что если Людовикъ и не былъ величайшимъ изъ монарховъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе пригоднымъ для этой роли.

За сыномъ и братомъ короля вошла небольшая группа знатныхъ особъ и придворныхъ, обязанныхъ присутствовать при церемоніи. Тутъ были главный гардеробмейстеръ, первый камергеръ, герцогъ Мэнскій, блѣдный юноша въ черной бархатной одеждѣ, сильно хромавшій на лѣвую ногу, и его маленькій братъ, графъ Тулузскій, оба незаконные сыновья г-жи де-Монтеспанъ и короля. За ними вошли первый камердинеръ гардероба, Фагонъ, лейбъ-медикъ, Телье, лейбъ-хирургъ, и три пажа въ красныхъ золотыхъ костюмахъ. Они несли платье короля. Таковы были участники малаго семейнаго пріема, присутствовать при которомъ считалось величайшею честью для французскихъ придворныхъ.

Бонтанъ вылилъ на руки короля нѣсколько капель спирта,

подставивъ серебряное блюдо, чтобъ дать имъ стечь, а первый камергеръ подалъ чашу со святой водой; король обмакнулъ въ нее руку, перекрестился и прочиталъ коротенькую молитву Св. Духу. Потомъ, кивнувъ въ знакъ привѣтствія брату и сказавъ нѣсколько словъ дофину и герцогу Мэнскому, онъ спустилъ ноги и сѣлъ на край кровати въ своей длинной шелковой ночной рубашкѣ, изъ-подъ которой болтались его маленькія бѣлыя ножки—поза довольно рискованная для всякаго человѣка, но король былъ такъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, что не могъ себѣ представить возможности показаться смѣшнымъ въ глазахъ другихъ при какихъ бы то ни было условіяхъ. Такъ сидѣлъ повелитель Франціи и рабъ всякаго порыва сквозного вѣтра, заставлявшаго его вздрагивать. Г. да-Сенъ-Кентенъ, знатный цирюльникъ, набросилъ пурпурный халатъ на плечи короля и надѣлъ длинный, завитой придворный парикъ на его голову. Бонтанъ, между тѣмъ, натянулъ ему красные чулки и подставилъ бархатныя, вышитыя туфли. Монархъ всунулъ ноги въ туфли, подпоясалъ халатъ и прошелъ къ камину. Тутъ онъ сѣлъ въ кресло и протянулъ къ огню свои тонкія, нѣжныя руки. Остальные стали полукругомъ, въ ожиданіи «grand lever» *).

— Что это такое, господа?—внезапно спросилъ король, оглядываясь вокругъ съ раздраженнымъ видомъ.—Я чувствую запахъ духовъ. Навѣрно, никто изъ васъ не осмѣлился бы явиться надушеннымъ въ моемъ присутствіи, зная, что я не выношу запаха духовъ.

Присутствовавшіе переглянулись, отрицая свою виновность. Но вѣрный Бонтанъ подкрался сзади и открылъ виновника.

— Ваша свѣтлость, запахъ идетъ отъ васъ,—сказалъ онъ графу Тулузскому.

Графъ Тулузскій, маленькій краснощекій мальчикъ, вспыхнулъ при обвиненіи.

— Извините, ваше величество, вѣроятно m-lle де-Граммонъ обрызгала меня изъ своего флакона, когда мы играли съ ней вчера въ Марли,—проговорилъ онъ, запинаясь.—Я не замѣтилъ, но если это непріятно вашему величеству...

*) Grand lever—большой пріемъ; petit lever—малый пріемъ.

— Чтобы не было этого запаха! Чтобы не было!—кричалъ король.—Уфъ! Я задыхаюсь! Откройте нижнюю половину окна, Бонтанъ. Нѣтъ, не надо, разъ онъ ушелъ. Развѣ сегодня не день бритья, г. де-Сенъ-Кентенъ?

— Все готово, ваше величество.

— Такъ отчего же вы не начинаете? Уже три минуты позже положеннаго времени. Начинайте, сударь, а вы, Бонтанъ, дайте знать, что начался «grand lever».

Очевидно, король былъ не въ духѣ въ это утро. Онъ бросилъ быстрые, вопросительные взгляды на брата и сыновей, но каковы бы ни были упреки или сарказмы, готовые сорваться съ его губъ, они оставались невысказанными, такъ какъ имъ мѣшали манипуляціи де-Сенъ-Кентена. Съ небрежностью, порожденной давнишней привычкой, онъ покрылъ мыломъ королевскій подбородокъ, быстро провелъ по нему бритвой и отеръ спиртомъ. Одинъ изъ дворянъ помогъ натянуть короткіе черные бархатные штаны, другой поправилъ ихъ, а третій снялъ черезъ голову съ короля ночную рубашку и подалъ денную, грѣвшуюся передъ огнемъ. Знатные придворные, ревниво оберегавшіе свои привилегіи, надѣли королю туфли съ брилліантовыми пряжками, гамаши и красный камзолъ, а поверхъ его голубую ленту съ крестомъ Св. Духа, осыпаннымъ брилліантами, и красную—Св. Людовика. Для новичка было бы странно видѣть, какъ безучастно спокойно стоялъ этотъ человѣкъ небольшого роста, устремивъ задумчивый взглядъ на горѣвшія въ каминѣ дрова, между тѣмъ, какъ группа людей съ историческими именами суетилась вокругъ него, дотрагиваясь до него то тутъ, то тамъ, словно кучка дѣтей, возящихся съ любимой куклой. Надѣли черный нижній кафтанъ, повязали дорогой кружевной галстухъ, накинули широкій верхній кафтанъ, поднесли на эмалированномъ блюдѣ два дорогихъ кружевныхъ платка; два придворныхъ сунули ихъ въ боковые карманы, дали въ руки трость черпаго дерева, отдѣланную серебромъ—и монархъ оказался готовымъ для дневныхъ трудовъ.

Между тѣмъ въ продолженіе около получаса дверь въ комнату постоянно отворялась и затворялась. Гвардейскій капитанъ докладывалъ шепотомъ фамилію входившаго дежурному изъ свиты, а тотъ передавалъ ее первому камергеру. Каждый новый посѣтитель дѣлалъ три глубокіе поклона королю, а затѣмъ отходилъ къ своему кружку и принимался впол-

голоса разговаривать о новостяхъ, о погодѣ, о планахъ на этотъ день. Мало-по-малу число присутствовавшихъ все увеличивалось и къ тому времени, какъ королю подали его скромный завтракъ, состоявшій изъ хлѣба и вина, сильно разбавленнаго водой, большая квадратная комната наполнились толпой людей; между ними было много такихъ, которые содѣйствовали тому, что эта этоха стала самой блестящей въ исторіи Франціи.

Вблизи короля стоялъ грубый, энергичный Лувуа, ставшій всемогущимъ послѣ смерти своего соперника Кольбера. Онъ обсуждалъ вопросъ объ организаціи войска съ двумя военными. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, статный офицеръ, другой странный, уродливый человѣчекъ ниже средняго роста, въ мундирѣ маршала. То былъ гроза голландцевъ—Люксембургъ, на котораго смотрѣли какъ на преемника Кондэ. Собесѣдникъ его, Вобанъ, уже занялъ мѣсто Тюренна.

Рядомъ съ ними маленькій сѣдой священникъ съ добродушнымъ лицомъ, отецъ Лашезъ, духовникъ короля, шепотомъ сообщалъ свои взгляды на янсенизмъ величественному Боссюэту, краснорѣчивому епископу изъ Мо, и высокому тонкому молодому аббату Фенелону, который слушалъ его нахмурясь, такъ какъ самъ заподозрѣвался въ этой ереси. Тутъ же былъ и художникъ Лебренъ, толковавшій объ искусствѣ въ маленькомъ кружкѣ своихъ сотоварищей, Верріо и Лагерръ, архитекторовъ Блондель и Ленотръ, скульпторовъ Жирардонъ, Пюже, Дежарденъ и Койсво, произведенія которыхъ такъ сильно способствовали украшенію новаго дворца короля. Около двери Расинъ, съ улыбкой на прекрасномъ лицѣ, болталъ съ поэтомъ Буало и архитекторомъ Монсаромъ. Всѣ трое смѣялись и шумѣли съ свободой любимыхъ слугъ короля, которые одни только могли безъ доклада входить и выходить изъ его комнаты.

— Что такое съ нимъ сегодня?—шепнулъ Буало, кивая головой по направленію къ группѣ, окружавшей короля.—Кажется, сонъ не привелъ его въ лучшее расположеніе духа.

— Съ каждымъ днемъ становится все труднѣе занимать его,—отвѣтилъ Расинъ, покачивая головой.—Сегодня въ три часа я долженъ быть у г-жи де-Ментенонъ. Посмотримъ, не разсѣетъ ли его страничка-другая изъ «Федры».

— А вы не думаете, другъ мой, что сама «madame» ко-

жетъ оказаться лучшей утѣшительницей, чѣмъ ваша «Федра»? — замѣтилъ архитекторъ.

— «Madame»—удивительная женщина. Она умна, у нея есть сердце, тактъ; она восхитительна.

— Одинъ только у нея излишекъ...

— Какой?

— Лѣта.

— Пустяки! Что за дѣло до ея настоящихъ лѣтъ, когда на видъ ей тридцать? Что за глаза! Что за руки! Ну, да и онъ не мальчикъ, друзья мои.

— Ахъ, это другое дѣло.

— Возрастъ для мужчины — дѣло второстепенное, для женщины—важный вопросъ.

— Совершенно вѣрно. Но молодой человѣкъ поддается впечатлѣнію того, что видитъ, а болѣе пожилой того, что слышитъ. Послѣ сорока лѣтъ побѣду одерживаетъ умный разговоръ; до сорока—хорошенькое личико.

— Ахъ, вы, плутъ! Такъ значитъ вы рѣшили, что особа сорока пяти лѣтъ и ея тактъ одержали верхъ надъ особой тридцати девяти лѣтъ и красотой. Ну, когда это совершится, то ваша дама, конечно, не забудетъ, кто первый отнесся къ ней съ особымъ почтеніемъ.

— Но, я думаю, вы неправы, Расинъ.

— Увидимъ.

— И если вы ошиблись...

— Ну, что же тогда?

— То дѣло-то для васъ выйдетъ серьезное.

— Почему.

— У маркизы де-Монтеспанъ хорошая память.

— Ея вліяніе можетъ скоро исчезнуть.

— Не слишкомъ полагайтесь на это, другъ мой. Когда де-Фонтанжъ съ ея голубыми глазами и желтыми волосами явилась сюда изъ Прованса, всѣ были увѣрены, что дни Монтеспанъ сочтены. Однако Фонтанжъ лежитъ въ склепѣ на глубинѣ шести футовъ, а маркиза провела на прошлой недѣлѣ два часа съ королемъ. Она одержала побѣду разъ, можетъ одержать ее и другой.

— Ахъ, это соперница совсѣмъ иного рода. Это не молоденькая провинціальная дѣвушка, а умнѣйшая женщина Франціи.

— Ну, Расинъ, вы хорошо знаете нашего добраго пове-

лителя или, по крайней мѣрѣ, должны бы хорошо знать его, потому что неразлучны съ нимъ со времени Фронды. Неужели вы думаете, что подобнаго рода человѣкъ можетъ постоянно забавляться проповѣдями или проводить цѣлые дни у ногъ женщины такого возраста, наблюдая, какъ подвигается ея вышивка или лаская ея пуделя, въ то время, какъ въ его салонахъ столько самыхъ красивыхъ лицъ и блестящихъ глазъ со всей Франціи, сколько бываетъ тюльпановъ на цвѣточной грядкѣ у голландца. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ если не Монтеспанъ, то какая-нибудь красотка помоложе.

— Дорогой Буало, повторяю, ея солнце закатывается. Слышали вы новость?

— Нѣтъ.

— Ея братъ, г. де-Вивоннъ, не былъ допущенъ на пріемъ.

— Не можетъ быть!

— Однако это фактъ

— Когда же?

— Сегодня утромъ.

— Отъ кого вы слышали это?

— Отъ де-Катина, гвардейскаго капитана. Ему отдано приказаніе не допускать г. де-Вивонна.

— Ага! значитъ король въ самомъ дѣлѣ задумалъ что-то недоброе. Такъ вотъ почему онъ такъ не въ духѣ сегодня. Клянусь честью, если маркиза дѣйствительно такова, какъ про нее говорятъ, то ему придется узнать, что побѣдить ее было легче, чѣмъ пренебречь ею.

— Да, съ Мортемарами не легко справиться.

— Ну, давай Богъ ему покончить съ ней. Но кто этотъ господинъ? У него лицо суровѣе, чѣмъ приходится обыкновенно видѣть при дворѣ. Ага! король замѣтилъ его и Лувуа дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ приблизился. Клянусь честью, онъ навѣрно чувствуетъ себя свободнѣе въ палаткѣ, чѣмъ подъ разрисованнымъ потолкомъ.

Незнакомецъ, привлекшій на себя вниманіе Расина, былъ высокій, худощавый человѣкъ съ большимъ орлинымъ носомъ, съ суровыми сѣрыми глазами, выглядывавшими изъ-подъ густыхъ бровей и съ немолодымъ лицомъ, носившимъ такой отпечатокъ заботы и борьбы со стихіями, что оно выдавалось среди свѣжихъ лицъ придворныхъ, напоминая стараго ястреба въ клѣткѣ ярко оперенныхъ птицъ. Онъ былъ въ одеждѣ темнаго цвѣта; темные цвѣта вошли при дворѣ въ моду

съ тѣхъ поръ, какъ король отказался отъ легкомыслія и Фонтанжъ; но висѣвшая у него на боку шпага не была игрушечной рапирой; то былъ настоящій стальной клинокъ съ мѣднымъ эфесомъ, вложенный въ запятнанныя кожаныя ножны и очевидно не разъ побывавшій на полѣ битвы. Незнакомецъ стоялъ у двери, держа въ рукахъ шляпу съ черными перьями, и оглядывалъ полупрезрительнымъ взглядомъ группы болтавшихъ придворныхъ. По знаку, данному военнымъ министромъ, онъ началъ пробираться впередъ, довольно безцеремонно расталкивая всѣхъ попадавшихся ему на пути.

Людовикъ обладалъ въ высокой степени свойственною королямъ способностью, запоминать лица.

— Я много лѣтъ не видѣлъ его, но хорошо помню его лицо,—сказалъ онъ, обращаясь къ министру.—Вѣдь это графъ де-Фронтенакъ, не правда ли?

— Да, ваше величество,—отвѣтилъ Лувуа,—это дѣйствительно Людовикъ де-Бюадъ, графъ де-Фронтенакъ, бывшій губернаторъ Канады.

— Мы рады видѣть васъ вновь на нашемъ пріемѣ,—проговорилъ монархъ, когда старый дворянинъ нагнулся и поцѣловалъ протянутую ему бѣлую руку.—Надѣюсь, что холодъ Канады не заморозилъ вашего горячаго чувства преданности намъ.

— Это могъ бы сдѣлать только холодъ смерти.

— Ну, такъ надѣюсь, что этого не случится еще многіе годы. Намъ хотѣлось поблагодарить васъ за всѣ ваши хлопоты и заботы о нашей провинціи. Вызвали же мы васъ сюда главнымъ образомъ для того, чтобы выслушать изъ вашихъ устъ о томъ, что дѣлается тамъ. И прежде всего—такъ какъ дѣла, касающіяся Бога, важнѣе дѣлъ Франціи—какъ идетъ обращеніе язычниковъ?

— Нельзя пожаловаться, ваше величество. Добрые отцы іезуиты и францисканцы сдѣлали все, что могли, хотя и тѣ, и другіе готовы пренебречь благами будущаго міра для настоящаго.

— Что вы скажете на это, отецъ мой?— спросилъ, подмигивая, Людовикъ своего духовника-іезуита.

— Скажу, что если дѣла этого міра имѣютъ отношеніе къ будущему, то хорошій священникъ, какъ и всякій добрый католикъ, обязанъ направлять ихъ какъ слѣдуетъ.

— Совершенно вѣрно, ваше величество,—сказалъ де-Фрон-

тенакъ и румянецъ вспыхнулъ на его смугломъ лицѣ,—но пока ваше величество дѣлали честь, поручая мнѣ вести эти дѣла, я не допускалъ никому вмѣшиваться въ исполненіе моихъ обязанностей, во что бы ни былъ одѣтъ вмѣшивающійся, въ мундиръ или рясу.

— Довольно, сударь, довольно!—рѣзко прервалъ его Людовикъ.—Я спрашивалъ васъ о миссіяхъ.

— Онѣ процвѣтаютъ, ваше величество. Ирокезы у Сольта и на горахъ Гуроны въ Лореттѣ и альгонкинцы вдоль береговъ всей рѣки, начиная отъ Тадузака на востокѣ до Сольтъ-ла-Мари и даже до великихъ равнинъ Дакоты—всѣ приняли знаменіе креста. Маркеттъ прошелъ внизъ по рѣкѣ на западъ, чтобы проповѣдывать среди иллинойцевъ, а іезуиты пронесли слово Божіе къ воинамъ Длиннаго Дома въ ихъ вигвамы у Онинидали.

— Могу прибавить, ваше величество,—сказалъ отецъ Лашезъ,—что, распространяя истину, многіе изъ нихъ часто жертвовали и своей жизнью.

— Да, это вѣрно, ваше величество,—задушевно проговорилъ Фронтенакъ.—Много храбрыхъ людей во владѣніяхъ вашего величества, но нѣтъ храбрѣе этихъ миссіонеровъ. Они возвращались по рѣкѣ Ришелье изъ ирокезскихъ деревень съ вырванными ногтями, сломанными пальцами, съ язвой вмѣсто глаза, со столькими ранами, сколько лилій вонъ тамъ на занавѣскѣ. А черезъ мѣсяцъ, послѣ тщательнаго ухода за ними добрыхъ урсулинокъ, они пользовались своимъ единственнымъ глазомъ для того, чтобы опять отправиться въ страну индѣйцевъ, гдѣ даже собаки пугались ихъ обезображенныхъ лицъ и изуродованныхъ членовъ.

— И вы допускали это?—горячо вскрикнулъ Людовикъ.—Вы оставили въ живыхъ этихъ безбожныхъ убійцъ?

— Я просилъ войскъ у вашего величества.

— Я же послалъ вамъ.

— Одинъ полкъ.

— Кариньянъ-Сальерскій. Это мой лучшій полкъ.

— Но нужно было послать больше, ваше величество.

— А сами канадцы? Развѣ у васъ нѣтъ тамъ милиціи? Неужели вы не могли набрать достаточно силъ для того, чтобъ наказать этихъ негодяевъ, этихъ убійцъ Божіихъ слугъ? Я всегда считалъ васъ воиномъ.

Глаза де-Фронтенака вспыхнули и одно мгновеніе, каза-

лось, рѣзкій отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ его губъ, однако суровый старикъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе, сдержался и проговорилъ:

— Ваше величество можетъ узнать, воинъ ли я, отъ тѣхъ, кто видѣлъ меня подъ Сенеффомъ, Мюльгаузеномъ, Зальцбагомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я имѣлъ честь служить вашему величеству.

— Ваши заслуги не были забыты.

— Именно потому, что я солдатъ и имѣю нѣкоторое понятіе о войнѣ, я знаю, какъ трудно проникнуть въ страну, которая гораздо обширнѣе Нидерландовъ, страну, покрытую лѣсами и болотами, гдѣ за каждымъ деревомъ скрывается дикарь, хотя и не учившійся военному искусству, но умѣющій уложить сѣвернаго оленя на разстояніи двухсотъ шаговъ и пройти три мили, пока вы пройдете одну. Ну, а если наконецъ наши и доберутся до ихъ деревень, сожгутъ нѣсколько пустыхъ вигвамовъ и полей маиса, то что же дальше? Приходится идти назадъ въ свою землю окруженными тучами невидимыхъ вами людей, скрывающихся позади васъ, и ждать, что всякій, кто отстанетъ, будетъ скальпированъ имъ. Вы сами воинъ, ваше величество. Спрашиваю васъ, легка ли подобнаго рода война для горсти солдатъ, только-что взятыхъ отъ плуга, и эскадрона охотниковъ, мысли которыхъ все время направлены къ ихъ капканамъ и бобровымъ шкурамъ.

— Да, да, сожалѣю, что говорилъ слишкомъ опрометчиво,— сказалъ Людовикъ.—Мы разсмотримъ это дѣло въ совѣтѣ.

— Эти слова согрѣваютъ мнѣ сердце,—воскликнулъ старый губернаторъ.—Радостью наполнятся всѣ сердца, вдоль всей длинной рѣки св. Лаврентія, и бѣлыя и красныя, когда станетъ извѣстнымъ, что ихъ великій отецъ за океаномъ думаетъ о нихъ.

— Но все-таки не ожидайте слишкомъ многаго. Канада и такъ дорого обошлась намъ, а у насъ много дѣла и въ Европѣ.

— Ахъ, ваше величество, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы повидали эту великую страну. Если ваше величество выиграетъ здѣсь какую-нибудь кампанію, то что онъ получитъ? Славу, нѣсколько миль земли, Люксембургъ, Страсбургъ, одинъ лишній городъ въ королевствѣ. А тамъ при одной десятой расходовъ и сотой войска, необходимыхъ здѣсь,—цѣлый новый міръ въ вашихъ рукахъ. И какой, ваше величество, обширный, богатый, прекрасный. Гдѣ въ другомъ мѣстѣ можно найти такія горы,

лѣса, рѣки? И все это можетъ быть нашимъ, если только мы сумѣемъ взять. Кто помѣшаетъ намъ? Нѣсколько разбросанныхъ племенъ индѣйцевъ и небольшая горсть англійскихъ фермеровъ и рыбаковъ. Обратите туда ваши помыслы, ваше величество, и черезъ нѣсколько лѣтъ вы будете стоять въ вашей цитадели въ Квебекѣ и можете сказать: все это отъ снѣговъ сѣвера до теплаго южнаго залива, и отъ волнъ океана до большихъ равнинъ за рѣкой Маркетта—одна имперія и имя этой имперіи—Франція, король ея—Людовикъ, а на знамени красуются цвѣты лилій.

Румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Людовика при этой картинѣ, льстившей его честолюбію. Съ горящими глазами онъ подался впередъ на своемъ креслѣ, но отодвинулся назадъ, когда губернаторъ кончилъ говорить.

— Даю вамъ слово, графъ, вы нѣсколько заразились способностью индѣйцевъ къ краснорѣчію, о которой намъ много приходилось слышать,—проговорилъ онъ.—Но эти англичане... Вѣдь они гугеноты, не такъ ли?

— По большей части. Особенно на сѣверѣ.

— Такъ, пожалуй, выгнавъ ихъ, можно было бы оказать услугу нашей святой церкви. Я слышалъ, у нихъ тамъ есть городъ? Нью... Нью... Какъ его названіе?

— Нью-Іоркъ, ваше величество. Они взяли его отъ голланцевъ.

— А, Нью-Іоркъ. Я слышалъ еще о какомъ-то другомъ городѣ. Бос... Бос...

— Бостонъ, ваше величество.

— Да, да. Намъ было бы полезно имѣть гавани. Скажите же мнѣ, Фронтенакъ,—сказалъ король, понижая голосъ такъ, что его могли слышать только Лувуа и королевскія особы,—сколько бы намъ понадобилось войска для того, чтобы очистить страну отъ этихъ людей? Одинъ—два полка и столько же фрегатовъ?

Старый губернаторъ покачалъ своей сѣдой головой.

— Вы не знаете ихъ, ваше величество, — проговорилъ онъ.—Это суровый народъ. Несмотря на вашу милостивую помощь, намъ было очень трудно держаться въ Канадѣ. Этимъ людямъ никто не помогалъ, имъ только мѣшали; но несмотря на холодъ болѣзни, безплодную почву, они живутъ и множатся такъ, что лѣса рѣдѣютъ передъ ними и таютъ, словно ледъ на солнцѣ, и звукъ ихъ колоколовъ раздается тамъ, гдѣ недавно

завывали волки. Они народъ мирный и неохотно вступаютъ въ войну, но ужъ если начнутъ сражаться, то еще неохотнѣе бросаютъ битву. Чтобы отдать Новую Англію въ руки вашего величества, я долженъ былъ бы попросить пятнадцать тысячъ вашего лучшаго войска и двадцать линейныхъ кораблей.

Людовикъ нетерпѣливо вскочилъ съ мѣста и схватилъ трость.

— Я желалъ бы, чтобы вы подражали людямъ, кажущимся вамъ такими страшными, въ ихъ превосходной привычкѣ дѣлать все самимъ, — проговорилъ онъ. — Преподобный отецъ, время отправляться въ церковь. Все остальное можетъ подождать, пока мы не воздадимъ должное небесамъ.

Онъ взялъ молитвенникъ изъ рукъ одного изъ присутствовавшихъ и пошелъ къ двери такъ скоро, какъ ему дозволяли высокіе каблуки, среди разступившихся придворныхъ, которые сомкнулись послѣ того, какъ онъ прошелъ, и пошли за нимъ по старшинству.

Ш. У дверей опочивальни.

Пока Людовикъ доставлялъ придворнымъ то удовольствіе, которое онъ самъ скрыто признавалъ величайшимъ изъ человѣческихъ удовольствій — лицезрѣніе своей высочайшей особы — молодой гвардейскій офицеръ, стоявшій за дверью, былъ очень занятъ, передавая фамиліи и титулы лицъ, стремившихся получить доступъ въ опочивальню короля, и обмѣниваясь съ ними улыбками и короткими привѣтствіями. Его открытое, красивое лицо было хорошо извѣстно всѣмъ придворнымъ. Съ своимъ веселымъ взглядомъ, съ живыми, проворными движеніями онъ казался человѣкомъ, къ которому благоволитъ судьба. И дѣйствительно, она благоволила ему. Три года тому назадъ онъ былъ никому неизвѣстнымъ офицеромъ, сражавшимся съ альгонкинцами и ирокезами въ дикихъ лѣсахъ Канады. Потомъ его перевели назадъ во Францію въ Пикардійскій полкъ, счастливый случай сдѣлалъ для него то, чего не могли бы сдѣлать десять кампаній. Однажды зимой въ Фонтенебло ему удалось схватить за узду и остановить несшуюся лошадь, на которой ѣхалъ король, когда она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ глубокаго песчанаго оврага. Въ настоящее время положеніе его, молодого, изящнаго, популярнаго гвардейскаго офицера, пользовавшагося довѣріемъ короля, казалось дѣйствительно завиднымъ. Однако,

по странному свойству человѣческой природы, онъ уже пресытился скучной, хотя и блестящей, рутиной придворной жизни и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своей прежней болѣе суровой и свободной службѣ. Даже теперь, когда онъ стоялъ у двери королевской спальни, мысль его унеслась отъ разрисованнаго фресками корридора и группъ придворныхъ къ дикимъ оврагамъ и покрытымъ пѣной рѣкамъ запада. Вдругъ взглядъ его упалъ на лицо человѣка, котораго онъ видѣлъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ.

— Ахъ, г. де-Фронтенакъ! — вскрикнулъ онъ. — Вы, вѣроятно, не забыли меня.

— Какъ! Де-Катина! Ахъ, какъ пріятно видѣть лицо изъ тѣхъ, что встрѣчались по ту сторону океана! Но однако, какой шагъ отъ младшаго офицера въ Кариньянскомъ полку до капитана гвардіи! Вы быстро пошли впередъ.

— Да, но не скажу, чтобы я сталъ счастливѣе отъ этого. По временамъ я отдалъ бы все, чтобы летѣть въ березовомъ челнокѣ по канадскимъ быстринамъ или видѣть склоны тамошнихъ горъ, усѣянные красными и желтыми листьями во время листопада.

— Да, — вздохнулъ де-Фронтенакъ. — А знаете, мнѣ не повезло настолько же, насколько посчастливилось вамъ. Меня вызвали сюда и на мое мѣсто назначенъ Делабаръ. Но такому человѣку, какъ онъ, не устоять противъ той бури, что скоро поднимется тамъ. Когда ирокезы запляшутъ воинственную пляску, а Дюнганъ въ Нью-Іоркѣ будетъ подзадоривать ихъ, я понадоблюсь тамъ, и меня найдутъ готовымъ, когда пришлютъ за мной. Сейчасъ увижу короля и попробую, сумѣю ли я побудить его разыграть тамъ такого же великаго монарха, какъ здѣсь. Будь бы у меня въ рукахъ власть, я измѣнилъ бы исторію міра.

— Тсъ! Нельзя говорить подобнаго рода вещей капитану гвардіи, — сказалъ со смѣхомъ де-Катина, когда суровый старый воинъ прошелъ мимо него въ королевскую опочивальню.

Во время этого разговора въ корридоръ вошелъ вельможа въ роскошной черной одеждѣ, отдѣланной серебромъ, и подошелъ къ отворившейся двери съ увѣреннымъ видомъ человѣка, имѣющаго неоспоримыя права на входъ къ королю. Но капитанъ де-Катина быстро сдѣлалъ шагъ впередъ и преградилъ ему входъ.

— Очень сожалѣю, г. де-Вивоннъ, — сказалъ онъ, — по вамъ воспрещенъ входъ къ королю.

— Воспрещенъ входъ! Мнѣ? Да вы съ ума сошли!

Онъ отошелъ отъ двери съ потемнѣвшимъ лицомъ, съ пристально устремленнымъ взглядомъ, съ дрожащей полуприподнятой въ знакъ протеста рукой.

— Увѣряю васъ, это приказаніе короля.

— Но это невѣроятно.... Это ошибка!

— Очень можетъ быть.

— Такъ пропустите меня.

— Отданное мнѣ приказаніе не допускаетъ разсужденій.

— Мнѣ бы только сказать одно слово королю.

— Къ несчастью это невозможно.

— Только одно слово!...

— Право это не зависитъ отъ меня, сударь.

Взбѣшенный вельможа топнулъ ногой и взглянулъ на дверь, какъ будто хотѣлъ насильно ворваться въ спальню. Потомъ онъ вдругъ повернулся и быстро пошелъ назадъ съ видомъ человѣка, принявшаго какое-то рѣшеніе.

— Ну вотъ, — проворчалъ де-Катина, дергая свои густые черные усы, — надѣлаетъ онъ теперь дѣлъ. Навѣрно сейчасъ явится и сестрица и мнѣ предстоитъ пріятный выборъ: нарушить данное мнѣ приказаніе или пріобрѣсти въ ней врага на всю жизнь. Я предпочелъ бы отстаивать фортъ Ришелье противъ ирокезовъ, чѣмъ преграждать разгнѣванной женщинѣ входъ въ комнату короля. Ну, вотъ клянусь, какъ я и ожидалъ, идетъ какая-то дама! Ахъ, слава Тебѣ, Господи! Это другъ, а не врагъ. Добраго утра, m-lle Нанонъ.

— Добраго утра, капитанъ де-Катина.

Къ нему подошла высокая брюнетка, со свѣжимъ лицомъ и блестящими глазами.

— Вы видите, я дежурный. Я не могу разговаривать съ вами.

— Я что-то не припомню, чтобы просила monsieur разговаривать со мной.

— Да, но не слѣдуетъ такъ мило надувать губки, а не то я не выдержу и заговорю съ вами, — шепнулъ капитанъ. — Что это у васъ въ рукѣ?

— Записка отъ г-жи де-Монтенонъ королю. Вы передадите ее ему, неправда ли?

— Конечно, mademoiselle. А какъ здоровье вашей госпожи?

— О, ея духовникъ пробылъ съ нею все утро; разговоры его очень, очень хорошіе, но такіе печальные. Мы всегда бываемъ невеселы послѣ ухода г. Годе. Но я забыла, что вы гугенотъ и не имѣете понятія о духовникахъ.

— О, я не занимаюсь этими различіями и предоставляю Сорбоннѣ и Женевѣ оспаривать другъ друга. Но, вы знаете, каждый долженъ стоять за своихъ.

— Ахъ, если бы вы только поговорили съ madame де-Монтенонъ! Она сейчасъ обратила бы васъ на путь истинный.

— Я предпочитаю говорить съ mademoiselle Нанонъ, но если...

— О!

Послышалось легкое восклицаніе, шелестъ темной одежды и субретка исчезла въ одномъ изъ боковыхъ корридоровъ.

Вдоль длиннаго, освѣщеннаго корридора словно плыла величественная, красивая дама, высокая, граціозная и чрезвычайно надменная. На ней былъ роскошный лифъ изъ золотой парчи и юбка изъ сѣраго шелка, отдѣланная золотыми и серебряными кружевами. Косынка изъ дорогихъ генуэзскихъ кружевъ прикрывала наполовину ея красивую шею. Спереди она застегивалась кистью жемчуга; нить жемчуга, каждое зерно которой равноцѣнно годовому доходу какого-нибудь буржуа, красовалась въ ея роскошныхъ волосахъ. Дама была, правда, уже не первой молодости, но чудныя линіи ея царственной фигуры, свѣжій чистый цвѣтъ лица, блескъ голубыхъ глазъ, опущенныхъ густыми рѣсницами, и правильныя черты давали ей право считаться самой красивой, такъ же какъ она считалась и самой злоязычной женщиной Франціи. Вся ея осанка, поворотъ изящной гордой головки, хорошо посаженной на бѣлой шеѣ, величественная походка, — все это было такъ прекрасно, что восторгъ одержалъ верхъ надъ страхами молодого офицера и, отдавая честь, ему съ трудомъ удалось удержать требуемый обстоятельствами видъ непоколебимой твердости.

— А, это капитанъ де-Катина, — сказала г-жа де-Монтеспанъ съ улыбкой, которой капитанъ предпочелъ бы самый недовольный видъ.

— Вашъ покорный слуга, маркиза.

— Я очень рада, что нахожу здѣсь друга, такъ какъ утромъ вышла какая-то смѣшная ошибка.

— Очень сожалѣю о томъ, что слышу, madame.

— Это касается моего брата, де-Вивоннъ. Просто смѣшно говорить объ этомъ, но его не допустили на пріемъ.

— На мою долю выпало это несчастіе, маркиза.

— Вы, капитанъ де-Катина? А по какому праву?

Она вытянулась во весь свой величественный ростъ и ея большіе голубые глаза засверкали гнѣвнымъ изумленіемъ.

— По приказанію короля, madame.

— Короля! Возможно ли, чтобы король захотѣлъ нанести публичное оскорбленіе моей семьѣ? Отъ кого вы получили такое нелѣпое приказаніе?

— Прямо отъ короля черезъ Бонтана.

— Чепуха! Неужели вы думаете, что король рѣшился бы отказать въ пріемѣ одному изъ Мортемаровъ устами лакея? Вамъ это просто приснилось, капитанъ.

— Желалъ бы, чтобы это было такъ, madame.

— Но подобнаго рода сны не приносятъ счастья тому, кто видитъ ихъ. Подите, скажите королю, что я здѣсь и хотѣла бы поговорить съ нимъ.

— Невозможно, madame.

— Почему?

— Мнѣ запрещено передавать порученія.

— Какія бы то ни было порученія?

— Отъ васъ, маркиза.

— Однако, капитанъ, вы совершенствуетесь. Только этого оскорбленія и не доставало. Вы можете передавать королю порученія какой-то искательницы приключеній, ветхой гувернантки, — она рѣзко разсмѣялась при описаніи своей соперницы — а не можете передать порученія Франсуазы де-Мортемаръ, маркизы де-Монтеспанъ.

— Таковы полученныя мною приказанія, madame. Глубоко сожалѣю о томъ, что вынужденъ исполнять ихъ.

— Можете не продолжать своихъ увѣреній, капитанъ. Вы узнаете впослѣдствіи, что, дѣйствительно, имѣете основаніе чувствовать себя огорченнымъ. Въ послѣдній разъ — вы отказываетесь передать мое порученіе королю?

— Долженъ отказаться, madame.

— Ну, такъ я сама передамъ его.

Она бросилась къ двери, но онъ предупредилъ ее и остановился передъ ней, вытянувъ руки.

— Ради Бога, подумайте о себѣ, madame, — проговорилъ онъ умоляющимъ тономъ. — Вѣдь на васъ смотрятъ!

— Ба! Всякая дрянь!

Она взглянула на группу швейцарскихъ солдатъ, которымъ сержантъ велѣлъ отойти нѣсколько въ сторону. Они смотрѣли на нее широко раскрытыми глазами.

— Говорю вамъ, я увижу короля.

— Никогда ни одна дама не присутствовала па утреннемъ пріемѣ.

— Ну, такъ я буду первой.

— Вы погубите меня, если пройдете туд

— А я всетаки пройду.

Дѣло становилось серьезнымъ. Де-Катина вообще отличался находчивостью, но на этотъ разъ онъ потерялся. Рѣшительность (какъ говорили въ ея присутствіи) или нахальство (какъ говорили за-глаза) г-жи де-Монтеспанъ вошли въ пословицу. Если она будетъ настаивать на томъ, чтобы пройти, хватитъ ли у него рѣшимости удержать силой ту, которая вчера еще держала въ рукахъ весь дворъ и, кто знаетъ, благодаря своей красотѣ, уму, энергіи, можетъ завтра же возвратить свое вліяніе? Если же она пройдетъ, то онъ навсегда потеряетъ милость короля, который не терпитъ ни малѣйшаго уклоненія отъ своихъ приказаній. Съ другой стороны, если онъ оттолкнетъ ее, онъ сдѣлаетъ такой поступокъ, за который маркиза никогда не проститъ его и смертельно отомститъ, если возвратитъ свою власть. Такимъ образомъ передъ нимъ была непріятная дилемма. Но въ ту минуту, когда она, со сжатыми руками и сверкающими глазами, собиралась сдѣлать новую попытку пройти мимо него, внезапно ему пришла въ голову счастливая мысль.

— Если бы маркизѣ угодно было подождать, — проговорилъ онъ успокоительнымъ тономъ, — король сейчасъ пойдетъ въ капеллу

— Еще рано.

— Мнѣ кажется, пора.

— Но почему я стану ждать, какъ лакей?

— Одно мгновеніе, madame.

— Нѣтъ, я не стану ждать.

И она сдѣлала шагъ къ двери.

Но тонкій слухъ гвардейца уловилъ шумъ шаговъ въ спальнѣ короля и онъ понялъ, что дѣло его выиграно.

— Я передамъ порученіе маркизы, — сказалъ онъ.

— Ага, наконецъ-то вы пришли въ себя! Подите, скажите королю, что мнѣ нужно переговорить съ нимъ.

Капитану нужно было выиграть еще немного времени.

— Могу я передать ваше порученіе черезъ дежурнаго камергера?

— Нѣтъ, передайте сами.

— Вслухъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; на-ухо ему.

— Долженъ я чѣмъ-нибудь объяснить ваше требованіе?

— О, вы сведете меня съ ума! Передайте сейчасъ то, что я сказала вамъ.

Къ счастью для молодого офицера, его затрудненіе пришло къ концу. Въ это мгновеніе двойныя двери распахнулись и на порогѣ появился Людовикъ. Онъ важно выступалъ, покачиваясь на высокихъ каблукахъ, полы его одежды развѣвались. Придворные шли за нимъ. Онъ остановился и спросилъ капитана:

— У васъ есть записка для меня?

— Да, ваше величество.

Монархъ сунулъ ее въ карманъ своего краснаго камзола и пошелъ, было дальше, но вдругъ взглядъ его упалъ на г-жу де-Монтеспанъ, неподвижно и прямо стоявшую среди коррилора. Темный румянецъ гнѣва вспыхнулъ на щекахъ короля и онъ быстро прошелъ мимо нея, не сказавъ ни слова. Она повернулась и пошла по корридору рядомъ съ нимъ.

— Я не ожидалъ такой чести, madame, — сказалъ онъ.

— А я не ожидала такого оскорбленія, ваше величество.

— Оскорбленія, madame? Вы забываетесь.

— Нѣтъ, вы забыли меня, ваше величество.

— Вы врываетесь ко мнѣ.

— Я хотѣла узнать мою участь изъ вашихъ собственныхъ устъ, — прошептала она. — Я лично могу вынести ударъ отъ того, кто владѣетъ моимъ сердцемъ. Но тяжело слышать, что обиженъ братъ устами лакеевъ и гугенотовъ-солдатъ, и потому только, что его сестра слишкомъ сильно любила...

— Теперь не время говорить о подобнаго рода вещахъ.

— Когда же я могу увидѣть васъ, ваше величество?

— Въ вашей комнатѣ.

— Въ которомъ часу?

— Въ четыре.

— Такъ я не буду больше надоѣдать вашему величеству.

Она сдѣлала ему одинъ изъ тѣхъ граціозныхъ поклоновъ, которыми славилась, и пошла назадъ по одному изъ боковыхъ корридоровъ съ глазами, сіявшими торжествомъ. Сила ея красоты и ума никогда не измѣняли ей, и теперь, добившись обѣщанія свиданія съ королемъ, она нисколько не сомнѣвалась, что ей удастся достичь того, чего достигала она и раньше, и увлечь этого человѣка, какъ мужчину, какъ бы ни возставало противъ этого его достоинство, какъ короля.

IV. Отецъ народа.

Людовикъ шелъ отправлять свои религіозныя обязанности сильно не въ духѣ, что было ясно видно по его нахмуреннымъ бровямъ и сжатымъ губамъ. Онъ хорошо зналъ свою бывшую фаворитку, зналъ ея вспыльчивость, дерзость, полное неумѣнье сдерживаться при противорѣчіи. Она была въ состояніи сдѣлать какую-нибудь ужасную выходку, пустить въ дѣло свой злой язычекъ, чтобы отомстить королю и осмѣять его. Она могла даже произвести публичный скандалъ, который сдѣлаетъ его притчей во языцѣхъ во всей Европѣ. Король вздрогнулъ при одной этой мысли. Нужно было во что бы то ни стало предупредить эту катастрофу. Но какъ порвать эту связь? Не въ первый разъ приходилось Людовику дѣлать это, но кроткая Лавальеръ скрылась въ монастырь при первомъ взглядѣ, въ которомъ она прочла угасающую любовь. Да, то была настоящая любовь. А эта женщина будетъ бороться, биться до горькаго конца, прежде чѣмъ покинетъ положеніе, которымъ она такъ дорожитъ. Она говорила о своихъ попранныхъ правахъ, о нанесенныхъ ей обидахъ? Въ чемъ же эти обиды? Въ своемъ полномъ эгоизмѣ, поддерживаемымъ вѣчной лестью, составлявшей воздухъ, которымъ онъ дышалъ, Людовикъ не признавалъ, что пятнадцать лѣтъ жизни, посвященной исключительно ему, потеря мужа, котораго онъ удалилъ, могла давать ей какія бы то ни было права на него. По его мнѣнію онъ поднялъ ее на такую высоту, какой только можетъ достигнуть подданная. Теперь она наскучила ему и ея обязанность покорно удалиться и быть благодарной за прошлыя милости. Она получитъ пенсію, а дѣти будутъ обезпечены. Что же болѣе можетъ требовать благоразумная женщина?

И къ тому мотивы къ ея удаленію были превосходные. Онъ мысленно перебиралъ ихъ, стоя на колѣняхъ и слушая обѣдню, которую служилъ парижскій архіепископъ. И чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе одобрялъ свое рѣшеніе. По его понятіямъ Богъ былъ только болѣе могущественный Людовикъ, а небо — болѣе великолѣпный Версаль. Если онъ, король, требуетъ повиновенія отъ двадцати милліоновъ подданыхъ, то и самъ обязанъ выказывать послушаніе относительно того, кто имѣетъ право требовать его отъ него. Вообще совѣсть вполнѣ оправдывала его. Но въ одномъ отношеніи онъ былъ виновенъ. Съ самаго пріѣзда изъ Испаніи его кроткой, всепрощающей жены онъ никогда не оставлялъ ее безъ соперницы. Теперь, когда ея уже нѣтъ въ живыхъ, дѣло обстоитъ не лучше. Одна фаворитка смѣняла другую, и если Монтеспанъ продержалась такъ долго, то скорѣе благодаря своей смѣлости, чѣмъ его любви. А теперь отецъ Лашезъ и Боссюэтъ постоянно напоминаютъ ему, что онъ достигъ полнаго расцвѣта силъ и скоро вступитъ на тотъ путь, что ведетъ къ смерти. Дикій взрывъ страсти къ несчастной Фонтанжъ былъ уже послѣднимъ порывомъ. Для него наступила спокойная, мирная жизнь, а этого ужъ нельзя ожидать въ обществѣ г-жи де-Монтеспанъ.

Но онъ нашелъ, гдѣ можно наслаждаться этимъ миромъ. Съ того самаго дня, какъ де-Монтеспанъ представила ему величественную и молчаливую вдову, какъ воспитательницу его дѣтей, онъ нашелъ постоянное, все увеличивающееся удовольствіе въ ея обществѣ. Въ первое время появленіе вдовы онъ цѣлыми часами просиживалъ въ комнатѣ фаворитки, наблюдая, какъ тактично и кротко воспитательница сдерживала буйные порывы вспыльчиваго молодого герцога дю-Мэнъ и шаловливаго маленькаго графа Тулузскаго. Считалось, что онъ являлся для того, чтобъ слѣдить за ученіемъ дѣтей, но въ сущности онъ ограничивался тѣмъ, что восхищался учительницей. Мало по малу онъ поддался обаянію этого сильнаго, кроткаго характера и сталъ спрашивать у нея совѣтовъ насчетъ нѣкоторыхъ своихъ поступковъ, причемъ слѣдовалъ имъ такъ послушно, какъ никогда не слѣдовалъ совѣтамъ любого министра или любовницы. Сначала онъ думалъ, что благочестіе вдовы и ея разговоры о принципахъ ничто иное, какъ маска, такъ какъ привыкъ встрѣчать вокругъ себя одно лишь лицемѣріе. Невѣроятно, чтобы женщина, еще прекрасная, съ такими блестящими глазами, такой граціозной фигурой, которая могла равняться

съ любой изъ придворныхъ красавицъ, послѣ жизни, проведенной въ самыхъ веселыхъ кругахъ, могла остаться монахиней. Но ему скоро пришлось разочароваться въ этомъ. Какъ только рѣчь его перешла за границы дружбы, онъ встрѣтилъ ледяную холодность и острывистую рѣчь, которыя показали ему, что въ его владѣніяхъ была по крайней мѣрѣ одна женщина, уважавшая себя болѣе, чѣмъ его. И можетъ это было лучше. Мирныя удовольствія дружбы дѣйствовали успокоительно послѣ бурь страсти. Теперь счастливѣйшими часами его жизни были тѣ, когда послѣ полудня онъ сидѣлъ въ ея комнатѣ, слушая разговоръ, незапятнанный лестью, мнѣнія, которыя высказывались не ради его удовольствія. Къ тому же, ея вліяніе такъ благотворно! Она говорила о его долгѣ, какъ короля, о его обязанностяхъ, о примѣрѣ, который онъ долженъ давать своимъ подчиненнымъ, о подготовленіи къ загробной жизни и о необходимости порвать грѣховныя связи. Она то же, что духовникъ, духовникъ съ прекраснымъ лицомъ и удивительными руками.

А теперь, онъ знаетъ, наступило время выбирать между нею и де-Монтеспанъ. Ихъ вліянія совершенно противоположны. Онѣ не могутъ быть вмѣстѣ. Онъ стоитъ между добродѣтелью и пороками и долженъ выбирать между ними. Порокъ, съ своей стороны, очень привлекателенъ, очень красивъ, очень остроуменъ и держитъ его той цѣпью привычки, которую такъ трудно разорвать. Бывали часы, когда природа брала верхъ и увлекала его въ ту сторону, когда онъ бывалъ готовъ вернуться къ прежней жизни. Но Боссюэтъ и отецъ Лашезъ были всегда возлѣ него, нашептывая ему слова одобренія, а главное, тутъ была г-жа де-Ментенонъ, напоминавшая ему о томъ, что приличествуетъ его положенію и его сорокашестилѣтнему возрасту. Теперь, наконецъ, онъ приготовился сдѣлать послѣднее усиліе. Онъ не въ безопасности, пока его прежняя фаворитка еще при дворѣ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ себя, чтобы вѣрить въ продолжительность перемѣны своего настроенія, пока она поджидаетъ минуты слабости съ его стороны. Ее нужно уговорить покинуть Версаль, если это можно будетъ сдѣлать безъ скандала. Онъ будетъ твердъ при сегодняшней встрѣчѣ съ ней и сразу дастъ ей понять, что царство ея окончено на вѣкъ.

Такія мысли пролетали въ головѣ короля, когда онъ стоялъ на колѣняхъ на «prie-Dieu» изъ рѣзного дерева, положивъ голову на роскошную красную бархатную подушку. Онъ сидѣлъ

въ своемъ отдѣленіи направо отъ алтаря. Гвардейцы и ближайшіе слуги окружали его, а дворъ, дамы и кавалеры, наполняли часовню. Благочестіе было въ модѣ въ данную минуту такъ же, какъ темные камзолы и кружевные галстухи; благодать коснулась даже самыхъ легкомысленныхъ придворныхъ съ тѣхъ поръ, какъ король сталъ религіознымъ. Но скука виднѣлась на лицахъ всѣхъ этихъ военныхъ и знатныхъ господъ. Они зѣвали и дремали надъ своими молитвенниками. Нѣкоторые изъ нихъ, казавшіеся углубленными въ молитву, въ дѣйствительности читали послѣдній романъ Скюдери или Кальпернеди, искусно переплетенный въ темную покрышку. Дамы были болѣе набожны и желали, чтобы всѣ видѣли, что у каждой изъ нихъ въ рукѣ было по маленькой свѣчкѣ, которую она держала передъ собой, какъ-будто для того, чтобы читать молитвенникъ, но въ сущности для того, чтобы король могъ видѣть ея лицо и узнать, что она душою съ нимъ. Можетъ-быть, тутъ было нѣсколько людей, которые молились отъ чистаго сердца и пришли добровольно; но образъ дѣйствій Людовика превратилъ французскихъ дворянъ въ придворныхъ, а людей свѣтскихъ въ лицемѣровъ, такъ что весь дворъ сталъ громаднымъ зеркаломъ, стократно отражавшимъ его образъ.

По выходѣ изъ часовни Людовикъ имѣлъ обыкновеніе принимать просьбы и выслушивать жалобы своихъ подданныхъ. Его путь лежалъ черезъ открытую площадку и тутъ обыкновенно собирались просители. Въ это утро ихъ было только двое или трое—парижанинъ, считавшій себя обиженнымъ старшиною своей гильдіи, крестьянинъ, у котораго охотничья собака разорвала корову, и арендаторъ, обиженный своимъ феодальнымъ хозяиномъ. Нѣсколько вопросовъ и короткій приказъ секретарю покончили эти дѣла. Людовикъ, хотя самъ тиранъ, имѣлъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что настаивалъ на томъ, чтобъ быть единственнымъ тираномъ въ своемъ королевствѣ. Онъ уже хотѣлъ идти дальше, когда пожилой человѣкъ почтеннаго вида въ одеждѣ горожанина, съ строгими характерными чертами лица, бросился впередъ и упалъ на одно колѣно.

— Справедливости! Прошу справедливости, ваше величество!—крикнулъ онъ.

— Что это значитъ?—спросилъ король.—Кто вы и что вамъ нужно?

— Я—гражданинъ Парижа и меня жестоко обижаютъ.

— Вы, кажется, почтенный человѣкъ. Если васъ дѣйствительно обидѣли, то вы получите удовлетвореніе. На что вы жалуетесь?

— У меня въ домѣ расквартировано двадцать человѣкъ синихъ Лангедокскихъ драгунъ подъ начальствомъ капитана Дальбера. Они ѣдятъ мои запасы провизіи, тащатъ мое добро и бьютъ моихъ слугъ, а въ судахъ я не могу добиться удовлетворенія.

— Клянусь жизнью, странно отправляется правосудіе въ нашемъ городѣ Парижѣ!—гнѣвно вскрикнулъ король.

— Дѣло дѣйствительно постыдное,—замѣтилъ Боссюэтъ.

— Но нѣтъ ли какой особой причины,—сказалъ Лашезъ.— Я предложилъ бы вашему величеству спросить этого человѣка, какъ его зовутъ, чѣмъ онъ занимается и почему у него въ домѣ стоятъ драгуны.

— Вы слышите вопросъ достопочтеннаго отца?

— Ваше величество, меня зовутъ Катина, я торговецъ сукномъ и принадлежу къ протестанской церкви.

— Я такъ и думалъ!—вскрикнулъ придворный духовникъ.

— Это мѣняетъ дѣло,—сказалъ Боссюэтъ.

Король покачалъ головой и лицо его омрачилось.

— Вы сами виноваты во всемъ и отъ васъ зависитъ поправить дѣло.

— Какимъ образомъ, ваше величество?

— Принявъ единственную истинную вѣру.

— Я уже принадлежу къ ней, ваше величество.

Король сердито топнулъ ногой.

— Я вижу, что вы очень дерзкій еретикъ,—сказалъ онъ.— Во Франціи только одна церковь—та церковь, къ которой принадлежу я. Если вы не членъ этой церкви, то не можете разсчитывать на помощь съ моей стороны.

— Моя вѣра—вѣра моего отца и дѣда, ваше величество.

— Если они грѣшили, то это еще не значитъ, что и вы должны грѣшить. Мой дѣдъ также заблуждался, пока у него не открылись глаза.

— Но онъ благородно загладилъ свое заблужденіе,—пробормоталъ іезуитъ.

— Такъ вы не поможете мнѣ, ваше величество?

— Помогите прежде себѣ сами.

Старый гугенотъ, съ жестомъ отчаянія, всталъ съ колѣнъ,

а король пошелъ дальше. Оба духовныхъ лица шли по сторонамъ его и бормотали ему одобрительныя слова.

— Вы поступили благородно, ваше величество.

— Вы дѣйствительно старшій сынъ церкви.

— Вы достойный наслѣдникъ св. Людовика.

Но на лицѣ короля было выраженіе человѣка не совсѣмъ довольнаго своимъ поступкомъ.

— А вы не думаете, что къ этимъ людямъ примѣняютъ слишкомъ строгія мѣры?—спросилъ онъ.

— Слишкомъ строгія? Ваше величество заблуждается изъ излишняго милосердія.

— Я слышу, что они въ огромномъ числѣ покидаютъ мою страну.

— Тѣмъ лучше, ваше величество; можетъ ли благословеніе Божіе быть надъ страной, въ которой находятся такіе упрямые невѣрующіе?

— Измѣнившіе Богу врядъ ли могутъ быть вѣрными королю,—замѣтилъ Боссюэтъ.—Могущество вашего величества возросло бы еще болѣе, если бы въ вашихъ владѣніяхъ не было ихъ храмовъ, какъ они называютъ свои еретическіе притоны.

— Мой дѣдъ обѣщалъ имъ свое покровительство. Вы сами хорошо знаете, что они состоятъ подъ защитой Нантскаго эдикта.

— Но ваше величество можете измѣнить сдѣланное зло.

— Какимъ образомъ?

— Отмѣнивъ эдиктъ.

— И бросивъ въ отверстыя объятія моихъ враговъ два милліона моихъ лучшихъ ремесленниковъ и храбрѣйшихъ слугъ? Нѣтъ, нѣтъ, отецъ мой, надѣюсь, что я достаточно ревностно отношусь къ нашей матери церкви, но есть нѣкоторая доля правды въ словахъ де-Фронтинака о злѣ, происходящемъ отъ смѣшенія дѣлъ сего міра съ дѣлами будущаго. Что скажете вы, Лувуа?

— При всемъ моемъ почтеніи къ церкви, ваше величество, долженъ сказать, что вѣрно дьяволъ далъ этимъ людямъ такое умѣнье и ловкость, что они яляются лучшими работниками и купцами въ королевствѣ вашего величества. Не знаю, чѣмъ мы будемъ наполнять казенные сундуки, если потеряемъ такихъ плательщиковъ податей. Уже и такъ многіе изъ нихъ уѣхали и съ ними прекратились и ихъ дѣла. Если всѣ они по-

кинутъ страну, то для насъ это будетъ хуже проигранной войны.

— Но,—замѣтилъ Боссюэтъ,—какъ только станетъ извѣстнымъ, что таково желаніе короля, ваше величество можете быть увѣрены, что даже худшіе изъ вашихъ подданныхъ питаютъ такую любовь къ вамъ, что поторопятся войти въ лоно святой церкви. Пока существуетъ эдиктъ, имъ кажется, что король равнодушно относится къ этому вопросу и они могутъ оставаться въ своемъ заблужденіи.

Король покачалъ головой.

— Это упрямые люди,—сказалъ онъ.

— Если бы французскіе епископы принесли въ даръ государства сокровища своихъ епархій,—замѣтилъ Лувуа, лукаво взглянувъ на Боссюэта,—то мы могли бы, можетъ-быть, обойтись безъ налоговъ, получаемыхъ съ гугенотовъ.

— Все, чѣмъ владѣетъ церковь, къ услугамъ короля,—коротко отвѣтилъ Боссюэтъ.

— Королевство со всѣмъ тѣмъ, что находится въ немъ, принадлежитъ мнѣ,—замѣтилъ Людовикъ, когда они вошли въ большую залу, гдѣ дворъ собирался послѣ обѣдни,—но надѣюсь, что мнѣ еще нескоро придется потребовать отъ церкви ея богатствъ.

— Надѣемся, сэръ,—проговорили, словно эхо, духовныя особы.

— Но мы можемъ оставить эти разговоры до совѣта. Гдѣ Мансаръ? Я хочу взглянуть на его планы новаго флигеля въ Марли.

Онъ подошелъ къ боковому столу и черезъ мгновеніе весь углубился въ свое любимое занятіе, разсматривая гигантскіе планы великаго архитектора и съ любопытствомъ разспрашивая о ходѣ постройки.

— Мнѣ кажется, вашей милости удалось произвести нѣкоторое впечатлѣніе на короля,—сказалъ Лашезъ, отведя Боссюэти въ сторону.

— Съ вашей могущественной помощью, мой отецъ.

— О, можете быть покойны, что я не упущу случая подвинуть доброе дѣло.

— Если вы приметесь за него, то это вопросъ рѣшенный.

— Но есть одна особа, имѣющая больше значенія, чѣмъ я.

— Фаворитка де-Монтеспанъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; ея время прошло. Это г-жа де-Ментенонъ.

— Я слышалъ, что она очень набожна.

— Очень. Но она не любитъ моего ордена. Она сульпиціанка. Однако мы всѣ можемъ идти къ одной цѣли. Вотъ если бы поговорили съ ней, ваша милость.

— Отъ всего сердца.

— Докажите ей, какое хорошее дѣло она сдѣлала бы, способствуя изгнанію гугенотовъ.

— Я докажу.

— А въ вознагражденіе мы съ нашей стороны поможемъ ей...—онъ наклонился и шепнулъ прелату что-то на ухо.

— Какъ! Онъ этого не сдѣлаетъ!

— Но почему же? Вѣдь королева умерла.

— Вдова поэта Скаррона!

— Она хорошаго происхожденія. Ихъ дѣды были очень дружны.

— Это невозможно!

— Я знаю его сердце и говорю, что это вполнѣ возможно.

— Конечно, если кто-нибудь знаетъ его сердце, то это вы, мой отецъ. Но подобная мысль не приходила мнѣ въ голову.

— Ну, такъ пусть придетъ теперь и останется тамъ. Если она послужитъ церкви, церковь послужитъ ей... Но король дѣлаетъ мнѣ знакъ и я долженъ идти къ нему.

Тонкая, темная фигура поспѣшно прошла среди толпы придворныхъ, а великій епископъ изъ Мо продолжалъ стоять, опустивъ голову, весь погруженный въ размышленія.

Къ этому времени весь дворъ собрался въ «Crand-salon», и громадная комната наполнилась шелковыми, бархатными и парчевыми нарядами дамъ, сверканіемъ драгоцѣнныхъ камней, вѣяніемъ разрисованныхъ вѣеровъ, колыханіемъ перьевъ и эгретовъ. Сѣрыя, чорныя и коричневыя одежды смягчали яркость тоновъ. Разъ король въ темномъ, то и всѣ должны быть въ темныхъ одеждахъ, и только синіе мундиры офицеровъ да свѣтло-сѣрыхъ гвардейскихъ мушкетеровъ напоминали первые годы царствованія, когда мужчины соперничали съ женщинами въ роскоши и блескѣ туалетовъ. Но если измѣнились одежды, то еще болѣе измѣнились манеры. Былое легкомысліе и былыя страсти, конечно, не могли исчезнуть вполнѣ, но въ модѣ были серьезныя лица и такіе же разговоры. Теперь говорили не о выигрышѣ въ ландскнехтѣ, не о послѣдней комедіи Мольера или новой оперѣ Люлли, а

о злѣ янсенизма, объ изгнаніи Арно изъ Сорбонны, о дерзости Паскаля, объ относительныхъ достоинствахъ двухъ популярныхъ проповѣдниковъ, Бардалу и Массильона. Такъ подъ пышно разукрашеннымъ потолкомъ, по раскрашенному полу, окруженные безсмертными художественными произведеніями, заключенными въ дорогія, золоченыя рамы, двигались вельможи и знатныя дамы, стараясь поддѣлаться подъ маленькую, темную фигуру, стремясь походить на то, кто самъ настолько не былъ господиномъ себя, что и въ настоящее время колебался между двумя женщинами, игравшими въ игру, ставками которой было будущее Франціи и его собственная судьба.

V. Дѣти сатаны.

Старый гугенотъ стоялъ нѣсколько времени послѣ того, какъ король отвѣтилъ ему молча, съ угрюмымъ видомъ опустивъ глаза. Выраженіе сомнѣнія, печали и гнѣва смѣнялись на его лицѣ. Это былъ очень высокій, худой человѣкъ съ суровымъ, блѣднымъ лицомъ, большимъ лбомъ, мясистымъ носомъ и могучимъ подбородкомъ. Онъ не носилъ ни парика, ни пудры, но природа сама посеребрила его густыя кудри, а тысячи морщинъ вокругъ глазъ и уголковъ рта придавали его лицу серьезное выраженіе. Но несмотря на пожилые года, вспышка гнѣва, заставившая его вскочить съ колѣнъ, когда король отказалъ ему въ его просьбѣ, и проницательный, сердитый взглядъ, который онъ кинулъ на царедворцевъ, проходившихъ мимо него съ насмѣшливыми улыбками, перешептываніями и шуточками на его счетъ, указывали, что онъ до и извѣстной степени сохранилъ силу и духъ молодости. Онъ былъ одѣтъ сообразно своему положенію просто, но хорошо, въ темнокоричневый кафтанъ изъ шерстяной матеріи съ серебяными пуговицами, короткіе брюки того же цвѣта, бѣлые шерстяные чулки, черные кожаные сапоги съ широкими носками, застегивавшіеся большими стальными пряжками. Въ одной рукѣ у него была низкая поярковая шляпа, отороченная золотымъ кантомъ, въ другой—свертокъ бумагъ, который заключалъ изложеніе его жалобъ и который онъ надѣялся передать секретарю короля.

Его сомнѣнія насчетъ того, что ему слѣдовало предпринять дальше, разрѣшились весьма быстро. То было время, когда на гугенотовъ (хотя пребываніе во Франціи и не было вполнѣ

запрещено имъ) смотрѣли, какъ на людей, еле терпимыхъ въ королевствѣ и не защищенныхъ законами, ограждавшими ихъ соотечественниковъ—католиковъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ гоненія все усиливались такъ, что за исключеніемъ изгнанія не было средствъ, которыми бы не воспользовались ханжи. Гугенотамъ ставили препятствія во всѣхъ дѣлахъ, имъ не давали никакихъ общественныхъ должностей, наполняли ихъ дома солдатами, поощряли къ непослушанію ихъ дѣтей и оставляли безъ удовлетворенія всѣ ихъ жалобы на причиняемыя имъ оскорбленія и обиды. Всякій негодяй, желавшій удовлетворить свою злобу или войти въ милость къ своимъ ханжамъ-начальникамъ, могъ продѣлывать съ любымъ гугенотомъ, что ему было угодно, не страшась закона. И, несмотря на все, эти люди все же льнули къ отвергавшей ихъ странѣ, и полные той горячей любви къ родной почвѣ, которая лежитъ такъ глубоко въ сердцѣ каждаго француза предпочитали оскорбленія и обиды на родинѣ любезному пріему, ожидавшему ихъ за моремъ. Но на нихъ уже надвигалась тѣнь тѣхъ дней, когда выборъ уже не могъ зависѣть отъ нихъ.

Двое изъ королевскихъ гвардейцевъ, рослые малые въ синихъ мундирахъ, дежурившіе въ этой части дворца, были свидѣтелями неуспѣшнаго ходатайства гугенота. Они подошли къ нему и грубо прервали теченіе его мыслей.

— Ну, «Молитвенникъ»,—угрюмо сказалъ одинъ изъ нихъ,—убирайся-ка отсюда.

— Нельзя сказать, чтобы ты служилъ украшеніемъ королевскаго сада,—крикнулъ другой съ ужаснымъ ругательствомъ.—Кто ты такой, что воротишь носъ отъ религіи короля, чортъ тебя возьми!

Старый гугенотъ бросилъ на нихъ взглядъ полный гнѣва и презрѣнія и повернулся, чтобъ уйти прочь, когда одинъ изъ гвардейцевъ ткнулъ его въ бокъ концомъ алебарды.

— Вотъ тебѣ, собака!—крикнулъ онъ.—Какъ ты смѣешь смотрѣть такъ на королевскаго гвардейца!

— Дѣти Веліала,—въ свою очередь крикнулъ старикъ, прижимая руку къ боку,—будь я на двадцать лѣтъ помоложе, вы не посмѣли бы такъ обращаться со мной.

— А! Ты еще выплевываешь свой ядъ? Довольно, Андре! Онъ пригрозилъ королевскому гвардейцу. Хватай его, и стащимъ въ караульню!

Солдаты бросили ружья и кинулись на старика, но несмотря на то, что оба были высоки и сильны, имъ не такъ легко было справиться съ нимъ. Сухая фигура гугенота съ длинными мускулистыми руками нѣсколько разъ вырывалась изъ рукъ, и только тогда, когда старикъ началъ уже задыхаться, утомленнымъ солдатамъ удалось вывернуть ему руки назадъ и такимъ образомъ совладать съ нимъ. Но только-что они одержали эту жалкую побѣду, какъ грозный окликъ и сверкнувшая передъ ихъ глазами шпага заставили солдатъ выпустить плѣнника.

Это былъ капитанъ де-Катина. Окончивъ свои утреннія обязанности, онъ вышелъ на террасу и внезапно попалъ на постыдную сцену. При видѣ старика онъ сильно вздрогнулъ и, выхвативъ изъ ноженъ шпагу, бросился впередъ съ такимъ бѣшенствомъ, что гвардейцы не только оставили свою жертву, но одинъ изъ нихъ, пятясь отъ направленнаго клинка, поскользнулся и упалъ, увлекая за собой товарища.

— Негодяи!—прогремѣлъ де-Катина.—Что это значитъ?

Гвардейцы съ трудомъ поднялись на ноги, очень смущенные и красные.

— Позвольте доложить, капитанъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, отдавая честь,—это гугенотъ, который оскорбилъ королевскую гвардію.

— Король отвергъ его просьбу, капитанъ, а онъ не хотѣлъ уходить.

Де-Катина поблѣднѣлъ отъ бѣшенства.

— Итакъ, когда французскіе граждане приходятъ переговорить съ властелиномъ его страны, на него должны нападать такія швейцарскія собаки, какъ вы?—крикнулъ онъ.—Ну, погодите же!

Онъ вынулъ изъ кармана маленькій серебряный свистокъ и на его рѣзкій призывъ изъ караульни выбѣжалъ старый сержантъ, а съ нимъ съ полдюжины солдатъ.

— Какъ васъ зовутъ?—строго спросилъ капитанъ.

— Андре Менье.

— А васъ?

— Николай Клопперъ.

— Сержантъ, арестовать Менье и Клопперъ.

— Слушаю, капитанъ,—отвѣтилъ сержантъ, смуглый посѣдѣвшій солдатъ, участвовавшій въ походахъ Конде и Тюренна.

— Отдать ихъ сегодня же подъ судъ.

— По какому обвиненію, капитанъ?

— По обвиненію въ нападеніи на престарѣлаго почтеннаго гражданина, пришедшаго по дѣлу къ королю.

— Онъ самъ признался, что гугенотъ,—въ одинъ голосъ сказали обвиняемые.

— Гмъ!..—Сержантъ нерѣшительно подержалъ свои длинные усы.—Прикажете предъявить обвиненіе въ такой формѣ? Какъ угодно капитану...

Онъ слегка пожалъ плечами, какъ будто сомнѣваясь, чтобы изъ этого вышло что-нибудь путное.

— Нѣтъ,—сказалъ де-Катина, которому вдругъ пришла счастливая мысль.—Я обвиняю ихъ въ томъ, что они бросили алебарды во время пребыванія на часахъ и явились передо мной въ грязныхъ и растрепанныхъ мундирахъ.

— Такъ будетъ лучше,—замѣтилъ сержантъ съ свободой стараго служаки.—Громъ и молнія! Вы осрамили всю гвардію! Вотъ посидите часокъ на деревянной лошади съ мушкетомъ, привязаннымъ къ каждой ногѣ, такъ научитесь, что алебарды должны быть въ рукахъ у солдатъ, а не валяться на королевской лужайкѣ. Взять ихъ! Слушай! Направо кругомъ! Маршъ!

И маленькій отрядъ гвардейцевъ удалился въ сопровожденіи сержанта.

Гугенотъ молча, съ серьезнымъ видомъ, стоялъ въ сторонѣ, ничѣмъ не выражая радости при внезапной перемѣнѣ удьбы; но когда солдаты ушли, онъ и молодой офицеръ быстро подошли другъ къ другу.

— Амори, я не надѣялся видѣть тебя!

— Какъ и я, дядя. Скажите, пожалуйста, что могло привести васъ въ Версаль?

— Причиненная мнѣ несправедливость, Амори. Рука нечестивыхъ тяготѣетъ надъ ними и къ кому же намъ обратиться, какъ не къ королю?

Молодой офицеръ покачалъ головой.

— У короля доброе сердце,—сказалъ онъ.—Но онъ видитъ міръ только черезъ очки, которые надѣваютъ ему окружающіе его. Вамъ нечего надѣяться на него.

— Онъ прогналъ меня съ глазъ долой.

— Спросилъ онъ ваше имя?

— Да, и я назвалъ себя.

Молодой гвардеецъ свистнулъ.

— Пойдемъ къ воротамъ,—сказалъ онъ.—Ну, если мои родственники будутъ приходить и заводить споры съ королемъ, то моя рота скоро останется безъ капитана.

— Королю не придетъ въ голову, что мы родственники. Но мнѣ странно, племянникъ, какъ ты можешь жить въ этомъ храмѣ Ваала и не поклоняться кумирамъ.

— Я храню мою вѣру въ сердцѣ.

Старикъ серьезно покачалъ головой.

— Ты идешь по очень узкому пути, полному искушеній и опасностей,—проговорилъ онъ.—Трудно тебѣ, Амори, шествовать путемъ Господнимъ, идя въ то же время рука объ руку съ притѣснителями Его народа.

— Эхъ, дядя!—нетерпѣливо сказалъ молодой чоловѣкъ.—Я солдатъ короля и предоставлю духовнымъ лицамъ вести богословскіе споры. Самъ же хочу только прожить честно и умереть, исполняя свой долгъ, а въ остальное и не вмѣшиваюсь.

— И готовъ жить во дворцахъ и ѣсть на тонкомъ бѣльѣ,—съ горечью замѣтилъ гугенотъ,—въ то время какъ рука нечестивыхъ тяготѣетъ надъ твоими кровными, когда изливается чаша бѣдствій и гулъ воплей и стенаніе стоитъ во всей странѣ.

— Да что же случилось?—спросилъ молодой офицеръ, нѣсколько сбитый съ толку библейскими выраженіями, бывшими въ ходу между французскими протестантами.

— Двадцать человѣкъ маовитянъ расквартировано у меня въ домѣ во главѣ съ нѣкіимъ капитаномъ Дальберомъ, давно уже сдѣлавшимся бичемъ Израиля.

— Капитанъ Клодъ Дальберъ изъ Лангедокскихъ драгунъ? У меня уже есть съ нимъ небольшіе счеты.

— Ага! И разсѣянныя овцы стада Господня также имѣютъ много противъ этого лютаго пса и самомнящаго нечестивца.

— Что онъ сдѣлалъ?

— Его люди распространились въ моемъ домѣ, словно моль въ тюкахъ сукна. Нигдѣ не найти свободнаго мѣстечка. Самъ онъ сидитъ въ моей комнатѣ, задравши ноги въ сапожищахъ на мои стулья изъ испанской кожи, съ трубкой во рту, съ графиномъ вина подъ рукой и говоритъ, словно шипитъ, всякія мерзостныя слова. Онъ побилъ старика Пьера.

— А!

— И столкнулъ въ подвалъ меня.

— А!

— Потому что въ пьяномъ видѣ онъ хотѣлъ обнять твою кузину Адель.

— О!

Съ каждымъ новымъ движеніемъ молодой человѣкъ краснѣлъ все болѣе и болѣе, а брови его сдвигались все ближе и ближе. При послѣднихъ словахъ старика гнѣвъ его вырвался наружу и онъ съ бѣшенствомъ бросился впередъ, таща дядю за руку. Они бѣжали по одной изъ извилистыхъ дорожекъ, окруженныхъ высокими изгородями, изъ-за которыхъ по временамъ выглядывали фавны или мраморныя нимфы, дремавшія среди зелени. Немногіе изъ встрѣтившихся имъ придворныхъ съ удивленіемъ смотрѣли на такую неподходящую пару. Но молодой человѣкъ былъ слишкомъ занятъ своими мыслями, чтобы обращать вниманіе на гуляющихъ. Не переставая бѣжать, онъ миновалъ серповидную дорожку, которая шла мимо дюжины каменныхъ дельфиновъ, изрыгавшихъ воду на группу тритоновъ, а затѣмъ аллею большихъ деревьевъ, имѣвшихъ такой видъ, какъ-будто они росли тутъ впродолженіе многихъ вѣковъ, тогда какъ въ дѣйствительности только въ этомъ году были привезены съ неимовѣрнымъ трудомъ изъ С. Жермэна и Фонтенебло. У калитки, которая вела изъ сада на дорогу, старикъ остановился, задыхаясь отъ непрерывочнаго бѣга.

— Какъ вы пріѣхали, дядя?

— Въ коляскѣ.

— Гдѣ она?

— Вонъ тамъ, за гостинницей.

— Ну, идемъ туда.

— Ты также ѣдешь, Амори?

— Судя по вашимъ словамъ пора и мнѣ пріѣхать. Въ вашемъ домѣ не лишнее имѣть человѣка со шпагой на боку.

— Но что же ты хочешь сдѣлать?

— Переговорить съ этимъ капитаномъ Дальберомъ.

— Значитъ, я обидѣлъ тебя, племянникъ, сказавъ, что твое сердце не вполнѣ принадлежитъ Израилю.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до Израиля,—нетерпѣливо крикнулъ де-Катина.—Я знаю только, что если бы моя Адель вздумала поклониться грому, какъ абенокійская женщина, или обра-

щаться со своими невинными молитвами къ Митче Маниту *), то и тогда хотѣлъ бы я видѣть человѣка, который осмѣлился бы дотронуться до нея. А! вотъ подъѣзжаетъ наша коляска! Гони во весь духъ, кучеръ, и получишь пять ливровъ, если менѣе чѣмъ черезъ часъ мы будемъ у заставы Инвалидовъ.

Нелегко было ѣхать скоро въ вѣкъ безрессорныхъ экипажей и каменистыхъ дорогъ, но кучеръ нахлестывалъ своихъ косматыхъ, неподстриженныхъ лошадей и коляска подпрыгивала и громыхала по дорогѣ. Придорожныя деревья мелькали передъ маленькими окнами коляски, а бѣлая пыль неслась вслѣдъ за ней. Гвардеецъ барабанилъ пальцами по колѣнямъ и вертѣлся на сидѣньѣ отъ нетерпѣнія, временами предлагая вопросы своему угрюмому спутнику.

— Когда все это случилось?

— Вчера вечеромъ.

— А гдѣ теперь Адель?

— Она дома.

— А этотъ Дальберъ?

— О, онъ также тамъ!

— Какъ! Вы оставили ее въ его власти и уѣхали въ Версаль?

— Она заперлась на замокъ у себя въ комнатѣ.

— Ахъ! что значитъ замокъ!—Молодой человѣкъ внѣ себя поднялъ руки кверху при мысли о своемъ безсиліи.

— Тамъ Пьеръ.

— Онъ безполезенъ.

— И Амосъ Гринъ.

— А, этотъ лучше. Онъ, кажется, настоящій мужчина.

— Его мать была француженка съ острова Статень, близь Мангаттана. Она была изъ тѣхъ разсѣянныхъ овецъ стада, которыя рано бѣжали отъ волковъ, когда рука короля только-что стала тяготѣть надъ Израилемъ. Амосъ говоритъ по-французски, но не похожъ видомъ на француза и манеры у него совсѣмъ другія.

— Онъ выбралъ дурное время для посѣщенія Франціи.

— Можетъ-быть, тутъ кроется непонятная для насъ мудрость.

— И вы оставили его у васъ въ домѣ?

---

*) Великому Духу индѣйцевъ.

— Да; онъ сидѣлъ съ Дальберомъ, курилъ и разсказывалъ ему странныя исторіи.

— Какой онъ можетъ быть защитникъ? Чужой человѣкъ въ чужой странѣ. Вы дурно поступили, дядя. оставивъ Адель одну.

— Она въ рукахъ Божьихъ, Амори.

— Надѣюсь. О, я горю отъ нетерпѣнія быть тамъ!

Онъ высунулъ голову въ облако пыли, подымавшееся отъ колесъ, и вытянулъ шею, смотря на длинную, извилистую рѣку и широко раскинувшійся городъ, который уже былъ виденъ, полуприкрытый тонкой синеватой дымкой, откуда выплывали обѣ башни собора Богоматери, высокій шпицъ Св. Іакова и цѣлый лѣсъ другихъ шпицевъ и колоколенъ—памятниковъ восьми столѣтій набожности. Вскорѣ дорога свернула къ берегу рѣки, городская стѣна становилась все ближе, пока путешественники не въѣхали въ городъ черезъ южныя ворота и коляска не загремѣла по каменной мостовой, оставивъ вправо обширный Люксембургскій дворецъ, а влѣво—послѣднее созданіе Кольбера, богадѣльню инвалидовъ. Сдѣлавъ крутой поворотъ, экипажъ очутился на набережной и, переѣхавъ черезъ Новый мостъ, мимо величественнаго Лувра, добрался до лабиринта узкихъ, но богатыхъ улицъ, шедшихъ къ сѣверу. Молодой человѣкъ все еще смотрѣлъ въ окно, но ему мѣшала видѣть что-либо громадная золоченная карета, шумно и тяжело подвигавшаяся передъ коляской. Однако, когда улица стала пошире, карета свернула въ сторону и офицеру удалось увидѣть домъ, къ которому онъ направился.

Домъ былъ окруженъ огромной толпой.

VI. Битва въ домѣ.

Домъ гугенота-купца представлялъ собою высокое узкое зданіе, стоявшее на углу улицъ Св. Мартина и Бирона. Онъ былъ четырехъэтажный, такой же суровый и мрачный, какъ его владѣлецъ, съ высокой, заостренной крышей, длинными окнами съ ромбовидными стеклами, съ фасверкомъ изъ окрашеннаго въ черную краску дерева съ промежутками, заполненными штукатуркой, и пятью каменными ступенями, которыя вели къ узкому и мрачному входу. Верхній этажъ былъ складомъ для запасныхъ товаровъ; ко второму и третьему были придѣланы балконы съ крѣпкими деревянными ба-

люстрадами. Когда дядя и племянникъ выскочили изъ коляски, они очутились передъ густой толпой людей, очевидно, чѣмъ-то сильно взволнованныхъ. Всѣ смотрѣли куда-то вверхъ. Взглянувъ по тому же направленію, молодой офицеръ увидѣлъ зрѣлище, которое лишило его способности чувствовать что-либо кромѣ глубокаго изумленія.

Съ верхняго балкона головой внизъ висѣлъ человѣкъ въ ярко голубомъ кафтанѣ и бѣлыхъ штанахъ королевскихъ драгунъ. Шляпа и парикъ слетѣли съ него и стриженая голова медленно раскачивалась взадъ и впередъ на высотѣ пятидесяти футовъ надъ мостовой. Лицо его, обращенное къ улицѣ, было смертельно блѣдно, а глаза плотно зажмурены, какъ будто онъ не рѣшался открыть ихъ передъ угрожавшей ему ужасной участью. Зато голосъ его громко раздавался по всей окрестности, наполняя воздухъ воплями о помощи.

Въ углу балкона стоялъ молодой человѣкъ и, наклонившись надъ перилами, держалъ за ноги висѣвшаго въ воздухѣ драгуна. Онъ смотрѣлъ не на свою жертву, но, повернувъ голову черезъ плечо, устремилъ пристальный взглядъ на толпу солдатъ, тѣснившихся у большого, открытаго окна, выходившаго на балконъ. Въ поворотѣ его головы чувствовался гордый вызовъ, а солдаты нерѣшительно топтались на мѣстѣ, не зная, броситься ли имъ или уходить.

Внезапно толпа вскрикнула отъ волненія. Молодой человѣкъ отпустилъ одну изъ ногъ драгуна и продолжалъ держать его только за другую, причемъ первая безпомощно болталась въ воздухѣ. Драгунъ напрасно цѣплялся руками за стѣну позади себя и продолжалъ кричать изо всѣхъ силъ.

— Втащи меня назадъ, чортовъ сынъ, втащи назадъ!— вопилъ онъ.—Что ты хочешь, что ли, убить меня? Помогите, добрые люди, помогите!

— Вы желаете, чтобы я втащилъ васъ назадъ, капитанъ?—спросилъ державшій его молодой человѣкъ яснымъ и сильнымъ голосомъ, на прекрасномъ французскомъ языкѣ, но съ выговоромъ, который показался страннымъ стоявшей внизу толпѣ.

— Да, чортъ возьми, да!

— Такъ отошлите вашихъ людей.

— Убирайтесь прочь, олухи, болваны! Что же, вамъ хо-

чется, чтобы я разбился о мостовую? Прочь! Убирайтесь вонъ, говорю вамъ!

— Такъ-то лучше,—сказалъ молодой человѣкъ, когда солдаты исчезли. Онъ потянулъ драгуна за ногу и взбросилъ его такъ, что тотъ могъ обернуться и ухватиться за нижній уголъ балкона.

— Ну, какъ вы себя теперь чувствуете?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Держите меня, ради Бога, держите!

— Я держу васъ очень крѣпко.

— Ну, такъ втащите меня!

— Не такъ скоро, капитанъ. Вы отлично можете разговаривать и въ этомъ положеніи.

— Втащите меня, сударь, втащите!

— Все въ свое время. Боюсь, что вамъ неудобно разговаривать, болтаясь въ воздухѣ.

— Ахъ, вы хотите убить меня!

— Напротивъ, собираюсь втащить васъ.

— Да благословитъ васъ Богъ!

— Но только на извѣстныхъ условіяхъ.

— О, впередъ соглашаюсь на нихъ! Я сейчасъ упаду!

— Вы покинете этотъ домъ—вы и ваши люди—и не будете больше безпокоить ни старика, ни барышню. Даете обѣщаніе?

— О, да, мы уйдемъ.

— Честное слово?

— Разумѣется. Только втащите меня.

— Не такъ скоро. Такъ легче разговаривать съ вами. Я не знаю здѣшнихъ законовъ. Можетъ-быть, такія вещи здѣсь запрещаются. Обѣщайте, что мнѣ не будетъ непріятностей.

— Никакихъ непріятностей! Только втащите меня!

— Очень хорошо! Ну-съ, пожалуйте!

Онъ сталъ тянуть драгуна за ногу, а тотъ цѣплялся за перила, пока, среди одобрительнаго шума толпы, не перевалился наконецъ черезъ перила и не растянулся на балконѣ, гдѣ пролежалъ нѣсколько времени совершенно неподвижно. Затѣмъ онъ, шатаясь, поднялся на ноги и, не взглянувъ на противника, съ крикомъ бѣшенства бросился въ открытую дверь.

Пока наверху происходила эта маленькая драма, моло-

дому гвардейцу удалось оправиться отъ охватившаго его оцѣпенѣнія и онъ энергично сталъ проталкиваться черезъ толпу вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, такъ что вскорѣ оба были уже почти у крыльца. Мундиръ королевскаго гвардейца самъ по себѣ могъ служить паспортомъ повсюду, а лицо старика Катина было хорошо извѣстно во всемъ околоткѣ, такъ что всѣ присутствующіе разступались, чтобъ дать ему пройти къ дому. Дверь распахнулась и въ темномъ коридорѣ пріѣзжихъ встрѣтилъ старый слуга, ломая руки.

— Охъ, хозяинъ! Охъ, хозяинъ!—кричалъ онъ.—Охъ, какія дѣла! Какой позоръ! Они убьютъ его!

— Кого?

— Славнаго господина изъ Америки. О, Боже мой! Слышите!

Какъ разъ въ это время вновь поднявшіеся наверху крики и возня внезапно завершились ужаснѣйшимъ грохотомъ, перемѣшаннымъ съ залпомъ ругательствъ и шумомъ и стукомъ. Казалось, старый домъ содрогнулся до самаго своего основанія. Офицеръ и гугенотъ быстро бросились вверхъ и уже стали взбираться на лѣстницу второго этажа, откуда, казалось, неслись крики, когда навстрѣчу имъ слетѣли большіе часы недѣльнаго завода и, перескакивая черезъ четыре ступени сразу, перепрыгнули черезъ площадку и ударились о противоположную стѣну, гдѣ разсыпались въ кучу металлическихъ колесъ и деревянныхъ обломковъ. Мгновеніе спустя, на площадку скатился клубокъ изъ четырехъ людей и деревянныхъ обломковъ. Борьба продолжалась и на площадкѣ люди вскакивали, падали, снова поднимались и дышали всѣ вмѣстѣ, напоминая тягу въ трубѣ. Они такъ переплелись между собой, что трудно было признать ихъ. Видно было только, что средній одѣтъ въ одежду изъ чернаго фламандскаго сукна, а остальные трое въ солдатской формѣ. Человѣкъ, на котораго нападали, былъ такъ силенъ и крѣпокъ, что, какъ только ему удавалось встать на ноги, онъ таскалъ за собой по площадкѣ остальныхъ, какъ дикій кабанъ тащитъ повиснувшихъ на немъ собакъ. Прибѣжавшій вслѣдъ за дерущимися офицеръ протянулъ было руку, чтобы схватить штатскаго, но тотчасъ же съ ругательствомъ отнялъ ее прочь, такъ какъ тотъ крѣпко укусилъ его за большой палецъ лѣвой руки своими крѣпкими бѣлыми зубами. Прижимая ко рту раненую руку, офицеръ выхватилъ шпагу и закололъ бы своего безоружнаго противника, если

бы де-Катина, бросившись впередъ, не схватилъ его за кисть руки.

— Вы подлецъ, Дальберъ!—крикнулъ онъ.

Внезапное появленіе королевскаго лейбъ-гвардейца произвело магическое дѣйствіе на дерущихся. Дальберъ отскочилъ назадъ, не выпуская изо рта пальца, и, опустивъ шпагу, мрачно смотрѣлъ на вновь прибывшаго. Его длинное, желтое лицо исказилось отъ гнѣва, а маленькіе черные глаза горѣли страстью и дьявольскимъ огнемъ неудовлетворенной мести. Солдаты отпустили свою жертву и, задыхаясь, выстроились въ рядъ, а молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ и, счищая пыль съ своей черной одежды, попеременно смотрѣлъ то на своего спасителя, то на противниковъ.

— У насъ съ вами давніе счеты, Дальберъ,—сказалъ де-Катина, вынимая рапиру.

— Я здѣсь по приказу короля, — угрюмо отвѣтилъ Дальберъ.

— Безъ сомнѣнія. Защищайтесь, сударь!

— Говорю вамъ, я здѣсь по службѣ.

— Очень хорошо. Вынимайте шпагу, сударь.

— Я не ссорился съ вами.

— Нѣтъ?—Де-Катина шагнулъ впередъ и ударилъ его по лицу.—Мнѣ кажется, у васъ есть теперь поводъ къ ссорѣ,—проговорилъ онъ.

— Черти!—закричалъ капитанъ.—Къ оружію, ребята! Эй, вы тамъ наверху! Уберите этого молодца и схватите плѣнника. Именемъ короля!

На его зовъ съ лѣстницы сбѣжало еще съ дюжину солдатъ, а трое бывшихъ на площадкѣ бросились на своего недавняго противника. Онъ увернулся и выхватилъ изъ рукъ стараго купца его толстую дубовую палку.

— Я съ вами, сударь,—сказалъ онъ, становясь рядомъ съ гвардейцемъ.

— Уберите вашу челядь и бейтесь со мной, какъ приличествуетъ дворянину,—крикнулъ де-Катина.

— Дворянинъ! Послушать только этого мѣщанина гугенота, семья котораго торгуетъ сукномъ!

— Ахъ ты, трусъ! Я шпагой напишу на твоемъ лицѣ, что ты лжецъ!

Онъ кинулся впередъ и нанесъ ударъ, который попалъ бы прямо въ сердце Дальберу, если бы тяжелая сабля одного

изъ драгунъ не упала на его болѣе тонкое оружіе и не перерубила его у самой рукоятки. Съ крикомъ торжества его врагъ бѣшено бросился къ нему и занесъ рапиру, но сильный ударъ палки, нанесенный молодымъ иностранцемъ, заставилъ его выпустить оружіе, которое, звеня, упало на полъ. Одинъ изъ стоявшихъ на лѣстницѣ солдатъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился въ голову гвардейца. Выстрѣлъ положилъ бы конецъ битвѣ, но въ это время какой-то низенькій старичекъ, спокойно вошедшій съ улицы и, видимо ,заинтересованный разыгрывавшеюся передъ нимъ сценою, съ улыбкой смотрѣвшій на всѣхъ, внезапно сдѣлалъ шагъ впередъ и приказалъ бойцамъ опустить оружіе такимъ твердымъ и властнымъ голосомъ, что всѣ шпаги сразу ударились о полъ, словно на ученьѣ.

— Ну, господа! Ну, господа!—строго проговорилъ старичекъ, смотря на всѣхъ по очереди. Это былъ очень маленькій, подвижной человѣкъ, худой, какъ селедка, съ выдающимися зубами и громаднымъ парикомъ, длинные локоны котораго скрадывали очертанія его морщинистой шеи и узкихъ плечъ. На немъ былъ длиннополый кафтанъ изъ бархата мышинаго цвѣта, отдѣланный золотомъ; высокіе кожаные сапоги и маленькая треуголка съ золотымъ кантомъ придавали ему нѣсколько воинственный видъ. Его осанка и манеры отличались изяществомъ; высоко поднятая голова, острый взглядъ черныхъ глазъ, тонкія черты лица, самоувѣренность, сквозившая во всякомъ его движеніи,—все это обличало въ немъ человѣка, привыкшаго повелѣвать. И дѣйствительно, во Франціи, такъ же какъ и за ея предѣлами, мало было людей, которымъ наравнѣ съ королемъ не было извѣстно имя этого небольшого человѣка, стоявшаго на площадкѣ гугенотскаго дома съ золотой табакеркой въ одной рукѣ и съ кружевнымъ платкомъ въ другой. Кто могъ не знать послѣдняго изъ великихъ французскихъ вельможъ, храбрѣйшаго изъ французскихъ полководцевъ, всѣми любимаго Кондэ, побѣдителя при Рокруа и героя Фронды? При видѣ его худого, желтаго лица драгуны и ихъ начальникъ уставились на него глазами, а де-Катина поднялъ обломокъ своей рапиры, отдавая ему честь.

— Э, э!—вскрикнулъ старый воинъ, вглядываясь въ него.—Вы были со мной на Рейнѣ... э? Я помню ваше лицо, капитанъ. А ваши родные были съ Тюреномъ.

— Я былъ въ пикардійскомъ полку, ваша свѣтлость. Моя фамилія—де-Катина.

— Да, да. А кто вы, сударь, чортъ васъ побери?

— Капитанъ Дальберъ, ваша свѣтлость, изъ Лангедокскихъ синихъ драгунъ.

— Э! Я проѣзжалъ мимо въ каретѣ и видѣлъ, какъ вы висѣли вверхъ ногами. Молодой человѣкъ втащилъ васъ, какъ кажется, съ условіемъ...

— Онъ поклялся мнѣ, что уйдетъ изъ дома,—крикнулъ молодой иностранецъ.—Но когда я втащилъ его, то напустилъ на меня своихъ людей и мы всѣ вмѣстѣ спустились съ лѣстницы.

— Клянусь честью, вы мало что оставили за собой,—сказалъ Кондэ, улыбаясь и смотря на обломки, покрывавшіе полъ.—Такъ вы нарушили данное вами слово, капитанъ Дальберъ?

— Я не могъ заключать условій съ гугенотомъ и врагомъ короля,—угрюмо сказалъ драгунъ.

— Какъ кажется, вы могли заключать условія, но не выполнять ихъ. А почему же вы, сударь, отпустили его, когда перевѣсъ былъ на вашей сторонѣ?

— Я повѣрилъ его обѣщанію.

— Должно-быть, вы довѣрчивы по природѣ.

— Я привыкъ имѣть дѣло съ индѣйцами.

— Э! И вы думаете, что слово индѣйца вѣрнѣе слова королевскаго драгуна?

— Я не думалъ этого часъ тому назадъ.

— Гмъ!

Кондэ захватилъ большую понюшку табаку, а затѣмъ смахнулъ кружевнымъ платкомъ пылинки, насѣвшія на его бархатный кафтанъ.

— Вы очень сильны, милостивый государь,—сказалъ онъ, внимательно глядя на широкія плечи и высокую грудь молодого иностранца.—Вы, полагаю, изъ Канады?

— Я бывалъ тамъ, но самъ я изъ Нью-Іорка.

Кондэ покачалъ головой.

— Это островъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сударь; городъ.

— Въ какой провинціи?

— Въ Нью-Іоркской.

— Значитъ, главный городъ?

— Нѣтъ; главный городъ—Албани.

— А почему вы говорите по-французски?

— Моя мать—француженка по происхожденію.

— Давно ли вы въ Парижѣ?

— Сутки.

— Э! И уже начали выбрасывать въ окно соотечественниковъ вашей матери!

— Онъ приставалъ къ одной дѣвицѣ, сударь. Я попросилъ его перестать, тогда онъ обнажилъ шпагу и убилъ бы меня, если бы я съ нимъ не схватился. Тогда онъ позвалъ на помощь своихъ людей. Чтобы держать ихъ въ отдаленіи, я поклялся, что сброшу его внизъ, если они сдѣлаютъ хоть шагъ впередъ. А когда я отпустилъ его, они опять набросились на меня, и не знаю, чѣмъ бы кончилось это дѣло, если бы этотъ господинъ не вступился за меня.

— Гм! Вы поступили очень хорошо. Вы молоды, но находчивы.

— Я выросъ въ лѣсу.

— Если тамъ много такихъ, какъ вы, то моему пріятелю де-Фронтенаку будетъ не мало дѣла, прежде чѣмъ ему удастся основать ту имперію, о которой онъ говоритъ. Но что же это значитъ, капитанъ Дальберъ? Чѣмъ можете вы оправдаться?

— Королевскимъ приказаніемъ, ваша свѣтлость.

— Э! Развѣ онъ велѣлъ вамъ оскорбить дѣвушку? Не слыхивалъ, чтобы его величество бывалъ слишкомъ жестокъ съ женщинами,—сказалъ Кондэ съ сухимъ, отрывистымъ смѣхомъ и взялъ понюшку табаку.

— Ваша свѣтлость, приказано употреблять всѣ мѣры, чтобы заставить этихъ людей присоединиться къ лону истинной церкви.

— Честное слово, вы очень похожи на апостола и борца за святую вѣру,—сказалъ Кондэ, насмѣшливо смотря на грубое лицо драгуна своими блестящими черными глазами.—Уведите отсюда своихъ людей, сударь, и чтобы нога ваша не была здѣсь.

— Но приказаніе короля, ваша свѣтлость...

— Когда я увижу короля, то скажу ему, что вмѣсто солдатъ я нашелъ здѣсь разбойниковъ. Ни слова, сударь. Вонъ! Позоръ вашъ вы берете съ собой, а честь ваша останется здѣсь.

Въ одно мгновеніе изъ насмѣшливаго, жеманнаго стараго

щеголя онъ превратился въ суроваго воина съ неподвижнымъ лицомъ и огненнымъ взглядомъ. Дальберъ отступилъ передъ его мрачнымъ взоромъ и пробормоталъ команду. Солдаты, топая ногами и гремя саблями, вереницей стали спускаться по лѣстницѣ.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ старый гугенотъ, выступая впередъ и распахиавя одну изъ дверей, выходившихъ на площадку.—Вы, дѣйствительно, явились спасителемъ Израиля и камнемъ преткновенія для дерзновенныхъ. Не удостоите ли отдохнуть подъ моей кровлей и выпить кубокъ вина прежде чѣмъ шествовать дальше?

Кондэ поднялъ свои густыя брови, слушая библейскія выраженія купца, но съ вѣжливымъ поклономъ принялъ приглашеніе. Войдя въ комнату, онъ съ удивленіемъ и восхищеніемъ оглядѣлъ ея роскошное убранство. Дѣйствительно, комната съ ея панелями изъ темнаго блестящаго дуба, съ полированнымъ поломъ, величественнымъ мраморнымъ каминомъ и прекрасною лѣпною работой на потолкѣ могла бы служить украшеніемъ любого дворца.

— Моя карета ждетъ внизу и мнѣ нельзя больше медлить,—сказалъ онъ. Я не часто покидаю мой замокъ въ Шантильи для Парижа и только счастливая случайность дала мнѣ сегодня возможность быть полезнымъ почтеннымъ людямъ. Когда у дома видишь вывѣску въ видѣ драгуна, висящаго въ воздухѣ вверхъ ногами, то трудно проѣхать мимо, не освѣдомившись о причинѣ. Но боюсь, сударь, что пока вы останетесь гугенотомъ, вамъ не будетъ покоя во Франціи.

— Дѣйствительно, законъ очень жестокъ къ намъ.

— И будетъ еще болѣе жестокимъ, если правда то, что я слышалъ при дворѣ. Удивляюсь, почему вы не покинете Францію.

— Мои дѣла и мой долгъ удерживаютъ меня здѣсь.

— Ну, конечно, каждый лучше знаетъ свои дѣла. А не лучше ли склониться подъ грозою?

Гугенотъ сдѣлалъ жестъ ужаса.

— Ну, ну, я вѣдь не хотѣлъ сказать ничего обиднаго. А гдѣ же та прекрасная дѣвица, которая была причиной всей этой исторіи?

— Гдѣ Адель, Пьеръ?—спросилъ купецъ стараго слугу, внесшаго на серебряномъ подносѣ плоскую бутылку и цвѣтные венеціанскіе бокалы.

— Я заперъ ее въ своей комнатѣ, хозяинъ.

— А гдѣ она теперь?

— Я здѣсь, отецъ.

Молодая дѣвушка выбѣжала въ комнату и бросилась на шею отцу.

— О, я надѣюсь, что эти злые люди не обидѣли васъ, милый!

— Нѣтъ, нѣтъ, милое дитя; мы всѣ невредимы благодаря его свѣтлости принцу Кондэ.

Адель подняла глаза и тотчасъ опустила ихъ передъ проницательнымъ взглядомъ стараго воина.

— Да наградитъ васъ, Богъ, ваша свѣтлость,—пробормотала она. Ея прелестное лицо вспыхнуло отъ смущенія. Нѣжный, изящный овалъ, большіе сѣрые глаза, волна блестящихъ волосъ, оттѣнявшихъ своимъ темнымъ цвѣтомъ маленькія, похожія на раковины, ушки, и алебастровая бѣлизна шеи,—все это привело въ восторгъ даже Кондэ, который впродолженіи шестидесяти лѣтъ перевидалъ всѣхъ красавицъ при дворахъ трехъ королей. Онъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на маленькую гугенотку.

— Э! Право, mademoiselle, вы заставляете меня желать скинуть съ плечъ лѣтъ сорокъ!

Онъ поклонился и вздохнулъ, какъ это было въ модѣ, когда Бэкингэмъ явился покорить сердце Анны Австрійской, а династія кардиналовъ достигла полнаго расцвѣта.

— Франціи было бы тяжело потерять эти сорокъ лѣтъ, ваша свѣтлость.

— Э, э! Къ тому же и острый язычекъ? Да, ваша дочь, сударь, выдѣлилась бы своимъ умомъ и при дворѣ.

— Боже сохрани, ваша свѣтлость! Она такъ невинна и скромна..

— Ну, это плохой комплиментъ двору. Навѣрно, mademoiselle, вамъ хотѣлось бы выѣзжать въ большой свѣтъ, слушать пріятную музыку, видѣть все прекрасное и носить драгоцѣнности, а не смотрѣть вѣчно на улицу Св. Мартина и сидѣть въ этомъ большомъ, мрачномъ домѣ, пока не увянутъ розы на вашихъ щечкахъ?

— Гдѣ отецъ, тамъ хорошо и мнѣ, — отвѣтила молодая дѣвушка, кладя обѣ руки на руку отца. — Я не желаю ничего болѣе того, что у меня есть.

— А я думаю, что тебѣ лучше всего уйти къ себѣ въ ком-

нату, — строго замѣтилъ старый купецъ: онъ зналъ худую репутацію, которой пользовался принцъ относительно женщинъ, несмотря на его почтенные года. Кондэ подошелъ близко къ молодой дѣвушкѣ и даже положилъ свою желтую руку на ея руку. Адель поспѣшно отступила назадъ. Маленькіе черные глаза принца вспыхнули нехорошимъ блескомъ.

— Ну, ну, — проговорилъ онъ, когда Адель, исполняя приказаніе отца, поспѣшно направилась къ двери.—Вамъ рѣшительно нечего опасаться за свою голубку. По крайней мѣрѣ этотъ ястребъ не можетъ принести никакого вреда, какъ бы ни заманчива была добыча. Но я, дѣйствительно, вижу, что она такъ же хороша душой, какъ и наружностю, а больше этого нельзя даже сказать и про ангела. Карета ожидаетъ меня, господа. Добраго утра всѣмъ вамъ!

Онъ наклонилъ голову въ громадномъ парикѣ, и засѣменилъ къ выходу своей изысканной, щеголеватой походкой. Изъ окна де-Катина увидѣлъ, что онъ сѣлъ въ тотъ раззолоченный экипажъ, который задержалъ ихъ, когда они спѣшили изъ Версаля.

— По чести, — сказалъ онъ, обращаясь къ молодому американцу, — конечно, мы много обязаны принцу, но еще болѣе вамъ, сударь. Вы рисковали своей жизнью ради моей кузины, и если бы не ваша палка, Дальберъ проткнулъ бы меня насквозь, воспользовавшись одержаннымъ имъ успѣхомъ. Вашу руку, сударь! Подобнаго рода вещи не забываются:

— Да, его стоитъ поблагодарить, Амори, — сказалъ старый гугенотъ, который вернулся, проводивъ до кареты знаменитаго гостя. — Онъ былъ воздвигнутъ, какъ защитникъ угнетенныхъ и помощникъ находящимся въ нуждѣ. Да будетъ надъ тобой благословеніе старца, Амосъ Гринъ. Родной сынъ не могъ бы сдѣлать для меня больше, чѣмъ сдѣлалъ ты—чужой.

Молодой гость казался болѣе смущеннымъ этими выраженіями благодарности, чѣмъ всѣми предыдущими событіями. Кровь бросилась въ его загорѣлое, тонко очерченное лицо, гладкое, какъ у ребенка, но съ твердо обрисованными губами и проницательнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, говорившими о недюжинной силѣ воли.

— У меня за моремъ есть мать и двѣ сестры,—застѣнчиво проговорилъ онъ.

— И ради ихъ вы почитаете женщинъ?

— Мы всѣ тамъ почитаемъ ихъ. Можетъ-быть, потому, что

ихъ такъ мало. Здѣсь, въ Старомъ Свѣтѣ, вы не знаете, каково безъ нихъ. Мнѣ постоянно приходилось бродить вдоль озеръ за мѣхами, жить мѣсяцами среди дикарей въ ихъ вигвамахъ краснокожихъ, видѣть ихъ грязную жизнь, слушать ихъ грязныя рѣчи, когда они на корточкахъ, словно жабы, сидятъ вокругъ своихъ костровъ. Когда потомъ я возвращался въ Альбани къ роднымъ и слушалъ какъ сестры играютъ на клавикордахъ и поютъ, а мать разсказываетъ намъ о Франціи былыхъ временъ, о своемъ дѣтствѣ и обо всемъ, что они выстрадали за правду, тогда я чувствовалъ, что значитъ добрая женщина и какъ она, подобно солнцу, вызываетъ наружу все, что есть лучшаго и благороднаго въ нашей душѣ.

— Право, дамы должны быть очень благодарны вамъ, сударь; вы такъ же краснорѣчивы, какъ храбры.—сказалъ Адель Катина, которая, стоя на порогѣ отворенной двери, слышала его послѣднія слова.

Онъ на минуту забылся и высказался рѣшительно и безъ стѣсненія. При видѣ молодой дѣвушки, онъ снова покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Большую часть жизни я провелъ въ лѣсахъ,—сказалъ онъ, — а тамъ приходится такъ мало говорить, что можно и совсѣмъ разучиться. Вотъ потому-то отецъ и хочетъ, чтобы я пожилъ нѣсколько времени во Франціи. Онъ желаетъ, чтобы я научился кое-чему другому, кромѣ охоты и торговли.

— А сколько времени вы останетесь въ Парижѣ? — спросилъ гвардеецъ.

— Пока за мной не пріѣдетъ Ефраимъ Савэджъ.

— А кто онъ?

— Капитанъ «Золотого Жезла».

— Это вашъ корабль?

— Корабль моего отца. Онъ былъ въ Бристолѣ, теперь въ Руанѣ, а затѣмъ снова поплыветъ въ Бристоль. Когда онъ вернется оттуда, то Ефраимъ пріѣдетъ за мной въ Парижъ и увезетъ меня.

— А какъ вамъ нравится Парижъ?

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— Мнѣ говорили еще раньше, что это очень оживленный городъ и, судя по тому немногому, что я видѣлъ сегодня утромъ, я нахожу, что это самый оживленный городъ, какой мнѣ когда-либо приходилось видѣть.

— И дѣйствительно, — сказалъ де-Катина, — вы чрез-

вычайно живо спустились съ лѣстницы вчетверомъ; впереди васъ, словно курьеръ, летѣли голландскіе часы, а сзади цѣлая груда обломковъ. А города вѣдь вы еще не видѣли?

— Видѣлъ только вчера, проѣздомъ, когда отыскивалъ этотъ домъ. Удивительный городъ, но мнѣ въ немъ не хватаетъ воздуха. Нью-Іоркъ — большой городъ. Говорятъ, тамъ цѣлыхъ три тысячи жителей и что, будто бы, они могутъ выставить четыреста воиновъ, только я не вѣрю этому. Но тамъ изъ каждой части города можно видѣть твореніе Божіе — деревья, зеленую траву, блескъ солнца на заливѣ и рѣкахъ. А здѣсь только камень да дерево, дерево да камень. Право, вы должны быть очень крѣпкаго сложенія, если можете быть здоровыми въ такомъ мѣстѣ.

— А намъ кажется, что здоровы-то должны быть вы, которые живете въ лѣсахъ и на рѣкахъ, — сказала молодая дѣвушка. — И удивительно, какъ это вы можете находить путь въ такихъ пустынныхъ мѣстахъ?

— Ну вотъ! А я удивляюсь, какъ вы можете не заблудиться среди тысячъ домовъ. Что касается меня, то я надѣюсь, что сегодня будетъ ясная ночь.

— Зачѣмъ это вамъ?

— Тогда я могу увидѣть звѣзды.

— Вѣдь вы не найдете въ нихъ никакой перемѣны.

— Это-то и нужно. Если я увижу звѣзды, то буду знать. какъ идти, чтобы попасть въ этотъ домъ. Днемъ то я могу взять ножъ и дѣлать мимоходомъ зарубки на дверяхъ, а то трудно будетъ найти свой слѣдъ; тутъ проходитъ столько народа.

Де-Катина снова расхохотался.

— Ну, знаете, Парижъ покажется вамъ еще оживленнѣе, если вы будете отмѣчать свой путь зарубками на дверяхъ, словно на деревьяхъ въ лѣсу. Но, можетъ-быть, на первое время вамъ лучше имѣть провожатаго. Если у васъ, дядя, въ конюшнѣ найдутся двѣ свободныя лошади, то я могу взять нашего друга въ Версаль, гдѣ я долженъ дежурить нѣсколько дней. Тамъ онъ можетъ остаться со мной, если не побрезгуетъ солдатскимъ помѣщеніемъ, и увидитъ больше интереснаго, чѣмъ въ улицѣ Св. Мартина. Что вы на это скажете, господинъ Гринъ?

— Буду очень радъ ѣхать съ вами, если здѣсь не угрожаетъ никакая опасность.

— О, за это не опасайтесь, — сказалъ гугенотъ. — Распо-

ряженіе принца Кондэ будетъ щитомъ и покровомъ на многіе дни. Я велю Пьеру осѣдлать вамъ лошадей.

— А я воспользуюсь тѣмъ короткимъ временемъ, которое осталось мнѣ, — сказалъ гвардеецъ, подходя къ окну, гдѣ ожидала его Адель.

VII. Новый и Старый Свѣтъ.

Молодой американецъ былъ скоро готовъ отправиться въ путь, но де-Катина медлилъ до послѣдней минуты. Когда, наконецъ, онъ оторвался отъ любимой дѣвушки, онъ поправилъ свой галстухъ, смахнулъ пыль съ своего блестящаго мундира и окинулъ критическимъ взглядомъ темную одежду спутника.

— Гдѣ вы покупали это платье? — спросилъ онъ.

— Въ Нью-Іоркѣ, передъ отъѣздомъ.

— Гмъ! Сукно недурное, темный цвѣтъ въ модѣ, но покрой непривыченъ для нашихъ глазъ.

— Я знаю только, что мнѣ было бы ловчѣе въ моей охотничьей курткѣ и штиблетахъ.

— А шляпа... У насъ здѣсь не носятъ такихъ плоскихъ полей. Посмотримъ, нельзя ли измѣнить это.

Онъ взялъ шляпу и, загнувъ одинъ край, прикрѣпилъ его къ тульѣ золотой булавкой, которую вынулъ изъ своей собственной манишки.

— Ну, теперь она приняла совершенно военный видъ и пригодилась бы любому изъ королевскихъ мушкетеровъ, — смѣясь, проговорилъ онъ. — Штаны изъ чернаго сукна и шелка ничего себѣ, но отчего у васъ нѣтъ шпаги?

— Я беру съ собой ружье, когда выѣзжаю изъ дома.

— Mon Dieu, да васъ схватятъ, какъ бандита.

— У меня есть еще ножъ

— Еще того хуже. Видно, придется обойтись безъ шпаги и, пожалуйста, безъ ружья! Позвольте мнѣ перевязать вамъ галстухъ. Вотъ такъ! Ну, а теперь, если вы расположены проскакать десять миль, то я къ вашимъ услугамъ.

Дѣйствительно, молодые люди, проѣзжавшіе верхомъ по узкимъ и многолюднымъ улицамъ Парижа, представляли собою странный контрастъ. Де-Катина, старшій на пять лѣтъ, со своимъ тонкимъ лицомъ съ мелкими чертами, остро закрученными усами, небольшой, но стройной и изящной фигурой, въ блестящей одеждѣ, казался олицетвореніемъ великой націи, къ которой онъ принадлежалъ.

Его спутникъ, высокаго роста, сильнаго строенія, поворачивавшій свое смѣлое и въ то же время задумчивое лицо то въ одну, то въ другую сторону, съ живостью наблюдая окружавшую его странную, новую для него жизнь, являлся въ свою очередь образчикомъ типа, правда, еще несовершеннаго, но носившаго всѣ задатки стать высшимъ изъ двухъ. Коротко остриженные желтые волосы, голубые глаза и грузное сложеніе указывали на то, что въ жилахъ его больше отцовской крови, чѣмъ материнской. Даже темная одежда съ поясомъ, на которомъ не было шпаги, если и не ласкала глаза, то говорила о принадлежности ея владѣльца къ той породѣ, упорнѣйшія битвы и блестящія побѣды которой состояли въ подчиненіи себѣ природы какъ на моряхъ, такъ и на обширныхъ пространствахъ суши.

— Что это за большое зданіе? — спросилъ онъ, когда они выѣхали на площадь.

— Это — Лувръ, одинъ изъ дворцовъ короля.

— И король тамъ?

— Нѣтъ, онъ живетъ въ Версали.

— Какъ! Подумать только, что у одного человѣка два такихъ дома!

— Два! У него ихъ гораздо больше — въ С. Жермэнѣ, Марли, Фонтенбло, Колоньи.

— А зачѣмъ ему они? Вѣдь человѣкъ можетъ жить сразу только въ одномъ домѣ.

— Да, но онъ можетъ поѣхать въ тотъ или другой, какъ ему захочется.

— Это удивительное зданіе. Въ Монреалѣ я видѣлъ семинарію св. Сульпиція и думалъ, что лучше этого дома и быть не можетъ. Но что онъ въ сравненіи съ этимъ!

— Такъ вы бывали въ Монреалѣ? Значитъ, вы видѣли крѣпость?

— Да, и госпиталь, и рядъ деревянныхъ домовъ, и большую мельницу, окруженную стѣной, къ востоку. Но вы развѣ знаете Монреаль?

— Я служилъ тамъ въ полку; также и въ Квебекѣ. Да, другъ мой, въ Парижѣ и кромѣ васъ найдутся люди, побывавшіе въ лѣсахъ. Даю вамъ слово, что въ продолженіе полугода я носилъ мокасины, кожаную куртку и мѣховую шапку съ орлинымъ перомъ и ничего не имѣю противъ того, чтобы снова пришлось надѣть ихъ.

Глаза Амоса Грина заблестѣли отъ восторга при открытіи, что у него оказывалось столько общаго съ его спутникомъ, и онъ сталъ осыпать его вопросами, пока они не переѣхали черезъ рѣку и не достигли до югозападныхъ воротъ города. Вдоль рва и стѣны виднѣлись длинные ряды солдатъ, занятыхъ ученьемъ.

— Кто эти люди? — спросилъ Гринъ, съ любопытствомъ смотря на нихъ.

— Это солдаты короля.

— А зачѣмъ ихъ такъ много? Развѣ ожидаютъ непріятеля?

— Нѣтъ, мы со всѣми въ мирѣ.

— Въ мирѣ. Такъ къ чему же собраны всѣ эти люди?

— Чтобы они были готовы.

Молодой человѣкъ съ изумленіемъ покачалъ головой.

— Да вѣдь они могли бы быть готовы и дома. Въ нашей странѣ у каждаго въ углу у камина стоитъ мушкетъ и онъ готовъ, а между тѣмъ не тратится безполезно времени во время мира.

— Нашъ король очень могуществененъ и имѣетъ много враговъ.

— А кто же нажилъ этихъ враговъ?

— Ну, разумѣется, король.

— Такъ не лучше бы вамъ было обойтись безъ него?

Гвардеецъ съ отчаяніемъ пожалъ плечами.

— Такъ мы съ вами какъ разъ попадемъ въ Бастилію или въ Венсенскую тюрьму, — сказалъ онъ. — Знайте, что онъ нажилъ этихъ враговъ изъ-за пользы своего государства. Всего пять лѣтъ тому назадъ онъ подписалъ миръ въ Нимведенѣ, по которому отнялъ шестнадцать крѣпостей у испанскихъ Нидерландовъ. Потомъ онъ наложилъ руку на Страсбургъ и Люксенбургъ и наказалъ генуэзцовъ, такъ что многіе охотно напали бы на него, если бы считали его слабымъ.

— А почему онъ сдѣлалъ все это?

— Потому что онъ великій король и ради славы Франціи.

Чужестранецъ нѣсколько времени обдумывалъ эти слова, пока путешественники ѣхали между высокими, тонкими тополями, бросавшими тѣнь на залитую солнцемъ дорогу.

— Жилъ нѣкогда въ Шенектэди одинъ великій человѣкъ, — наконецъ, проговорилъ онъ. — Люди тамъ простые и вполнѣ довѣряютъ другъ другу. Но послѣ того, какъ между ними появился этотъ человѣкъ, у нихъ вдругъ не стало нѣко-

торыхъ вещей: у одного бобровой шкуры, у другого мѣшка жинсенга, у третьяго кожанаго пояса. Наконецъ, у стараго Пета Хендрикса пропалъ трехгодовалый бурый жеребецъ. Тогда стали разыскивать повсюду и все потерянное оказалось въ хлѣву у новаго переселенца. Вотъ мы — я и еще нѣсколько другихъ — взяли да и повѣсили его на деревѣ, не раздумывая о томъ, что онъ великій человѣкъ.

Де-Катина бросилъ на своего спутника гнѣвный взглядъ.

— Ваша притча не очень-то вѣжлива, мой другъ, — проговорилъ онъ. — Если желаете мирно путешествовать со мной, то попридержите нѣсколько вашъ языкъ.

— Я не хотѣлъ оскорбить васъ, да, можетъ-быть я неправъ, — отвѣтилъ американецъ, — но я говорю то, что мнѣ кажется, и это право свободнаго человѣка.

Лицо де-Катина прояснилось при видѣ серьезнаго взгляда устремленныхъ на него голубыхъ глазъ.

— Боже мой! — сказалъ онъ. — Что бы сталось со дворомъ, если бы каждый говорилъ все, что онъ думаетъ... Но Господи помилуй, что такое случилось?

Его спутникъ спрыгнулъ съ лошади и, наклонясь надъ землей, пристально разглядывалъ пыль, покрывавшую дорогу. Потомъ быстрыми, неслышными шагами онъ прошелъ зигзагами по дорогѣ, перебѣжалъ по заросшей травой насыпи и остановился у отверстія въ изгороди. Ноздри у него раздувались, глаза горѣли, лицо пылало отъ волненія.

— Парень сошелъ съ ума, — пробормоталъ де-Катина, подхватывая поводья брошенной лошади. — Видъ Парижа подѣйствовалъ на его умственныя способности. Что съ вами, чортъ возьми, на что вы такъ таращите глаза?

— Тутъ прошелъ олень, — прошепталъ Гринъ, указывая на траву.—Его слѣдъ идетъ отсюда въ лѣсъ. Это должно быть недавно и слѣды ясные, такъ что онъ, навѣрно, шелъ не скоро. Будь у насъ мое ружье, мы могли бы прослѣдить его и привести старику хорошей дичины.

— Ради Бога, садитесь вы на лошадь! — въ отчаяніи крикнулъ де-Катина. — Боюсь, что не миновать вамъ бѣды, прежде чѣмъ не привезу васъ обратно въ улицу св. Мартина.

— Чѣмъ же я опять провинился?—спросилъ Амосъ Гринъ.

— Какъ же! вѣдь это заповѣдные королевскіе лѣса, а вы такъ хладнокровно собираетесь убивать его оленей, какъ будто находитесь на берегахъ Мичигана!

— Заповѣдные лѣса! Такъ эти олени ручные!

Выраженіе полнаго отвращенія появилось на лицѣ американца, онъ пришпорилъ лошадь и помчался такъ быстро, что де-Катина послѣ безполезныхъ попытокъ догнать его крикнулъ, наконецъ, чтобы онъ остановился.

— У насъ не въ обычаѣ такая бѣшеная ѣзда по дорожкѣ,— задыхаясь, проговорилъ онъ.

— Чудная здѣшняя страна! — съ недоумѣніемъ отвѣтилъ чужестранецъ. — Можетъ-быть, мнѣ будетъ легче запомнить что позволено. Сегодня утромъ я взялъ ружье, чтобы выстрѣлить въ пролетавшаго надъ крышами голубя, а старый Пьеръ схватилъ меня за руку съ такимъ лицомъ, словно я цѣлился въ священника. А старику, напримѣръ, не позволяютъ даже читать молитвъ.

Де-Катина расхохотался.

— Вы скоро ознакомитесь съ нашими обычаями, — сказалъ онъ. — Здѣсь страна населенная, и если бы всякій сталъ скакать и стрѣлять какъ ему вздумается, то много было бы бѣдъ. Но поговоримъ лучше о вашей странѣ. По вашимъ словамъ вы много жили въ лѣсахъ.

— Мнѣ было только десять лѣтъ, когда я въ первый разъ отправился съ дядей въ Со-ла-Мари, гдѣ сливаются три большихъ озера. Мы торговали тамъ съ западными племенами.

— Не знаю, что бы сказали на это Ласалль и де-Фронтенакъ. Вѣдь право торговли въ этихъ мѣстахъ принадлежатъ Франціи.

— Насъ взяли въ плѣнъ, и вотъ тогда-то мнѣ пришлось повидать Монреаль, а потомъ Квебекъ. Въ концѣ концовъ насъ отослали назадъ, потому что не знали что дѣлать съ нами.

— Хорошая поѣздка для начала!

— И съ тѣхъ поръ я все время велъ торговлю — сначала у Кеннебека съ абенакійцами, въ большихъ Мэнскихъ лѣсахъ и съ микмаками-рыбоѣдами за Пенобекотоли. Позже съ ирокезами до страны Сенековъ на западѣ. Въ Альбани и Шенктэди у насъ были склады мѣховъ, грузы которыхъ отецъ отправлялъ изъ Нью-Іорка.

— Ему трудно будетъ безъ васъ?

— Очень трудно. Но такъ какъ онъ богатъ, то и подумалъ, что мнѣ слѣдуетъ подучиться тому, чего не узнаешь въ лѣсахъ.

И потому онъ послалъ меня на «Золотомъ Жезлѣ» подъ присмотромъ Ефраима Сэваджа.

— Онъ также изъ Нью-Іорка?

— Нѣтъ; онъ первый человѣкъ, родившійся въ Бостонѣ.

— Я никакъ не могу запомнить названій всѣхъ этихъ деревень.

— А можетъ быть, настанетъ время, когда эти названія будутъ извѣстны не менѣе Парижа.

Де-Катина расхохотался отъ всего сердца.

— Лѣса могли васъ подарить многимъ, но только не даромъ пророчества, мой другъ,—сказалъ онъ.—Мое сердце часто, какъ и ваше, стремится за океанъ и ничего бы я не желалъ болѣе, какъ снова увидѣть палисады Пуанъ-Леви, хотя бы за ними свирѣпствовали цѣлыхъ пять индѣйскихъ племенъ. А теперь, если вы взглянете между деревьями, то увидите новый дворецъ короля.

Молодые люди остановили лошадей и взглянули на громадное, ослѣпительной бѣлизны, зданіе и на красивые сады съ фонтанами и статуями, изгородями и дорожками, ведшими въ окружавшіе ихъ густые лѣса. Де-Катина было забавно видѣть, какъ удивленіе и восторгъ попеременно выражались на лицѣ его спутника.

— Ну, что вы скажете?—наконецъ, спросилъ онъ.

— Я думаю, что лучшее твореніе Бога — въ Америкѣ, а человѣка—въ Европѣ.

— Да, и во всей Европѣ нѣтъ другого такого дворца, а такъ же нѣтъ и такого короля, какъ тотъ, что живетъ тутъ.

— Какъ вы думаете, я могу его повидать?

— Кого, короля? Нѣтъ, нѣтъ; боюсь, что вы не годитесь для двора.

— Почему? Я оказалъ бы ему всякій почетъ.

— Напримѣръ? Ну какъ бы вы съ нимъ поздоровались?

— Я почтительно пожалъ бы ему руку и освѣдомился бы о здоровьѣ его и его семьи.

— Право, я думаю, такое привѣтствіе понравилось бы ему болѣе всякихъ колѣнопреклоненій и церемонныхъ поклоновъ, но въ то же время полагаю, мой милый сынъ лѣсовъ, что лучше васъ не водить по такимъ тропинкамъ, гдѣ вы могли бы заблудиться не менѣе, чѣмъ заблудились бы здѣшніе придворные, если бы ихъ завести въ ущелье Сэгвэней. Но что это такое? Какъ-будто придворный экипажъ.

Сквозь бѣлое облако пыли, несшейся по дорогѣ, можно было разглядѣть раззолоченную карету и красный кафтанъ кучера. Всадники осадили лошадей въ сторону и экипажъ, запряженный сѣрыми въ яблокахъ лошадьми, прогромыхалъ мимо нихъ. Молодые люди мелькомъ увидали прекрасное, но гордое лицо женщины. Черезъ мгновеніе раздался громкій окрикъ, кучеръ остановилъ лошадей и изъ окна мелькнула бѣлая ручка.

— Это г-жа де-Монтеспанъ, самая гордая женщина во Франціи,—шепнулъ де-Катина.—Она желаетъ говорить съ нами. Дѣлайте то же, что буду дѣлать я.

Онъ пришпорилъ коня, подъѣхалъ къ каретѣ и, снявъ шляпу, отвѣсилъ низкій поклонъ. Его спутникъ продѣлалъ то же самое, хотя довольно неловко.

— А, капитанъ!—сказала дама. Выраженіе лица ея было не особенно пріятно.—Мы опять встрѣтились съ вами.

— Судьба всегда благопріятствуетъ мнѣ, madame.

— Только не сегодня утромъ.

— Совершенно вѣрно. Мнѣ пришлось выполнить крайне непріятную обязанность.

— И вы выполнили ее крайне непріятнымъ образомъ.

— Но какъ же я могъ поступить иначе, madame?

Дама насмѣшливо улыбнулась и выраженіе горечи мелькнуло на ея прекрасномъ лицѣ.

— Вы подумали, что я не имѣю больше никакого значенія для короля. Вы подумали, что мое время прошло. Безъ сомнѣнія, вы разсчитывали войти въ милость новой, нанеся первымъ оскорбленіе старой.

— Но, madame...

— Избавьте отъ возраженій. Я сужу по поступкамъ, а не по словамъ. Что же вы думали, что мои чары исчезли, что красота моя поблекла?

— Нѣтъ, madame, я былъ бы слѣпъ, если бы могъ подумать что-либо подобное.

— Слѣпъ, какъ сова въ полдень,—выразительно сказалъ Амосъ Гринъ.

Г-жа де-Монтеспанъ, приподнявъ брови, взглянула на своего страннаго поклонника.

— Вашъ другъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ то, что дѣйствительно чувствуетъ,—сказала она.—Сегодня въ четыре часа мы увидимъ, раздѣляютъ ли другіе его мнѣніе и, если

они раздѣляютъ—то горе тѣмъ, кто ошибся и принялъ мимолетную тѣнь за темное облако.

Она бросила снова злой взглядъ на молодого гвардейца и карета тронулась въ дальнѣйшій путь.

— Ѣдемте!—рѣзко крикнулъ де-Катина своему спутнику, который, разинувъ ротъ, смотрѣлъ вслѣдъ каретѣ.—Что вы никогда, что ли, не видали женщины?

— Такой, какъ эта—никогда.

— Можно поклясться, что не встрѣтить другой съ такимъ злымъ языкомъ.

— И съ такимъ красивымъ лицомъ. Впрочемъ и въ улицѣ Св. Мартина есть прелестное личико.

— Однако, у васъ хорошій вкусъ, несмотря на то, что вы выросли въ лѣсахъ.

— Да. Я такъ часто бывалъ лишенъ женскаго общества, что, когда стою передъ какой-нибудь женщиной, она мнѣ кажется какимъ-то нѣжнымъ, милымъ, святымъ существомъ.

— Ну, при дворѣ вы можете найти и нѣжныхъ и милыхъ дамъ, другъ мой, но святыхъ вамъ долго придется искать. Эта женщина сдѣлаетъ все, чтобы погубить меня и только потому, что я исполнилъ свою обязанность. При дворѣ надо постоянно лавировать между пороговъ, чтобы не разбиться о нихъ. А пороги здѣсь—женщины. Ну, вотъ теперь является другая, чтобы привлечь меня на свою сторону и, пожалуй, эта сторона будетъ получше.

Они проѣхали черезъ дворцовыя ворота и передъ ними открылась широкая аллея, вся покрытая экипажами и всадниками. По песчанымъ дорожкамъ разгуливало много нарядныхъ дамъ. Онѣ расхаживали между цвѣточными клумбами или любовались фонтанами, струи которыхъ, позлащенныя солнцемъ, подымались высоко въ воздухѣ. Одна изъ этихъ дамъ, смотрѣвшая все время въ сторону воротъ, быстро пошла навстрѣчу къ де-Катина. Это была mademoiselle Нанонъ, повѣренная г-жи де-Ментенонъ.

— Какъ я рада видѣть васъ, капитанъ,—крикнула она.— Я такъ ждала васъ. Madame желаетъ видѣть васъ. Король придетъ къ ней въ три часа, а до тѣхъ поръ остается только двадцать минутъ. Я слышала, что вы уѣхали въ Парижъ, и потому поджидала васъ здѣсь. Madame хочетъ о чемъ-то спросить васъ.

— Я сейчасъ приду. А, де-Бриссакъ, вотъ удачная встрѣча!

Мимо проходилъ высокій, дородный офицеръ въ такой же формѣ, какую носилъ де-Катина. Онъ обернулся и, улыбаясь, подошелъ къ товарищу.

— А, Амори, вы, должно-быть, далеко ѣздили, судя по вашему запыленному мундиру.

— Мы только-что изъ Парижа. Но меня зовутъ по дѣлу. Это мой другъ, г. Амосъ Гринъ. Оставляю его на вашемъ попеченіи. Онъ пріѣхалъ изъ Америки. Покажите ему, пожалуйста, все, что можете. Онъ остановился у меня. Присмотрите и за лошадью, де-Бриссакъ. Отдайте ее конюху

Де-Катина бросилъ поводья товарищу, соскочилъ съ лошади, пожалъ руку Амосу Грину и поспѣшно пошелъ за молодой дѣвушкой.

VIII. Восходящее солнце.

Комнаты, въ которыхъ жила женщина, занявшая такое важное положеніе при французскомъ дворѣ, были такъ же скромны, какъ и ея судьба въ то время, когда она впервые вошла въ нихъ. Съ тѣмъ рѣдкимъ тактомъ и сдержанностью, которыя составляли выдающіяся черты ея замѣчательнаго характера, она не измѣнила своего образа жизни, несмотря на возраставшее благосостояніе, и избѣгала вызывать зависть или ревность какими бы то ни было проявленіями богатства или власти. Въ боковомъ флигелѣ дворца, далеко отъ центральныхъ залъ, куда надо было проходить длинными корридорами и лѣстницами, находились тѣ двѣ или три комнатки, на которыя были устремлены взоры сначала двора, потомъ Франціи и, наконецъ, всего свѣта. Въ этихъ комнаткахъ помѣстилась неимущая вдова поэта Скаррона, когда г-жа де-Монтеспанъ пригласила ее въ качествѣ гувернантки королевскихъ дѣтей, и въ нихъ продолжала жить и теперь, когда по королевской милости къ ея дѣвическому имени д'Обиньи, вмѣстѣ съ пенсіей и имѣніемъ, прибавился титулъ маркизы де-Ментенонъ. Здѣсь король проводилъ ежедневно по нѣсколько часовъ, находя въ разговорѣ умной и добродѣтельной женщины такое очарованіе и удовольствіе, которыхъ никогда не могли доставить ему самые извѣстные умники его блестящаго двора. Болѣе догадливые изъ придворныхъ уже стали понимать, что сюда перенесенъ тотъ центръ, ко-

торый находился прежде въ великолѣпныхъ салонахъ де-Монтеспанъ, и что отсюда идутъ всѣ вѣянія, которыя такъ ревностно изучались тѣми, кто хотѣлъ сохранить за собой благоволеніе короля. Дѣлалось это при дворѣ чрезвычайно просто. Когда король бывалъ благочестивъ, всѣ брались за молитвенники и четки. Когда онъ предавался легкомысленнымъ развлеченіямъ, то кто могъ быть легкомысленнѣе его преданныхъ послѣдователей? Но горе тому, кто бывалъ легкомысленъ, когда слѣдовало молиться, или кто ходилъ съ вытянутымъ лицомъ, когда король смѣялся. А потому проницательные взгляды были постоянно устремлены на него и на всякаго, кто имѣлъ вліяніе на него; поэтому опытный придворный, при первомъ намекѣ о возможности перемѣны, могъ сообразовать свое поведеніе такъ, чтобы казалось, что онъ идетъ впереди другихъ, не слѣдуетъ за ними.

Молодому гвардейцу до сихъ поръ почти не приходилось разговаривать съ госпожей де-Ментенонъ, такъ какъ она вела уединенную жизнь и бывала только на церковныхъ службахъ. Поэтому онъ испытывалъ чувство нервности, и любопытства, когда шелъ за молодой дѣвушкой по пышнымъ коридорамъ, убраннымъ со всею роскошью, какую можетъ дать искусство и богатство. Нанонъ остановилась передъ одной изъ дверей и обернулась къ своему спутнику.

— Madame желаетъ поговорить съ вами о томъ, что случилось сегодня утромъ,—сказала она.—Совѣтую вамъ ничего не говорить ей о вашей вѣрѣ, такъ какъ это единственный предметъ, который можетъ ожесточить ея сердце.—Она приподняла палецъ въ знакъ предостереженія, постучалась въ дверь и открыла ее.

— Я привела капитана де-Катина, madame,—сказала она.

— Пусть капитанъ войдетъ.

Голосъ былъ твердъ, но нѣженъ и музыкаленъ.

Де-Катина повиновался приказанію и вошелъ въ комнату небольшую по размѣру и немного лучшую по убранству, чѣмъ та, которая полагалась ему. Но, несмотря на простоту, все въ комнатѣ отличалось безукоризненной чистотой и обнаруживала изящный вкусъ жившей въ ней женщины. Мебель, обтянутая тисненой кожей, коверъ, картины на сюжеты изъ Священнаго Писанія, замѣчательныя съ художественной точки зрѣнія, простыя, но изящныя занавѣси,—все вмѣстѣ производило впечатлѣніе полуцерковное, полуженственное и въ

общемъ—умиротворяющее. Мягкій свѣтъ, высокая бѣлая статуя Пресвятой Дѣвы въ углубленіи подъ балдахиномъ, съ горящей передъ ней благовонной красной лампадой и деревянный аналойчикъ съ молитвенникомъ съ краснымъ обрѣзомъ придавали комнатѣ скорѣе видъ часовни, чѣмъ будуара прекрасной женщины.

По обѣимъ сторонамъ камина, стояло по небольшому креслу, обтянутому зеленой матеріей, одно для madame, другое—для короля. На маленькомъ стулѣ на трехъ ногахъ, въ промежуткѣ между ними, помѣщалась рабочая корзина и вышиванье по канвѣ. Когда молодой офицеръ вошелъ въ комнату, хозяйка сидѣла на креслѣ, вдали отъ двери, спиной къ свѣту. Она любила сидѣть такъ, хотя не многія изъ женщинъ ея лѣтъ могли бы меньше ея бояться солнца, такъ какъ, благодаря здоровой и дѣятельной жизни, она сохранила чистоту кожи и нѣжнось лица, которымъ могла бы позавидовать любая юная придворная красавица. У нея была граціозная, царственная фигура; жесты и позы ея были полны природнаго достоинства, а голосъ, какъ уже замѣтилъ де-Катина, очень нѣжный и мелодичный. Ея лицо было скорѣе красиво, чѣмъ привлекательно, напоминая статую, съ широкимъ бѣлымъ лбомъ, твердымъ, изящно очерченнымъ ртомъ и большими, ясными сѣрыми глазами, обыкновенно серьезными и спокойными, но способными отражать малѣйшее движеніе души, отъ веселаго блеска насмѣшки до вспышки справедливаго гнѣва. Но возвышенное спокойствіе было преобладающимъ выраженіемъ ея лица и этимъ она представляла полный контрастъ со своей соперницей, на прекрасномъ лицѣ которой отражалось всякое мимолетное чувство. Правда, умомъ и остротою языка де-Монтеспанъ превосходила свою соперницу, но здравый смыслъ и болѣе глубокая натура послѣдней должны были одержать въ концѣ-концовъ верхъ. Де-Катина не имѣлъ времени замѣтить всѣ подробности. Онъ только чувствовалъ, что находится въ присутствіи очень красивой женщины и что ея большіе задумчивые глаза устремлены на него и словно читаютъ его мысли такъ, какъ никто еще не читалъ ихъ.

— Мнѣ кажется, что я уже видѣла васъ, monsieur.

— Да, madame, я имѣлъ раза два счастье сопутствовать вамъ, хотя и не удостоился чести разговаривать съ вами

— Я веду такую тихую и уединенную жизнь, что боюсь, что мнѣ неизвѣстны многіе изъ лучшихъ достойнѣйшихъ людей двора. Проклятіе подобнаго рода обстановки состоитъ въ томъ, что все дурное бросается въ глаза такъ, что невозможно не обратить вниманія на него, а все хорошее прячется благодаря своей скромности такъ, что иногда перестанешь даже надѣяться на его существованіе. Вы военный, monsieur?

— Да, madame. Я служилъ въ Нидерландахъ, на Рейнѣ и въ Канадѣ.

— Въ Канадѣ! Что можетъ быть лучшаго для женщины, какъ быть членомъ чудеснаго братства, основаннаго въ Монреалѣ Св. Маріей де-l'Jncarnation и праведной Жанной Ле-Беръ! Еще на дняхъ мнѣ разсказывалъ о нихъ отецъ Годэ. Какъ радостно принадлежать къ корпораціи и отъ святого дѣла обращенія язычниковъ переходить къ еще болѣе драгоцѣнной обязанности ухаживать за больными воинами Господа, пострадавшими въ битвѣ съ сатаной!

Де-Катина хорошо была извѣстна ужасная жизнь этихъ сестеръ, которымъ постоянно угрожала нищета, голодъ и скальпированіе, и потому ему было странно слышать, что дама, у ногъ которой лежали всѣ блага міра, съ завистью говорила объ ихъ участи.

— Онѣ очень хорошія женщины,—коротко проговорилъ, онъ, припоминая предупрежденія mademoiselle Нанонъ и боясь затронуть опасный предметъ разговора.

— И безъ сомнѣнія вамъ посчастливилось видѣть и блаженнаго епископа Лаваль?

— Да, madame, я видѣлъ епископа Лаваль.

— Надѣюсь, что сульпиціанцы не уступаютъ іезуитамъ?

— Я слышалъ, что іезуиты сильнѣе въ Квебекѣ, а тѣ въ Монреалѣ.

— А кто вашъ духовникъ, monsieur?

Де-Катина почувствовалъ, что для него наступила тяжелая минута.

— У меня нѣтъ духовника, madame.

— Ахъ, я знаю, что часто обходятся безъ постояннаго духовника, а между тѣмъ я, лично, не знаю, какъ бы я шла по моему трудному пути безъ моего духовника. Но у кого же вы исповѣдуетесь?

— Ни у кого. Я принадлежу къ реформатской церкви, madame.

Де-Ментенонъ сдѣлала жестъ ужаса и внезапно жесткое выраженіе появилось въ ея глазахъ и около рта.

— Какъ, даже при дворѣ и вблизи самого короля!— вскрикнула она.

Де-Катина былъ довольно равнодушенъ ко всему, что касалось религіи, и придерживался своей вѣры скорѣе изъ-за семейныхъ традицій, чѣмъ изъ убѣжденія, но самолюбіе его было оскорблено тѣмъ, что на него смотрѣли такъ, словно онъ признался въ чемъ-то отвратительномъ и нечистомъ.

— Madame,—сурово проговорилъ онъ,—какъ вамъ извѣстно, люди, исповѣдывавшіе мою вѣру, не только окружали французскій тронъ, но даже сидѣли на немъ.

— Богъ, въ своей премудрости, допустилъ это и кому лучше знать это, какъ не мнѣ, дѣдушка которой, Теодоръ д'Обинье, такъ много способствовалъ тому, чтобы возложить корону на главу великаго Генриха. Но глаза Генриха открылись раньше конца его жизни, и я молю—о молю ото всего сердца—чтобы открылись и ваши.

Она встала и, бросившись на колѣни передъ аналоемъ, нѣсколько минутъ простояла, закрывъ лицо руками. Объектъ ея молитвы между тѣмъ въ смущеніи стоялъ посреди комнаты, не зная, какъ принять подобнаго рода вниманіе: за оскорбленіе или за милость. Стукъ въ дверь возвратилъ хозяйку къ дѣйствительности и въ комнату вошла ея преданная компаньонка.

— Король будетъ здѣсь черезъ пять минутъ, madame,— проговорила она.

— Очень хорошо. Станьте за дверью и скажите мнѣ, когда онъ будетъ подходить. Вы передали сегодня утромъ королю мою записку, сударь?—спросила она, когда они снова остались наединѣ.

— Передалъ, madame.

— И, какъ я слышала, г-жа де-Монтеспанъ не была допущена на «grand lever»?

— Да, madame.

— Но она поджидала короля въ корридорѣ?

— Да, madame.

— И вырвала у него обѣщаніе, что онъ повидается съ ней сегодня.

— Да, madame.

— Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы сказали мнѣ то, что можетъ показаться вамъ нарушеніемъ долга. Но я борюсь противъ страшнаго врага и изъ-за большой ставки. Вы понимаете меня?

Де-Катина поклонился.

— Что же я хочу сказать?

— Я думаю, что вы желаете сказать, что вы боретесь изъ-за королевской милости съ вышеупомянутой дамой.

— Беру небо во свидѣтели, я не думаю о себѣ. Я борюсь съ дьяволомъ изъ-за души короля.

— Это то же самое, madame.

Она улыбнулась.

— Если бы тѣло короля было въ опасности, я призвала бы на помощь его вѣрныхъ тѣлохранителей, а тутъ дѣло идетъ о гораздо болѣе важномъ. Итакъ, скажите мнѣ, въ которомъ часу король долженъ быть у маркизы?

— Въ четыре, madame.

— Благодарю васъ. Вы оказали мнѣ услугу, которой я никогда не забуду.

— Король идетъ, madame,—сказала Нанонъ, просовывая голову въ дверь.

— Значитъ, вамъ нужно уходитъ, капитанъ. Пройдите черезъ другую комнату въ корридоръ. И возьмите вотъ это. Это изложеніе католической вѣры сочиненія Боссюэта. Оно смягчило сердца другихъ и, быть-можетъ, смягчитъ и ваше. Теперь, прощайте!

Де-Катина вышелъ въ другую дверь. На порогѣ онъ оглянулся. Де-Ментенонъ стояла спиной къ нему, поднявъ руку къ камину. Въ ту минуту, когда онъ взглянулъ на нее, она повернулась и онъ могъ разглядѣть, что она дѣлала. Она переводила назадъ стрѣлку часовъ.

IX. Le roi s'amuse.

Капитанъ де-Катина только-что вышелъ въ одну дверь, какъ mademoiselle Нанонъ распахнула другую, и король вошелъ въ комнату. Г-жа де-Монтенонъ, пріятно улыбаясь, низко присѣла передъ нимъ. Но на лицѣ гостя не появилось отвѣтной улыбки и онъ бросился на свободное кресло, надувъ губы и нахмуривъ брови.

— Однако это очень плохой комплиментъ мнѣ,—вскричала она съ веселостью, къ которой умѣла прибѣгать, когда бывало нужно разсѣять мрачное настроеніе короля.—Моя темная комната уже бросила свою тѣнь.

— Нѣтъ, не она. Отецъ Лашезъ и епископъ изъ Мо все время гонялись за мной, словно собаки за оленемъ, толкуя о моихъ обязанностяхъ, о моемъ положеніи, о моихъ грѣхахъ, причемъ въ концѣ этихъ увѣщаній неизбѣжно появлялся страшный судъ и адскій пламень.

— Чего же они желаютъ отъ вашего величества?

— Чтобы я нарушилъ присягу, данную мною при восшествіи на престолъ и, еще раньше, моимъ дѣдомъ. Они желаютъ, чтобы я отмѣнилъ Нантскій эдиктъ и выгналъ гугенотовъ изъ Франціи.

— О, вашему величеству, не слѣдуетъ тревожиться подобнаго рода вещами.

— Вы не хотѣли бы, чтобы я сдѣлалъ это, madame?

— Ни въ какомъ случаѣ, если это можетъ огорчить ваше величество.

— Можетъ-быть, у васъ осталась нѣкоторая слабость къ религіи вашей юности?

— Нѣтъ, ваше величество; я ненавижу ересь.

— А между тѣмъ не хотите изгнанія еретиковъ?

— Вспомните, ваше величество, что Всемогущій можетъ, если будетъ на то Его воля, склонить ихъ сердца ко благу, какъ Онъ склонилъ мое. Не лучше ли вамъ оставить ихъ въ Его рукахъ.

— Честное слово, это хорошо сказано,—замѣтилъ Людовикъ и лицо его просвѣтлѣло.—Посмотримъ, что можетъ на это отвѣтить отецъ Лашезъ. Тяжело слушать угрозы вѣчными муками за то, что не хочешь погубить своего королевства. Вѣчныя муки! Я видѣлъ лицо человѣка, который провелъ въ Бастиліи пятнадцать лѣтъ. Оно было похоже на страшную лѣтопись; каждый часъ этой исторіи заживо былъ отмѣченъ рубцомъ или морщиной. А вѣчность!

Онъ вздрогнулъ при этой мысли и выраженіе ужаса мелькнуло въ его глазахъ. Высшіе мотивы мало вліяли на его душу, какъ это давно было извѣстно его окружающимъ, но ужасы будущей жизни пугали его.

— Зачѣмъ думать о подобнаго рода вещахъ, ваше величество? — спросила г-же де-Ментенонъ своимъ звучнымъ

успокоительнымъ голосомъ.—Чего бояться вамъ, истинному сыну церкви?

— Такъ вы думаете, что я спасусь?

— Конечно, ваше величество.

— Но вѣдь я грѣшилъ и много грѣшилъ. Вы сами говорили мнѣ это.

— Но это уже все прошло, ваше величество. Кто не грѣшенъ? Вы отвратились отъ искушенія и безъ сомнѣнія заслужили прощеніе.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы королева была еще жива. Она увидѣла бы, что я сталъ лучше.

— Я сама желала бы этого, ваше величество.

— И она узнала бы, что этой перемѣной я обязанъ вамъ. О, Франсуаза, вы мой ангелъ-хранитель во плоти. Чѣмъ могу я отблагодарить вамъ за то, что вы сдѣлали для меня!

Онъ нагнулся и взялъ ее за руку, но при этомъ прикосновеніи въ глазахъ его внезапно вспыхнулъ огонь и онъ протянулъ другую руку, чтобы обнять ее. Г-жа де-Ментенонъ поспѣшно встала съ мѣста, чтобы избѣгнуть этого объятія.

— Ваше величество!—проговорила она, подымая палецъ. Лицо ея приняло суровое выраженіе.

— Вы правы, вы правы, Франсуаза. Сядьте, пожалуйста, я сумѣю овладѣть собой. Все та же вышивка!

Онъ поднялъ одинъ край шелковистаго свертка. Она сѣла снова на мѣсто, предварительно бросивъ быстрый проницательный взглядъ на своего собесѣдника, и, взявъ на колѣни другой конецъ вышивки, принялась опять за работу.

— Да, ваше величество. Это сцена изъ охоты въ вашихъ лѣсахъ въ Фонтенебло. Олень, какъ видите, за которымъ гонятся собаки и нарядная кавалькада кавалеровъ и дамъ. Вы выѣзжали сегодня, ваше величество?

— Нѣтъ. Отчего у васъ такое ледяное сердце, Франсуаза?

— Желала бы, чтобы оно было ледянымъ, ваше величество. Такъ, можетъ-быть, вы охотились съ соколами?

— Нѣтъ. Навѣрно, любовь мужчины никогда не трогала вашего сердца. А между тѣмъ вы были женой.

— Сидѣлкой, а не женой, ваше величество. Посмотрите, кто эта дама въ паркѣ! Навѣрно, mademoiselle. Я не знала, что она возвратилась изъ Шуази.

Но король не желаетъ перемѣнять разговора.

— Такъ вы не любили этого Скаррона?—продолжалъ

онъ.—Я слышалъ, что онъ былъ старъ и хромалъ, какъ нѣкоторые изъ его стиховъ.

— Не говорите такъ о немъ, ваше величество. Я была благодарна ему; я уважала его; я была предана ему.

— Но не любили его.

— Къ чему вамъ знать тайны женскаго сердца.

— Вы не любили его, Франсуаза?

— Во всякомъ случаѣ я исполняла мой долгъ относительно него.

— Такъ это сердце монахини еще не тронуто любовью?

— Не спрашивайте меня, ваше величество.

— Оно никогда...

— Пощадите меня, ваше величество, молю васъ!

— Но я долженъ спросить васъ, потому что отъ вашего отвѣта зависитъ мой душевный покой.

— Ваши слова огорчаютъ меня до глубины души.

— Неужели, Франсуаза, вы не чувствовали въ вашемъ сердцѣ слабаго отблеска той любви, которая горитъ въ моемъ?

Монархъ всталъ и съ мольбой протянулъ руки къ своей собесѣдницѣ. Она отступила на нѣсколько шаговъ отъ него и отвернула голову.

— Будьте увѣрены только въ томъ, ваше величество,— сказала она,—если бы я даже любила васъ, какъ никогда еще женщина не любила мужчину, то и тогда я скорѣе бы бросилась изъ этого окна на мраморную террасу, внизу его, чѣмъ обнаружила бы вамъ это хоть единымъ словомъ и жестомъ.

— А почему, Франсуаза?

— Потому, ваше величество, что моя высочайшая надежда въ этой жизни заключается въ томъ, что, мнѣ кажется, я призвана обратить вашъ духъ къ болѣе возвышеннымъ предметамъ, а никто такъ хорошо не знаетъ величія и благородства этого духа, какъ я.

— Развѣ моя любовь такъ низка?

— Вы потратили слишкомъ много времени и думъ на любовь къ женщинамъ. А теперь, государь, годы проходятъ и близится день, когда даже вамъ придется дать отчетъ въ вашихъ поступкахъ и въ сокровеннѣйшихъ мысляхъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы употребили остатокъ вашей жизни на устроеніе церкви, на показаніе благороднаго примѣра ва-

шимъ подданнымъ и на исправленіе того зла, которое вы могли причинить въ прошедшемъ.

Король со стономъ упалъ въ кресло.

— Все то же самое,—проговорилъ онъ.—Да вы еще хуже отца Лашеза и Боссюэта.

— Нѣтъ, нѣтъ,—весело проговорила она съ неизмѣнявшимъ ей никогда тактомъ.—Я надоѣла вамъ, тогда какъ вы удостили посѣтить меня въ моей комнаткѣ. Это дѣйствительно неблагодарность съ моей стороны и я была бы справедливо наказана, если бы вы оставили меня завтра въ одиночествѣ и такимъ образомъ омрачили бы мнѣ день. Но скажите, государь, какъ подвигаются постройки въ Марли? Я горю отъ нетерпѣнія узнать, будетъ ли дѣйствовать большой фонтанъ.

— Да, фонтанъ хорошо бьетъ, но Мансаръ слишкомъ отодвинулъ правый флигель. Я сдѣлалъ изъ него хорошаго архитектора, но мнѣ приходится учить его еще многому. Сегодня я указалъ ему на планѣ эту ошибку и онъ обѣщалъ исправить ее.

— А во что обойдется эта перемѣна, ваше величество?

— Въ нѣсколько милліоновъ ливровъ, но зато видъ съ южной стороны станетъ гораздо лучше. Я занялъ еще милю земли въ ту сторону, потому что тамъ жило много бѣдняковъ, хижины которыхъ были далеко не красивы.

— А почему вы не ѣздили сегодня верхомъ, ваше величество?

— Потому что это не доставляетъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Было время, когда кровь во мнѣ закипала при звукѣ рога и топотѣ копытъ, но теперь все это утомляетъ меня.

— А охота съ соколами?

— Я не буду больше охотиться.

— Но вамъ нужны же какія-нибудь развлеченія, государь?

— Что можетъ быть скучнѣе развлеченія, которое перестало развлекать? Не знаю, какъ это произошло. Когда я былъ мальчикомъ и меня съ матерью гоняли съ мѣста на мѣсто, когда противъ насъ была Фронда, а Парижъ въ полномъ возмущеніи—такая жизнь казалась мнѣ такой свѣтлой, новой, полной интереса. Теперь же, когда нигдѣ не видно тучъ, когда мой голосъ—первый во Франціи, а голосъ Франціи—первый въ Европѣ, все кажется мнѣ скучнымъ и утомительнымъ. Что пользы въ удовольствіи, когда оно надоѣдаетъ мнѣ, лишь только я испробую его?

— Истинное удовольствіе, государь, заключается болѣе въ ясности духа, въ спокойствіи совѣсти. И развѣ не естественно, что, по мѣрѣ того, какъ мы становимся старше, наши мысли принимаютъ болѣе серьезную окраску? Будь иначе, мы могли бы упрекать себя въ томъ, что не извлекли никакой пользы изъ уроковъ, даваемыхъ намъ жизнью.

— Можетъ быть; но во всякомъ случаѣ грустно и скучно чувствовать, что ничто уже не занимаетъ меня. Но кто это стучится?

— Это моя компаньонка. Что нужно, mademoiselle?

— Пришелъ г. Корнель читать королю,—отвѣчала молодая дѣвица, открывая дверь.

— Ахъ, да; ваше величество, я знаю, какъ бываетъ глупа женская болтовня, и потому пригласила кое-кого поумнѣе, чтобы развлечь васъ. Долженъ былъ придти г. Расинъ, но мнѣ сказали, что онъ упалъ съ лошади, и вмѣсто себя прислалъ своего друга. Позволите ему войти?

— Какъ вамъ угодно, madame, какъ угодно,—безучастно проговорилъ король.

По знаку компаньонки въ комнату вошелъ маленькій человѣкъ болѣзненнаго вида съ хитрымъ, живымъ лицомъ и длинными сѣдыми волосами, падавшими на плечи. Онъ сдѣлалъ три низкихъ поклона и затѣмъ робко сѣлъ на самый край табурета, съ котораго хозяйка сняла свою рабочую корзину. Она улыбнулась и кивнула головой поэту, чтобъ ободрить его, а король съ видомъ покорности откинулся на спинку кресла.

— Прикажете комедію, или трагедію, или комическую пастораль?—робко спросилъ Корнель.

— Только не комическую пастораль,—рѣшительно сказалъ король.—Такія вещи можно играть, но не читать: онѣ пріятнѣе для зрѣнія, чѣмъ для слуха.

Поэтъ поклонился въ знакъ согласія.

— И не трагедію, сударь,—сказала г-жа де-Ментенонъ, подымая глаза отъ работы.—У короля и такъ достаточно серьезнаго въ часы его занятій, а я разсчитываю на вашъ талантъ, чтобы позабавить его.

— Пусть это будетъ комедія,—замѣтилъ Людовикъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ скончался бѣдняга Мольеръ, я ни разу не смѣялся отъ души.

— Ахъ, у вашего величества дѣйствительно тонкій

вкусъ,—вскрикнулъ придворный поэтъ.—Если бы вы удостоили заняться поэзіей, что стало бы со всѣми нами?

Людовикъ улыбнулся. Никакая лесть не казалась ему слишкомъ грубой.

— Какъ вы научили нашихъ генераловъ войнѣ, а художниковъ искусству, такъ настроили бы и лиры нашихъ бѣдныхъ пѣвцовъ на болѣе высокій ладъ. Но Марсъ едва ли бы согласился раздѣлить болѣе смиренные лавры Аполлона.

— Мнѣ иногда казалось, что у меня есть извѣстнаго рода способности, — снисходительно отвѣтилъ король, — но среди государственныхъ заботъ и тягостей у меня, какъ вы сами говорите, остается мало времени для занятій изящными искусствами.

— Но вы поощряли другихъ къ тому, что могли бы такъ прекрасно сдѣлать сами, ваше величество. Вы вызвали появленіе поэтовъ, какъ солнце вызываетъ появленіе цвѣтовъ. Сколько ихъ! Мольеръ, Буало, Расинъ, одинъ выше другого. А другіе, второстепенные—Скарронъ такой непристойный и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумный... О, Пресвятая Дѣва! Что сказалъ я?

Г-жа де-Ментенонъ положила на колѣни вышиванія и съ выраженіемъ величайшаго негодованія смотрѣла на поэта, который завертѣлся на стулѣ подъ строгимъ взглядомъ ея полныхъ упрека холодныхъ сѣрыхъ глазъ.

— Я полагаю, г. Корнель, вамъ лучше начать чтеніе,— сухо сказалъ король.

— Несомнѣнно, ваше величество. Прикажете прочесть мою пьесу о Даріи?

— А кто былъ Дарій? — спросилъ король, образованіе котораго, благодаря хитрой политикѣ кардинала Мазарини, было такъ заброшено, что онъ былъ невѣжественъ во всемъ, исключая того, что входило въ кругъ его наблюденій.

— Дарій былъ царь Персіи, ваше величество.

— А гдѣ находится Персія?

— Это—царство въ Азіи.

— Что же, Дарій и теперь царствуетъ тамъ?

— Нѣтъ, государь; онъ сражался противъ Александра Великаго.

— А! Я слыхалъ объ Александрѣ. Онъ былъ знаменитый царь и полководецъ, не такъ ли?

— Подобно вашему величеству, онъ мудро управлялъ страной и побѣдоносно предводительствовалъ войсками.

— И былъ царемъ Персіи?

— Нѣтъ, Македоніи, государь. Царь Персіи былъ Дарій.

Король нахмурился, такъ какъ малѣйшая поправка казалась ему оскорбленіемъ.

— Какъ кажется, вы сами смутно знакомы съ этимъ предметомъ, да, признаюсь, онъ и не особенно интересуетъ меня,—сказалъ онъ.—Займемся чѣмъ-нибудь другимъ.

— Вотъ мой «Мнимый Астрологъ».

— Хорошо. Это годится.

Корнель сталъ читать комедію. Г-жа де-Ментенонъ своими бѣлыми, нѣжными пальчиками перебирала разноцвѣтный шелкъ для вышиванія. По временамъ она взглядывала на часы и затѣмъ переводила взглядъ на короля, который откинулся въ креслѣ, закрывъ лицо кружевнымъ платкомъ. На часахъ было безъ двадцати минутъ четыре, но она знала, что перевела ихъ на полчаса назадъ и что, по настоящему, уже десять минутъ пятаго.

— Подождите!—вдругъ вскрикнулъ король.—Тутъ что-то не такъ. Въ предпослѣднемъ стихѣ есть ошибка.

Одной изъ слабостей короля было то, что онъ считалъ себя непогрѣшимымъ критикомъ, и благоразумный поэтъ соглашался со всѣми его поправками, какъ бы онѣ ни были нелѣпы.

— Который стихъ, ваше величество? Истинное счастье, когда человѣку указываютъ его ошибки.

— Прочтите еще разъ это мѣсто.

Корнель прочелъ.

— Да, въ третьемъ стихѣ одинъ слогъ лишній. Вы не замѣчаете, madame?

— Нѣтъ; но я вообще плохой судья.

— Ваше величество совершенно правы, — не краснѣя, проговорилъ Корнель.—Я отмѣчу это мѣсто и исправлю его.

— Мнѣ казалось, что тутъ невѣрно. Если я и не пишу самъ, то во всякомъ случаѣ слухъ у меня тонкій. Невѣрный размѣръ стиха непріятно дѣйствуетъ на меня. То же самое и въ музыкѣ. Я слышу диссонансъ, когда самъ Люлли не замѣчаетъ его. Я часто указывалъ ему ошибки

въ его операхъ и мнѣ всегда удавалось убѣдить его, что я правъ.

— Этому лестно повѣрить, ваше величество.

Корнель взялся снова за книжку и только-что собрался читать, какъ кто-то сильно постучался въ дверь.

— Это его превосходительство г. министръ Лувуа, — сказала Нанонъ.

— Допустите его,—отвѣтилъ Людовикъ.—Благодарю васъ за прочитанное, г. Корнель, и сожалѣю, что долженъ прервать чтеніе вашей комедіи ради государственнаго дѣла, Можетъ-быть, въ другой разъ я буду имѣть удовольствіе слышать окончаніе.

Онъ улыбнулся тою милостивою улыбкой, которая заставляла всѣхъ приближенныхъ забывать его недостатки и помнить о немъ только какъ объ олицетвореніи величія и учтивости.

Поэтъ, съ книгой подъ мышкой, выскользнулъ изъ комнатки въ то мгновеніе, когда въ нее съ поклономъ входилъ знаменитый министръ, высокій, въ большомъ парикѣ, съ орлинымъ носомъ и внушительнымъ видомъ. Манеры его отличались преувеличенной вѣжливостью, но на высокомѣрномъ лицѣ слишкомъ ясно отражалось презрѣніе къ этой комнатѣ и къ той женщинѣ, которая жила въ ней. Она отлично знала отношеніе министра къ ней, но ея полное самообладаніе удерживало ее выказывать это словомъ или взглядомъ.

— Моя квартира сегодня удостоилась особой чести,— сказала она, вставая и протягивая руку министру.—Не соблаговолите ли, monsieur, сѣсть на табуретку, такъ какъ въ моемъ кукольномъ домикѣ я не могу предложить вамъ ничего подходящаго? Но, можетъ-быть, я мѣшаю, если вы желаете говорить съ королемъ о государственныхъ дѣлахъ? Я могу уйти къ себѣ въ будуаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, madame!—сказалъ Людовикъ.—Я желаю, чтобы вы остались здѣсь. Въ чемъ дѣло, Лувуа?

— Пріѣхалъ гонецъ изъ Англіи съ депешами, ваше величество,—отвѣтилъ министръ, покачиваясь своей тяжеловѣсной фигурой на трехногой табуреткѣ.—Дѣла тамъ очень плохія и поговариваютъ о возстаніи. Лордъ Сундерлэндъ спрашиваетъ письмомъ, можетъ ли король разсчитывать на помощь Франціи, если голландцы примутъ сторону недоволь-

ныхъ. Разумѣется, зная мысли вашего величества, я, не колеблясь, отвѣтилъ, что можетъ.

— Что вы такое сдѣлали!

— Я отвѣтилъ, что можетъ, ваше величество.

Король Людовикъ вспыхнулъ отъ гнѣва и схватилъ каминные щипцы, какъ будто намѣреваясь ударить ими министра. Г-жа де-Ментенонъ вскочила съ кресла и успокоивающимъ движеніемъ дотронулась рукой до локтя короля. Онъ бросилъ щипцы, но глаза его горѣли попрежнему гнѣвно, когда онъ взглянулъ на Лувуа.

— Какъ вы смѣли!—кричалъ онъ.

— Но, ваше величество...

— Какъ вы смѣли, говорю вамъ! Какъ! Вы осмѣлились дать отвѣтъ на подобнаго рода вопросъ, не посовѣтовавшись со мной! Сколько разъ мнѣ говорить вамъ, что государство— это я, я одинъ; что все должно идти отъ меня и что я отвѣтственъ только передъ Богомъ! Что вы такое? Мой инструментъ, мое орудіе! И вы осмѣливаетесь дѣйствовать безъ моего повелѣнія!

— Я полагалъ, что знаю ваши желанія, государь,—пробормоталъ Лувуа. Все его высокомѣріе исчезло, а лицо стало такъ же блѣдно, какъ его манишка.

— Вы должны не думать о моихъ желаніяхъ, сударь, а справляться о нихъ и повиноваться имъ. Почему я отвернулся отъ моего стариннаго дворянства и передалъ дѣла королевства людямъ, фамиліи которыхъ никогда не упоминались въ исторіи Франціи, людямъ, какъ Кольберъ и вы? Меня осуждали за это. Когда герцогъ Сенъ-Симонъ въ послѣдній разъ былъ при дворѣ, онъ сказалъ, что у насъ буржуазное правленіе. Такъ оно и есть. Но я хотѣлъ этого, потому что зналъ, что вельможи имѣютъ мой собственный образъ мыслей, а для управленія Франціей я не желаю иного образа мыслей, кромѣ своего собственнаго. Но если мои буржуа станутъ получать письма отъ иностранныхъ посланниковъ и сами давать отвѣты посольствамъ, то я, дѣйствительно, достоинъ сожалѣнія. Въ послѣднее время я наблюдалъ за вами, Лувуа. Вы становитесь выше вашего положенія. Вы берете на себя слишкомъ много. Смотрите, чтобъ мнѣ не пришлось еще разъ говорить вамъ объ этомъ.

Униженный министръ сидѣлъ совершенно подавленный, опустивъ голову па грудь. Король еще нѣсколько времени,

нахмурившись, бормоталъ что-то про себя, но затѣмъ лицо его постепенно разъяснилось. Его припадки гнѣва бывали обыкновенно такъ же коротки, какъ сильны и внезапны.

— Задержите гонца, Лувуа,—наконецъ, проговорилъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Да, ваше величество.

— А завтра на утреннемъ совѣтѣ мы посмотримъ, какой отвѣтъ послать лорду Сундерлэнду. Можетъ-быть, лучше не давать слишкомъ большихъ обѣщаній съ нашей стороны. Эти англичане всегда были у насъ бѣльмомъ на глазу. Если бы можно было оставить ихъ среди ихъ тумановъ, чтобы они занялись междуусобіями впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, то мы могли бы за это время свободно справиться съ этимъ голландскимъ принцемъ. Ихъ послѣдняя междуусобная война длилась десять лѣтъ и слѣдующая можетъ продолжаться столько же времени. А до тѣхъ поръ мы могли бы распространить нашу границу до Рейна.

— Ваши войска будутъ готовы въ тотъ день, какъ вы отдадите приказъ, государь.

— Но война дорого стоитъ. Я не желаю продавать дворцовое серебро, какъ мы это сдѣлали въ послѣдній разъ. Каково состояніе казначейства?

— Мы не очень богаты, государь. Но есть одинъ способъ очень легко добыть деньги. Сегодня утромъ былъ разговоръ насчетъ гугенотовъ и возможности ихъ дальнѣйшаго пребыванія въ католическомъ государствѣ. Если выгнать ихъ и взять въ казну ихъ имущество, ваше величество станетъ сразу богатѣйшимъ монархомъ всего христіанскаго міра.

— Но сегодня утромъ вы были противъ этой мѣры, Лувуа?

— Я не обдумалъ хорошо этого вопроса, государь.

— Вы хотите сказать, что отецъ Лашезъ и епископъ еще не успѣли добраться до васъ,—рѣзко сказалъ Людовикъ.—Ахъ, Лувуа, я не напрасно прожилъ столько лѣтъ среди придворныхъ и научился кое-чему. Скажите словечко одному, потомъ другому, третьему, пока это слово не дойдетъ до короля. Когда мои добрые отцы церкви рѣшаются провести что-нибудь, я вижу повсюду ихъ слѣды, подобно тому, какъ слѣды крота узнаются по взрытой имъ землѣ. Но я не поступлю противъ совѣсти, не сдѣлаю вреда тѣмъ, кто, несмотря на всѣ ихъ заблужденія, все-таки остаются подданными, данными мнѣ Богомъ.

— Я вовсе и не желаю, чтобы вы сдѣлали это, ваше величество,—въ смущеніи проговорилъ Лувуа. Обвиненіе короля было настолько несправедливо, что онъ не могъ ничего возразить противъ него.

— Я знаю только одно лицо, — продолжалъ Людовикъ, взглянувъ на г-жу де-Ментенонъ,—у котораго нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, которое не стремится ни къ богатству, ни къ почестямъ и котораго нельзя подкупить, чтобы оно измѣнило моимъ интересамъ. Потому-то я такъ высоко цѣню мнѣніе этого лица.

Говоря это, онъ смотрѣлъ съ улыбкой на г-жу де-Ментенонъ; министръ также бросилъ на нее взглядъ, въ которомъ выразилась зависть, терзавшая его душу.

— Я считалъ долгомъ указать на это вашему величеству только какъ на возможность,—сказалъ онъ, вставая съ мѣста.—Боюсь, что я отнялъ слишкомъ много времени у вашего величества, и потому удаляюсь.

Онъ слегка поклонился хозяйкѣ, отвѣсилъ глубокій поклонъ королю и вышелъ изъ комнаты.

— Лувуа становится невыносимымъ,—сказалъ король.— Дерзость его не знаетъ границъ. Не будь онъ такимъ отличнымъ служакой, я давно удалилъ бы его отъ двора. У него свои мнѣнія насчетъ всего. Недавно онъ увѣрялъ, что я ошибся, говоря, что одно изъ оконъ въ Тріанонѣ меньше другихъ. Я заставилъ Ленотра смѣрить это окно и, конечно, оно оказалось меньше. Но на вашихъ часахъ уже четыре. Мнѣ нужно идти.

— Мои часы отстаютъ на полчаса, ваше величество.

— Полчаса! — Король смутился на одно мгновеніе, но затѣмъ расхохотался.—Ну, въ такомъ случаѣ я лучше останусь здѣсь, такъ какъ опоздалъ и могу по совѣсти сказать, что это вина часовъ, а не моя.

— Надѣюсь, что дѣло было не очень важное, государь,— сказала г-жа де-Ментенонъ и выраженіе сдержаннаго торжества мелькнуло въ ея глазахъ.

— Совсѣмъ неважное.

— Не государственное?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я назначилъ этотъ часъ только для того, чтобы сдѣлать выговоръ одной зазнавшейся особѣ. Но, пожалуй, такъ вышло лучше. Мое отсутствіе послужитъ знакомъ моей немилости и подѣйствуетъ, надѣюсь, настолько, что я

уже не увижу этой личности при моемъ дворѣ. Ахъ, что это такое?

Дверь распахнулась. Передъ ними стояла г-жа де-Монтеспанъ, прекрасная и разгнѣванная.

X. Затменіе въ Версали.

Г-жа де-Ментенонъ была женщина замѣчательно сдержанная, хладнокровная и находчивая. Она сейчасъ же встала съ мѣста съ такимъ видомъ, какъ-будто увидѣла пріятную гостью, и пошла навстрѣчу ей съ привѣтливой улыбкой и протянутой рукою.

— Вотъ неожиданное удовольствіе, — проговорила она.

Но г-жа де-Монтеспанъ была очень сердита, такъ сердита, что, очевидно, дѣлала большія усилія, чтобы сдержать вспышку бѣшенаго гнѣва. Лицо ея было очень блѣдно, губы плотно сжаты, а остановившіеся глаза сверкали холоднымъ, сердитымъ блескомъ. Одно мгновеніе двѣ самыя красивыя, величественныя женщины Франціи стояли другъ передъ другомъ, одна съ нахмуреннымъ лицомъ, другая улыбаясь. Потомъ Монтеспанъ, не обративъ вниманія на протянутую руку соперницы, повернулась къ королю, который, съ недовольнымъ видомъ, смотрѣлъ на нее.

— Боюсь, что я помѣшала, ваше величество.

— Дѣйствительно, ваше появленіе нѣсколько неожиданно, madame.

— Смиренно прошу извиненія. Съ тѣхъ поръ, какъ эта дама стала гувернанткой моихъ дѣтей, я привыкла входить въ ея комнату безъ доклада.

— Что касается меня, я всегда рада видѣть васъ,—спокойно замѣтила ея соперница.

— Признаюсь, я не считала даже нужнымъ спрашивать вашего позволенія, madame, — холодно отвѣтила г-жа де-Монтеспанъ.

— Ну, такъ впередъ будете спрашивать, madame,—сурово сказалъ король.—Я приказываю вамъ оказывать полное уваженіе этой дамѣ.

— О, этой дамѣ!—Она махнула рукой въ сторону соперницы.—Конечно, приказанія вашего величества—законъ для насъ. Но я должна помнить, къ которой именно дамѣ относится ваше приказаніе, такъ какъ иногда можно спу-

таться, кому именно ваше величество оказываетъ честь. Сегодня это де-Ментенонъ, вчера была Фонтанжъ, завтра... Ахъ, кто можетъ сказать, кто будетъ завтра?

Она была великолѣпна въ своей гордости и безстрашіи. Съ сверкавшими голубыми глазами и высоко вздымавшейся грудью, она стояла передъ своимъ царственнымъ любовникомъ, смотря сверху внизъ на него. Несмотря на весь гнѣвъ, взглядъ его нѣсколько смягчился, остановясь на ея круглой бѣлой шеѣ и на нѣжной линіи ея красивыхъ плечъ. Въ ея страстныхъ рѣчахъ, въ вызывающемъ поворотѣ изящной головы, въ великолѣпномъ презрѣніи, съ которымъ она смотрѣла на соперницу, было много красиваго.

— Дерзостью вы ничего не выиграете, madame,—сказалъ король.

— Дерзость не въ моихъ привычкахъ, ваше величество.

— А между тѣмъ я нахожу ваши слова дерзкими.

— Истина всегда считается дерзостью при французскомъ дворѣ, ваше величество.

— Достаточно этого разговора.

— Достаточно очень малой части истины.

— Вы забываетесь, madame. Прошу васъ оставить комнату.

— Раньше чѣмъ уйти, я должна напомнить вашему величеству, что вы оказали мнѣ честь, назначивъ свиданіе со мной послѣ полудня. Вы обѣщались мнѣ вашимъ королевскимъ словомъ, что придете ко мнѣ. Я не сомнѣваюсь, что ваше величество сдержите это обѣщаніе, несмотря на всѣ здѣшнія очарованія.

— Я пришелъ бы, madame, но эти часы, какъ вы сами можете замѣтить, отстаютъ на полчаса и время прошло такъ быстро, что я не замѣтилъ его.

— Пожалуйста, государь, не огорчайтесь этимъ. Я пойду къ себѣ въ комнату, а пять или четыре часа—мнѣ совершенно безразлично.

— Благодарю васъ, madame, но теперешнее наше свиданіе не настолько пріятно, чтобы я сталъ искать другого.

— Такъ ваше величество не придете?

— Предпочитаю не идти.

— Несмотря на ваше обѣщаніе?

— Madame!

— Вы нарушаете ваше слово!

— Замолчите, madame; это невыносимо.

— Это дѣйствительно невыносимо!—крикнула разгнѣванная де-Монтеспанъ, забывая всякую осторожность.—О, я не боюсь васъ, ваше величество. Я любила васъ, но никогда не боялась. Оставляю васъ здѣсь. Оставляю васъ наединѣ съ вашей совѣстью и вашей... вашимъ духовникомъ. Но прежде чѣмъ я уйду, вы выслушаете отъ меня одно правдивое слово. Вы измѣняли вашей женѣ, измѣняли вашей любовницѣ, но только теперь я вижу, что вы можете измѣнить и вашему слову.

Она поклонилась ему съ гнѣвнымъ видомъ и, высоко поднявъ голову, величественно вышла изъ комнаты.

Король вскочилъ съ мѣста, словно ужаленный. Онъ такъ привыкъ къ кротости своей жены и къ еще большей кротости Лавальеръ, что подобнаго рода рѣчи никогда еще не доходили до его королевскаго слуха. Это новое ощущеніе изумило его. Какой новый запахъ въ первый разъ примѣшался къ ѳиміаму, среди котораго онъ жилъ? Затѣмъ вся его душа наполнилась гнѣвомъ противъ нея, противъ этой женщины, которая осмѣлилась возвысить голосъ передъ нимъ. Что она ревнуетъ и потому оскорбляетъ другую женщину — это извинительно, это даже косвенный комплиментъ ему. Но что она осмѣлиласъ говорить съ «н и м ъ» какъ женщина съ мужчиной, а не какъ подданная съ монархомъ, это было уже слишкомъ. У него вырвался несвязный крикъ бѣшенства и онъ бросился къ двери.

— Ваше величество!—Г-жа де-Ментенонъ, все время зорко слѣдившая за быстрой смѣной впечатлѣній на его выразительномъ лицѣ, быстро подошла и тронула его за локоть.

— Я пойду за ней!

— А зачѣмъ, государь?

— Чтобъ запретить ей пребываніе при дворѣ.

— Но, ваше величество...

— Вы слышали ее! Это позоръ! Я пойду.

— Но развѣ вы не могли бы написать, государь?

— Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ видѣть ее.

Онъ отворилъ дверь.

— О, будьте же тверды, ваше величество!

Де-Ментенонъ съ тревогой смотрѣла вслѣдъ королю, который поспѣшно, съ гнѣвными жестами, шелъ по коридору. Потомъ она возвратилась къ себѣ въ комнату и, упавъ на

колѣни передъ аналоемъ, склонила голову и стала молиться за короля, за себя и за Францію.

Гвардеецъ де-Катина между тѣмъ показывалъ своему молодому океанскому другу чудеса дворца. Американецъ внимательно разсматривалъ все, что показывалъ ему, и критиковалъ или восхищался съ независимостью сужденій и природнымъ вкусомъ, свойственными человѣку, жизнь котораго прошла на свободѣ среди прекраснѣйшихъ твореній природы. Громадные фонтаны и искуственные водопады, несмотря на все свое величіе, не могли произвестц поражающаго впечатлѣнія на того, кто путешествовалъ отъ Эри до Онтаріо и видѣлъ Ніагару, низвергающуюся въ пропасть; большіе луга также не казались очень большими глазамъ, которые покоились на громадныхъ равнинахъ Дакоты. Но само зданіе дворца, его размѣры, величина и красота наполняли изумленіемъ душу Грина.

— Нужно будетъ привести сюда Эфраима Савэджа,—повторилъ онъ.—Иначе онъ ни за что не повѣритъ, что на свѣтѣ существуетъ домъ, который объемомъ больше чѣмъ, весь Бостонъ вмѣстѣ съ Нью-Іоркомъ.

Де-Катина устроилъ такъ, что американецъ остался съ его другомъ маіоромъ де-Бриссакъ, когда самъ онъ вступилъ на дежурство во второй разъ. Онъ только-что сталъ на свой постъ, какъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что король одинъ, безъ свиты или приближенныхъ, быстро идетъ по коридору. Его нѣжное лицо было обезображено гнѣвомъ, а ротъ сурово сжатъ, какъ у человѣка, принявшаго важное рѣшеніе.

— Дежурный офицеръ,—коротко проговорилъ онъ.

— Здѣсь, ваше величество.

— Какъ! Опять вы. капитанъ де-Катина? Вы дежурите съ утра?

— Нѣтъ, государь. Теперь я дежурю во второй разъ.

— Очень хорошо. Я желаю вашей помощи.

— Жду приказаній вашего величества.

— Есть здѣсь какой-нибудь субалтеръ-офицеръ?

— Лейтенантъ де-ла-Тремуйль дежуритъ со мной.

— Очень хорошо. Вы передадите командованіе ему.

— Слушаю, ваше величество.

— Сами же вы пойдете къ г. де-Вивоннъ. Вы знаете, гдѣ его помѣщеніе?

— Да, государь.

— Если его нѣтъ дома, вы должны отыскать его. Вы должны найти его въ продолженіе часа, гдѣ бы онъ ни былъ.

— Слушаю, ваше величество.

— Вы передадите ему мое приказаніе. Въ шесть часовъ онъ долженъ быть въ каретѣ у восточныхъ воротъ дворца. Тамъ его будетъ ожидать его сестра, г-жа де-Монтеспанъ, которую я приказываю ему везти въ замокъ «Petit Bourg». Вы скажете ему, что онъ отвѣчаетъ мнѣ за ея прибытіе туда.

— Слушаю, ваше величество.

Де-Катина отсалютовалъ шпагой и отправился исполнять данное ему порученіе.

Король прошелъ по коридору и открылъ дверь въ великолѣпную пріемную, сверкавшую позолотой и зеркалами, уставленную удивительно красивой мебелью изъ чернаго дерева съ серебромъ, съ толстымъ краснымъ ковромъ, такимъ мягкимъ, что нога утопала въ немъ, какъ во мху. Единственное живое существо, находившееся въ этой роскошной комнатѣ, вполнѣ гармонировало съ ея убранствомъ. То былъ маленькій негръ въ бархатной ливреѣ, отдѣланной серебряными блестками. Онъ неподвижно, словно черная статуэтка, стоялъ у двери, противоположной той, въ которую вошелъ король.

— Дома твоя госпожа?

— Она только-что вернулась, ваше величество.

— Я хочу ее видѣть.

— Извините, ваше величество, но она...

— Что же, всѣ сговорились что ли сегодня перечить мнѣ?—злобно сказалъ король и, взявъ пажа за бархатный воротникъ, откинулъ его въ противоположный уголъ. Потомъ, не постучавшись, распахнулъ дверь и вошелъ въ будуаръ.

Это была большая, высокая комната, сильно различавшаяся отъ той, изъ которой вошелъ король. Три большія окна съ одной стороны шли отъ потолка до пола; сквозь нѣжно-розовыя шторы пробивался смягченный солнечный свѣтъ. Между зеркалами блестѣли большіе золотые канделябры. Лебренъ излилъ все свое богатство красокъ на потолокъ, гдѣ самъ Людовикъ въ видѣ Юпитера металъ свои молніеносныя стрѣлы на кучу извивавшихся титановъ. Розовый цвѣтъ преобладалъ въ обояхъ, въ коврѣ и мебели, такъ что вся комната, при проникавшемъ въ нее смягченномъ свѣтѣ солнца, блестѣла нѣжными оттѣнками внутренней стороны раковины и казалась устроенной какимъ-нибудь сказочнымъ героемъ для своей принцессы. Въ

углу, на оттоманкѣ, съ лицомъ, зарывшимся въ подушку, съ заброшенными за голову прекрасными бѣлыми руками, съ роскошными прядями каштановыхъ волосъ, въ безпорядкѣ падавшими на бѣлоснѣжную шею, словно скошенный цвѣтокъ, лежала женщина, которую хотѣлъ изгнать король.

При звукѣ захлопнутой двери, она подняла голову и, увидѣвъ короля, вскочила съ оттоманки и побѣжала къ нему, протянувъ руки. Ея голубые глаза потускнѣли отъ слезъ; прекрасное лицо смягчилось и приняло женственное и смиренное выраженіе.

— Ахъ, государь!—вскрикнула она и лучъ радости озарилъ, сквозь слезы, ея красивое лицо,—такъ я была неправа! Я жестоко обидѣла васъ! Вы сдержали свое слово. Вы только хотѣли испытать меня. О, какъ могла я сказать вамъ такія слова... какъ могла огорчить это благородное сердце! Но вы пришли сказать, что прощаете меня!

Она протянула руки съ довѣрчивымъ видомъ хорошенькаго ребенка, требующаго поцѣлуя, но король поспѣшно отступилъ назадъ и остановилъ ее гнѣвнымъ жестомъ.

— Все кончено между нами навсегда,—рѣзко крикнулъ онъ.—Вашъ братъ будетъ ждать васъ въ шесть часовъ у воротъ и тамъ вы должны ожидать моихъ дальнѣйшихъ приказаній.

Она отшатнулась какъ-будто отъ удара.

— Покинуть васъ!—крикнула она.

— Вы должны покинуть дворъ.

— Дворъ! Ахъ, охотно, сейчасъ же! Но васъ! Ваше величество, вы просите невозможнаго.

— Я не прошу, madame, я приказываю. Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали злоупотреблять своимъ положеніемъ, ваше присутствіе при дворѣ стало невыносимымъ. Всѣ короли Европы, вмѣстѣ взятые, никогда не осмѣлились говорить со мной такъ, какъ вы говорили сегодня. Вы оскорбили меня въ моемъ собственномъ дворцѣ—меня, Людовика, короля. Подобнаго рода вещи не повторяются, madame,. Ваша дерзость завела васъ на этотъ разъ слишкомъ далеко. Вы думали, что моя снисходительность происходитъ отъ слабости. Вамъ казалось, что если вы поддѣлаетесь ко мнѣ на одно мгновеніе, то въ слѣдующее вы можете обращаться со мной, какъ съ равнымъ, такъ какъ эту бѣдную маріонетку—короля—можно всегда повернуть въ ту или другую сторону. Теперь вы видите свою ошибку. Въ шесть часовъ вы покините Версаль и навсегда.

Глаза его сверкнули и вся маленькая, прямая фигура, казалось, выросла подъ вліяніемъ негодованія. Она стояла, вытянувъ одну руку впередъ, а другой закрывъ глаза, какъ-будто стараясь защититься отъ гнѣвнаго взгляда короля.

— О, я была виновата!—вскрикнула она.—Я знаю это, знаю!

— Я радъ, madame, что вы соглашаетесь признаться въ этомъ.

— Какъ я могла говорить такъ съ вами! Какъ я могла! О, да будетъ проклятъ этотъ несчастный языкъ! Я, которая видѣла отъ васъ только хорошее! Я оскорбила того, кто далъ мнѣ счастье всей моей жизни! О, государь, простите меня, простите! Изъ состраданія простите меня!

Людовикъ былъ по природѣ добрый человѣкъ. Эти слова тронули его сердце, а гордость его была польщена самоуниженіемъ этой красивой, надменной женщины. Другія его фаворитки были любезны со всѣми, а эта оставалась гордой и непреклонной, пока не почувствовала надъ собой его властной руки. Выраженіе лица его, когда онъ взглянулъ на нее, нѣсколько смягчилось, но онъ покачалъ головой и голосъ его былъ попрежнему твердъ, когда онъ сказалъ:

— Все напрасно, madame. Я давно уже обдумалъ все, а вашъ сегодняшній сумасбродный поступокъ только ускоритъ то, что должно было случиться. Вы должны удалиться изъ дворца.

— Я покину дворецъ. Только скажите, что вы прощаете меня. О, государь, я не могу вынести вашего гнѣва. Онъ подавляетъ меня. Я недостаточно сильна для этого. Вы приговариваете меня не къ изгнанію, а къ смерти. Вспомните, государь, долгіе годы нашей любви и скажите, что прощаете меня. Ради васъ я отказалась отъ всего—отъ мужа, отъ чести. О, не оплачивайте мнѣ гнѣвомъ за гнѣвъ! Боже мой, онъ плачетъ! О, я спасена, спасена!

— Нѣтъ, нѣтъ, madame!—крикнулъ король, проводя рукой по глазамъ.—Вы видите слабость человѣка, но увидите также и твердость короля. Что касается до оскорбленій, нанесенныхъ мнѣ сегодня вами, я отъ души прощаю ихъ, если это можетъ сдѣлать васъ счастливой въ изгнаніи. Но у меня есть обязанности передъ подданными и мой долгъ состоитъ въ томъ, чтобы служить имъ примѣромъ. Мы слишкомъ мало думали о подобныхъ вещахъ. Но наступило время, когда необходимо оглянуться на прошлую жизнь и приготовиться къ будущей

— Ахъ, ваше величество, вы огорчаете меня. Вы еще не достигли полнаго расцвѣта, а говорите такъ, какъ-будто для васъ уже пришла старость. Лѣтъ черезъ двадцать, можетъ-быть, дѣйствительно въ правѣ будутъ говорить, что годы заставили васъ измѣнить образъ жизни.

Король нахмурился.

— Кто говоритъ это?—сердито крикнулъ онъ.

— О, ваше величество, эти слова нечаянно сорвались у меня съ языка. Не думайте больше о нихъ. Никто не говоритъ ничего подобнаго. Никто.

— Вы что-то скрываете отъ меня. Кто говоритъ это?

— О, не спрашивайте меня, государь.

— Я вижу, что идутъ разговоры о томъ, будто я перемѣнилъ образъ жизни не вслѣдствіе религіознаго чувства, а подъ вліяніемъ наступающей старости. Кто сказалъ это?

— О, государь, это ничтожная придворная болтовня, недостойная вашего вниманія, пустой обыкновенный разговоръ, который заводятъ кавалеры, чтобы вызвать улыбку своихъ дамъ.

— Обыкновенный разговоръ?—Людовикъ побагровѣлъ.— Неужели я сталъ такъ старъ? Вы знаете меня около двадцати лѣтъ. Замѣчаете вы большую перемѣну во мнѣ?

— Для меня, ваше величество, вы такъ же хороши и милы, какъ тогда, когда вы впервые завладѣли сердцемъ m-lle Тоннэ-Шарантъ.

Король съ улыбкой взглянулъ на прекрасную женщину, стоявшую передъ нимъ.

— По истинѣ, я не вижу также большой перемѣны въ m-lle Теннэ-Шарантъ,—сказалъ онъ.—Но все же намъ лучше разстаться, Франсуаза.

— Если это послужитъ къ вашему счастью, я готова на это, ваше величество, хотя это и смертельный ударъ для меня.

— Вотъ теперь вы говорите дѣло.

— Назовите только мѣсто, куда я должна удалиться, государь—Petit Bourg, Шарньи или въ мой монастырь Св. Іосифа въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Не все ли равно, гдѣ увядать цвѣтку, отъ котораго отвернулось солнце? По крайней мѣрѣ прошлое принадлежитъ мнѣ и я могу жить воспоминаніемъ тѣхъ дней, когда никто не стоялъ между нами и когда ваша нѣжная любовь принадлежала одной мнѣ. Будьте счастливы, государь, будьте счастливы и не думайте о томъ, что я говорила вамъ о глупой придворной болтовнѣ. Будущее принадлежитъ вамъ. Моя

жизнь вся въ прошломъ. Прощайте, дорогой государь, прощайте!

Она протянула руки, глаза ея затуманились слезами и она упала бы, если бы Людовикъ не подбѣжалъ къ ней и не охватилъ ее руками. Ея прекрасная головка упала на плечо короля; онъ почувствовалъ на щекѣ ея горячее дыханіе; тонкій ароматъ ея волосъ щекоталъ ему ноздри. Державшая ее рука короля подымалась и опускалась съ каждымъ ея вздохомъ и онъ чувствовалъ, какъ сердце ея трепетало подъ его рукой, словно пойманная птичка. Ея полная бѣлая шея откинулась назадъ, глаза почти совершенно закрылись, губы были полуоткрыты лишь настолько, что виденъ былъ рядъ жемчужныхъ зубовъ; ея прекрасное лицо было такъ близко къ его лицу—на разстояніи не болѣе трехъ дюймовъ. И вдругъ вѣки ея дрогнули, большіе голубые глаза взглянули на него съ любовью, съ мольбою, съ вызовомъ; вся ея душа отразилась въ одномъ этомъ взглядѣ. Приблизился ли онъ? Приблизилась ли она? Кто могъ бы сказать это? Но губы ихъ встрѣтились въ продолжительномъ поцѣлуѣ; поцѣлуй повторился—и всѣ планы и рѣшенія Людовика разлетѣлись, какъ листья отъ порыва осенняго вѣтра.

— Итакъ, я могу не уѣзжать? У васъ не хватитъ духа отослать меня, не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, но вы не должны сердить меня, Франсуаза.

— Скорѣе умру, чѣмъ причиню вамъ хотя минутное страданіе. Я такъ мало видѣла васъ все это послѣднее время. А я такъ люблю васъ! Я просто съ ума сходила. Къ тому же эта ужасная женщина...

— Какая женщина?

— О, я не должна дурно говорить про нее. Ради васъ я буду вѣжлива даже съ ней, со вдовой старика Скаррона.

— Да, да, вы должны быть вѣжливы съ ней. Я не желаю никакихъ непріятностей.

— Но вы останетесь у меня, государь?

Ея гибкія руки обвились вокругъ шеи короля. На одно мгновеніе она отстранила его отъ себя, какъ бы желая наглядѣться на него, а затѣмъ снова привлекла къ себѣ.

— Вы не уйдете отъ меня, дорогой государь. Вы такъ давно не были здѣсь.

Прелестное лицо, розовый блескъ комнаты, вечернее безмолвіе—все способствовало чувственному увлеченію. Людовикъ опустился на кресло.

— Я останусь,—сказалъ онъ.

— А карета у восточныхъ воротъ, государь?

— Я былъ очень жестокъ къ вамъ, Франсуаза. Простите меня. Есть у васъ бумага и карандашъ? Я отмѣню приказаніе.

— Карандашъ и бумага на столѣ, ваше величество. Если позволите, я выйду въ пріемную, такъ какъ мнѣ надо также написать записку.

Она вышла изъ комнаты съ торжествомъ во взглядѣ. Борьба была ужасная, но тѣмъ блестящѣе побѣда. Она вынула изъ инкрустированнаго письменнаго стола маленькую розовую бумажку и набросала на ней нѣсколько словъ. Вотъ что она написала: «Если г-жа де-Ментенонъ пожелаетъ передать что-либо его величеству, она можетъ застать его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ у г-жи де-Мантеспанъ». Она надписала имя соперницы и немедленно послала это посланіе, вмѣстѣ съ приказаніемъ короля, съ маленькимъ чернымъ пажомъ.

XI. Солнце снова показывается.

Почти цѣлую недѣлю новое настроеніе короля не измѣнялось. Рутина его жизни была все та же, но только въ послѣобѣденное время его привлекала комната красавицы, а не г-жи де-Ментенонъ. И сообразно этому внезапному возвращенію къ прежней жизни, одежда его стала меньше мрачной, и сѣрый, свѣтло-желтый и лиловый цвѣта смѣнили черный и синій. На шляпахъ и на отворотахъ показались золотые галуны, а мѣсто въ королевской часовнѣ оставалось незанятымъ впродолженіе трехъ дней подрядъ. Походка его стала быстрѣе и онъ по юношески размахивалъ тростью въ видѣ вызова тѣмъ, кто счелъ его обращеніе къ религіозности за признаки старости. Г-жа де-Монтеспанъ отлично знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, когда дѣлала этотъ искусный намекъ.

Повеселѣлъ король—повеселѣли и всѣ придворные. Залы дворца приняли прежній блестящій видъ и въ нихъ появились нарядныя одежды съ пышными вышивками, лежавшія годами въ сундукахъ. Въ часовнѣ Бурдалу тщетно проповѣдывалъ передъ пустыми скамьями, а на балетѣ на открытомъ воздухѣ присутствовалъ весь дворъ и неистово апплодировалъ танцорамъ. Пріемная Монтеспанъ по утрамъ бывала биткомъ набита просителями и просительницами, между тѣмъ какъ комнаты ея соперницы были такъ же пустынны, какъ тогда, когда король

еще не обращалъ на нее своего милостиваго вниманія. Лица, давно изгнанныя изъ дворца, стали безпрепятственно появляться въ коридорахъ и садахъ, а черная ряса іезуита и пурпуровая сутана епископа рѣже виднѣлись въ королевскомъ кругу.

Но партія духовенства, бывшая въ одно и то же время чемпіонами ханжества и добродѣтеэи, не особенно тревожилась этимъ возвращеніемъ къ прежнему. Серьезные глаза священника или прелата слѣдили за выходками Людовика такимъ взглядомъ, какимъ опытный охотникъ смотритъ на молодую лань, прыгающую по лугу, воображая себя вполнѣ свободной, между тѣмъ какъ повсюду кругомъ разставлены сѣти и, въ дѣйствительности, она совершенно такъ же въ рукахъ охотника, какъ если бы лежала связанной у его ногъ. Они знали, что очень скоро какое-нибудь недомоганіе, огорченіе, случайное слово напомнятъ королю о томъ, что онъ смертенъ, и его снова охватитъ тотъ суевѣрный ужасъ, который занималъ въ его сердцѣ мѣсто религіи. Поэтому они терпѣливо выжидали возвращенія блуднаго сына и молча обдумывали, какъ лучше встрѣтить его.

Съ этой цѣлью королевскій духовникъ, отецъ Лашезъ, и Боссюэтъ, знаменитый епископъ изъ Мо, однажды утромъ явились въ комнату г-жи де-Ментенонъ. Передъ ней стоялъ глобусъ и она старалась преподать географическія свѣдѣнія хромому герцогу Мэнскому и шаловливому маленькому графу Тулузскому, которые оба въ достаточной мѣрѣ унаслѣдовали отъ отца нелюбовь къ ученію, а отъ матери ненависть къ какой бо то ни было дисциплинѣ и стѣсненіямъ. Однако удивительный тактъ и неистощимое терпѣніе г-жи де-Ментенонъ внушили любовь и довѣріе даже этимъ испорченнымъ принцамъ и одно изъ величайшихъ огорченій г-жи де-Монтеспанъ состояло въ томъ, что не только ея королевскій любовникъ, но и собственныя ея дѣти порицали ея блестящій, роскошный салонъ и охотнѣе проводили время въ скромной квартиркѣ ея соперницы.

Г-жа де-Ментенонъ отпустила учениковъ и встрѣтила духовныхъ особъ съ выраженіемъ привязанности и уваженія не только какъ личныхъ друзей, но и какъ великихъ свѣточей галльской церкви. Министру Лувуа она предоставляла сидѣть на табуреткѣ въ ея присутствіи, но теперь уступила гостямъ оба кресла, а сама настояла на томъ, чтобъ сѣсть на болѣе скромное мѣсто. За послѣдніе дни на лицѣ ея появилась блѣдность, одухотворившая ея черты и сдѣлавшая ихъ болѣе утонченными, но выраженіе мирной ясности осталось неизмѣннымъ.

— Я вижу, что у васъ было горе, дорогая дочь моя,—сказалъ Боссюэтъ, взглянувъ на нее ласковымъ, но проницательнымъ взглядомъ.

— Да, ваша милость. Всю прошлую ночь я провела въ молитвѣ о томъ, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ этого испытанія.

— А между тѣмъ, вамъ нечего бояться, madame... увѣряю васъ, совершенно нечего. Другіе могутъ думать, что ваше вліяніе исчезло, но мы, знающіе сердце короля, мы думаемъ иначе. Пройдетъ нѣсколько дней, въ крайнемъ случаѣ нѣсколько недѣль, и снова глаза всей Франціи устремятся на вашу восходящую звѣзду.

Лицо де-Ментенонъ омрачилось и она взглянула на прелата такъ, какъ будто его рѣчь пришлась ей не особенно по вкусу.

— Надѣюсь, что гордость не ослѣпляетъ меня,—сказала она.—Но если я могу читать въ моей душѣ, то въ горѣ, раздирающемъ мое сердце, нѣтъ ни малѣйшаго помысла обо мнѣ лично. Что мнѣ во власти? Чего я желаю? Комнатка, свободное время для исполненія моихъ религіозныхъ обязанностей, небольшое содержаніе, чтобы избѣгнуть нужды—чего больше могу я желать? Къ чему же мнѣ стремиться къ власти? Если у меня тяжело на сердцѣ, то вовсе не изъ-за того немногаго, что я потеряла. Я думаю объ этомъ не больше, чѣмъ о томъ, какъ обрѣзать нитки въ пяльцахъ вотъ этой вышивки. Я скорблю о королѣ, о благородномъ сердцѣ, о доброй душѣ, которая могла бы подняться такъ высоко и которую заставляютъ опускаться такъ низко, подобно королевскому орлу, обремененному какой-нибудь грязной ношей, которая постоянно задерживаетъ его полетъ. Изъ-за него, изъ-за Франціи я провожу дни въ печали, а ночи на колѣняхъ.

— И несмотря на все это, вы честолюбивы, дочь моя.

Слова эти были произнесены іезуитомъ. Голосъ его былъ ясенъ и холоденъ, а проницательные сѣрые глаза, казалось, читали въ самой глубинѣ ея сердца.

— Можетъ-быть, вы правы, отецъ мой. Боже упаси, чтобы я цѣнила себя слишкомъ высоко. Но не думаю, чтобы я была честолюбива. Король, по своей добротѣ, предлагалъ мнѣ титулы—я отказалась отъ нихъ, деньги—я возвратила ихъ ему. Онъ удостоивалъ совѣтываться со мной о государственныхъ дѣлахъ—я воздерживалась отъ совѣтовъ. Въ чемъ же тогда мое честолюбіе?

— Въ вашемъ сердцѣ, дочь моя. Но честолюбіе это не грѣховно. Оно не отъ міра сего. Развѣ вы не желали бы обратить короля къ добру?

— Я отдала бы жизнь за это.

— Въ этомъ и заключается ваше честолюбіе. Ахъ, развѣ я не читаю въ вашей благородной душѣ? Развѣ вы не желали бы, чтобы церковь царила чистой и спокойной надо всѣмъ королевствомъ, не желали пріютить бѣдняковъ, помочь нуждающимся, наставить нечестивыхъ на истинный путь, а короля видѣть во главѣ всего благороднаго и добраго? Развѣ вы не желали бы этого, дочь моя?

Щеки г-жи де-Ментенонъ вспыхнули, а глаза заблестѣли, когда она взглянула на сѣрое лицо іезуита, и ей представилась нарисованная имъ картина.

— О, что это была бы за радость!—вскрикнула она.

— И еще большая—знать, не изъ устъ людскихъ, а отъ голоса вашего собственнаго сердца, въ тиши вашей комнаты, что вы—причина всего этого счастья, что ваше вліяніе такъ благотворно подѣйствовало на короля и на страну.

— Я готова умереть ради этого.

— Мы желаемъ, можетъ-быть, болѣе труднаго. Мы хотимъ, чтобы вы жили для этого.

— А!—Она вопросительно взглянула на обоихъ.

— Дочь моя,—торжественно сказалъ Боссюэтъ, протягивая свою широкую бѣлую руку, на которой сверкало пурпурное стиконское кольцо, — пора говорить откровенно. Того требуютъ интересы церкви. Никто не слышитъ и никогда не услышитъ того, что произойдетъ между нами. Если хотите, смотрите на насъ, какъ на двухъ духовниковъ, которые ненарушимо сохранятъ вашу тайну. Я говорю тайну, хотя это вовсе не тайна для насъ, такъ какъ наше назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ читать въ человѣческомъ сердцѣ. Вы любите короля.

— Ваша милость!

Она вздрогнула; яркій румянецъ покрылъ ея блѣдныя щеки и разлился даже по бѣлому лбу и красивой шеѣ.

— Вы любите короля.

— Ваша милость... отецъ мой!

Она въ смущеніи обращалась то къ одному, то къ другому изъ ея собесѣдниковъ.

— Любить вовсе не стыдно, дочь моя. Стыдно только поддаваться любви. Повторяю, вы любите короля.

— Но никогда не говорила ему этого,—пробормотала она.

— И никогда не скажете?

— Пусть прежде отсохнетъ мой языкъ!

— Но подумайте, дочь моя. Такая любовь въ душѣ, подобной вашей,—даръ неба, ниспосланный съ какой-нибудь мудрой цѣлью. Человѣческая любовь слишкомъ часто бываетъ сорной травой, портящей почву, на которой она растетъ, но въ данномъ случаѣ это прелестный цвѣтокъ, весь благоухающій смиреніемъ и добродѣтелью.

— Увы! Я старалась вырвать его изъ моего сердца.

— Нѣтъ, напротивъ, старайтесь, чтобъ корни его укрѣпились въ вашемъ сердцѣ. Если бы король встрѣтилъ съ вашей стороны нѣсколько нѣжности, какой-нибудь знакъ того, что его привязанность находитъ отвѣтъ въ вашей душѣ, можетъ-быть, вамъ удалось бы осуществить ваши честолюбивыя мечты и Людовикъ, подкрѣпленный близостью съ вашей благородной натурой, могъ бы жить въ духѣ церкви, а не только въ ея наружныхъ формахъ. Все это могло бы произойти отъ любви, которую вы скрываете, какъ-будто бы она носила на себѣ печать позора.

Г-жа де-Ментенонъ приподнялась наполовину со своего мѣста и смотрѣла то на прелата, то на духовника глазами, въ глубинѣ которыхъ виднѣлся затаенный ужасъ.

— Можетъ ли быть, что я поняла васъ!—задыхаясь проговорила она.—Какой смыслъ скрывается за этими словами? Не можете же вы совѣтовать мнѣ...

Іезуитъ всталъ и выпрямился передъ ней во весь свой ростъ.

— Дочь моя, мы никогда не даемъ совѣта, который былъ бы недостоинъ нашего сана. Мы имѣемъ въ виду интересы Святой Церкви, а эти интересы требуютъ, чтобы вы вышли замужъ за короля.

— Замужъ за короля!—Все въ комнатѣ заходило передъ ея глазами.—Выйти замужъ за короля!

— Это лучшая надежда на будущее. Мы видимъ въ васъ вторую Іоанну д'Аркъ, которая спасетъ и Францію, и короля Франціи.

Г-жа де-Ментенонъ нѣсколько минутъ сидѣла молча. Лицо ея приняло обычный спокойный видъ, а глаза были разсѣянно устремлены на вышиваніе, между тѣмъ какъ она мысленно обдумывала все то, что было сказано

— Но право же... право же этого не можетъ быть, — нако-

нецъ, проговорила она. — Къ чему задумывать планы, которые никогда не могутъ осуществиться?

— А почему?

— Кто изъ королей Франціи былъ женатъ на подданной? Взгляните: каждая изъ европейскихъ принцессъ протягиваетъ ему руку. Королева Франціи должна быть королевской крови, какъ и послѣдняя покойная королева.

— Все это можно преодолѣть.

— А затѣмъ государственные вопросы. Если король женится, то онъ долженъ сдѣлать это ради могущественнаго союза, ради поддержанія дружбы съ сосѣдней націей или для пріобрѣтенія какой нибудь провинціи, составляющей приданое невѣсты.

— Вашимъ приданымъ, дочь моя, были бы тѣ дары ума и тѣла, которыми наградило васъ небо. У короля достаточно и денегъ и владѣній. Что же касается государства, то чѣмъ можно лучше послужить государству, какъ не увѣренностью, что въ будущемъ король будетъ избавленъ отъ тѣхъ сценъ, которыя бываютъ нынче въ этомъ дворцѣ?

— О, если бы это дѣйствительно было такъ! Но подумайте, отецъ мой, объ окружающихъ его: о дофинѣ, о monsieur его братѣ, о его министрахъ. Вы знаете, какъ это не понравится имъ и какъ имъ легко заставить его измѣнить свои мысли. Нѣтъ, нѣтъ, это мечта, отецъ мой; этого никогда не можетъ быть.

Лица духовныхъ особъ, которыя до сихъ поръ отвергали ея возраженія улыбкой и отрицательнымъ жестомъ, теперь затуманились, какъ будто она дѣйствительно коснулась настоящаго препятствія.

— Дочь моя, — серьезно проговорилъ іезуитъ, — этотъ вопросъ вы должны предоставить церкви. Быть-можетъ, и мы имѣемъ нѣкоторое вліяніе на мысли короля и можемъ навести его на истинный путь, даже если его родные захотѣли бы направить его на другой. Только будущее можетъ показать, кто обладаетъ большей силой. Но вы? Любовь и долгъ влекутъ васъ на одинъ и тотъ же путь и церковь можетъ разсчитывать на васъ.

— До послѣдняго издыханія, отецъ мой.

— А вы можете разсчитывать на церковь. Она послужитъ вамъ, если вы въ свою очередь послужите ей.

— У меня не можетъ быть высшаго желанія.

— Вы будете нашей дочерью, нашей владычицей, нашей защитницей и вы залѣчите рамы страдающей церкви.

— Ахъ! если бы я могла сдѣлать это!

— Но вы можете. Пока ересь существуетъ въ странѣ, для вѣрныхъ не можетъ быть ни мира, ни покоя; это то пятнышко плѣсени, которое со временемъ можетъ испортить весь плодъ если не обратить вниманія во время.

— Чего же вы желаете, отецъ мой?

— Гугенотовъ не должно быть во Франціи. Ихъ нужно изгнать. Козлища должны быть отдѣлены отъ овецъ. Король уже колеблется. Лувуа теперь нашъ другъ. Если и вы будете съ нами, то все будетъ хорошо.

— Но, отецъ мой, подумайте, какъ много ихъ!

— Тѣмъ болѣе необходимо удалить ихъ.

— И подумайте о тѣхъ страданіяхъ, которыя имъ придется перенести, если они будутъ изгнаны.

— Исцѣленіе въ рукахъ ихъ.

— Это правда. Но все же мнѣ жаль ихъ

Отецъ Лашезъ и епископъ покачали головами. По природѣ оба были добрыми и сострадательными людьми, но сердце людей ожесточается, когда благодѣяніе религіи превращается въ проклятіе секты.

— Такъ вы покровительствовали бы врагамъ Бога?

— Нѣтъ, нѣтъ; если они дѣйствительно враги Его.

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? Возможно ли, что бы ваше сердце еще склонялось къ ереси вашихъ юныхъ лѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ мой; но неестественно забыть, что мой отецъ и дѣдъ...

— Ну, они отвѣтили за свои прегрѣшенія... Возможно ли, что Церковь ошиблась въ васъ? Вы отказываете ей въ первой ея просьбѣ, обращенной къ вамъ? Вы готовы принять помощь церкви и въ то же время не хотите оказать помощи ей.

Г-жа де-Ментенонъ встала съ видомъ, показывавшимъ, что она приняла окончательное рѣшеніе.

— Вы мудрѣе меня, — сказала она, — и вамъ вручены интересы Церкви. Я исполню вашъ совѣтъ.

— Вы обѣщаетесь?

— Обѣщаюсь.

Оба ея собесѣдника подняли руки кверху.

— Сегодня благословенный день, — сказали они, — и поколѣнія, еще не народившіяся, будутъ считать его такимъ.

Г-жа де-Ментенонъ сидѣла, пораженная открывавшейся передъ ней перспективой. Какъ сказалъ іезуитъ, она всегда была честолюбивой: честолюбіе ея заключалось въ стремленіи имѣть достаточно могущества, чтобы оставить міръ, лучшимъ, чѣмъ она нашла его. И до извѣстной степени ей удалось удовлетворять это честолюбіе, такъ какъ уже нѣсколько разъ она склоняла короля и его государство туда, куда желала. Но выйти замужъ за короля, за человѣка, за котораго она охотно пожертвовала бы жизнью, котораго въ глубинѣ души любила самой чистой, возвышенной любовью, какой только можетъ любить женщина — это превосходило ея надежды. Она знала себя, знала и его. Сдѣлавшись его женой, она можетъ направить его къ добру и удержать отъ дурныхъ вліяній. Она была увѣрена въ этомъ. Она будетъ не слабой Маріей-Терезіей, а, какъ сказалъ священникъ, новой Іоанной д'Аркъ, явившейся, чтобы направить на лучшій путь Францію и короля Франціи. И если, чтобы достигнуть этой цѣли, ей придется ожесточить свое сердце противъ гугенотовъ, то вина — если это дѣйствительно вина — эта будетъ скорѣе тѣхъ, кто поставилъ это условіе, чѣмъ ея лично. Жена короля! Сердце женщины и душа энтузіастки затрепетало при этой мысли.

Но за радостью внезапно наступило сомнѣніе и уныніе. Вѣдь эта прекрасная перспектива не болѣе какъ мечта! И какъ могли эти люди быть такъ увѣрены, что держатъ въ рукахъ короля!

Іезуитъ прочелъ страхъ, омрачившій сіяніе ея взора, и отвѣтилъ на ея мысли, прежде чѣмъ она выразила ихъ словами.

— Церковь быстро исполняетъ свои обѣщанія, — сказалъ онъ. — И вы, дочь моя, должны быть готовы такъ же быстро дѣйствовать, когда наступитъ ваше время.

— Я дала обѣщаніе, отецъ мой.

— Ну, такъ мы будемъ дѣйствовать. Сегодня вы останетесь весь вечеръ у себя въ комнатѣ.

— Да, отецъ мой.

— Король еще колеблется. Я говорилъ съ нимъ сегодня. Сердце его было полно мрака и отчаянія. Его лучшее «я» съ отвращеніемъ отворачивается отъ своихъ грѣховъ и именно теперь, когда наступаетъ первый горячій порывъ раскаянія, его можно склонить къ выполненію нашихъ цѣлей. Мнѣ нужно идти къ нему и поговорить съ нимъ еще разъ, и я пойду прямо отсюда. А когда я поговорю съ нимъ, онъ сейчасъ же придетъ

къ вамъ—или я напрасно изучалъ его сердце въ теченіе двадцати лѣтъ. Мы покидаемъ васъ и вы не увидите насъ, но увидите результаты нашихъ дѣйствій и вспомните данное намъ обѣщаніе.

Они низко поклонились и вышли изъ комнаты, оставивъ г-жу де-Ментенонъ въ глубокомъ раздумьѣ.

Прошелъ часъ, затѣмъ другой, а она еще продолжала сидѣть въ креслѣ передъ пяльцами, безпомощно уронивъ руки и ожидая рѣшенія своей судьбы. Рѣшалось ея будущее, а она не могла ничего сдѣлать. Денной свѣтъ перешелъ въ сѣрыя сумерки, сумерки въ мракъ, а она все продолжала сидѣть въ ожиданіи. По временамъ въ коридорѣ раздавались шаги; она тревожно взглядывала на дверь и глаза ея загорались радостью, которая скоро смѣнялась разочарованіемъ. Наконецъ, послышались твердые, увѣренные, властные шаги. Она вскочила на ноги съ горящими щеками и сильно бьющимся сердцемъ. Дверь отворилась и въ сумракѣ коридора обрисовалась прямая, граціозная фигура короля.

— Ваше величество! Одно мгновеніе... mademoiselle сейчасъ зажжетъ лампу.

— Не зовите ее. — Онъ вошелъ и заперъ за собой дверь.— Франсуаза, темнота пріятна мнѣ, потому что она спасаетъ меня отъ упрековъ, которые могутъ выразиться въ вашемъ взглядѣ, если даже вы будете такъ добры, что не выскажете ихъ словами.

— Упреки, государь! Боже упаси, чтобы я позволила себѣ выговорить ихъ.

— Когда я въ послѣдній разъ ушелъ отъ васъ, Франсуаза, я былъ полонъ добрыхъ намѣреній. Я старался выполнить ихъ и не исполнилъ... не исполнилъ. Я помню, что вы предостерегали меня. Какъ я былъ глупъ, что не послѣдовалъ вашему совѣту!

— Всѣ мы слабы и смертны, ваше величество. Кто изъ насъ не падалъ? Нѣтъ, государь, сердце у меня разрывается при видѣ васъ.

Король стоялъ у камина, закрывъ лицо руками. По его прерывистому дыханію г-жа де-Ментенонъ видѣла, что онъ плачетъ. Вся жалость, свойственная женской душѣ, пробудилась въ ея сердцѣ при видѣ этой безмолвной фигуры, стоявшей какъ изображеніе раскаянія при неясномъ свѣтѣ. Жестомъ, полнымъ сочувствія, она протянула руку и коснулась ею на одно мгно-

веніе рукава бархатнаго камзола короля. Въ слѣдующее же мгновеніе онъ обѣими руками схватилъ ея руку. Она не сопротивлялась.

— Я не могу жить безъ васъ, Франсуаза, — крикнулъ онъ.—Я самый одинокій человѣкъ въ мірѣ, словно живущій на вершинѣ высокой горы, гдѣ кругомъ нѣтъ никого. Кто мой другъ? На кого я могу положиться? Одни стоятъ за церковь, другія за свои семьи; большинство за самихъ себя. Но кто изъ нихъ совершенно безкорыстенъ? Вы мое лучшее «я», Франсуаза, вы мой ангелъ-хранитель. То, что говоритъ преподобный отецъ, совершенно вѣрно: чѣмъ ближе я къ вамъ, тѣмъ дальше ото всего дурного. Скажите, Франсуаза, любите вы меня?

— Я люблю васъ въ теченіе многихъ лѣтъ, государь,—проговорила она тихимъ, но яснымъ голосомъ, голосомъ женщины, которая ненавидитъ кокетство.

— Я надѣялся на это, Франсуаза, и все же дрожь пробѣгаетъ у меня по тѣлу, когда слышу отъ васъ эти слова. Я знаю, что богатство и титулъ не привлекаютъ васъ и что ваша душа склоняется болѣе къ монастырю, чѣмъ къ дворцу. Но я прошу васъ остаться во дворцѣ и царствовать тамъ. Согласны вы быть моей женой, Франсуаза?

Итакъ, моментъ дѣйствительно наступилъ. Она помолчала минуту, только одну минуту, прежде чѣмъ сдѣлать послѣдній важный шагъ; но даже это короткое замедленіе было слишкомъ долго для нетерпѣнія короля.

— Согласны вы, Франсуаза? — вскрикнулъ онъ и страхъ прозвучалъ въ его голосѣ.

— Да сдѣлаетъ меня Богъ достойной такой чести, ваше величество!—сказала она.—Клянусь, что если я проживу еще столько же времени, то употреблю каждый часъ моей жизни на то, чтобы сдѣлать васъ счастливѣе!

Она опустилась на колѣни и король, продолжая держать ея руку, всталъ также на колѣни.

— А я клянусь,—сказалъ онъ,—что, если также проживу еще столько же времени, вы будете отнынѣ и навсегда единственной женщиной для меня.

Такъ оба они дали клятву, клятву, которая была выполнена, такъ какъ каждый изъ нихъ прожилъ почти столько же лѣтъ, сколько они прожили до этого времени, и ни одинъ изъ нихъ не нарушилъ клятвы, данной ими, рука въ руку, въ объятой тьмой комнатѣ.

XII. Пріемъ у короля.

Быть-можетъ, mademoiselle Нанонъ, повѣренная г-жи де-Ментенонъ, узнала кое-что объ этомъ свиданіи или, можетъ-быть, отецъ Лашезъ съ проницательностью, которой славится его орденъ, пришелъ къ заключенію, что гласность—лучшее средство заставить короля исполнить свое намѣреніе—какъ бы то ни было, на слѣдующій же день при дворѣ стало извѣстно, что старая фаворитка снова въ немилости и что идетъ разговоръ о бракѣ между королемъ и гувернанткой его дѣтей. Это извѣстіе, шепотомъ передаваемое при «petit lever», подтвердилося на «grande entrée» и стало предметомъ общаго разговора къ тому времени, какъ король вернулся изъ часовни. Яркіе шелка и шляпы съ перьями отправились снова въ шкафы и ящики и снова показались темные кафтаны и скромные дамскіе наряды. Скюдери и Кальпренеди уступили мѣсто молитвеннику и св. Ѳомѣ Кемпійскому, а Бурдалу, въ продолженіе недѣли проповѣдывавшій передъ пустыми скамьями, увидѣлъ свою часовню биткомъ набитой усталыми, скучающими придворными и дамами со свѣчами въ рукахъ. Къ полудню новость была извѣстна при дворѣ всѣмъ, за исключеніемъ г-жи де-Монтеспанъ. Встревоженная отсутствіемъ своего любовника, она осталась у себя въ комнатѣ въ высокомѣрномъ уединеніи и ничего не знала о томъ, что произошло. Многимъ хотѣлось бы передать ей эту новость, но за послѣднее время король сталъ такъ измѣнчивъ, что никто не рѣшался пріобрѣсти себѣ смертельнаго врага въ той, которая, быть-можетъ черезъ нѣсколько дней, могла держать въ своихъ рукахъ жизнь и судьбу всего двора.

Людовикъ, по своему прирожденному эгоизму, такъ привыкъ смотрѣть на всякое событіе только съ той стороны, которая касалась его, что ему и въ голову не могло придти, чтобы его многострадальная семья, всегда покорно выполнявшая всѣ его требованія, осмѣлилась что-либо возразить противъ его новаго рѣшенія. Поэтому онъ очень удивился, когда послѣ полудня братъ короля попросилъ у него частную аудіенцію и вошелъ къ нему въ комнату безъ любезной улыбки и не съ привычнымъ ему смиреннымъ видомъ.

«Monsier» представлялъ собой странную пародію своего старшаго брата. Онъ былъ ниже его, но благодаря громаднымъ каблукамъ казался высокаго роста. Въ лицѣ его не было той

привлекательности, которой отличался король; не было у него и изящныхъ рукъ и ногъ короля, бывшихъ предметомъ восхищенія скульпторовъ. «Monsier» былъ толстъ, ходилъ нѣсколько переваливаясь и носилъ громадный парикъ, длинныя букли котораго падали ему на плечи. Лицо его было длиннѣе и смуглѣе, чѣмъ у короля, носъ выдавался сильнѣе, но глаза у него были такіе же, какіе у брата: большіе каріе глаза, унаслѣдованные ими отъ Анны Австрійской. У него не было простого и вмѣстѣ съ тѣмъ величаваго вкуса, которымъ отличалась одежда монарха; платье его было увѣшано развѣвающимися лентами, которыя шелестѣли, когда онъ шелъ; громадные пучки лентъ совершенно закрывали ноги. Кресты, звѣзды, драгоцѣнности и знаки отличія были разбросаны по всей его одеждѣ; широкая голубая лента ордена Св. Духа красовалась на его кафтанѣ; на концѣ большой бантъ этой ленты служилъ неподходящей поддержкой осыпанной бриллiантами шпаги. Такова была фигура, которая подкатилась къ королю, держа въ рукѣ шляпу съ множествомъ перьевъ. Умомъ, какъ и наружностью, онъ представлялъ собою смѣшную копію монарха.

— Что это, monsieur, сегодня вы какъ-будто не такъ веселы какъ обыкновенно, — съ улыбкой проговорилъ король. — Одежда у васъ, правда, свѣтлая, но чело ваше омрачено. Надѣюсь, что «madame» и герцогъ Шартрскій здоровы?

— Да, они здоровы, ваше величество, но печальны, какъ я, и по той же причинѣ.

— Вотъ какъ! А что это за причина?

— Нарушалъ ли я когда-либо мой долгъ младшаго брата, ваше величество?

— Никогда, Филиппъ, никогда,—сказалъ король, любезно кладя руку на плечо брата.—Вы даете превосходный примѣръ моимъ подданнымъ.

— Такъ почему же вы желаете оскорбить меня?

— Филиппъ!

— Да, государь, повторяю — оскорбить. Мы королевской крови, какъ и наши жены. Вы женились на испанской принцессѣ, я—на баварской. Это было снисхожденіе, но я все-таки женился на ней. Моя первая жена была англійская принцесса. Какъ можемъ мы принять въ семью, вступавшую въ такіе союзы, женщину, вдову горбуна-поэта, сочинителя пасквилей, имя котораго стало притчей во языцѣхъ во всей Европѣ.

Король въ изумленіи смотрѣлъ на брата, но при этихъ словахъ удивленіе смѣнилось гнѣвомъ.

— Клянусь честью!—крикнулъ онъ.—Клянусь честью! Я только-что говорилъ, что вы превосходный братъ, но боюсь, что заключеніе мое было немножко преждевременно. Итакъ, вы осмѣливаетесь идти противъ дамы, избранной мною въ жены?

— Да, государь.

— А по какому праву?

— По праву семейной чести, ваше величество, которая настолько же касается меня, какъ и васъ.

— Неужели же вы до сихъ поръ не научились, что въ этомъ государствѣ я источникъ чести и что всякій, кого почту я, этимъ самымъ становится достойнымъ уваженія? Если бы я взялъ нищую съ улицы Пуассоньеръ, то и тогда могъ бы поставить ее на такую высоту, что самые знатные вельможи должны были бы преклониться передъ нею. Развѣ вы этого не знаете?

— Нѣтъ, не знаю,—крикнулъ братъ короля съ упрямствомъ слабаго человѣка, выведеннаго изъ себя.—Я считаю это оскорбленіемъ мнѣ и моей женѣ.

— Вашей женѣ! Я очень уважаю Шарлотту-Елизавету Баварскую, но чѣмъ она выше женщины, дѣдушка которой былъ дорогимъ другомъ и товарищемъ по оружію Генриха Великаго? Довольно! Я не унижусь до того, чтобъ разговаривать съ вами объ этомъ. Уходите и не являйтесь ко мнѣ, пока не научитесь не вмѣшиваться въ мои дѣла.

— И все же моя жена не будетъ знаться съ ней!—насмѣшливо проговорилъ «monsieur». Король порывисто устремился къ нему; онъ повернулся и исчезъ изъ комнаты настолько быстро насколько это было возможно при его неловкой походкѣ и высокихъ каблукахъ.

Но королю не суждено было испытать покоя въ этотъ день. Если вчера друзья г-жи де-Ментенонъ собрались вокругъ нея то сегодня дѣйствовали враги. Братъ короля только-что исчезъ, какъ въ комнату поспѣшно вбѣжалъ юноша, на богатой одеждѣ котораго виднѣлись слѣды ѣзды по пыльной дорогѣ. Это былъ молодой человѣкъ, блѣдный, съ каштановыми волосами, съ чертами лица, поразительно похожими на короля, за исключеніемъ носа, изуродованнаго въ дѣтствѣ. При видѣ его, лицо короля прояснилось, но снова нахмурилось, когда юноша бросился впередъ и упалъ на колѣни.

— О, ваше величество.—вскричалъ онъ,—избавьте насъ

отъ этого горя! Избавьте насъ отъ этого униженія! Умоляю васъ подумать прежде, чѣмъ сдѣлать то, что принесетъ безчестіе вамъ и намъ.

Король отшатнулся отъ него и съ сердитымъ видомъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Это невыносимо!—крикнулъ онъ.—Это было дурно со стороны моего брата, но еще хуже со стороны моего сына. Вы въ заговорѣ съ нимъ, Людовикъ. «Monsier» научилъ васъ сыграть эту роль.

Дофинъ всталъ съ колѣнъ и пристально взглянулъ на своего разгнѣваннаго отца.

— Я не видѣлъ дяди,—сказалъ онъ.—Я былъ въ Медонѣ, когда услышалъ эту новость... эту ужасную новость... и я сейчасъ же вскочилъ на коня, государь, и прискакалъ сюда, чтобъ умолять васъ еще разъ обдумать все прежде, чѣмъ унизить такъ нашъ королевскій домъ.

— Вы дерзки, Людовикъ.

— Я не желаю быть дерзкимъ, ваше величество. Но вспомните, государь, что моя мать была королева и было бы очень странно, если бы у меня была мачихой какая-то...

Король поднялъ руку такимъ властнымъ жестомъ, что слова замерли на устахъ дофина.

— Молчать!—крикнулъ онъ,—а не то вы можете сказать слово, которое разверзнетъ бездну между нами. Неужели же я хуже самого смиреннаго изъ моихъ подданныхъ, которому дозволяется слѣдовать своему влеченію въ личныхъ дѣлахъ?

— Это не ваше личное дѣло, государь; все, что вы дѣлаете, отражается на вашей семьѣ. Великіе подвиги вашего царствованія придали новый блескъ имени Бурбоновъ. О, не помрачайте этого блеска, ваше величество! На колѣняхъ молю васъ.

— Вы говорите, какъ дуракъ!—грубо крикнулъ отецъ.—Я намѣреваюсь жениться на очаровательной и добродѣтельной дамѣ одной изъ самыхъ старинныхъ фамилій Франціи, а вы говорите такъ, какъ будто я собираюсь сдѣлать нѣчто унизительное и неслыханное. Что вы имѣете противъ этой дамы?

— То, что она дочь человѣка, пороки котораго были хорошо извѣстны, что ея братъ пользуется самой дурной репутаціей, что она вела жизнь искательницы приключеній, что она вдова урода-писаки и занимаетъ во дворцѣ мѣсто прислуги.

Во время этой откровенной рѣчи король нѣсколько разъ то-

палъ ногой по ковру, а при заключительныхъ словахъ пришелъ въ полное бѣшенство.

— Какъ вы смѣете называть прислугой ту, которой поручено воспитаніе моихъ дѣтей!—крикнулъ онъ. Глаза его метали молніи.—Я говорю, что нѣтъ выше этого положенія въ государствѣ. Отправляйтесь немедленно въ Медонъ, милостивый государь, и никогда не смѣйте открывать рта объ этомъ. Прочь, говорю вамъ! Когда, по волѣ Божьей, вы станете королемъ этой страны, можете поступать какъ вамъ угодно, но до тѣхъ поръ не осмѣливайтесь перечить планамъ того, кто въ одно и то же время вашъ родитель и вашъ государь.

Молодой человѣкъ низко поклонился и съ достоинствомъ пошелъ къ двери, но тутъ онъ остановился.

— Со мной пріѣхалъ аббатъ Фенелонъ, ваше величество. Угодно вамъ видѣть его?

— Вонъ! вонъ!—бѣшено крикнулъ король, продолжая расхаживать по комнатѣ. Лицо его было все такъ же сердито, а глаза горѣли попрежнему.

Дофинъ вышелъ изъ кабинета и вслѣдъ за нимъ вошелъ высокій, худой священникъ лѣтъ сорока, поразительно красивый съ блѣднымъ, изящнымъ лицомъ съ опредѣленными чертами. Его свободныя и въ то же время почтительныя манеры указывали на долгое пребываніе при дворѣ. Король круто обернулся и взглянулъ на вошедшаго подозрительнымъ взглядомъ.

— Добраго утра, аббатъ Фенелонъ,—сказалъ онъ.—Могу я спросить о цѣли вашего посѣщенія?

— Вы часто оказывали мнѣ благосклонное снисхожденіе, спрашивая моего смиреннаго совѣта, ваше величество, и даже впослѣдствіи высказывали свое удовольствіе, что слѣдовали ему.

— Ну? Ну? Ну?—проворчалъ король.

— Если справедлива молва, ваше величество въ настоящее время переживаете кризисъ и безпристрастный совѣтъ можетъ имѣть значеніе для васъ. Нужно ли говорить, что...

— Къ чему всѣ эти слова!—крикнулъ король.—Вы присланы, чтобы попробовать возстановить меня противъ г-жи де Ментенонъ...

— Ваше величество, отъ этой дамы я не видѣлъ ничего кромѣ добра. Я уважаю и почитаю ее болѣе всякой другой женщины во Франціи.

— Въ такомъ случаѣ, аббатъ, я увѣренъ что вы съ ра-

достью узнаете, что я собираюсь жениться на ней. Добраго дня, аббатъ. Сожалѣю, что не могу удѣлить больше времени на этотъ весьма интересный разговоръ.

— Но, ваше величество...

— Когда у меня являются сомнѣнія, я очень цѣню ваши совѣты, аббатъ. Въ этомъ же отношеніи у меня, къ счастью, нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Имѣю честь пожелать вамъ добраго дня.

Первая вспышка гнѣва короля улеглась и осталось только холодное горькое чувство, еще болѣе опасное для его противниковъ. Аббатъ долженъ былъ замолчать, не смотря на всю свою ловкость и находчивость. Пятясь назадъ, онъ отвѣсилъ три глубокихъ поклона, по придворнымъ обычаямъ, и вышелъ изъ комнаты.

Но королю недолго пришлось отдыхать. Осаждавшие его хорошо знали, что настойчивостью иногда удавалось сломить его волю и надѣялись сдѣлать это и теперь. Въ комнату вошелъ министръ Лувуа съ своей величественной осанкой, надменными манерами, въ громадномъ парикѣ. Однако нѣкоторое смущеніе появилось на его аристократическомъ лицѣ, когда онъ встрѣтилъ гнѣвный взглядъ короля.

— Ну, что еще Лувуа?—нетерпѣливо спросилъ Людовикъ.

— Только одно новое государственное дѣло, ваше величество, но зато настолько важное, что заставило забыть всѣ остальныя.

— Какое?

— Вашъ бракъ, государь.

— Вы не одобряете его?

— О, ваше величество, могу ли я одобрять его?

— Вонъ изъ моей комнаты, сударь! Что вы желаете замучить меня на смерть своими приставаніями? Что! Вы осмѣливаетесь оставаться, когда я велю вамъ уйти!

Король сердито подошелъ къ министру, но Лувуа внезапно вынулъ шпагу изъ ноженъ. Людовикъ отскочилъ назадъ и выраженіе испуга и изумленія показались на его лицѣ. Но Лувуа подалъ ему рукоятку шпаги.

— Вонзите ее мнѣ въ сердце, ваше величество!—вскрикнулъ министръ, падая на колѣни. Все его громадное тѣло дрожало отъ волненія.—Я не могу пережить заката вашей славы!

— Боже мой!—вскрикнулъ король, бросая на полъ шпагу и хватаясь за голову руками.—Мнѣ кажется, вы всѣ сгово-

рились свести меня съ ума. Мучили ли когда-либо кого-нибудь такъ, какъ мучаютъ меня? Вѣдь это будетъ частный бракъ, который не будетъ имѣть никакого отношенія къ государству. Слышите меня? Понимаете? Чего вамъ еще надо?

Лувуа поднялся и вложилъ шпагу въ ножны.

— Ваше величество рѣшились окончательно?

— Окончательно.

— Такъ я не скажу больше ничего. Я исполнилъ свой долгъ.

Онъ вышелъ съ грустно опущенной головой, но въ дѣйствительности на сердцѣ у него стало легче, такъ какъ слова короля придали ему увѣренность, что ненавистная ему женщина, ставъ даже женой Людовика, не станетъ королевой Франціи.

Постоянныя нападки не измѣнили рѣшенія короля, а только довели его до высшей степени раздраженія. Такое сильное сопротивленіе было ново для человѣка, воля котораго была единственнымъ закономъ страны. Онъ былъ разсерженъ и разстроенъ и, хотя не сожалѣлъ о принятомъ рѣшеніи, но, съ безразсудной вспыльчивостью, желалъ выместить испытанныя имъ непріятности на тѣхъ, совѣту которыхъ послѣдовалъ. Поэтому выраженіе лица его было не очень любезно, когда дежурный камергеръ впустилъ въ комнату достопочтеннаго отца Лашеза, его духовника.

— Желаю вамъ полнаго счастья, ваше величество,—сказалъ іезуитъ,—и ото всего сердца поздравляю съ принятымъ вами великимъ шагомъ, который долженъ дать вамъ удовлетвореніе, какъ въ здѣшнемъ мірѣ, такъ и въ будущемъ.

— До сихъ поръ я не испытываю ни счастья, ни удовлетворенія, отецъ мой,—раздражительно отвѣтилъ король.—Никогда въ жизни я не испытывалъ ничего подобнаго. Весь дворъ стоялъ передо мной на колѣняхъ, умоляя меня измѣнить мое рѣшеніе.

Іезуитъ тревожно взглянулъ на него своими проницательными сѣрыми глазами.

— Къ счастью ваше величество—человѣкъ сильной воли, котораго не такъ легко поколебать какъ думаютъ, — сказалъ онъ.

— Да, да, я не уступилъ ни на минуту. Но все же слѣдуетъ признаться, что очень непріятно имѣть противъ себя

столько людей. Я думаю, что большинство не устояло бы на моемъ мѣстѣ.

— Теперь-то и слѣдуетъ быть твердымъ, ваше величество; сатана бѣснуется, видя, какъ вы выходите изъ-подъ его власти, и возбуждаетъ всѣхъ своихъ друзей и посылаетъ всѣхъ своихъ приверженцевъ, чтобы попробовать удержать васъ.

Но короля не легко было утѣшить.

— Знаете, отецъ мой,—сказалъ онъ,—вы, кажется, не очень-то почитаете мою семью. Мой братъ и мой сынъ, аббатъ Фенелонъ и военный министръ—вотъ тѣ приверженцы сатаны которыхъ вы упоминаете.

— Тѣмъ болѣе чести вашему величеству, что вы сумѣли устоять противъ нихъ. Вы благородно поступили, государь. Вы заслужили похвалы и благословеніе Святой Церкви.

— Надѣюсь, что я поступилъ справедливо, отецъ мой,— серьезно сказалъ король.—Буду радъ повидаться съ вами позднѣе вечеромъ, а пока я долженъ остаться наединѣ съ моими мыслями.

Отецъ Лашезъ вышелъ изъ кабинета съ глубокимъ сомнѣніемъ относительно намѣреній короля. Было очевидно, что мольбы близкихъ сильно поколебали рѣшеніе короля, хотя и не измѣнили его. Каковъ будетъ результатъ, если будутъ новыя просьбы? А что новыя просьбы будутъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что за тьмой слѣдуетъ свѣтъ. Необходимо сдѣлать какой-нибудь мастерской ходъ, чтобы вызвать немедленный кризисъ, такъ какъ каждый лишній часъ блопріятенъ для противниковъ. Колебаться—значитъ потерять игру. На рѣшительную ставку надо поставить все.

Епископъ изъ Мо ожидалъ его въ пріемной и отецъ Лашезъ въ нѣсколькихъ короткихъ словахъ обрисовалъ ему опасность положенія и средства предотвратить эту опасность. Оба отправились въ комнату г-жи де-Ментенонъ. Она сняла темную вдовью одежду, которую носила съ тѣхъ поръ, какъ поселилась при дворѣ, и замѣнила ее болѣе подходящимъ къ ожидавшему ее возвышенію богатымъ, но простымъ костюмомъ изъ бѣлаго атласа съ отдѣлкой изъ серебра. Въ ея густыхъ темныхъ косахъ блестѣлъ брилліантъ. Эта перемѣна сдѣлала еще моложе лицо и фигуру и безъ того очень моложавыя. Когда заговорщики взглянули на чудный цвѣтъ ея лица, на правильныя черты, такія спокойныя и изящныя, на удивительную грацію фигуры и осанки, они почувствовали,

что если ихъ ждетъ неудача, то ужъ никакъ не вслѣдствіе выбраннаго ими орудія.

При видѣ ихъ г-жа де-Ментенонъ встала со своего мѣста. По выраженію ея лица было ясно видно, что она прочла тревогу, наполнявшую душу вошедшихъ.

— Вы принесли дурныя вѣсти!—вскрикнула она.

— Нѣтъ, нѣтъ, дочь моя,—сказалъ епископъ.—Но намъ слѣдуетъ быть настороже, такъ какъ нашимъ врагамъ очень хотѣлось бы отвратить отъ васъ короля.

Лицо Ментенонъ просіяло при имени ея возлюбленнаго.

— Ахъ, вы не знаете!—проговорила она.—Онъ далъ слово. Я вѣрю ему, какъ себѣ самой.

Но умный іезуитъ не довѣрялъ чувству женщины.

— Наши противники многочисленны и сильны,—проговорилъ онъ, покачивая головой.—Если король и устоитъ, то ему будутъ постоянно надоѣдать такъ, что жизнь покажется ему мрачнѣе вмѣсто того, чтобъ стать свѣтлѣе—конечно, за исключеніемъ того свѣта, который вы внесете съ собой, madame. Надо покончить съ этимъ дѣломъ.

— Какимъ образомъ, отецъ мой?

— Бракъ долженъ быть заключенъ немедленно.

— Немедленно!

— Да. Если возможно, сегодня ночью.

— О, вы требуете слишкомъ много, отецъ мой. Король ни за что не согласится на такое предложеніе.

— Онъ самъ предложитъ это

— Почему?

— Потому что мы заставимъ его сдѣлать это. Только такимъ образомъ можно будетъ остановить оппозицію. Когда бракъ станетъ совершившимся фактомъ, дворъ признаетъ его, а до тѣхъ поръ сопротивленіе будетъ продолжаться.

— Что же я должна дѣлать, отецъ мой?

— Отказаться отъ короля.

— Отказаться отъ него!—Она поблѣднѣла, какъ лилія, и въ недоумѣніи смотрѣла на него.

— Это лучшее, что вы можете сдѣлать, madame.

— Ахъ, отецъ мой, я могла бы сдѣлать это прошлый мѣсяцъ, прошлую недѣлю, даже вчера утромъ. Но теперь... о, это разобьетъ мнѣ сердце.

— Не бойтесь madame. Мы даемъ вамъ благой совѣтъ.

Идите сейчасъ же къ королю. Скажите ему, что слышали о всѣхъ непріятностяхъ, вынесенныхъ имъ изъ-за васъ, что не можете вынести мысли о томъ, что станете причиной раздора въ его семьѣ, и поэтому освобождаете его отъ даннаго имъ обѣщанія и навсегда покидаете дворъ.

— Идти теперь? Сейчасъ же?

— Да, не теряя ни одной минуты.

Она набросила на плечи легкую накидку.

— Я слѣдую вашему совѣту,—сказала она.—Вѣрю, что вы умнѣе меня. Но что, если онъ поймаетъ меня на словѣ!

— Онъ не сдѣлаетъ этого.

— Это страшный рискъ.

— Безъ риска не достичь такого рода цѣли. Идите, дитя мое, и да благословитъ васъ Богъ!

XIII. У короля являются нѣкоторыя идеи.

Король остался въ кабинетѣ одинъ. Погруженный въ мрачныя мысли онъ обдумывалъ способы какъ выполнить свое намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить сопротивленіе, оказавшееся такимъ сильнымъ и всеобщимъ. Вдругъ кто-то постучался въ дверь и въ полусвѣтѣ онъ увидѣлъ женщину, о которой только-что думалъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и протянулъ къ ней руки съ улыбкой, которая успокоила бы ее, если бы она сомнѣвалась въ его постоянствѣ.

— Франсуаза! Вы здѣсь! Наконецъ-то, за весь день, у меня первый желанный гость.

— Боюсь, что васъ сильно взволновали, ваше величество.

— Да, правда.

— Я знаю лѣкарство.

— Какое?

— Я покину дворъ, государь, и вы забудете то, что произошло между нами. Я внесла раздоръ туда, гдѣ надѣялась водворить миръ. Позвольте мнѣ удалиться въ Сенъ-Сиръ или въ аббатство Фонтевро и вамъ не придется приносить жертвъ изъ-за меня.

Король поблѣднѣлъ, какъ смерть, и ухватился дрожащей рукой за ея накидку, какъ-будто боясь, что она немедленно приведетъ въ исполненіе свое рѣшеніе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ привыкъ полагаться на ея разумъ. Онъ обращался къ ней во всѣхъ случаяхъ, когда нуждался въ поддерж-

кѣ и даже тогда, когда, какъ напримѣръ на прошлой недѣлѣ, на нѣсколько времени отдалялся отъ нея, ему все-таки было необходимо знать, что его вѣрная, всепрощающая, всегда умѣющая утѣшить подруга тутъ, вблизи него, всегда готовая поддержать совѣтомъ и участіемъ. Но чтобы она могла покинуть его теперь, покинуть навсегда—подобнаго рода мысль никогда не приходила ему въ голову и сердце его похолодѣло отъ удивленія и тревоги.

— Вы не сдѣлаете этого, Франсуаза!—крикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, чтобы вы говорили это серьезно.

— Сердце мое разобьется, если я покину васъ, государь, но оно разрывается также отъ сознанія, что ради меня вы отдаляетесь отъ семьи и министровъ.

— Что! Развѣ я не король? Развѣ я не могу поступать, какъ мнѣ угодно, не обращая вниманія на нихъ? Нѣтъ, нѣтъ, Франсуаза, не покидайте меня! Оставайтесь со мной и будьте моей женой.

Отъ волненія онъ еле могъ говорить и продолжалъ удерживать ее за платье. Онъ всегда дорожилъ ею, а еще болѣе теперь, когда являлась возможность потерять ее. Она почувствовала силу своего положенія и вполнѣ воспользовалась ей.

— До бракосочетанія необходимо должно пройти нѣсколько времени, ваше величество. Вы будете неизбѣжно подвергаться различнымъ непріятностямъ. Какъ могу я быть счастливой, зная, что навлекла на васъ столько непріятностей въ продолженіи столь долгаго періода?

— А зачѣмъ этому періоду быть такимъ продолжительнымъ, Франсуаза?

— Одинъ день, въ который вы будете несчастны благодаря мнѣ, уже слишкомъ продолжителенъ, ваше величество... Я съ отчаяніемъ думаю объ этомъ; повѣрьте, мнѣ лучше покинуть васъ.

— Никогда! Вы не уѣдете! Зачѣмъ намъ ждать хоть одинъ день, Франсуаза? Я готовъ. Вы готовы. Отчего намъ не повѣнчаться теперь же?

— Сейчасъ же! О, ваше величество!

— Мы и повѣнчаемся. Я такъ желаю. Это мое приказаніе. Это мой отвѣтъ тѣмъ, кто вздумалъ управлять мной. Они ничего не будутъ знать, пока не совершится бракъ, и тогда посмотримъ, кто изъ нихъ осмѣлится относиться съ неуваженіемъ

къ моей женѣ. Обвѣнчаемся тайно, Франсуаза. Сегодня же ночью я пошлю за парижскимъ архіепископомъ и, клянусь, хотя бы вся Францiя возстала противъ этого, мы будемъ мужемъ и женой до его отъѣзда.

— Это ваша воля, ваше величество?

— Да; а по вашимъ глазамъ, я вижу, что и ваша. Не будемъ терять ни минуты, Франсуаза. Какая благословенная мысль! Это заставитъ умолкнуть навсегда ихъ языки. Они узнаютъ, когда все будетъ кончено, не раньше. Ступайте къ себѣ въ комнату, дорогой другъ, вѣрнѣйшая изъ женщинъ! Въ слѣдующій разъ мы встрѣтимся для того, чтобъ заключить союзъ, котораго не смогутъ нарушить ни дворъ, ни все королевство.

Король весь трепеталъ отъ волненія вслѣдствіе принятаго имъ рѣшенія. Выраженіе сомнѣнія и неудовольствія исчезло съ его лица и онъ съ улыбкой, съ блестящими глазами, быстро ходилъ по комнатѣ. Потомъ онъ дотронулся до маленькаго золотого колокольчика, на звонъ котораго появился камердинеръ короля Бонтанъ.

— Который часъ, Бонтанъ?

— Скоро шесть, ваше величество.

— Г-мъ!—Король раздумывалъ нѣсколько минутъ.—Бонтанъ, знаете, гдѣ капитанъ де-Катина?

— Онъ былъ въ саду, ваше величество, но я слышалъ, что онъ собирается ѣхать ночью въ Парижъ.

— Онъ поѣдетъ одинъ?

— Съ пріятелемъ.

— Кто его пріятель? Гвардейскій офицеръ?

— Нѣтъ, ваше величество; это чужестранецъ изъ-за моря, какъ я слышалъ, изъ Америки. Онъ находится уже нѣсколько времени здѣсь, и Катина показывалъ ему чудеса дворца вашего величества.

— Чужестранецъ! Тѣмъ лучше. Ступайте, Бонтанъ, и приведите ихъ обоихъ ко мнѣ.

— Надѣюсь, что они еще не уѣхали, ваше величество. Я посмотрю.

Онъ бросился вонъ изъ кабинета и черезъ десять минутъ вернулся обратно.

— Ну?

— Мнѣ посчастливилось, ваше величество. Имъ уже по-

дали лошадей и они занесли ноги въ стремена, когда я подбѣжалъ къ нимъ.

— Гдѣ же они?

— Они ожидаютъ приказаній ваше величества въ пріемной.

— Впустите ихъ, Бонтанъ, и не допускайте ко мнѣ никого, даже министра, пока они не уйдутъ отъ меня.

Аудіенція у короля входила въ кругъ обязанностей де-Катина, но онъ съ большимъ изумленіемъ выслушалъ отъ Бонтана приказаніе привести съ собой пріятеля. Онъ поспѣшно прошепталъ молодому американцу наставленія о томъ, что ему слѣдовало дѣлать и чего избѣгать. Бонтанъ снова появился и ввелъ ихъ къ королю.

Съ чувствомъ любопытства, нѣсколько смѣшаннымъ со страхомъ, Амосъ Гринъ, для котораго губернаторъ Нью-Іорка, Дуганъ, являлся воплощеніемъ наивысшей человѣческой власти, входилъ въ комнату величайшаго монарха христіанскаго міра. Роскошное убранство пріемной, въ которой ему пришлось дожидаться, бархатъ, картины, позолота, толпа разодѣтыхъ въ нарядные костюмы придворныхъ и великолѣпныхъ гвардейцевъ—все это подѣйствовало на его воображеніе и заставило его ожидать появленія какой-нибудь удивительной фигуры въ мантіи и коронѣ, центра такой сцены. Когда взглядъ его упалъ на изящную фигуру скромно одѣтаго человѣка съ блестящими глазами, на полголовы ниже его, онъ невольно оглянулъ всю комнату, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли это король, или одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ придворныхъ, которые стояли между нимъ и внѣшнимъ міромъ. По почтительному поклону своего спутника, онъ догадался, что это и есть король, поклонился и потомъ выпрямился съ простымъ достоинствомъ человѣка, воспитаннаго въ школѣ природы.

— Добрый вечеръ, капитанъ де-Катина,—сказалъ король съ пріятной улыбкой.—Вашъ другъ, я слышалъ, чужестранецъ. Надѣюсь, сударь, что вы нашли здѣсь что-либо интересное и занимательное?

— Да, ваше величество, я видѣлъ вашъ большой городъ, и удивительный же онъ. А пріятель показалъ мнѣ этотъ дворецъ съ его лѣсами и садами. Когда я вернусь въ свою страну, мнѣ много что будетъ поразсказать о томъ, что я видѣлъ въ вашей прекрасной странѣ.

— Вы говорите по-французски, а между тѣмъ вы не изъ Канады.

— Нѣтъ, ваше величество; я изъ англiйскихъ провинцiй Америки.

Король съ интересомъ смотрѣлъ на могучую фигуру, смѣлое выраженiе лица и свободную осанку молодого иностранца и внезапно въ мозгу у него мелькнуло воспоминанiе объ опасностяхъ, которыя, по словамъ графа де-Фронтенака, угрожали правительству со стороны этихъ колонiй. Если это типичный представитель расы, то дѣйствительно лучше имѣть этотъ народъ другомъ, чѣмъ врагомъ. Но въ настоящее время помыслы его были направлены вовсе не на государственныя дѣла и онъ поспѣшно отдалъ приказанiя де-Катина.

— Сегодня вы поѣдете по службѣ въ Парижъ. Вашъ другъ можетъ ѣхать съ вами. Вдвоемъ безопаснѣе, когда дѣло идетъ о государственномъ порученiи. Но я желаю, чтобы вы подождали, пока не наступитъ ночь.

— Слушаю, ваше величество.

— Никто не долженъ знать даннаго вамъ опрученiя; наблюдайте за тѣмъ, чтобы никто не слѣдовалъ за вами. Вы знаете домъ архiепископа Гарлэ, прелата Парижа?

— Да, ваше величество.

— Вы скажете ему, чтобы онъ выѣхалъ сюда и въ полночь былъ у калитки съ сѣверо-восточной стороны. Чтобы ничто не задержало его. Буря или хорошая погода—онъ долженъ быть здѣсь. Дѣло чрезвычайной важности.

— Ваше приказанiе будетъ передано ему, ваше величество.

— Очень хорошо. Прощайте, капитанъ. Прощайте, сударь. Надѣюсь, что вы останетесь довольны вашимъ пребыванiемъ во Францiи.

Онъ жестомъ руки съ той очаровательной грацiей, которая прiобрѣла ему столько поклонниковъ, отпустилъ молодыхъ людей.

XIV. Послѣдняя карта.

Г-жа де-Монтеспанъ все еще сидѣла въ своихъ комнатахъ. Отсутствiе короля тревожило ее, но она не хотѣла выказывать своего безпокойства передъ придворными и разспрашивать ихъ о случившемся. Пока она пребывала въ полномъ невѣдѣнiи относительно внезапной перемѣны своей судьбы, ея дѣятель-

ный и энергичный сообщникъ не упускалъ изъ виду ни одного инцидента и наблюдалъ за ея интересами, какъ будто они были его собственными. Да въ сущности это и было такъ: г. де-Вивоннъ пріобрѣлъ все, къ чему стремился—деньги, земли и почести—благодаря извѣстности сестры и отлично понималъ, что вслѣдъ за ея паденіемъ быстро наступитъ и его собственное. По природѣ смѣлый, неразборчивый въ средствахъ, находчивый, онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые ведутъ игру до конца со всей свойственной имъ энергіей и хитростью. Всегда настороже относительно всѣхъ придворныхъ событій, онъ съ той минуты, какъ услышалъ о намѣреніи короля, постоянно пребывалъ въ пріемной и вывелъ свои собственныя заключенія изъ всего видѣннаго. Ничто не ускользнуло отъ его вниманія—ни опечаленныя, недовольныя лица брата короля и дофина, ни визитъ отца Лашеза и Боссюэта къ г-жѣ де-Ментенонъ, ни ея возвращеніе отъ короля, ни торжество, сіявшее въ ея взорѣ. Онъ видѣлъ, какъ Бонтанъ торопливо вышелъ изъ комнаты и привелъ гвардейца и его друга. Онъ слышалъ, какъ послѣдніе велѣли подать имъ лошадей черезъ два часа и, наконецъ, черезъ слугу шпіона, узналъ, что въ комнатѣ г-жи Ментенонъ идетъ необычная суматоха, что mademoiselle Нанонъ чуть не обезумѣлъ отъ волненія и что двѣ придворныя портнихи поспѣшно вызваны къ г-жѣ де-Ментенонъ. Но всю опасность онъ понялъ только тогда, когда отъ того же слуги узналъ, что на ночь приготовляется комната для архіепископа парижскаго. Г-жа де-Монтеспанъ провела вечеръ на кушеткѣ, въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Она сердилась на всѣхъ окружающихъ; начала было читать, но бросила книгу. Стала писать—и разорвала листъ. Тысячи подозрѣній и страховъ чередовались въ ея мозгу. Что жъ сталось съ королемъ? Вчера онъ былъ холоденъ и поминутно поглядывалъ на часы. А сегодня и вовсе не пришелъ. Можетъ-быть, подагра? Или неужели она снова теряетъ власть надъ нимъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Она повернулась на кушеткѣ и взглянула на зеркало на противоположной сторонѣ. Только-что зажгли множество свѣчей, такъ что въ комнатѣ стало свѣтло какъ днемъ. Въ зеркалѣ видна была залитая огнемъ комната, оттоманка, обтянутая темно-красной матеріей, и одинокая фигура въ легкомъ бѣломъ платьѣ, отдѣланномъ серебромъ. Она подперла голову локтемъ и любовалась своими глубокими глазами съ густыми темными рѣсницами, красивымъ изги-

бомъ бѣлой шеи и безукоризненнымъ оваломъ лица. Она разсматривала все тщательно, внимательно, какъ будто передъ ней была соперница, но нигдѣ не могла найти слѣдовъ неумолимаго времени. Итакъ, она сохранила красоту. И если этой красотѣ удалось побѣдить короля, то развѣ ея недостаточно для того, чтобъ удержать его? Безъ сомнѣнія, достаточно. Она упрекала себя за страхи. Вѣроятно, онъ нездоровъ, а можетъ-быть, и придетъ еще. А! Кто-то отперъ дверь и быстро шелъ по пріемной. Кто это? Король или посланный съ запиской отъ него? Нѣтъ, то былъ ея братъ; лицо вытянулось, глаза растерянно блуждали; онъ имѣлъ видъ человѣка подавленнаго приносимыми имъ дурными вѣстями. Войдя въ комнату, онъ заперъ за собою дверь, затѣмъ подошелъ къ двери въ будуаръ и заперъ также и ее.

— Никто не помѣшаетъ намъ,—задыхаясь, проговорилъ онъ.—Я поспѣшилъ сюда, такъ какъ дорога каждая секунда. Король ничего не сообщалъ вамъ?

— Ничего.

Она вскочила на ноги. Лицо ея было такъ же блѣдно, какъ лицо брата.

— Наступило время дѣйствовать, Фрасуаза. Это часъ, въ который всегда отличались Мортемары. Не поддавайтесь удару, а соберитесь съ силами, чтобы встрѣтить его.

— Что случилось?

Она пыталась говорить обыкновеннымъ тономъ, но только шепотъ вылетѣлъ изъ ея сухихъ губъ.

— Король собирается жениться на г-жѣ де-Монтенонъ.

— На гувернанткѣ! На вдовѣ Скаррона! Это невозможно!

— Это вѣрно.

— Жениться? Вы сказали жениться?

— Да, онъ хочетъ жениться на ней.

Монтеспанъ презрительно всплеснула руками и расхохоталась громкимъ, горькимъ смѣхомъ.

— Васъ легко напугать, братъ мой,—сказала она.—Ахъ, вы не знаете своей сестрицы. Можетъ-быть, вы больше бы цѣнили мои силы, если бы не были братомъ мнѣ. Дайте мнѣ день, одинъ только день и вы увидите Людовика, гордаго Людовика, колѣнопреклоненнаго умоляющаго на колѣняхъ, чтобы я простила нанесенное имъ оскорбленіе. Говорю вамъ, что

онъ не въ состоянiи разбить связывающiе его оковы. Мнѣ нуженъ только одинъ день, чтобы вернуть его къ себѣ...

— Но у васъ не можетъ быть этого дня.

— Какъ?

— Бракъ совершится сегодня ночью

— Вы съ ума сошли, Шарль.

— Я увѣренъ въ этомъ.

Въ нѣсколькихъ отрывистыхъ словахъ онъ передалъ ей все, что видѣлъ и слышалъ. Она слушала его съ суровымъ лицомъ, все крѣпче и крѣпче сжимая руки. Но онъ сказалъ правду насчетъ Мортемаровъ. Въ жилахъ ихъ текла кровь борцовъ и въ моментъ дѣйствiй они являлись въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. По мѣрѣ того какъ г-жа Монтеспанъ слушала разсказъ брата, ненависть, болѣе чѣмъ отчаянiе, наполнила ея душу и вся ея природная энергiя возстала навстрѣчу кризиса.

— Я пойду къ нему,—сказала она, направляясь къ двери.

— Нѣтъ, нѣтъ, Франсуаза. Повѣрьте мнѣ, вы погубите все, если пойдете къ нему. Стражѣ отдано строгое приказанiе не пускать никого къ королю.

— Но я стану настаивать, чтобы меня пропустили.

— Повѣрьте мнѣ, сестра, это совершенно безполезно. Я говорилъ съ офицеромъ, приказанiе самое строгое.

— А я устрою это.

— Нѣтъ, вы не пойдете.—Онъ сталъ спиною къ двери.— Я знаю, что это безполезно, и не хочу, чтобы моя сестра стала посмѣшищемъ двора, стараясь ворваться въ комнату человѣка, который отталкиваетъ ее

Щеки его сестры вспыхнули и она остановилась въ нерѣшительности.

— Будь у меня одинъ день, Шарль, — я увѣрена, что мнѣ удалось бы вернуть его. Тутъ дѣйствовало чье-то другое влiянiе, можетъ быть, всюду сующаго носъ iезуита или высокопарнаго Боссюэта. Одинъ только день, чтобы разрушить ихъ козни. Развѣ я не вижу, какъ они развертываютъ картины адскаго пламени передъ его глазами, подобно факелу, которымъ раздразниваютъ быка? О, если бы я могла низвергнуть ихъ всѣхъ сегодня вечеромъ! Эта женщина, эта проклятая женщина! Хитрая змѣя, которую я отогрѣла у себя на груди! О, я скорѣе согласна бы видѣть Людовика мертвымъ, чѣмъ женатымъ на ней! Шарль, Шарль, нужно остановить этотъ

бракъ, непремѣнно остановить. Я отдамъ все на свѣтѣ, чтобы помѣшать заключенію этого брака!

— Что вы дадите мнѣ, сестра?

Она растерянно взглянула на брата.

— Какъ! Неужели вы хотите, чтобы я купила васъ?—спросила она.

— Нѣтъ; но я хочу купить другихъ.

— А! значитъ, есть какой-нибудь шансъ на успѣхъ?

— Одинъ, единственный шансъ. Но время идетъ. Мнѣ нужно денегъ.

— Сколько?

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Все, что можете дать.

Дрожащими отъ нетерпѣнія руками г-жа де-Монтеспанъ открыла потайной шкафъ въ стѣнѣ, въ которомъ прятала свои драгоцѣнности. Яркій блескъ ихъ ослѣпилъ ея брата, смотрѣвшаго изъ-за ея плеча.

Большіе рубины, дорогіе изумруды, красивые берилы, блестящіе блрилліанты лежали въ одной большой кучѣ, представлявшей собою жатву милостей короля, собранную ею впродолженіе болѣе пятнадцати лѣтъ. По одной сторонѣ шкафа было три ящика. Она отперла нижній. Онъ былъ до края наполненъ блестящими луидорами.

— Возьмите сколько хотите!—сказала она.—А теперь вашъ планъ! скорѣе!

Де-Вивоннъ набилъ карманы деньгами. Монеты проскальзывали между пальцами, падали на полъ и разсыпались, но ни братъ, ни сестра не обращали на это никакого вниманія.

— Вашъ планъ?—говорила она.

— Намъ нужно помѣшать архіепископу пріѣхать сюда. Тогда бракъ будетъ отложенъ до завтрашняго вечера, и у васъ хватитъ времени, чтобы дѣйствовать.

— Но какъ помѣшать архіепископу?

— Во дворцѣ найдется съ дюжину хорошихъ шпагъ, которыхъ можно купить за меньшую сумму, чѣмъ та, которая лежитъ въ одномъ изъ моихъ кармановъ. Делатушъ, молодой Тюрбевиль, старый маіоръ Дескаръ, Раймондъ де-Карнакъ и четверо Латуровъ. Я соберу ихъ, стану съ ними на дорогѣ...

— Что бы перехватить архіепископа?

— Нѣтъ, посланныхъ за нимъ.

— О, превосходно! Вы лучшій изъ братьевъ! Если послан-

ные не попадутъ въ Парижъ, мы спасены. Ступайте, ступайте, не теряйте ни минуты, мой добрый Шарль.

— Все это очень хорошо, Франсуаза: но что намъ дѣлать съ посланными, когда мы поймаемъ ихъ? По моему, мы рискуемъ потерять головы. Во всякомъ случаѣ они—послы короля и врядъ ли намъ удобно пронзить ихъ шпагами.

— Вы думаете?

— Намъ никогда бы не получить прощенія за это дѣло.

— Но вспомните, что прежде чѣмъ разсмотрятъ это дѣло, я верну свое прежнее вліяніе надъ королемъ.

— Все это очень хорошо, сестренка, но сколько времени будетъ продолжаться это вліяніе? Нечего сказать, пріятная жизнь, если при каждой перемѣнѣ фавора намъ придется бѣжать изъ королевства. Нѣтъ, нѣтъ, Франсуаза; самое большее, что мы можемъ сдѣлать, это задержать посланныхъ.

— Гдѣ вы можете задержать ихъ?

— У меня есть идея. Въ замкѣ маркиза де-Монстеспанъ въ Портилльякѣ.

— Моего мужа!

— Вотъ именно.

— Моего самагó ожесточеннаго врага? О, Шарль, вы говорите не серьезно.

— Напротивъ, я никогда не былъ такъ серьезенъ, какъ въ настоящую минуту. Маркизъ былъ вчера въ Парижѣ и еще не вернулся домой. Гдѣ его кольцо съ гербомъ?

Г-жа де-Монтеспанъ стала рыться въ драгоцѣнностяхъ и вынула кольцо съ выгравированнымъ на немъ портретомъ.

— Это послужитъ ключомъ намъ. Когда добрякъ Марсо, дворецкій, увидитъ его, онъ отдастъ въ наше распоряженіе всѣ темницы замка. Тутъ или нигдѣ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ мы не можемъ безопасно держать ихъ.

— Но когда вернется мой мужъ?

— Ахъ, его нѣсколько удивитъ присутствіе плѣнниковъ. И любезному Марсо придется пережить непріятные часы. Но это можетъ случиться развѣ черезъ недѣлю, а къ тому времени, сестренка, я увѣренъ, что вы уже окончите свою кампанію. Ни слова больше, такъ какъ каждая минута драгоцѣнна. Прощайте, Франсуаза. Мы не будемъ побѣждены безъ борьбы. Ночью пришлю сказать вамъ, какъ идетъ дѣло.

Онъ нѣжно обнялъ ее, поцѣловалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Послѣ его отъѣзда, она цѣлыми часами безшумно, сжавъ руки, ходила по мягкому ковру комнаты. Глаза ея горѣли, душа была полна ревности и ненависти къ соперницѣ. Пробило десять, одиннадцать, двѣнадцать, а она все еще ждала, полная ярости и нетерпѣнія, прислушиваясь къ каждому шагу, ожидая вѣсти. Наконецъ, ожиданіе ея окончилось. Она услышала быстрые шаги въ коридорѣ, стукъ въ дверь пріемной и шепотъ своего чернаго негра. Вся дрожа отъ нетерпѣнія, она бросилась въ переднюю и сама взяла записку отъ покрытаго пылью всадника. На клочкѣ грязной бумаги грубымъ почеркомъ было написано только нѣсколько словъ, но при видѣ ихъ краска вернулась на ея щеки и улыбка показалась на губахъ. Почеркъ былъ ея брата; онъ писалъ: «Архіепископъ не пріѣдетъ сегодня ночью».

XV. Полуночная миссія.

Де-Катина отлично понималъ всю важность возложеннаго на него порученія. Сохраненіе тайны, которое требовалъ отъ него король, его видимое возбужденіе и самое приказаніе, отданное имъ—все это подтверждало слухи, ходившіе при дворѣ. Де-Катина достаточно были извѣстны интриги и раздоры, которыми кишѣлъ дворъ, чтобы понять, какія предосторожности слѣдовало принять при исполненіи даннаго ему порученія. Поэтому онъ дождался наступленія темноты и велѣлъ слугѣ-солдату вывести двухъ лошадей къ воротамъ сада, выходившимъ къ назначенному мѣсту, онъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ ему положеніе двора и высказалъ предположеніе, что эта ночная поѣздка можетъ оказать вліяніе на будущую исторію Франціи.

— Мнѣ нравится вашъ король,—сказалъ Амосъ Гринъ,—и я радъ услужить ему. Очень ужъ онъ малъ ростомъ для главы великой націи, но по взгляду его видно, что онъ повелитель. Если бы встрѣтиться съ нимъ въ Мэнскихъ лѣсахъ, то и тамъ увидишь, что этотъ человѣкъ выдѣляется изъ другихъ. Ну, я радъ, что онъ снова собирается жениться, хотя любой женщинѣ трудно будетъ приглядывать за такимъ большимъ домомъ.

Де-Катина улыбнулся при этомъ взглядѣ пріятеля на обязанности королевы.

— Вы не вооружены?—спросилъ онъ.—У васъ нѣтъ ни шпаги, ни пистолетовъ?

— Нѣтъ; если нельзя взять ружья, то зачѣмъ мнѣ возиться

съ инструментами, которыхъ я не могу употреблять въ дѣло. Но почему вы спрашиваете меня?

— Потому что намъ можетъ угрожать опасность.

— Какая?

— Многіе заинтересованы въ томъ, чтобъ помѣшать этому браку. Всѣ первыя лица въ государствѣ сильно противъ него. Если бы имъ удалось задержать насъ, то и бракъ былъ бы отложенъ, по крайней мѣрѣ, на сутки.

— Но я думалъ, что это тайна?

— Тайнъ не бываетъ при дворѣ. И дофинъ, и братъ, и всѣ друзья ихъ были бы очень рады, если бы мы очутились въ Сенѣ прежде чѣмъ добрались бы до дома архіепископа. Но кто это?

Передъ ними, на дорожкѣ, показалась плотная фигура. Когда она приблизилась, цвѣтная лампочка, спускавшаяся съ одного изъ деревьевъ, освѣтила голубой съ серебромъ мундиръ гвардейскаго офицера. Это былъ міоръ де-Бриссакъ, однополчанинъ де-Катина.

— Эй! Куда отправляетесь?

— Въ Парижъ, маіоръ.

— Я самъ ѣду туда черезъ часъ. Не подождете ли меня? отправимся вмѣстѣ.

— Очень жаль, но у меня спѣшное дѣло. Нельзя терять ни минуты.

— Очень хорошо. Добрый вечеръ и пріятной прогулки.

— Что онъ вѣрный человѣкъ, нашъ другъ маіоръ?—спросилъ, оглядываясь, Амосъ Гринъ.

— Да, на него можно вполнѣ положиться.

— Ну, такъ я хотѣлъ бы переговорить съ нимъ.

Американецъ поспѣшно бросился назадъ по дорожкѣ, а де-Катина стоялъ, бѣсясь на безполезную задержку. Прошло цѣлыхъ пять минутъ, пока вернулся его спутникъ, и горячая кровь французскаго воина кипѣла отъ нетерпѣнія и гнѣва.

— Я думаю, вамъ лучше ѣхать въ Парижъ одному, мой другъ,—сказалъ онъ.—Если я ѣду по службѣ короля, я не могу останавливаться, когда вамъ придетъ фантазія.

— Очень жаль,—спокойно отвѣтилъ Гринъ.—Мнѣ нужно было сказать нѣчто вашему маіору и я думалъ, что, можетъ-быть, мнѣ не придется увидѣть его.

— Ну, вотъ и лошади,—сказалъ гвардеецъ, распахивая калитку.—Вы накормили и напоили ихъ, Жакъ?

— Да, капитанъ,—отвѣтилъ человѣкъ, державшій лошадей.

— Ну, такъ садись въ сѣдло, другъ Гринъ, и не будемъ останавливаться, пока не увидимъ огней Парижа.

Солдатъ взглянулъ вслѣдъ имъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Не будете останавливаться, вотъ какъ!—пробормоталъ онъ, поворачиваясь, чтобъ идти назадъ.—Ну, это еще посмотримъ, мой капитанъ, посмотримъ.

Болѣе чѣмъ милю пріятели проскакали голова въ голову и колѣно въ колѣно. Съ запада поднялся вѣтеръ и небо заволокло тяжелыми сѣрыми тучами; мѣсяцъ проглядывалъ среди быстро несущихся тучъ. Даже въ эти мгновенія на дорогѣ, окаймленной большими деревьями, было очень темно, а когда исчезалъ и этотъ свѣтъ, то почти невозможно было видѣть пути. Де-Катина тревожно смотрѣлъ поверхъ ушей своей лошади и наклонялся лицомъ къ гривѣ, чтобы разглядѣть дорогу.

— Что скажете о дорогѣ?

— Она имѣетъ видъ, какъ-будто по ней проѣхало много экипажей.

— Что! Боже мой! Неужели вы можете разглядѣть слѣды экипажей?

— Конечно. Почему же нѣтъ.

— Да потому что я не вижу и дороги

Амосъ Гринъ расхохотался ото всей души.

— Если бы вы путешествовали ночью по лѣсамъ такъ же часто, какъ я,—сказалъ онъ,—тамъ, гдѣ зажечь огонь, значитъ рисковать потерять волосы на головѣ, то пріучились бы пользоваться зрѣніемъ.

— Тогда поѣзжайте лучше впередъ, а я поѣду за вами. Вотъ такъ! Эге! Это что такое?

Послышался внезапный, рѣзкій звукъ, какъ-будто что-то лопнуло. На одно мгновеніе американецъ закачался на сѣдлѣ.

— Это ремень отъ стремени. Онъ упалъ.

— Можете вы найти его?

— Да; но я могу ѣхать и безъ него. Ѣдемъ дальше.

— Очень хорошо. Теперь я вижу васъ.

Они скакали такимъ образомъ нѣсколько минутъ. Голова лошади де-Катина приходилась у хвоста лошади Грина. Вдругъ снова раздался рѣзкій звукъ и гвардеецъ скатился съ сѣдла на землю. Однако онъ удержалъ поводья въ рукахъ и въ одно мгновеніе уже очутился на шеѣ лошади, разсыпаясь въ проклятіяхъ, какъ это бываетъ только съ сердитымъ французомъ.

— Тысяча громовъ небесныхъ!—кричалъ онъ.—Что это случилось?

— У васъ тоже лопнулъ ремень.

— Два ремня въ пять минутъ? Это невозможно.

— Невозможно, чтобы это было случайностью,—серьезно проговорилъ американецъ, соскакивая съ лошади.—Ага, а это что такое? Другой ремень у меня также подрѣзанъ и виситъ на ниточкѣ.

— И мой также. Я чувствую это, проводя рукой по лошади. Есть у васъ кремень? Надо высѣчь огонь.

— Нѣтъ, нѣтъ; человѣкъ въ безопасности, когда онъ во тьмѣ. Предоставляю другимъ зажигать огонь. Мы увидимъ все, что нужно намъ.

— У меня подрѣзанъ поводъ.

— У меня также

— И подпруга.

— Удивительно, что мы еще не сломали себѣ шеи. Кто это сыгралъ съ нами такую штуку?

— Кто же, какъ не этотъ негодяй, Жакъ! Онъ вѣдь присматривали за лошадьми. Ну, погоди, достанется же ему, когда я пріѣду въ Версаль.

— Но почему онъ сдѣлаетъ это?

— Ахъ, его подкупили. Онъ былъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто хотѣлъ помѣшать нашей поѣздкѣ.

— Очень вѣроятно. Но у нихъ должна быть какая-нибудь скрытая причина. Они хорошо знали, что, обрѣзавъ ремни, не помѣшаютъ намъ доѣхать до Парижа, такъ какъ мы можемъ ѣхать и безъ сѣдла или бѣжать, если нужно.

— Они надѣялись, что мы сломаемъ себѣ шеи.

— Одинъ изъ насъ могъ бы сломать себѣ шею, но врядъ ли оба, такъ какъ какъ участь одного послужила бы предостереженіемъ для другого.

— Ну, такъ что же, вы думаете, они хотѣли сдѣлать?—нетерпѣливо крикнулъ де-Катина.—Ради Бога, придемъ къ какому-нибудь заключенію, наконецъ, такъ какъ дорога каждая минута.

Но Грина нельзя было заставить отказаться отъ его спокойной, методической манеры говорить и думать.

— Они не думали остановить насъ,—сказалъ онъ.—Что же они думали? Они хотѣли только задержать насъ. А зачѣмъ они хотѣли задержать насъ? Что значило для нихъ, если

бы мы передали наше порученіе часомъ, двумя раньше или позже? Это не можетъ имѣть значенія.

— Ради Бога!...—нетерпѣливо прервалъ его де-Катина.

Но Амосъ Гринъ продолжалъ хладнокровно обсуждать дѣло.

— Почему же они хотятъ задержать насъ? Я вижу только одну причину—чтобы дать кому-то обогнать насъ и остановить насъ. Вотъ что, капитанъ. Держу пари на шкуру бобра противъ шкуры кролика, что я напалъ на слѣдъ. Тутъ на землѣ видны слѣды двѣнадцати верховыхъ, проѣхавшихъ прежде чѣмъ выпала роса. Если насъ задержатъ, у нихъ будетъ время составить планы до нашего пріѣзда.

— А можетъ-быть, вы и правы,—задумчиво проговорилъ де-Катина.—Что же вы предполагаете?

— Ѣхать назадъ или другимъ, кружнымъ, путемъ.

— Это невозможно. Намъ пришлось бы ѣхать назадъ къ проселочной дорогѣ у Медона, а это лишнихъ десять миль.

— Лучше пріѣхать часомъ позже, чѣмъ вовсе не пріѣхать.

— Ба! не бросать же намъ пути изъ-за одной догадки. Есть еще проселочная С.-Жерменская дорога, милей ниже. Когда мы доѣдемъ до нея, можно будетъ взять направо, вдоль южной стороны рѣки, и такимъ образомъ измѣнить путь.

— Но мы можемъ не доѣхать до этой дороги.

— Если кто-либо преградитъ намъ дорогу, мы знаемъ, какъ поступить съ нимъ.

— Вы будете бится? Съ дюжиной людей?

— Съ сотней, разъ я ѣду по порученію короля.

Амосъ Гринъ пожалъ плечами.

— Вѣдь вы же не боитесь?

— Страшно боюсь. Биться хорошо, когда ничего другого не остается дѣлать. Но я считаю безумнымъ ѣхать прямо въ западню, когда можно обойти ее.

— Можете дѣлать, что вамъ угодно,—сердито проговорилъ де-Катина.—Мой отецъ былъ дворянинъ, владѣлецъ большого имѣнія и я не намѣренъ трусить на службѣ короля.

— Мой отецъ,—отвѣтилъ Амосъ Гринъ,—былъ купецъ, владѣлецъ множества звѣриныхъ шкуръ, и его сынъ умѣетъ отличить дурака, когда встрѣчается съ нимъ.

— Вы дерзки, сударь!—крикнулъ гвардеецъ.—Мы можемъ покончить это дѣло при болѣе удобномъ случаѣ. Въ настоящее время я выполняю данное мнѣ порученіе, а вы можете возвращаться въ Версаль, если желаете.

Онъ приподнялъ шляпу съ утонченною вѣжливостью и поѣхалъ дальше по дорогѣ.

Амосъ Гринъ колебался нѣсколько времени, потомъ сѣлъ на лошадь и догналъ своего спутника. Но тотъ былъ все еще не въ духѣ и ѣхалъ, не оборачиваясь и не удостоивая пріятеля ни взглядомъ, ни словомъ. Внезапно, во мракѣ, онъ увидѣлъ нѣчто заставившее его улыбнуться. Вдали передъ ними, среди двухъ группъ темныхъ деревьевъ, виднѣлось множество блестящихъ желтыхъ точекъ, скученныхъ, словно цвѣты въ саду. То были огни Парижа.

— Смотрите!—крикнулъ онъ.—Вотъ городъ и гдѣ-нибудь вблизи С.-Жерменская дорога. Мы поѣдемъ по ней, чтобъ избѣгнуть всякой опасности.

— Очень хорошо! Но вамъ не слѣдуетъ ѣхать слишкомъ быстро, такъ какъ подпруга можетъ лопнуть каждую минуту.

— Нѣтъ, поѣдемъ скорѣе; уже близокъ конецъ нашего путешествія. С.-Жерменская дорога начинается какъ разъ за угломъ; тогда путь будетъ виденъ намъ, такъ какъ огни Парижа будутъ вести насъ.

Онъ ударилъ лошадь хлыстомъ и они галопомъ обогнули уголъ дороги. Въ слѣдующее мгновеніе оба лежали среди кучи подымавшихся головъ и лошадиныхъ копытъ,—де-Катина, наполовину прикрытый своею лошадью, товарищъ его, отброшенный отъ него на двадцать шаговъ, лежалъ, безмолвный и неподвижный, посреди дороги.

XVI. Засада.

Г. де-Вивоннъ искусно устроилъ засаду. Въ каретѣ съ шайкой отчаянныхъ негодяевъ, онъ выѣхалъ изъ дворца полчаса ранѣе посланныхъ короля и съ помощью золотыхъ монетъ, данныхъ ему сестрой, принялъ мѣры, чтобы де-Катина и Гринъ не могли ѣхать очень быстро. Достигнувъ разѣтвленія дороги, онъ приказалъ кучеру проѣхать на небольшомъ разстояніи и привязалъ къ изгороди всѣхъ лошадей. Потомъ онъ поставилъ одного изъ своихъ сообщниковъ сторожить главную дорогу, чтобъ зажечь огонь, когда покажутся королевскіе посланные. Толстая веревка была привязана въ семнадцати дюймахъ отъ земли къ стволу дерева, стоявшаго у одного края дороги; другой конецъ ея былъ привязанъ къ дереву на другой

сторонѣ. Всадники не могли разглядѣть веревки, находившейся на самомъ закругленіи дороги, и вслѣдствіе этого лошади ихъ тяжело упали на дорогу, увлекая за собою и всадниковъ. Въ одно мгновеніе дюжина негодяевъ, прятавшихся въ тѣни деревьевъ, бросилась на упавшихъ со шпагами въ рукахъ. Но жертвы лежали неподвижно. Де-Катина тяжело дышалъ, одна нога его была подъ головой лошади; кровь текла тонкой струей по его блѣдному лицу и падала, капля за каплей, на серебряные эполеты. Амосъ Гринъ не былъ раненъ, но испорченная подпруга лопнула и онъ слетѣлъ съ сѣдла на жесткую дорогу съ такой силой, что лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни.

— Плохо дѣло, маіоръ Деспаръ,—сказалъ де-Вивоннъ стоявшему возлѣ него человѣку.—Мнѣ кажется, оба готовы.

— Ну, ну! Клянусь, въ мое время люди не умирали такъ скоро,—отвѣтилъ тотъ, наклоняясь такъ, что свѣтъ фонаря упалъ на его свирѣпое лицо, обрамленное сѣдыми волосами.—Я леталъ съ лошади безчисленное множество разъ и, за исключеніемъ того, что сломалъ себѣ кости двѣ, ничего дурного со мной не было. Ткните-ка шпагой лошадей подъ третье ребро, Делатушъ, онѣ ужъ никуда не годятся.

Два послѣднихъ вздоха—и поднятыя кверху шеи лошадей упали на землю; страданія ихъ окончились.

— Гдѣ Латуръ?—спросилъ г. де-Вивоннъ.—Ахиллъ Латуръ изучалъ медицину въ Монпелье. Гдѣ онъ?

— Вотъ я, ваше превосходительство. Не стану хвастать, но я такъ же ловко управляюсь съ ланцетомъ, какъ со шпагой, и плохой былъ день для больныхъ, когда я впервые надѣлъ мундиръ и перевязь. Котораго прикажете осмотрѣть?

— Того, который лежитъ на дорогѣ.

Латуръ нагнулся надъ Амосомъ Гриномъ.

— Ему не долго жить,—сказалъ онъ.—Я сужу по тому, какъ онъ дышитъ.

— А какое у него поврежденіе?

— Вывихъ надбрюшія. Ахъ ученые термины такъ и просятся мнѣ на языкъ, но ихъ трудно выразить простыми словами. Помоему, не мѣшало бы всадить ему кинжалъ въ горло, такъ какъ конецъ его очень близокъ.

— Ни за что! — вскрикнулъ предводитель. — Если онъ умретъ не отъ раны, то нельзя будетъ обвинить насъ. Посмотрите теперь другого.

Латуръ наклонился надъ де-Катина и положилъ ему руку на сердце. Капитанъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза и оглянулся вокругъ съ видомъ человѣка, не понимающаго гдѣ онъ и какъ попалъ сюда.

Де-Вивоннъ, надвинувъ шляпу на глаза и прикрывъ плащемъ нижнюю часть лица, вынулъ фляжку и вылилъ раненому въ ротъ немного ея содержимаго. Въ одно мгновеніе краска появилась на безкровныхъ щекахъ гвардейца и сознаніе мелькнуло въ его глазахъ. Онъ съ трудомъ поднялся на ноги и съ яростью старался оттолкнуть державшихъ его людей. Но голова у него еще кружилась и онъ еле стоялъ на ногахъ.

— Я долженъ ѣхать въ Парижъ! По приказу короля. Вы удерживаете меня на свою погибель!

— У него только царапина!—сказалъ бывшій лѣкарь.

— Ну, такъ держите его крѣпче. А умирающаго снесите въ карету.

Свѣтъ отъ фонаря падалъ небольшимъ свѣтлымъ кругомъ, такъ что, когда фонарь поднесли къ де-Катина, Амосъ Гринъ остался въ тѣни. Теперь фонарь перенесли туда, гдѣ лежалъ онъ. Но раненаго не оказалось на мѣстѣ. Онъ исчезъ.

Одно мгновеніе заговорщики стояли молча, устремивъ взгляды на то мѣсто, гдѣ лежалъ прежде молодой человѣкъ. Свѣтъ отъ фонаря падалъ на ихъ шляпы съ перьями, на свирѣпыя глаза и дикія лица. Потомъ они разразились потокомъ ругательства, а де-Вивоннъ схватилъ мнимаго доктора за горло и, бросивъ на землю, задушилъ бы его, если бы не вмѣшались другіе.

— Лживая собака!—кричалъ онъ.—Такъ вотъ оно, твое знаніе! Онъ убѣжалъ и мы погибли!

— Онъ сдѣлалъ это въ агоніи!—задыхаясь прохрипѣлъ Латуръ. Онъ сѣлъ и сталъ тереть себѣ горло.—Говорю вамъ, онъ in exstremis. Онъ не можетъ уйти далеко.

— Это правда. Онъ не можетъ уйти далеко,—сказалъ де-Вивоннъ.—У него нѣтъ ни оружія, ни лошади. Деспаръ и Раймондъ де-Карнакъ, стерегите другого, чтобы онъ также не сыгралъ съ нами какой-нибудь штуки. Вы, Латуръ, и вы, Тюрбевиль, поѣзжайте по дорогѣ и подождите у южныхъ воротъ. Если онъ доберется до Парижа, то долженъ пройти по этой дорогѣ. Если поймаете его, привяжите сзади къ лошади и привезите на назначенное мѣсто. Во всякомъ случаѣ, это ничего не значитъ, такъ какъ онъ чужестранецъ и случайно попалъ

сюда. Отведите другого въ карету и мы уѣдемъ прежде, чѣмъ поднимется тревога.

Два всадника поѣхали на поиски бѣглеца, а де-Катина, все еще продолжавшаго отчаянно сопротивляться, потащили по С.-Жерменской дорогѣ и бросили въ карету, которая стояла нѣсколько въ отдаленіи. Трое изъ всадниковъ поѣхали впереди, кучеру приказали ѣхать за ними; де-Вивоннъ, отправивъ посланнаго съ запиской къ сестрѣ, поѣхалъ позади кареты съ остальными бандитами.

Несчастный гвардеецъ теперь окончательно пришелъ въ себя и увидѣлъ себя со связанными руками и ногами плѣнникомъ въ подвижной тюрьмѣ, которая тяжело тащилась по плохой дорогѣ. Онъ былъ ошеломленъ паденіемъ и нога у него была сильно помята отъ тяжести упавшей на него лошади, но рана на лбу оказалась сущимъ пустякомъ и кровотеченіе уже остановилось. Состояніе его души было тяжелѣе состоянія его тѣла. Опустивъ голову на связанныя руки, онъ бѣшено топалъ ногами и въ отчаяніи покачивался изъ стороны въ сторону. Какъ онъ былъ глупъ, безумно глупъ! Старый солдатъ, знакомый съ войной, онъ попалъ съ открытыми глазами въ такую западню! Король избралъ его, какъ лицо, на которое могъ положиться, а онъ не исполнилъ порученія короля, не обнаживъ шпаги. И его предостерегали... предостерегалъ молодой человѣкъ, незнакомый съ придворными интригами и поступавшій такъ, какъ указывалъ ему природный умъ. Въ полномъ отчаяніи де-Катина бросился на кожаную подушку сидѣнья.

Но затѣмъ къ нему вернулся здравый смыслъ, который у кельтовъ такъ тѣсно связанъ съ порывистостью. Дѣло, конечно, нужно еще обдумать: нельзя ли поправить его. Амосъ Гринъ исчезъ. Это одинъ благопріятный шансъ. И Амосъ Гринъ слышалъ приказъ короля и понималъ его значеніе. Правда, онъ не зналъ Парижа, но человѣкъ, умѣвшій ночью находить дорогу въ Мэнскихъ лѣсахъ, навѣрно, не затруднится найти извѣстный домъ архіепископа Парижскаго. Но внезапно сердце де-Катина сжалось при мысли, пришедшей ему въ голову. Городскія ворота запирались въ восемь часовъ, а было около девяти. Ему, де-Катина, мундиръ котораго служилъ пропускнымъ листомъ, легко было попасть въ Парижъ. Но можно ли надѣяться, что пропустятъ Амоса Грина, чужестранца и штатскаго. Это невозможно, вполнѣ невозможно! А между тѣмъ, несмотря на все, у него была

смутная надежда на то, что такой энергичный и находчивый человѣкъ какъ-нибудь выпутается изъ этого затрудненія.

Затѣмъ ему пришла мысль о побѣгѣ. Можетъ-быть, онъ самъ еще успѣетъ выполнить данное ему порученіе? Что это за люди, которые схватили его? Они не проговорились ни намекомъ о томъ, чьими орудіями являлись. Де-Катина подумалъ о „monsieur" и дофинѣ. Вѣроятно, одинъ изъ нихъ. Онъ узналъ только одного изъ шайки—стараго маіора Деспара, посѣщавшаго въ Версали кабачки самаго низшаго разбора и шпага котораго была всегда къ услугамъ того, кто даетъ больше денегъ. Куда везутъ его эти люди? Можетъ-быть, на смерть. Но если они хотятъ покончить съ нимъ, то зачѣмъ же они привели его въ чувство? Полный любопытства, онъ выглянулъ въ окно.

Съ обѣихъ сторонъ ѣхало по всаднику, но въ передней части кареты было стекло, черезъ которое онъ могъ видѣть окрестность. Тучи разошлись и мѣсяцъ обливалъ пейзажъ своимъ яркимъ свѣтомъ. Направо лежала открытая мѣстность, большія равнины съ группами деревьевъ и съ башнями замковъ, выглядывавшими изъ-за рвовъ. Откуда-то изъ монастыря доносились тяжелые удары колокола, приносимые вѣтромъ. Налѣво, вдали, виднѣлись огни Парижа. Городъ оставался позади. Куда бы ни везли плѣнника, во всякомъ случаѣ навѣрное ужъ не въ столицу и не въ Версаль. Де-Катина сталъ разсчитывать шансы на успѣхъ. Шпагу у него отняли, пистолеты остались въ кобурѣ на землѣ рядомъ съ его несчастной лошадью. Итакъ, даже въ случаѣ если ему удалось бы освободиться, онъ будетъ безоруженъ, а схватившихъ его людей, по крайней мѣрѣ, съ дюжину. Впереди, по бѣлой, залитой луннымъ свѣтомъ дорогѣ, ѣхало въ рядъ трое всадниковъ, а съ обѣихъ сторонъ кареты по одному человѣку. По топоту копытъ можно было заключить, что сзади было не менѣе шести человѣкъ. Вмѣстѣ съ кучеромъ это составляло какъ разъ двѣнадцать противниковъ, бороться съ которыми было немыслимо для невооруженнаго человѣка. Подумавъ о кучерѣ, де-Катина взглянулъ черезъ окно на широкую спину этого человѣка и внезапно, при свѣтѣ огня въ каретѣ, замѣтилъ нѣчто наполнившее ужасомъ его душу.

Кучеръ былъ, очевидно, сильно раненъ. Удивительно, какъ онъ еще могъ сидѣть на козлахъ и щелкать бичемъ при та-

кихъ страшныхъ ранахъ. На спинѣ его суконнаго краснаго кафтана, какъ разъ подъ лѣвой лопаткой, виднѣлась большая дыра, черезъ которую, очевидно, проникло какое-то оружіе, а кругомъ большое темнокрасное пятно. Но это было еще не все. Лучъ мѣсяца упалъ на поднятую руку кучера и де-Катина содрогнулся, замѣтивъ, что она также покрыта запекшеюся кровью. Гвардеецъ вытянулъ шею, чтобы разглядѣть лицо кучера, но его широкополая шляпа была низко опущена на лобъ, а высокій воротникъ одежды поднятъ такъ, что черты лица его были совершенно въ тѣни.

Видъ этого безмолвнаго человѣка съ слѣдами ужасныхъ ранъ на тѣлѣ оледенилъ душу де-Катина и онъ пробормоталъ про себя одинъ изъ гугенотскихъ псалмовъ Моро. Кто, какъ не дьяволъ, могъ бы править экипажемъ такими окровавленными руками и съ тѣломъ проткнутымъ насквозь шпагой?

Карета доѣхала до мѣста, гдѣ отъ большой дороги отдѣлялась проселочная, спускавшаяся по крутому склону холма по направленію къ Сенѣ. Передніе всадники продолжали ѣхать по большой дорогѣ, такъ же какъ и слѣдовавшіе по бокамъ экипажа, какъ вдругъ, къ великому изумленію де-Катина, карета внезапно уклонилась въ сторону и въ одно мгновеніе стала спускаться по крутому склону. Сильныя лошади неслись во весь опоръ. Кучеръ, стоя, бѣшено хлесталъ ихъ и неуклюжій старый экипажъ отчаянно подскакивалъ по дорогѣ, бросая де-Катина съ одного сидѣнья на другое. Придорожные тополи мелькали мимо оконъ кареты, лошади продолжали бѣшеную скачку, а демонъ-кучеръ размахивалъ при лунномъ свѣтѣ своими ужасными красными руками и криками понукалъ обезумѣвшихъ животныхъ. Карету бросало то въ одну, то въ другую сторону, иногда она держалась только на двухъ боковыхъ колесахъ и каждое мгновеніе грозила паденіемъ. Но какъ ни быстро неслись лошади, преслѣдователи неслись еще быстрѣе. Стукъ копытъ ихъ лошадей становился все ближе и ближе и внезапно въ одномъ изъ оконъ экипажа показались красныя, раздувающіяся ноздри лошади. Медленно обрисовалась ея морда, глаза, уши, грива, а надъ всѣмъ этимъ свирѣпое лицо Деспара и блестящее дуло пистолета.

— Въ лошадь, Деспаръ. въ лошадь!—крикнулъ властный голосъ.

Блеснулъ огонь и экипажъ покачнулся отъ судорожнаго прыжка одной изъ лошадей. Кучеръ продолжалъ неистово кричать и хлестать лошадей и карета, подпрыгивая, неслась дальше.

Но дорога сдѣлала внезапный поворотъ—и прямо передъ плѣнникомъ и его преслѣдователями, не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ нихъ, показалась Сена, холодная и безмолвная при лунномъ свѣтѣ. Съ обѣихъ сторонъ дороги берегъ круто спускался къ водѣ. Не было и признака моста, а черная тѣнь въ центрѣ рѣки указывала на паромъ, возвращавшійся съ другого берега съ запоздавшими путниками. Кучеръ, не колебаясь ни минуты, но, натянувъ возжи, погналъ испуганныхъ животныхъ прямо въ рѣку. Однако лошади, почувствовавъ холодъ, остановились, и одна изъ нихъ, съ тихимъ стономъ, упала на бокъ. Пуля Деспара попала въ нее. Въ мгновеніе ока, кучеръ свалился съ козелъ и бросился въ рѣку, но преслѣдователи окружили его, съ полдюжины рукъ схватили его прежде, чѣмъ ему удалось добраться до глубокаго мѣста и вытащили его на берегъ. Въ борьбѣ съ него упала широкополая шляпа и при лунномъ свѣтѣ де-Катина узналъ его лицо. Это былъ Амосъ Гринъ.

XVII. Башня замка Портилльякъ.

Преслѣдователи удивились не менѣе де-Катина, когда увидѣли, что поймали такимъ страннымъ образомъ посланника, котораго считали исчезнувшимъ. Ураганъ восклицаній и проклятій сорвался съ ихъ устъ, когда они стащили громадный красный кучерскій кафтанъ и увидѣли темную одежду молодого американца.

— Тысячи молній!—вскрикнулъ одинъ.—И это человѣкъ, котораго проклятый Латуръ выдалъ за мертваго!

— Какъ онъ попалъ сюда?

— А гдѣ Этьеннъ Арно?

— Онъ убилъ Этьенна. Взгляните, какъ разрѣзанъ кафтанъ.

— Да, и посмотрите также на цвѣтъ его рукъ! Онъ убилъ Этьенна и взялъ его кафтанъ и шляпу.

— А гдѣ Этьеннъ Арно?

— И когда мы были въ двухъ шагахъ отъ него!

— Ну, выходъ только одинъ.

— Клянусь душой!—крикнулъ старый Деспаръ.—Я никогда особенно не любилъ старика Этьенна, но не разъ выпивалъ съ нимъ и позабочусь о томъ, чтобъ онъ былъ отомщенъ. Оберните-ка возжами шею этого молодца и повѣсьте вотъ тутъ на деревѣ.

Нѣсколько рукъ уже снимали подпругу съ палой лошади, когда де-Вивоннъ протолкался впередъ и нѣсколькими словами остановилъ готовившееся насиліе.

— Кто дотронется до него, отвѣтитъ жизнью, — сказалъ онъ.

— Но онъ убилъ Этьенна Арно

— За это можно разсчитаться впослѣдствіи, а сегодня онъ посланъ королемъ. А что другой? здѣсь онъ?

— Да, онъ здѣсь.

— Свяжите этого человѣка и посадите его къ тому. Распрягите околѣвшую лошадь. Вотъ такъ! Де-Карнакъ, надѣньте упряжь на вашу лошадь. Вы можете сѣсть на козлы и править; теперь намъ недалеко ѣхать.

Лошадей быстро перемѣнили; Амоса Грина впихнули въ экипажъ рядомъ съ де-Катина, и скоро карета стала медленно подниматься по крутому спуску, съ котораго она спускалась такъ стремительно. Американецъ не произнесъ ни слова съ тѣхъ поръ, какъ его схватили, и сидѣлъ, съ равнодушнымъ видомъ скрестивъ на груди руки, пока рѣшалась его участь. Но оставшись наединѣ съ товарищемъ, онъ нахмурился и бормоталъ, какъ человѣкъ, обиженный судьбой.

— Проклятыя лошади!—ворчалъ онъ.—Американская лошадь сразу почувствовала бы себя въ водѣ, какъ утка. Сколько разъ переплывалъ я Гудзонъ на моемъ старомъ Сагоморѣ. Доберись мы только до рѣки, тогда прямая дорога въ Парижъ.

— Дорогой другъ,—проговорилъ де-Катина, кладя свои связанныя руки на руки Грина,—можете ли вы простить мнѣ то, что я говорилъ, когда мы выѣхали изъ Версали?

— Ба, я забылъ объ этомъ.

— Вы были правы тысячу разъ, а я, какъ вы и говорили, былъ дуракъ, слѣпой, упрямый дуракъ. Какъ благородно вы защищали меня! Но какъ вы попали сюда? Никогда въ жизни не испытывалъ я такого удивленія, какъ въ то мгновеніе, когда увидѣлъ ваше лицо.

Амосъ Гринъ усмѣхнулся про себя

— Я думалъ, что вы удивитесь, когда узнаете, кто везъ васъ,—сказалъ онъ.—Когда я упалъ съ лошади, я лежалъ неподвижно, частью потому что нужно было отдышаться, частью потому, что мнѣ казалось разумнѣе лежать, чѣмъ стоять при лязгѣ столькихъ шпагъ. Когда всѣ окружили васъ, я скатился въ канаву, вылѣзъ изъ нея на дорогу и, подъ тѣнью деревьевъ, добрался до экипажа прежде, чѣмъ хватились меня. Я сразу увидѣлъ, какъ могу быть полезенъ вамъ. Кучеръ сидѣлъ обернувшись, чтобы видѣть происходившее сзади него. Съ ножемъ въ рукѣ я вскочилъ на переднее колесо, и онъ замолкъ на-вѣки.

— Какъ! безъ единаго звука!

— Я не напрасно жилъ между индѣйцами.

— А потомъ?

— Я стащилъ его въ канаву и надѣлъ его одежду и шляпу. Я не скальпировалъ его.

— Скальпировать его? Великій Боже! Да вѣдь такія вещи происходятъ только между дикарями.

— А! Я подумалъ, что это, можетъ-быть, не въ обычаяхъ здѣшней страны. Теперь я радъ, что не сдѣлалъ этого. Я еле успѣлъ взять вожжи, какъ они всѣ вернулись и бросили васъ въ карету. Я не боялся, что они узнаютъ меня, но только безпокоился о томъ, что не буду знать, по какой дорогѣ мнѣ ѣхать, и поэтому пустилъ ихъ на развѣдки. Они облегчили мнѣ дѣло, пославъ впередъ нѣсколько всадниковъ, и все шло хорошо, пока я не увидѣлъ тропинки и не погналъ туда лошадей. Мы ушли бы, если бы этотъ негодяй не подстрѣлилъ лошади и если бы эти твари вошли въ воду.

Гвардеецъ снова пожалъ руку спутника.

— Вы честно исполнили свой долгъ,—сказалъ онъ.—Это была смѣлая мысль, и смѣлый поступокъ.

— Ну, а теперь что?—спросилъ американецъ.

— Я не знаю, что это за люди и куда они ведутъ насъ.

— Навѣрно, къ себѣ въ селеніе, чтобы сжечь.

Де-Катина расхохотался, несмотря на тревогу.

— Вы все думаете, что мы въ Америкѣ,—сказалъ онъ.—Во Франціи не бываетъ ничего подобнаго.

— Ну, насчетъ повѣшенія во Франціи дѣло, кажется, обстоитъ просто. Я думалъ, что уже пришелъ конецъ мнѣ, когда затянули возжи.

— Я полагаю, что насъ везутъ куда-нибудь, чтобъ спрятать тамъ, пока это дѣло не уладится.

— Ну, имъ придется похлопотать надъ этимъ.

— Какъ такъ?

— А не то они могутъ не найти насъ, когда мы понадобимся имъ.

— Что вы хотите сказать?

Вмѣсто отвѣта американецъ ловкимъ поворотомъ высвободилъ руки и поднесъ ихъ къ лицу товарища.

— Это видите ли первое, чему учатъ въ индѣйскихъ вигвамахъ. Мнѣ случалось освобождаться отъ ремней изъ сырой кожи гуроновъ, и потому врядъ ли ремень отъ сѣдла можетъ удержать меня. Протяните руки.

Нѣсколькими ловкими пріемами онъ отпустилъ веревки настолько, что де-Катина также могъ высвободить руки.

— Ну, теперь приподнимите ноги. Вотъ они увидятъ, что насъ было легче поймать, чѣмъ удержать.

Но въ эту минуту экипажъ поѣхалъ медленнѣе и звукъ копытъ ѣхавшаго впередъ лошадей внезапно умолкъ. Плѣнники взглянули въ окно и увидѣли передъ собой громадное, высокое зданіе, укутанное тьмой. Надъ ними виднѣлась большая арка. Фонари горѣли на деревянныхъ воротахъ, усѣянныхъ громадными скобами и гвоздями. Въ верхней части двери была маленькая желѣзная рѣшетка и черезъ нее плѣнники увидѣли свѣтъ фонаря и бородатое лицо, выглядывавшее изъ-за рѣшетки. Де-Вивоннъ поднялся на стременахъ и, вытянувъ шею, сталъ говорить что-то такъ, что наиболѣе заинтересованные въ этомъ разговорѣ ничего не разслышали. Они видѣли только, какъ всадникъ поднялъ кверху золотое кольцо, и бородатое лицо, сначала нахмуренное и покачивавшее головой, вдругъ прояснилось и, улыбаясь, утвердительно кивнуло головой. Мгновеніе спустя, дверь на скрипучихъ петляхъ отворилась и экипажъ въѣхалъ во дворъ, причемъ остальные всадники, за исключеніемъ де-Вивонна, остались за воротами. Когда лошади остановились, вокругъ кареты собралась кучка грубыхъ молодцовъ, которые вытащили плѣнниковъ. При свѣтѣ факеловъ де-Катина и Гринъ увидѣли высокія стѣны съ башенками, окружавшія дворъ со всѣхъ сторонъ. Въ центрѣ вооруженныхъ людей стоялъ [illegible] человѣкъ съ бородатымъ ли-

цомъ, тотъ самый, который выглядывалъ раньше изъ-за рѣшетки.

— Въ верхнюю темницу, Симонъ!—крикнулъ онъ.—И распорядитесь, чтобы имъ дали двѣ охапки соломы и кусокъ хлѣба, пока не узнаемъ распоряженій нашего господина.

— Не знаю, кто вашъ господинъ,—сказалъ де-Катина,—но спрашиваю васъ, какъ онъ осмѣливается задерживать посланныхъ короля?

— Клянусь св. Денисомъ, если мой баринъ устроилъ какую-нибудь штуку королю, то они будутъ квиты,—отвѣтилъ, оскаливъ зубы, толстякъ.—Но конецъ разговорамъ! Возьмите ихъ, Симонъ, вы отвѣчаете мнѣ за нихъ.

Напрасно де-Катина бѣсился и грозилъ страшными наказаніями тѣмъ, кто задерживалъ его. Двое здоровыхъ молодцовъ тащили его спереди, одинъ подталкивалъ сзади; впереди шелъ маленькій человѣчекъ въ черной одеждѣ съ связкой ключей въ одной рукѣ и съ фонаремъ въ другой. Такъ прошли они черезъ узкую дверь коридора съ каменнымъ поломъ. Ноги плѣнниковъ были связаны такъ крѣпко, что они могли подвигаться сразу только на одинъ футъ. Такимъ образомъ они прошли по тремъ коридорамъ и черезъ три двери, каждая изъ которыхъ запиралась, по ихъ проходѣ, на ключъ и задвигалась засовами. Потомъ они поднялись по витой каменной лѣстницѣ, ступени которой были выбиты ногами поколѣній заключенныхъ и тюремщиковъ. Наконецъ, плѣнниковъ втолкнули въ маленькую квадратную башню и бросили имъ двѣ охапки соломы. Черезъ минуту тяжелый ключъ повернулся въ замкѣ и заключенные могли предаться размышленіямъ.

Размышленія де-Катина были очень печальны и мрачны. Случай помогъ ему пріобрѣсти извѣстное значеніе при дворѣ, теперь случай же губилъ его. Напрасно онъ станетъ указывать на то, что не могъ ничего сдѣлать. Онъ хорошо зналъ своего царственнаго повелителя. Этотъ человѣкъ не вѣдалъ границы щедрости, когда выполнялись его приказанія, и былъ неумолимъ, когда они нарушались. Извиненій онъ не допускалъ. Человѣкъ, которому не посчастливилось, былъ такъ же ненавистенъ ему, какъ и тотъ, кто небрежно отнесся къ дѣлу. Въ этомъ великомъ кризисѣ король довѣрилъ ему чрезвычайно важное порученіе, а онъ не передалъ его. Что же можетъ спасти его отъ немилости и гибели? Онъ не думалъ ни о мрачной темницѣ, въ которой находился, ни о неизвѣстной

участи, грозившей ему, но сердце у него больно сжималось при мысли объ испорченной карьерѣ и о тріумфѣ тѣхъ, кто съ завистью смотрѣлъ на его быстрое повышеніе по службѣ. А родные въ Парижѣ... дорогая Адель, старый дядя, замѣнившій ему отца. Кто защититъ ихъ теперь, когда онъ потерялъ возможность защищать ихъ? Быть-можетъ, скоро они снова подвергнутся грубымъ выходкамъ Дальбера и его драгунъ? При этой мысли онъ заскрежеталъ зубами и со стономъ упалъ на соломенную подстилку, еле видную при слабомъ свѣтѣ, проходившемъ черезъ единственное окно темницы.

Его энергичный товарищъ не поддавался чувству отчаянія. Какъ только онъ услышалъ стукъ запертой двери и убѣдился, что никто болѣе не взойдетъ въ комнату, онъ снялъ веревки, связывавшія ему руки, и ощупалъ стѣны и полъ. Его поиски закончились находкою въ одномъ углу маленькаго камина и двухъ громадныхъ деревянныхъ чурбановъ, должно-быть, предназначавшихся вмѣсто подушекъ для плѣнниковъ. Убѣдившись, что каминъ такъ малъ, что въ него нельзя даже просунуть головы, онъ принесъ чурбаны къ окну и, положивъ ихъ одинъ на другой, всталъ на нихъ и на цыпочкахъ добрался до рѣшетки окна. Затѣмъ онъ поднялся и, упершись пяткой на выступъ въ стѣнѣ, ухитрился заглянуть во дворъ, откуда ихъ привели. Въ эту минуту карета и де-Вивоннъ выѣзжали въ ворота и вскорѣ онъ услышалъ, какъ захлопнулись тяжелыя ворота и какъ застучали по дорогѣ копыта лошадей. Сенешаль и его подчиненные исчезли; исчезли и факелы, и, за исключеніемъ мѣрныхъ шаговъ двухъ часовыхъ въ двадцати ярдахъ внизу отъ башни, въ большомъ замкѣ наступила полная тишина.

А замокъ былъ дѣйствительно очень большой. Амосъ Гринъ, вися на рукахъ, съ восторгомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на громадную стѣну, возвышавшуюся передъ его глазами, съ гирляндой башенъ, башенокъ и каменныхъ зубцовъ, безмолвныхъ и холодныхъ при лунномъ свѣтѣ. Странныя мысли пробуждаются иногда въ головѣ въ совершенно неподходящее время. Внезапно Грину припомнился ясный лѣтній день за океаномъ, когда отецъ встрѣтилъ его у гавани Гудзона и повезъ его по шлюзу, чтобы показать ему домъ Питера Стейвесэнта и такимъ образомъ наглядно доказать, какъ великъ городъ, только-что перешедшій къ англичанамъ отъ голландцевъ. А домъ Питера Стейвесэнта вмѣстѣ съ его виллой меньше од-

ного флигеля этого громаднаго зданія, которое, въ свою очередь, только собачья конура въ сравненіи съ величественнымъ версальскимъ дворцомъ. Какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы отецъ былъ здѣсь! Но онъ тотчасъ же вспомнилъ, что онъ плѣнникъ въ чужой странѣ и смотритъ на замокъ сквозь рѣшетку темницы, и потому рѣшилъ, что хорошо, что его отца нѣтъ съ нимъ.

Окно было достаточно велико для того, чтобъ просунуть голову, если бы не желѣзные прутья. Онъ сталъ трясти ихъ и повисъ на нихъ всей тяжестью тѣла, но прутья были толщиной съ его большой палецъ и крѣпко спаяны. Тогда онъ уперся ногой въ стѣну и, придерживаясь одной рукой, другой попробовалъ поковырять ножомъ прутья. Они были залиты цементомъ, гладкимъ, какъ стекло, и твердымъ, какъ мраморъ. Ножъ отскочилъ, когда Гринъ попробовалъ сдвинуть его. Но подъ цементомъ оказался песчаникъ, не очень твердый. Если бы ему удалось провести въ немъ борозды, то можно будетъ вынуть прутья, цементъ и все остальное. Онъ соскочилъ на полъ и сталъ обдумывать какъ приняться за дѣло. Раздавшійся стонъ заставилъ его вспомнить о товарищѣ.

— Вы, кажется, больны, другъ мой,—сказалъ онъ.

— Боленъ душой, — простоналъ де-Катина. — О, проклятый безумецъ! Это сводитъ меня съ ума.

— Что-то тревожитъ васъ,—сказалъ Амосъ Гринъ, садясь на чурбанъ.—Что же именно?

Гвардеецъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Что именно? Какъ можете вы это спрашивать, когда знаете такъ же хорошо, какъ я? Я не исполнилъ даннаго мнѣ порученія. Король желалъ, чтобы архіепископъ обвѣнчалъ его. Желаніе короля—законъ. Вѣнчать долженъ только архіепископъ, никто другой. Въ настоящее время онъ долженъ бы быть во дворцѣ. Ахъ, Боже мой! Я такъ и вижу кабинетъ короля, вижу его, волнующагося въ ожиданіи, вижу madame въ ожиданіи, слышу, какъ они говорятъ о несчастномъ де-Катина...

И онъ снова закрылъ лицо руками.

— Я вижу все это,—равнодушно проговорилъ американецъ,—и вижу еще нѣчто другое.

— Что же?

— Я вижу архіепископа, соединяющаго ихъ на вѣки.

— Архіепископа! Вы бредите.

— Можетъ-быть. Но я вижу его.

— Онъ не можетъ быть во дворцѣ.

— Напротивъ, онъ прибылъ во дворецъ полчаса тому назадъ.

Де-Катина вскочилъ на ноги.

— Во дворцѣ!—неистово крикнулъ онъ.—Кто же передалъ ему приглашеніе?

— Я,—отвѣтилъ Амосъ Гринъ.

XVIII. Ночь неожиданностей.

Если американецъ разсчитывалъ удивить или восхитить товарища своимъ короткимъ отвѣтомъ, то онъ долженъ былъ испытать чувство печальнаго разочарованія, когда де-Катина подошелъ къ нему со смущеннымъ лицомъ и ласково положилъ руку на плечо его.

— Я поступилъ эгоистично и безрасудно, милый другъ,—проговорилъ онъ.—Я слишкомъ много думалъ о своихъ мелкихъ непріятностяхъ и слишкомъ много о томъ, что вы вытерпѣли изъ-за меня. Паденіе съ лошади потрясло васъ сильнѣе, чѣмъ вы думаете. Прилягьте на солому, посмотримъ, не соснете ли вы немного и...

— Повторяю вамъ, что архіепископъ тамъ,—съ нетерпѣніемъ крикнулъ Амосъ Гринъ.

— Да, да. Вотъ тутъ въ кувшинѣ есть вода. Если я помочу шарфъ и обвяжу вамъ голову...

— Господи Боже мой! Слышите! Архіепископъ тамъ!

— Да, да, тамъ, — успокоительно сказалъ де-Катина. — Онъ навѣрно тамъ. У васъ ничего не болитъ?

Американецъ погрозилъ кулаками въ воздухѣ.

— Вы думаете, что я помѣшался,—крикнулъ онъ,—и, клянусь Богомъ, вы можете свести меня съ ума! Когда я говорю, что послалъ архіепископа, то знаю, что говорю. Помните, какъ я вернулся къ вашему другу, маіору?

Теперь заволновался де-Катина.

— Ну?—крикнулъ онъ, хватая за руку Грина.

— Ну, когда у насъ посылаютъ въ лѣса развѣдчика, то, если дѣло важное, черезъ часъ посылаютъ другого, и такъ далѣе, пока который-нибудь изъ нихъ не явится назадъ не скальпированнымъ. Это способъ, употребляемый ирокезами и очень хорошій.

— Боже мой! Вѣдь вы спасли меня!

— Нечего вамъ такъ вцѣпляться въ мою руку, словно морской орелъ въ форель. Итакъ, я вернулся къ маіору и попросилъ его, когда онъ будетъ въ Парижѣ, пройти мимо дома архіепископа.

— Ну? Ну?

— Я показалъ ему вотъ этотъ кусокъ мѣла. Если мы были тамъ,—сказалъ я,—то вы увидите большой крестъ на лѣвой сторонѣ дверного косяка. Если креста не будетъ, войдите въ домъ и попросите епископа ѣхать во дворецъ какъ можно скорѣе. Маіоръ выѣхалъ черезъ часъ послѣ насъ; онъ долженъ былъ пріѣхать въ Парижъ въ половинѣ одиннадцатаго; въ одиннадцать епископъ уже сѣлъ въ экипажъ и прибылъ въ Парижъ полчаса тому назадъ, т.-е. около половины перваго. Господи Боже мой! Да онъ съ ума сошелъ... и я причиной этого.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодой житель лѣсовъ испугался впечатлѣнія, произведеннаго его словами. Его тихой, спокойной натурѣ не были свойственны внезапныя сильныя измѣненія настроенія духа пылкаго француза. Де-Катина, сбросившій ремни передъ тѣмъ, какъ лечь спать, теперь кружился по комнатѣ, вскидывая руками и ногами; при лунномъ свѣтѣ тѣнь его уродливо кривлялась на стѣнѣ. Наконецъ, онъ бросился въ объятія товарища, извергая цѣлый потокъ благодарностей, восклицаній, похвалъ и обѣщаній, поглаживая его и прижимая къ груди.

— О, если бы я могъ сдѣлать что-нибудь для васъ!— вскрикнулъ онъ.—Если бы я могъ!

— Вы можете. Лягьте на солому и засните.

— И подумать только, что я насмѣхался надъ вами! Я! О, вы хорошо отомщены!

— Ради Бога, ложитесь и усните!

Продолжая убѣждать восхищеннаго пріятеля и слегка подталкивая его, Гринъ уложилъ его на солому и прикрылъ вмѣсто одѣяла тою же соломою. Волненія цѣлаго дня утомили де-Катина, а эта неожиданность, казалось отняла у него послѣднія силы. Вѣки его тяжело опустились на глаза, голова глубже ушла въ мягкую солому. Послѣднимъ его впечатлѣніемъ осталось воспоминаніе о неутомимомъ американцѣ, сидѣвшемъ, скрестивъ ноги, и, при свѣтѣ луны, дѣятельно обтесывавшимъ своимъ длиннымъ ножомъ одинъ изъ чурбановъ.

Молодой гвардеецъ такъ измучился, что, когда онъ проснулся, былъ уже полдень и солнце сіяло на безоблачномъ небѣ. Одно мгновеніе онъ въ недоумѣніи оглядывался вокругъ. Онъ лежалъ весь укутанный соломой, а надъ нимъ былъ потолокъ темницы, образовавшій сводъ изъ неотесанныхъ балокъ. Внезапно, какъ молнія, память вернулась къ нему. Онъ вспомнилъ все, что случилось наканунѣ, данное ему порученіе, засаду, плѣнъ и быстро вскочилъ на ноги. Товарищъ его, дремавшій въ углу, вскочилъ также при первомъ его движеніи и, схвативъ въ руку ножъ, взглянулъ съ угрожающимъ видомъ на дверь.

— О, это вы?—сказалъ онъ.—Я думалъ, это тотъ человѣкъ.

— Развѣ здѣсь былъ кто-нибудь?

— Да; принесъ два хлѣба и кувшинъ съ водой какъ разъ на зарѣ, когда я собирался отдохнуть.

— Что же, онъ говорилъ что-нибудь?

— Нѣтъ; приходилъ, помните, тотъ черный.

— Котораго называли Симономъ?

— Онъ самый. Онъ положилъ все и ушелъ. Я думалъ, что, если бы онъ пришелъ еще разъ, мы, можетъ-быть, могли бы задержать его.

— Это какимъ образомъ?

— Можетъ-быть, если связать ему ноги этими ремнями, онъ не такъ легко снимаетъ ихъ, какъ мы.

— Ну, а потомъ что?

— Онъ сказалъ бы намъ, гдѣ мы и что намѣреваются дѣлать съ нами.

— Ба! Не все ли равно, разъ данное намъ порученіе исполнено?

— Можетъ-быть, это все равно для васъ—о вкусахъ не спорятъ,—но не для меня. Я не привыкъ сидѣть въ норѣ, словно медвѣдь въ берлогѣ, въ ожиданіи, какъ другіе распорядятся со мной. Парижъ мнѣ показался достаточно тѣснымъ, но онъ—прерія въ сравненіи съ этимъ мѣстомъ. Оно не годится для человѣка съ моими привычками и я собираюсь выйти отсюда.

— Намъ остается только терпѣніе, другъ мой.

— Не знаю. Я больше надѣюсь на прутъ и на деревянные колышки.

Онъ разстегнулъ камзолъ и вынулъ кусочекъ заржавлен-

наго желѣза и три маленькихъ толстыхъ куска дерева, заостренныхъ на одномъ концѣ.

— Гдѣ вы достали это?

— Это я наработалъ ночью. Прутъ—самый верхній въ рѣшеткѣ. Трудненько было вынуть его, но вотъ онъ. Колышки я надѣлалъ изъ этого чурбана.

— А зачѣмъ они?

— Вотъ видите, колышекъ номеръ первый я вколочу въ отверстіе между камнями. А изъ другого чурбана я сдѣлалъ дощечку, которую всуну такъ крѣпко, что она вынесетъ вашу тяжесть. Такъ! Вотъ видите, теперь вамъ можно встать и посмотрѣть въ окно, не слишкомъ утруждая пятки. Попробуйте сами.

Де-Катина вскочилъ на чурбанъ и поспѣшно взглянулъ въ окно.

— Мнѣ незнакома эта мѣстность,—сказалъ онъ, покачивая головой,—это, можетъ-быть, одинъ изъ тридцати замковъ, лежащихъ къ югу отъ Парижа, въ шести или семи миляхъ отъ города. Чей это замокъ? Кто и ради чего такъ обращается съ нами? Мнѣ хотѣлось бы видѣть гербъ, это могло бы помочь намъ. Ахъ! вонъ тамъ, посрединѣ окна, есть гербъ. Но я не могу разглядѣть его издалека. Увѣренъ, что у васъ, Амосъ, зрѣніе лучше, чѣмъ у меня и вы можете сказать то. что изображено на щитѣ.

— На чемъ?

— На мраморной доскѣ средняго окна.

— Да, я ясно вижу. Это нѣчто въ родѣ трехъ глупыхъ индюковъ, сидящихъ на бочкѣ съ патокой.

— Ну, бочка-то эта, можетъ-быть, башня. Гербъ съ башней есть у де-Готвиль. Только это не можетъ быть ихъ замокъ; у нихъ нѣтъ замка въ этой мѣстности. Нѣтъ, не могу рѣшить, гдѣ мы.

Онъ хотѣлъ спуститься на полъ и для этого ухватился о прутъ. Къ его изумленію, прутъ остался у него въ рукахъ.

— Посмотрите, Амосъ, посмотрите!—крикнулъ онъ.

— А, вы открыли это! Я сдѣлалъ это сегодня ночью.

— Чѣмъ? Ножемъ?

— Нѣтъ; ножемъ я ничего не могъ подѣлать; но когда мнѣ удалось вынуть прутъ изъ рѣшетки, дѣло пошло быстрѣе.

Я поставлю этотъ прутъ на мѣсто, а то кто-нибудь снизу замѣтитъ, что мы вынули его.

— А можно вынуть ихъ всѣ?

— Теперь вынимается только одинъ, но ночью вынемъ и остальные два. Вы можете вынуть этотъ прутъ и работать имъ, а я употреблю въ дѣло прежній. Видите, камень мягкій и въ немъ можно провести борозду, вдоль которой и вытащимъ прутъ. Будетъ чрезвычайно странно, если мы не устроимъ себѣ выхода до утра.

— Ну, хорошо, положимъ, мы выберемся во дворъ; куда же намъ идти затѣмъ?

— Не все заразъ, другъ мой. Такимъ образомъ вы могли бы застрять въ Кеннебокѣ оттого, что не знали бы, какъ вамъ переправиться черезъ Пенобскотъ. Во всякомъ случаѣ, во дворѣ воздуха больше, чѣмъ здѣсь и, если бы намъ только удалось выбраться изъ окна, мы составимъ и дальнѣйшіе планы.

Въ продолженіи цѣлаго дня пріятели не могли ничего дѣлать, боясь, что ихъ застанетъ тюремщикъ или увидитъ кто-нибудь со двора. Никто не приходилъ къ нимъ. Они доѣли хлѣбъ и выпили воду съ аппетитомъ людей, которымъ часто приходилось обходиться и безъ этой скромной пищи. Какъ только наступила темнота, оба занялись дѣланіемъ колышковъ, проведеніемъ бороздъ на твердомъ камнѣ и расшатываніемъ прутьевъ. Ночь была дождливая, разразилась сильная гроза, и они могли видѣть всю окрестность; тѣнь отъ окна, окруженнаго аркой, скрывала ихъ. До полуночи имъ удалось вынуть одинъ прутъ, второй только-что сталъ поддаваться, когда слабый шумъ заставилъ ихъ обернуться: посреди комнаты стоялъ тюремщикъ съ открытымъ ртомъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ на нихъ.

Де-Катина первый увидѣлъ его и въ одно мгновеніе кинулся на него съ прутомъ въ рукахъ; при этомъ нападеніи тюремщикъ бросился къ двери и только что хотѣлъ захлопнуть ее, какъ брошенный Гриномъ обломокъ прута просвистѣлъ мимо его уха и вылетѣлъ въ коридоръ. Когда дверь захлопнулась, пріятели посмотрѣли другъ на друга. Гвардеецъ пожалъ плечами, американецъ свиснулъ.

— Не стоитъ и продолжать,—сказалъ де-Катина.

— Не все ли равно что дѣлать. Пусти я прутъ на дюймъ ниже, здорово попало бы ему. Ну, можетъ-быть, его хватитъ ударъ или онъ сломаетъ себѣ шею, спускаясь съ лѣстницы.

Мнѣ нечѣмъ теперь работать, но стоитъ еще нѣсколько поработать вашимъ прутомъ—и дѣло въ шляпѣ! Ага! вы, правы, насъ затравятъ.

Въ замкѣ раздался громкій звукъ колокола, шумъ голосовъ и топотъ ногъ по камнямъ. Какіе-то хриплые голоса отдавали приказанія, слышался звукъ ключей, поворачиваемыхъ въ замкахъ. Всѣ эти звуки, внезапно раздавшіеся въ ночной тишинѣ, указывали слишкомъ ясно на поднятую тревогу. Амосъ Гринъ бросился на солому, засунувъ руки въ карманы, а де-Катина прислонился съ угрюмымъ видомъ къ стѣнѣ въ ожиданіи того, что произойдетъ. Прошло, однако, пять минутъ и еще пять минутъ—никто не приходилъ. Суматоха во дворѣ продолжалась, но въ коридорѣ, который велъ въ темницу, было совершенно тихо.

— Ну, я все-таки выну этотъ прутъ,—сказалъ наконецъ американецъ, вставая и подходя къ окну.—Во всякомъ случаѣ узнаемъ, что это за страшный шумъ.

Говоря это, онъ влѣзъ на чурбанъ и выглянулъ въ окно.

— Идите-ка сюда!—возбужденно крикнулъ онъ.—Тутъ идетъ другая игра и всѣ слишкомъ заняты, чтобы думать о насъ.

Де-Катина влѣзъ также на чурбанъ и оба принялись смотрѣть внизъ, во дворъ. Въ каждомъ углу было разведено по костру, а дворъ былъ наполненъ толпой людей съ факелами въ рукахъ. Желтый свѣтъ ихъ то падалъ на угрюмыя сѣрыя стѣны иногда такъ, что самыя высокія башни казались золотыми на черномъ фонѣ неба, то замиралъ, при порывѣ вѣтра, и еле освѣщалъ лица людей, державшихъ факелы. Главныя ворота были отперты и очевидно только-что въѣхавшая въ нихъ карета стояла у маленькой двери какъ разъ напротивъ оконъ плѣнниковъ. Колеса и бока кареты были забрызганы грязью, а лошади дрожали и поводили головами, какъ будто только-что пробѣжали длинный путь. Человѣкъ въ шляпѣ съ перьями, закутанный въ дорожный плащъ, вышелъ изъ экипажа, потомъ обернулся и сталъ тащить кого-то. Непродолжительная борьба, крики, толчекъ и обѣ фигуры исчезли въ дверяхъ. Когда двери захлопнулись, карета отъѣхала, костры и факелы потухли. Главныя ворота снова заперты и все стало такъ же тихо, какъ до внезапнаго переполоха.

— Ну!—задыхаясь, проговорилъ де-Катина.—Ужъ не поймали ли они еще какого-нибудь королевскаго посланнаго?

— Скоро здѣсь будетъ мѣсто для цѣлыхъ двухъ,—сказалъ Амосъ Гринъ.—Если они только оставятъ насъ въ покоѣ, не долго мы пробудемъ въ этой комнатѣ.

— Хотѣлъ бы я узнать, куда ушелъ тюремщикъ?

— Можетъ идти куда ему угодно, только бы не появлялся здѣсь. Дайте-ка мнѣ прутъ. Эта штука подается. Намъ легко будетъ вынуть ее.

Онъ усердно принялся за работу, стараясь углубить въ камнѣ борозду, черезъ которую надѣялся вытащить прутъ. Вдругъ онъ перестал работать и насторожилъ уши.

— Громъ и молнія!—сказалъ онъ.—Кто-то работаетъ снаснаружи.

Оба стали прислушиваться. До нихъ доносился стукъ топора, визгъ пилы и трескъ дерева.

— Что это они дѣлаютъ?

— Понять не могу.

— Вы видите ихъ?

— Они слишкомъ близко къ стѣнѣ.

— Кажется, я могу приноровиться посмотрѣть на нихъ,—сказалъ де-Катина.—Я тоньше васъ.

Онъ высунулъ голову, шею и половину плеча въ промежутокъ между прутьями и остался въ такомъ положеніи, такъ что пріятель подумалъ, что, можетъ-быть, онъ застрялъ, и чтобы высвободить сталъ тащить за ноги. Но Катина повернулся самъ, безъ малѣйшаго затрудненія.

— Они строятъ что-то,—шепнулъ онъ.

— Строятъ!

— Да, ихъ четверо людей съ фонаремъ.

— Что же они могутъ строить?

— Я думаю, это навѣсъ. Я вижу четыре ямы въ землѣ, въ которыя вставляютъ столбы.

— Ну, мы не можемъ уйти, если подъ окнами четверо людей.

— Невозможно.

— Но все же мы можемъ докончить свое дѣло.

Тихій скрипъ желѣза заглушался шумомъ снизу, становившимся все сильнѣе и сильнѣе. Прутъ подался и Гринъ сталъ медленно тащить его къ себѣ. Какъ разъ въ то мгновеніе, когда онъ освободилъ прутъ, между окномъ и луннымъ свѣтомъ внезапно показалась голова съ массой спутанныхъ волосъ, на которыхъ красовалась вязаная шерстяная шапочка. Это

внезапное появленіе такъ поразило Амоса Грина, что онъ выпустилъ прутъ, который соскользнулъ съ подоконника.

— Муракъ!—крикнулъ голосъ снизу,—что ты за косолапый, что роняешь инструменты. Громъ и молнія! Ты сломалъ мнѣ плечо.

— Что тамъ еще?—крикнулъ другой.—Право, Пьеръ, если бы вы были такъ же ловки на руку, какъ легки на языкъ, вы были бы первымъ столяромъ Франціи.

— Какъ, что, обезьяна? Ты уронилъ на меня инструментъ!

— Я? Я ничего не ронялъ.

— Идіотъ! Что же ты хочешь заставить меня повѣрить, что желѣзо падаетъ съ неба? Говорю, ты ушибъ меня, глупый, косолапый обормотъ.

— Я не ушибъ тебя!—крикнулъ другой,—но, клянусь Святой Дѣвой, если ты еще поговоришь такъ, я спущусь съ лѣстницы.

— Тише, бездѣльники! — строго проговорилъ третій голосъ.—Если къ разсвѣту работа не будетъ окончена, то коекому сильно достанется.

И снова послышались удары топора и визгъ пилы. Голова то показывалась, то исчезала. Очевидно, владѣлецъ ея ходилъ по какой-то платформѣ, построенной подъ окномъ плѣнниковъ, не видя и не думая о темномъ четырехъугольномъ отверстіи вблизи него. Было уже раннее утро и первые холодные лучи свѣта начали прокрадываться во дворъ, когда рабочіе ушли, наконецъ, окончивъ работу. Тогда только заключенные рѣшились взобраться къ окну и посмотрѣть, что строили ночью. Оба невольно вздрогнули, увидѣвъ неожиданное зрѣлище. То былъ эшафотъ.

Передъ ними была роковая платформа изъ темныхъ, грязныхъ досокъ, только-что сколоченныхъ, но очевидно употреблявшихся и ранѣе для той же цѣли. Она была прислонена къ стѣнѣ замка, гдѣ сидѣли плѣнники, и тянулась еще футовъ на двадцать дальше, причемъ съ болѣе отдаленной стороны шла широкая деревянная лѣстница. Въ центрѣ стояла плаха, верхушка которой была вся изрублена и покрыта ржавыми пятнами.

— Мнѣ кажется пора уходить,—сказалъ Амосъ Гринъ.

— Весь нашъ трудъ пропалъ, Амосъ,—печально замѣтилъ де-Катина.—Какова бы ни была ожидающая насъ участь—

а она, какъ кажется, плохая—намъ остается только покориться ей и вынести все какъ слѣдуетъ мужественнымъ людямъ.

— Ну, ну, окно-то вѣдь открыто. Выскочимъ въ него.

— Безполезно. Я вижу рядъ вооруженныхъ людей на дальнемъ концѣ двора.

— Цѣлый рядъ! въ это время!

— Да, а вотъ идутъ и еще. Посмотрите на среднія ворота! Господи Боже мой, это что такое?

Дверь замка на противоположной сторонѣ отворилась и оттуда вышла странная процессія. Впереди, попарно, шли двѣ дюжины лакеевъ, съ аллебардами въ рукахъ, въ одинаковыхъ коричневыхъ ливреяхъ. За ними выступалъ громадный, бородатый человѣкъ съ засученными по локоть рукавами съ большимъ топоромъ на лѣвомъ плечѣ. За нимъ, съ открытымъ молитвенникомъ въ рукахъ, бормоча молитвы, шелъ священникъ; въ тѣни виднѣлась женщина въ черной одеждѣ, съ обнаженной шеей. На головѣ ея была черная вуаль, падавшая на склоненное лицо. Тотчасъ за ней шелъ высокій, худой человѣкъ съ краснымъ, свирѣпымъ лицомъ, съ грубыми чертами. На головѣ у него была плоская бархатная шапочка съ орлинымъ перомъ, прикрѣпленнымъ бриллiантовой застежкой, которая горѣла при утреннемъ свѣтѣ. Но темные глаза его горѣли еще ярче и сверкали изъ-подъ густыхъ бровей безумнымъ блескомъ, въ которомъ отражались и угроза, и ужасъ. Ноги его дрожали, черты лица конвульсивно подергивались; онъ казался человѣкомъ съ трудомъ сдерживавшимъ торжество, наполнявшее его душу. Женщина остановилась у подножія эшафота, но шедшій за ней человѣкъ толкнулъ ее съ такой силой, что она споткнулась и упала бы, если бы не ухватилась за руку священника. Наверху лѣстницы она увидѣла роковую плаху, страшно вскрикнула и отшатнулась въ ужасѣ. Но мужчина снова толкнулъ ее, а двое изъ слугъ схватили ее за кисти рукъ и потащили дальше.

— О, Морисъ, Морисъ!—кричала она.—Я не готова къ смерти! О, прости меня, Морисъ, если желаешь самъ быть прощеннымъ! Морисъ! Морисъ!

Она попробовала было подойти къ нему, схватить его за руку, за рукавъ, но онъ стоялъ, положивъ руку на эфесъ шпаги, и все лицо его подергивалось злобной радостью. При видѣ этого ужаснаго, насмѣшливаго лица мольба замерла на ея устахъ. Молить было такъ же безполезно, какъ просить ми-

лосердія у падающаго камня или стремящагося потока. Она отвернулась и откинула съ лица вуаль

— Ахъ, государь!—крикнула она.—Государь, если бы вы могли увидѣть меня!

При этомъ восклицаніи и при видѣ прекраснаго блѣднаго лица глядѣвшій изъ окна де-Катина почувствовалъ, какъ сжалось его сердце. Передъ нимъ, у плахи, стояла самая могущественная, самая умная и красивая изъ женщинъ Франціи—Франсуаза де-Монтеспанъ, еще такъ недавно бывшая фавориткой короля.

XIX. Въ кабинетѣ короля.

Въ ночь, когда королевскимъ посланнымъ пришлось испытать столько странныхъ приключеній, король сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Съ разрисованнаго потолка надъ его головой опускалась изящная лампа, поддерживаемая четырьмя маленькими крылатыми купидонами на золотыхъ цѣпяхъ, и распространяла въ комнатѣ яркій свѣтъ, отражавшійся въ безчисленныхъ зеркалахъ на стѣнѣ. Мебель изъ чернаго дерева съ отдѣлкой изъ серебра, роскошные ковры, шелка, гобеленовыя вышивки, золотыя вещи и тонкій севрскій фарфоръ—все лучшее, что производила промышленность Франціи, сосредоточились въ стѣнахъ этой комнаты. Каждая вещь представляла изъ себя художественное произведеніе. А владѣлецъ всего этого блеска, мрачный и угрюмый, сидѣлъ, опустивъ подбородокъ на руки, опершись локтями на столъ, устремивъ разсѣянный взглядъ на противоположную стѣну.

Но хотя его темные глаза и смотрѣли на стѣну,они не видѣли ея. Они глядѣли назадъ на длинный рядъ прожитыхъ имъ годовъ, на то раннее время жизни, когда мечты и дѣйствительность такъ смѣшивались другъ съ другомъ. Сонъ или дѣйствительность эти двое людей, склонившихся надъ его колыбелью, одинъ въ темной одеждѣ со звѣздой на груди, котораго его учили звать отцомъ, другой—въ длинной красной мантіи, съ маленькими блестящими глазами? Даже теперь, по прошествіи болѣе сорока лѣтъ, передъ королемъ внезапно возстало это злое, хитрое, властное лицо и онъ снова увидѣлъ стараго Ришелье, великаго не вѣнчаннаго короля Франціи. А затѣмъ другой кардиналъ, длинный, худой, который отбиралъ отъ него карманныя деньги, отказывалъ ему въ пищѣ и одѣвалъ въ старыя одежды. Какъ хорошо помнитъ онъ тотъ день,

когда Мазарини нарумянился въ послѣдній разъ, и какъ дворъ танцовалъ отъ радости при извѣстіи, что его не стало! А мать его, какъ она была красива и властна! Онъ помнитъ, какъ храбро она держала себя во время войны, сломившей могущество вельможъ, и какъ, лежа на смертномъ одрѣ, умоляла священниковъ не пачкать завязокъ ея чепца святыми дарами! Потомъ онъ перешелъ къ мыслямъ о томъ, что дѣлалъ онъ самъ, вспомнилъ, какъ онъ нивелировалъ своихъ знатныхъ подданныхъ, пока, вмѣсто того, чтобъ быть только деревомъ среди окружавшихъ его деревьевъ, не остался одинъ, высоко надо всѣми остальными, такъ что тѣнь его покрываетъ всю страну. Вспомнились ему веденныя имъ войны, законы, изданные имъ, подписанные договоры. Подъ его управленіемъ Франція расширила свои границы и къ сѣверу и къ востоку, а внутри спаялась такъ крѣпко, что въ ней былъ только одинъ голосъ, голосъ его, короля. Затѣмъ передъ его глазами прошелъ цѣлый рядъ прекрасныхъ лицъ. Вотъ Олимпія Манчили, итальянскіе глаза который вперые научили его, что есть сила, могущая управлять и королемъ; ея сестра Марія Манчили; его жена съ своимъ смуглымъ личикомъ, Генріэтта Англійская, смерть которой показала ему ужасы жизни; Лавальеръ, Монтеспанъ, Фонтажъ. Нѣкоторыя умерли; другія въ монастыряхъ. Тѣ, которыя нѣкогда были красивы и развратны, теперь только развратны. И каковъ же результатъ всей этой безпокойной, бурной жизни? Онъ уже перешагнулъ границу зрѣлыхъ лѣтъ, потерялъ вкусъ къ удовольствіямъ юности; подагра и головокруженія постоянно напоминаютъ ему, что существуетъ царство, которымъ онъ не можетъ надѣяться управлять. И за все это время онъ не пріобрѣлъ себѣ ни единаго вѣрнаго друга ни въ семьѣ, ни между придворными, ни въ странѣ—никого, за исключеніемъ той женщины, на которой онъ собирался жениться въ ту ночь. А какъ она терпѣлива, какъ добра, какія у нея возвышенныя мысли! Съ ней онъ надѣялся загладить истинной славой всѣ грѣхи безумнаго прошлаго. Только бы пріѣхалъ архіепископъ, чтобы онъ могъ чувствовать, что она дѣйствительно принадлежитъ ему навѣки.

Кто-то постучался въ дверь. Людовикъ поспѣшно вскочилъ съ мѣста, думая, что, можетъ-быть, пріѣхалъ архіепископъ. Вошелъ камердинеръ и доложилъ, что Лувуа испрашиваетъ аудіенціи у короля. Вслѣдъ за камердинеромъ вошелъ и самъ министръ. Въ рукѣ у него болталось два кожаныхъ мѣшка.

— Ваше величество,—сказалъ онъ, когда Бонтанъ удалился,—надѣюсь, я не мѣшаю вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лувуа. Сказать по правдѣ, мои мысли стали надоѣдать мнѣ и я радъ отдѣлаться отъ нихъ.

— У вашего величества могутъ быть только пріятныя мысли,—проговорилъ Лувуа.—Но я принесъ вамъ нѣчто, отъ чего онѣ сдѣлаются еще пріятнѣе.

— А! Что такое?

— Когда многіе изъ нашихъ молодыхъ дворянъ отправились въ Германію и Венгрію, вы мудро изволили замѣтить, что было бы желательно видѣть свѣдѣнія, посылаемыя ими на родину, а также и новости, получаемыя ими отъ здѣшнихъ придворныхъ.

— Да

— Вотъ эти письма—всѣ полученныя изъ заграницы здѣсь въ одномъ мѣшкѣ, а въ другомъ—тѣ, которыя слѣдуетъ отослать. Воскъ распущенъ въ спиртѣ, и такимъ образомъ вскрыли письма.

Король вынулъ пачку писемъ и взглянулъ на налисанные на нихъ адреса.

— Дѣйствительно, мнѣ хотѣлось бы прочесть въ сердцахъ этихъ людей,—сказалъ онъ.—Только такимъ способомъ могу я узнать истинныя мысли низкопоклоняющихъ передо мною придворныхъ. Полагаю,—сказалъ онъ и подозрѣніе внезапно блеснуло въ его глазахъ,—что вы сами не проглядывали этихъ писемъ?

— О, я скорѣе умеръ бы, ваше величество!

— Вы клянетесь?

— Клянусь надеждою на спасеніе моей души.

— Гм! Я вижу на одномъ изъ этихъ писемъ почеркъ вашего сына.

Лувуа измѣнился въ лицѣ.

— Ваше величество убѣдитесь, что онъ такъ же преданъ вамъ въ отсутствіи, какъ въ присутствіи васъ,—иначе онъ не сынъ мнѣ,—пробормоталъ онъ.

— Ну, такъ начнемъ съ него. А! всего нѣсколько строчекъ. «Милѣйшій Ахиллъ, какъ я жажду твоего возвращенія! При дворѣ съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, стало скучно, какъ въ монастырѣ. Мой потѣшный отецъ попрежнему выступаетъ, словно индюкъ, какъ-будто медали и кресты могутъ скрыть, что онъ ничто иное, какъ старшій изъ лакеевъ, имѣющій не

болѣе власти, чѣмъ я. Онъ вытягиваетъ у короля много денегъ, но я не могу представить себѣ, что онъ дѣлаетъ съ ними, такъ какъ на мою долю выпадаетъ мало. Я еще до сихъ поръ долженъ десять тысячъ ливровъ моему кредитору въ улицѣ Orfèvre. Если не повезетъ въ ландскнехтѣ, придется скоро пріѣхать къ тебѣ». Гм! Я былъ несправедливъ къ вамъ, Лувуа: очевидно, вы не просматривали этихъ писемъ.

Во время чтенія этого посланія министръ сидѣлъ съ побагровѣвшимъ лицомъ и вытаращенными глазами. Когда король кончилъ читать, Лувуа почувствовалъ облегченіе по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что тутъ не было ничего серьезно компрометировавшаго его лично; но каждый нервъ въ его громадномъ тѣлѣ трепеталъ отъ ярости при воспоминаніи о выраженіяхъ, въ которыхъ упоминалъ о немъ молодой повѣса.

— Змѣя!—крикнулъ онъ.—О, подлая змѣя въ травѣ! Я заставлю его проклинать тотъ день, въ который онъ родился!

— Ну, ну, Лувуа!—сказалъ король.—Вы человѣкъ много видѣвшій на своемъ вѣку и должны бы быть философомъ. Пылкая юность часто говоритъ больше того, что думаетъ. Не думайте больше объ этомъ. А это что такое? Письмо отъ моей дорогой дѣвочки къ ея мужу, принцу де-Конти. Я узналъ бы ея почеркъ изъ тысячи другихъ. Ахъ, милочка, она и не думала, что ея невинная болтовня попадетъ на глаза мнѣ! Зачѣмъ мнѣ читать ея письма, когда мнѣ извѣстно все, что происходитъ въ ея невинномъ сердцѣ?

Съ нѣжной улыбкой онъ развернулъ душистый листокъ розовой бумаги, но улыбка исчезла, когда онъ пробѣжалъ глазами страницу и, съ гнѣвнымъ крикомъ, приложа руку къ сердцу, вскочилъ на ноги. Глаза его не отрывались отъ бумаги.

— Притворщица! — крикнулъ онъ задыхающимся голосомъ.—Дерзкая, безсердечная притворщица. Лувуа, вы знаете, что я дѣлалъ для принцессы! Вы знаете, что она была зѣницей моего ока. Отказывалъ я ей когда въ чемъ-либо? Чего я не дѣлалъ для нея?

— Вы были олицетворенной добротой, ваше величество,—сказалъ Лувуа; собственное его страданіе нѣсколько утихло при видѣ страданія его повелителя.

— Послушайте же, что она пишетъ обо мнѣ. «Старый ворчунъ все такой же, только подался въ колѣняхъ. Помните, какъ мы смѣялись надъ его жеманностью? Ну, онъ бросилъ все это и хотя еще продолжаетъ расхаживать на высокихъ каблу-

кахъ, словно обитатель ландъ на ходуляхъ, но перестал носить яркія одежды. Конечно, дворъ слѣдуетъ его примѣру и потому можете себѣ представить, какимъ кошмаромъ сдѣлалось это мѣсто. Эта женщина все еще находится въ милости и ея платья такъ же мрачны, какъ и платья отца. Когда вы вернетесь, мы съ вами уѣдемъ въ нашъ загородный дворецъ и вы одѣнетесь въ красный бархатъ, а я въ голубой шелкъ и у насъ будетъ свой цвѣтной дворъ, несмотря на моего кичливаго отца“.

Людовикъ закрылъ лицо руками.

— Слышите, какъ она говоритъ обо мнѣ, Лувуа?

– Это ужасно, государь, ужасно!

— Она даетъ прозвища мнѣ... м н ѣ, Лувуа!

— Возмутительно!

— А что она пишетъ о колѣняхъ! Можно подумать. что я старикъ!

— Постыдно. Но, ваше величество, умоляю васъ вспомнить, что философія должна помочь вамъ смягчить свой гнѣвъ. Юность всегда бываетъ пылкой и говоритъ болѣе того, что думаетъ. Не думайте больше объ этомъ.

— Вы говорите глупости, Лувуа. Любимое мною дитя возстаетъ противъ меня, а вы совѣтуете мнѣ не думать объ этомъ. Ахъ, еще одинъ урокъ, что король менѣе всего можетъ довѣрять людямъ близкимъ ему по крови. Чей это почеркъ? Почтеннаго кардинала де-Бильонъ? Можно потерять вѣру въ своихъ родныхъ, но этотъ святой человѣкъ любитъ меня, не потому только, что обязанъ мнѣ своимъ положеніемъ, но и потому, что по свойству своей натуры онъ почитаетъ и любитъ тѣхъ, кого Богъ поставилъ надъ нимъ. Я прочту вамъ его письмо, Лувуа, чтобъ доказать вамъ, что вѣрность и благодарность еще существуютъ во Франціи. «Дорогой принцъ де-ла-Рошъ...» Ахъ, вотъ кому онъ пишетъ!.. «Когда вы уѣзжали, я обѣщалъ вамъ извѣщать васъ по временамъ о томъ, какъ идутъ дѣла при дворѣ, такъ какъ вы совѣтовались со мной привозить ли ко двору вашу дочь въ надеждѣ, что она можетъ обратить на себя вниманіе короля!»—Что! Что это такое, Лувуа! Что это за мерзость? «Вкусъ султана все ухудшается. По крайней мѣрѣ де-Фонтажъ была самой хорошенькой женщиной во Франціи, хотя, между нами, цвѣтъ волосъ ея былъ слишкомъ краснаго оттѣнка — это превосходный цвѣтъ для кардинальской мантіи. мой милый герцогъ, но для дамскихъ волосъ допустимъ

только золотистый оттѣнокъ. Въ свое время Монтеспанъ была также красивой женщиной, но теперь, представьте себѣ, онъ связался со вдовой старше себя, женщиной, которая даже не старается дѣлать себя привлекательной, а съ утра до ночи или стоитъ на колѣняхъ передъ аналоемъ, или сидитъ за пяльцами. Говорятъ, декабрь и май составляютъ плохой союзъ, но, по моему мнѣнію, два ноября еще того хуже.» Лувуа, Лувуа! Я не могу дальше. Есть у васъ «lettre de cachet»?

— Вотъ, ваше величество

— Для Бастиліи?

— Нѣтъ, для Венсенской тюрьмы.

— Очень хорошо. Проставьте имя этого негодяя, Лувуа! Велите арестовать его сегодня же вечеромъ и отвезти въ его собственной коляскѣ. Безстыдный, неблагодарный негодяй, сквернословецъ! Зачѣмъ принесли вы мнѣ эти письма, Лувуа! О, зачѣмъ вы поддались моей безумной причудѣ? Боже мой, на свѣтѣ нѣтъ ни правды, ни чести, ни вѣрности!

Онъ топалъ ногами и потрясалъ кулаками въ воздухѣ въ порывѣ гнѣва и разочарованія.

— Прикажете спрятать остальныя?—поспѣшно спросилъ Лувуа. Съ тѣхъ поръ какъ король началъ чтеніе, онъ былъ какъ на иголкахъ, не зная, что еще можетъ открыться дальше.

— Положите письма назадъ, но оставьте мѣшокъ.

— Оба мѣшка?

— Ахъ! Я забылъ другой. Если вблизи меня только лицемѣры, то, можетъ-быть, вдали найдутся и честные подданные. Возьмемъ наудачу одно изъ писемъ. Отъ кого это? А! отъ герцога де-Ларошфуко. Онъ мнѣ казался всегда скромнымъ и почтительнымъ молодымъ человѣкомъ. Что пишетъ онъ? Дунай... Бѣлградъ... великій визирь... Ахъ!—Людовикъ вскрикнулъ такъ, словно получилъ ударъ въ самое сердце

— Что случилось, ваше величество!—сказалъ министръ, приближаясь къ королю, выраженіе лица котораго испугало его.

— Возьмите ихъ прочь, Лувуа! Возьмите прочь!—закричалъ король, отталкивая пачку писемъ.—Какъ бы я желалъ никогда не видѣть эти письма. Я не хочу смотрѣть! Онъ насмѣхается даже надъ моей храбростью, онъ, который былъ еще въ колыбели, когда я сидѣлъ въ траншеяхъ. «Эта война не понравится королю,—пишетъ онъ.—Тутъ придется давать сраженія, а не вести тѣ милыя, спокойныя осады, которыя такъ любы ему“. Клянусь Богомъ, онъ отвѣтитъ головою за

эту шутку! Да, Лувуа, дорого обойдется ему эта насмѣшка! Но возьмите ихъ прочь. Я достаточно уже видѣлъ.

Министръ сталъ укладывать письма обратно въ мѣшокъ, когда внезапно на одномъ изъ нихъ ему бросился въ глаза смѣлый, четкій почеркъ г-жи де-Ментенонъ. Словно демонъ шепнулъ ему, что въ рукахъ у него оружіе противъ той, одно имя которой наполняло его сердце завистью и ненавистью. Если въ письмѣ окажется что-либо непріятное, то можно будетъ даже теперь, въ послѣдній часъ, отвратить отъ нея сердце короля. Лувуа былъ хитрый, проницательный человѣкъ. Въ одно мгновеніе онъ понялъ значеніе этого шанса и воспользовался имъ.

— А!—сказалъ онъ,—врядъ ли нужно распечатывать это письмо.

— Которое, Лувуа? Отъ кого оно?

Министръ подвинулъ ему письмо. Людовикъ вздрогнулъ, увидя надпись.

— Почеркъ г-жи де-Ментенонъ! — задыхаясь проговорилъ онъ.

— Да; письмо къ ея племяннику, въ Германію.

Людовикъ взялъ письмо. Потомъ, внезапнымъ движеніемъ бросилъ его къ другимъ, но вскорѣ рука его протянулась за нимъ. Лицо его поблѣднѣло и капли пота показались на лбу. Если и это письмо окажется такимъ же, какъ другія! Вся душа его была потрясена при этой мысли. Дважды онъ старался побѣдить себя и дважды его дрожащія руки касались этой бумаги, Наконецъ, онъ бросилъ письмо Лувуа.

— Прочтите его мнѣ,—сказалъ онъ.

Министръ открылъ письмо и разложилъ его на столѣ. Злобный блескъ сверкнулъ въ его глазахъ. Если бы король могъ вѣрно прочесть выраженіе взгляда Лувуа, тотъ поплатился бы своимъ положеніемъ.

«Дорогой племянникъ,—читалъ Лувуа, то, о чемъ вы просите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, совершенно невозможно. Я никогда не пользовалась милостью короля ради собственныхъ интересовъ и точно такъ же мнѣ было бы тяжело просить у него милостей для моихъ родственниковъ. Никто не обрадуется больше меня, когда я узнаю, что вы произведены въ маіоры, но достигнуть этого вы должны только храбростью и вѣрностью, а не моимъ ходатайствомъ. Служба такому человѣку, какъ король, есть сама по себѣ награда и я увѣрена,

что вы, оставаясь корнетомъ или достигнувъ болѣе высокаго чина будете одинаково ревностно служить ему. Къ несчастью онъ окруженъ низкими паразитами. Нѣкоторые изъ нихъ просто глупцы, какъ, напр., Лозенъ; другіе—плуты, какъ покойный Фукэ; а нѣкоторые, какъ кажется, въ одно и то же время и глупцы и плуты, какъ Лувуа, военный министръ".

Чтецъ задохся отъ ярости и нѣсколько мгновеній сидѣлъ, барабаня пальцами по столу.

— Продолжайте, Лувуа, продолжайте,—сказалъ Людовикъ, устремивъ глаза въ потолокъ.

«Вотъ дорогой мой племянникъ, тучи окружающія солнце; но вѣрьте мнѣ, что солнце ярко свѣтитъ изъ-за нихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я имѣла случай лучше чѣмъ кто-либо узнать эту благородную натуру и могу сказать вамъ, что добродѣтель короля—его личное свойство, а если слава его затемняется временами, то только благодаря добротѣ его сердца, которая допускаетъ его поддаваться вліянію окружающихъ его людей. Мы надѣемся вскорѣ увидѣть васъ въ Версали согбеннымъ подъ тяжестью лавровъ. А пока примите мои искреннія пожеланія, чтобы вы быстро достигли повышенія, несмотря на то, что оно не можетъ быть достигнуто указываемымъ вами способомъ».

— Ахъ!—вскрикнулъ король и вся любовь, таившаяся въ его сердцѣ, отразилась въ его взглядѣ;—какъ могъ я усомниться въ ней хотя бы на одно мгновеніе! Другіе такъ потрясли меня! Франсуаза — чистое золото. Неправда ли, прекрасное письмо, Лувуа?

— Madame очень умная женщина, — уклончиво отвѣтилъ министръ.

— А какъ она хорошо умѣетъ читать въ сердцахъ людей! Развѣ не вѣрно она поняла мой характеръ?

— Однако не поняла моего, ваше величество.

Кто-то постучался въ дверь и Бонтанъ заглянулъ въ комнату.

— Архіепископъ прибылъ, ваше величество, — сказалъ онъ.

— Очень хорошо, Бонтанъ. Попросите madame пожаловать сюда. А свидѣтелямъ велите собраться въ пріемной.

Камердинеръ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, Людовикъ обернулся къ министру.

— Я желаю, чтобы вы были однимъ изъ свидѣтелей, Лувуа.

— Чего, ваше величество?

— Моего бракосочетанія.

Министръ вздрогнулъ.

— Какъ, ваше величество? Сейчасъ?

— Да, Лувуа, черезъ пять минутъ.

— Слушаю, ваше величество.

Несчастный царедворецъ изо всѣхъ силъ старался принять подобающій случаю видъ; этотъ вечеръ уже принесъ ему много непріятностей, а теперь онъ долженъ былъ выпить послѣднюю горькую чашу и присутствовать при бракѣ этой женщины съ королемъ.

— Спрячьте эти письма, Лувуа. Послѣднее вознаградило меня за всѣ остальныя. Но все же негодяи поплатятся за свои посланія. Между прочимъ, какъ фамилія молодого племянника madame, которому она писала? Жераръ д'Обиньи, не такъ ли?

— Да, ваше величество.

— Назначить его полковникомъ при первой вакансіи, Лувуа.

— Полковникомъ, ваше величество! Вѣдь ему еще нѣтъ и двадцати лѣтъ.

— Лувуа! Скажите, пожалуйста, кто изъ насъ глава арміи, я или вы? Берегитесь, Лувуа! Я уже предупреждалъ васъ разъ. Вотъ, что я скажу вамъ, мой милый: если я захочу поставить хоть чурбанъ во главѣ бригады, вы не должны колебаться и подписать бумагу. Отправляйтесь въ пріемную и дожидайтесь тамъ съ другими свидѣтелями, пока не позовутъ васъ.

Въ то же время въ комнаткѣ, гдѣ горѣла лампадка передъ статуей Пресвятой Дѣвы, шла суетня. Посрединѣ комнаты стояла Франсуаза де-Ментенонъ. Легкій румянецъ возбужденія игралъ на ея щекахъ; обыкновенно спокойные сѣрые глаза горѣли непривычнымъ блескомъ. На ней было платье изъ блестящаго бѣлаго глазета, отдѣланное и подбитое серебристой саржей и обшитое у ворота и рукавовъ дорогими кружевами. Вокругъ нея толпились три женщины; онѣ то поднимались съ колѣнъ, то опускались на полъ, то отходили въ сторону, оглядывая платье, подбирая и прикалывая, пока не устроили все по своему вкусу.

— Ну, вотъ!—сказала главная портниха, поправляя въ послѣдній разъ одну изъ розетокъ,—теперь, кажется, хорошо, ваше вел... madame, хотѣла я сказать.

Г-же де-Ментенонъ улыбнулась при ловкой обмолвкѣ придворной портнихи.

— Я лично совершенно равнодушна къ нарядамъ,—сказала она,—но мнѣ хотѣлось бы быть такой, какой онъ желалъ бы видѣть меня

— Ахъ, madame такъ легко одѣвать. У madame такая фигура, такая осанка! Съ такой шеей, таліей, такими руками какой нарядъ не окажется эффектнымъ! Но что намъ дѣлать, madame, когда вмѣстѣ съ платьемъ приходится дѣлать и фигуру? Вотъ напримѣръ принцесса Шарлотта-Елизавета! Вчера мы кроили ей платье. Она маленькаго роста, madame, и полна. О, просто, невѣроятно, какъ она полна! На нее идетъ больше матеріи, чѣмъ на васъ, madame, хотя она гораздо ниже васъ. Ахъ, я увѣрена, что милосердый Господь не думалъ создавать такихъ полныхъ женщинъ. Но впрочемъ она вѣдь баварка, а не француженка.

Г-же де-Ментенонъ не слушала болтовни портнихи. Глаза ея были устремлены на стоявшую въ углу статую, ея губы шептали молитву. Она молилась о томъ, чтобъ быть достойной того великаго положенія, которое выпало на долю ея, бѣдной гувернантки, чтобы она могла безопасно пройти среди пропастей, окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ, и чтобы событіе этой ночи стало благословеніемъ для Франціи и для любимаго человѣка.

Кто-то осторожно постучался въ двери и нарушилъ ея молитву.

— Это Бонтанъ, madame, — сказала mademoiselle Нанонъ;—онъ говоритъ, что король готовъ.

— Такъ не будемъ заставлять его дожидаться. Пойдемте, mademoiselle, и да благословитъ Богъ наше начинаніе!

Маленькое общество собралось въ пріемной короля и оттуда направилось въ часовню. Впереди шелъ величественный епископъ въ зеленомъ одѣяніи, исполненный сознанія важности своего назначенія, съ молитвенникомъ въ рукахъ, раскрытымъ на обрядѣ брака. Рядомъ съ нимъ шелъ его раздаватель милости и двое маленькихъ придворныхъ слугъ въ ярко-красныхъ камзолахъ, несшихъ зажженные факелы. Король и г-жа де-Ментенонъ шли рядомъ — она спо-

койная и сдержанная, съ кроткимъ видомъ и опущенными глазами, онъ съ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, съ растеряннымъ нервнымъ взглядомъ, какъ человѣкъ, сознающій, что онъ переживаетъ одинъ изъ величайшихъ кризисовъ своей жизни. За нимъ, въ торжественномъ безмолвіи, шла небольшая группа избранныхъ свидѣтелей—высокій, молчаливый отецъ Лашезъ, Лувуа, угрюмо смотрѣвшій на невѣсту, маркизъ де-Шармарантъ, Бонтанъ и mademoiselle Нанонъ.

Факелы бросали яркій желтый свѣтъ на маленькую группу людей, проходившихъ по коридору и заламъ; въ часовнѣ они освѣщали и расписанные потолки и стѣны, отражались въ позолотѣ и зеркалахъ, но въ углахъ скоплялись длинныя мрачныя тѣни. Король нервно взглядывалъ на темныя ниши и на портреты предковъ и родственниковъ, красовавшіеся на стѣнахъ. Проходя мимо портрета своей покойной жены, Маріи Терезіи, онъ сильно вздрогнулъ и, задыхаясь, проговорилъ:

— Боже мой! Она нахмурилась и плюнула на меня!

Ментенонъ дотронулась до его руки своей рукой.

— Ничего нѣтъ, государь, — прошептала она успокоительнымъ тономъ.—Это просто отблескъ свѣта на картинѣ.

Ея слова произвели обычное дѣйствіе на короля. Выраженіе испуга исчезло изъ его взгляда, онъ взялъ ее за руку и пошелъ впередъ съ рѣшительнымъ видомъ. Минуту спустя, они уже были передъ алтаремъ и слушали слова, связывавшія ихъ на всю жизнь.

Когда они отошли отъ алтаря, на рукѣ у нея блестѣло новое кольцо, а кругомъ стоялъ гулъ поздравленій. Одинъ король ничего не говорилъ, но онъ смотрѣлъ на нее такъ, что она не желала ничего больше. Она была все такъ же спокойна и блѣдна, но кровь кипѣла у нея въ жилахъ.— Теперь ты королева Франціи,—казалось, говорила она,— королева, королева, королева!

Но вдругъ на нее набѣжала тѣнь и она услышала тихій голосъ:

— Помните обѣщаніе, данное вами церкви.

Она вздрогнула, обернулась и увидѣла передъ собой блѣдное, серьезное лицо іезуита.

— У васъ похолодѣли руки, Франсуаза,—сказалъ Людовикъ.—Пойдемъ, дорогая, мы слишкомъ долго пробыли въ этой мрачной церкви.

XX. Двѣ Франсуазы.

Г-жа де-Монтеспанъ, успокоенная запиской брата, легла спать. Она знала Людовика лучше многихъ другихъ; ей хорошо было извѣстно упрямство въ мелочахъ, составлявшее одну изъ характеристическихъ особенностей его характера. Если онъ сказалъ, что желаетъ быть обвѣнчаннымъ архіепископомъ, то никто другой, кромѣ архіепископа, не можетъ совершить обряда брака. Такимъ образомъ бракосочетаніе не состоится, по крайней мѣрѣ въ эту ночь. Посмотримъ, что скажетъ завтра, а если ей не удастся разстроить планы короля, то, значитъ, она дѣйствительно, лишилась и ума, и красоты.

Утромъ она одѣлась очень тщательно, напудрилась, немного подрумянилась, наклеила мушку рядомъ съ ямочкой на щекѣ, надѣла фіолетовый бархатный пеньюаръ и жемчужный уборъ съ заботливостью воина, приготовляющагося къ борьбѣ на жизнь и на смерть. До нея не дошло извѣстіе о великомъ событіи этой ночи; хотя при дворѣ шли оживленные разговоры о немъ, но у Монтеспанъ, благодаря ея высокомѣрію и злому языку, не было ни друзей, ни близкихъ знакомыхъ. Она встала въ отличномъ настроеніи духа и думала только о томъ, какъ ей добиться аудіенціи у короля.

Она была еще въ будуарѣ, доканчивая свой туалетъ, когда пажъ доложилъ ей, что король дожидается въ салонѣ. Г-жа де-Монтеспанъ еле могла повѣрить такому счастію. Все утро она выдумывала способы, какъ ей добраться до короля, а онъ самъ пришелъ къ ней. Она взглянула въ послѣдній разъ въ зеркало и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Король стоялъ спиной къ ней, смотря на картину Снейдерса. Когда она вошла и затворила за собою дверь, онъ обернулся и сдѣлалъ два шага навстрѣчу ей. Она бросилась къ нему съ радостнымъ восклицаніемъ, съ протянутыми бѣлыми руками, съ лицомъ полнымъ любви, но онъ остановилъ ее мягкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ жестомъ. У нея опустились руки. Съ дрожащими губами она смотрѣла на него и горе, и страхъ выражались въ ея взглядѣ. На лицѣ его было никогда невиданное ею прежде выраженіе, и что-то въ душѣ шепнуло ей, что сегодня онъ сильнѣе духомъ, чѣмъ она.

— Вы опять сердитесь на меня!—вскрикнула она.

Онъ пришелъ съ намѣреніемъ прямо объявить ей о своемъ бракѣ, но, увидѣвъ ее такой красивой и любящей, онъ почувствовалъ, что вонзить ей ножъ въ сердце было бы менѣе жестокимъ ударомъ, чѣмъ этотъ. Пусть кто-нибудь другой скажетъ ей все. Она и такъ скоро узнаетъ эту новость. Къ тому же такимъ образомъ онъ избѣгаетъ сценъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ отъ всей души. И безъ того ему предстояла непріятная обязанность. Все это быстро промелькнуло у него въ умѣ, а она такъ же быстро прочла все въ смотрѣвшихъ на нее темныхъ глазахъ.

— Вы пришли что-то сказать мнѣ и не рѣшаетесь. Да благословитъ Богъ доброе сердце, удерживающее жестокій языкъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, madame, я не хочу быть жестокимъ,— проговорилъ Людовикъ.—Я не могу забыть, что вы въ продолженіе столькихъ лѣтъ озаряли мою жизнь и своимъ умомъ и красотой придавали блескъ моему двору. Но время идетъ madame, и у меня есть долгъ передъ страной, который долженъ стать выше моихъ личныхъ влеченій. По всѣмъ этимъ причинамъ, я думаю, что лучше всего устроить все такъ какъ мы говорили въ прошлый разъ, и вамъ слѣдуетъ удалиться отъ двора.

— Удалиться, ваше величество! На сколько времени?

— Навсегда, madame.

Она стояла, стиснувъ руки, вся блѣдная, и молча смотрѣла на него

— Мнѣ нечего говорить вамъ, что я сдѣлаю все, чтобы усладить вамъ ваше удаленіе. Вы сами назначите себѣ содержаніе; для васъ будетъ построенъ дворецъ въ какой угодно части Франціи, но только въ двадцати миляхъ отъ Парижа... Имѣніе...

— О, государь, какъ можете вы думать, что все это можетъ вознаградить меня за потерю вашей любви?

На сердцѣ у нея было страшно тяжело. Если бы онъ говорилъ горячо и сердито, она могла бы надѣяться обойти его какъ прежде, но этотъ кроткій и вмѣстѣ съ тѣмъ твердый тонъ были новы для него и она чувствовала, что всѣ ея уловки безсильны противъ него. Его хладнокровіе выводило ее изъ себя, но она старалась овладѣть своими страстями и поддержать смиренный видъ, наименѣе свойственный ея вы-

высокомѣрному, вспыльчивому характеру. Однако, скоро она не выдержала.

— Я много думалъ, madame,—сказалъ король,—и рѣшилъ, что такъ должно быть. Нѣтъ иного исхода. Такъ какъ намъ нужно разстаться, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Повѣрьте, что это непріятно и мнѣ. Я приказалъ вашему брату ожидать васъ въ девять часовъ у калитки съ каретой, такъ какъ, можетъ-быть, вы пожелаете уѣхать послѣ наступленія темноты.

— Чтобы скрыть мой позоръ отъ смѣха двора? Это очень внимательно съ вашей стороны, ваше величество. Но, можетъ-быть, и это только вашъ долгъ, такъ теперь мы только и слышимъ, о долгѣ и о обязанностяхъ, то кто же какъ не вы...

— Я знаю, madame, знаю. Я сознаюсь. Я глубоко оскорбилъ васъ. Повѣрьте, что я сдѣлаю все возможное, чтобы искупить сдѣланное мною зло. Пожалуйста, не смотрите на меня такъ сердито. Пусть послѣднее наше свиданіе оставитъ въ насъ пріятное воспоминаніе.

— Пріятное воспоминаніе!—Она отбросила всякую кротость и смиреніе и голосъ ея зазвучалъ презрѣніемъ и гнѣвомъ.—Пріятное воспоминаніе! Вамъ, конечно, будетъ пріятно освободиться отъ загубленной вами женщины и обратиться къ другой, не встрѣчая въ придворныхъ салонахъ блѣднаго лица, которое напоминало бы вамъ о вашей измѣнѣ. Но для меня, которая будетъ томиться въ какомъ-нибудь уединенномъ загородномъ домѣ, пренебрегаемая мужемъ, презираемая семьей, осыпаемая насмѣшками и шутками всей Франціи, вдали отъ всего, что составляло прелесть жизни, вдали отъ человѣка, которому я пожертвовала всѣмъ, можете быть увѣрены, это будетъ очень непріятное воспоминаніе!

Въ глазахъ короля загорѣлся такой же гнѣвный огонь, какой сверкалъ въ глазахъ г-жи де-Монтеспанъ, но онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдержать порывъ гнѣва. Когда подобнаго рода вопросъ подымается между самымъ гордымъ мужчиной и самой высокомѣрной женщиной Франціи, то кому-нибудь изъ нихъ приходится идти на уступки. Людовикъ понималъ, что ему придется сдѣлать это, но его властная натура возставала противъ этой необходимости.

— Вы ничего не выиграете, madame, употребляя выраженія, неприличныя для вашего языка и для моихъ ушей,—сказалъ онъ.—Вы должны отдать справедливость, что я умо-

ляю, когда имѣю право требовать, и вмѣсто того, чтобъ приказывать вамъ, какъ подданной, уговариваю васъ, какъ друга.

— О, вы слишкомъ снисходительны, ваше величество. Подобнаго рода снисходительность едва ли можно объяснить нашими отношеніями въ продолженіе почти двадцати лѣтъ. Дѣйствительно, я должна быть благодарна вамъ, что вы не прислали за мной вашихъ гвардейскихъ стрѣлковъ или не заставили меня выйти изъ дворца посреди двухъ рядовъ мушкетеровъ. Какъ мнѣ благодарить васъ за это снисхожденіе?

Она низко присѣла съ насмѣшливой улыбкой на губахъ.

— Ваши слова полны горечи, madame.

— Такъ же, какъ мое сердце, государь.

— Ну, Франсуаза, будьте благоразумны, умоляю васъ. Мы оба уже не молоды.

— Очень мило съ вашей стороны напоминать мнѣ о моихъ годахъ.

— Ахъ, вы переиначиваете мои слова. Въ такомъ случаѣ не стану говорить. Можетъ-быть, вы не увидите меня больше, madame. Не желаете ли спросить меня о чемъ-нибудь, прежде чѣмъ я уйду.

— Боже мой!—вскрикнула она,—неужели это человѣкъ? Есть ли у него сердце? Неужели это тѣ уста, которыя такъ часто говорили мнѣ о нѣжной любви? Неужели это тѣ глаза, которые смотрѣли съ любовью въ мои глаза? Неужели же вы можете оттолкнуть женщину, бывшую близкой къ вамъ, такъ же спокойно, какъ покинули Сенъ-Жерменскій дворецъ, когда былъ готовъ другой, болѣе роскошный? И вотъ каковъ конецъ всѣхъ клятвъ, всѣхъ нѣжныхъ нашептываній, мольбы, обѣщаній... вотъ конецъ всего!

— Madame! Это печально для насъ обоихъ.

— Печаль! Развѣ на вашемъ лицѣ видна печаль! Я вижу гнѣвъ на то, что я осмѣлилась высказать правду; вижу радость, что вы покончили со взятымъ на себя позорнымъ дѣломъ. Но гдѣ же печаль? А когда я уйду, все будетъ такъ легко для васъ... неправда ли? Вы можете снова возвратиться къ вашей гувернанткѣ...

— Madame!

— Да, да... вамъ не напугать меня! Что мнѣ за дѣло до того, что вы можете сдѣлать со мной? Но я знаю все. Не думайте, что я слѣпа. Итакъ, вы готовы даже жениться на ней. Вы. потомокъ Людовика Святого, и вдова Скаррона,

бѣдная служанка, которую я взяла себѣ въ домъ изъ милости! Ахъ, какъ будутъ улыбаться ваши придворные! Что будутъ писать ничтожные поэты! Конечно, вы не слышите подобнаго рода вещей, но друзьямъ вашимъ это нѣсколько больно.

— Мое терпѣніе лопнуло, сударыня!—бѣшено крикнулъ король.—Я покидаю васъ и навсегда.

Но бѣшенство заставило ее забыть осторожность и страхъ. Она встала между дверью и нимъ. Лицо ея горѣло, глаза сверкали, маленькая ножка въ бѣлой атласной туфлѣ топала по ковру.

— Вы спѣшите, ваше величество! Вѣроятно она ожидаетъ васъ.

— Пропустите меня, madame.

— Но какое разочарованіе вчера вечеромъ, неправда-ли, мой бѣдный государь? Ахъ, и какой ударъ для гувернатки! Боже мой, какой ударъ! Ни архіепископа, ни бракосочетанія! Разстроенъ весь прелестный планъ! Ну, развѣ это не жестоко?

Людовикъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на ея прекрасное, полное ярости лицо, и внезапно у него въ умѣ мелькнула мысль, что отъ горести она лишилась разсудка. Что же иначе могли значить эти безумныя слова объ архіепископѣ и разочарованіи? Съ его стороны недостойно было бы говорить жестоко съ больной женщиной. Надо успокоить ее и—главное—уйти отъ нея.

— У васъ много моихъ фамильныхъ драгоцѣнностей,—сказалъ онъ;—прошу васъ оставить ихъ себѣ въ знакъ моей признательности вамъ.

Онъ думалъ сдѣлать ей пріятное и успокоить ее, но въ одно мгновеніе она была уже у шкафа, гдѣ хранились ея драгоцѣнности, и стала кидать горстями камни къ его ногамъ. Маленькіе красные, желтые и зеленые шарики, звеня и сверкая, раскатились по полу и ударились о дубовыя панели стѣнъ.

— Они пригодятся для гувернантки, если пріѣдетъ архіепископъ,—крикнула де-Монтеспанъ.

Людовикъ еще болѣе убѣдился, что она сошла съ ума. Ему пришла въ голову мысль, какъ лучше подѣйствовать на болѣе мягкую сторону ея натуры. Онъ быстро подошелъ къ двери, открылъ ее и шепотомъ отдалъ какое-то приказаніе.

Въ комнату вошелъ юноша съ длинными золотистыми волосами, падавшими на черный бархатный камзолъ. Это былъ младшій сынъ г-жи де-Монтеспанъ—графъ Тулузскій.

— Я подумалъ, что вы захотите проститься съ нимъ,—сказалъ Людовикъ.

Она стояла, пристально смотря на него, какъ-будто не въ состояніи понять всего значенія его словъ. Потомъ ей вдругъ ясно стало, что отъ нея берутъ дѣтей такъ же, какъ любовника, что та другая женщина будетъ видѣть ихъ, говорить съ ними и пріобрѣтетъ ихъ любовь, когда она будетъ далеко. Все, что было дурного въ ней, внезапно вырвалось наружу и въ это мгновеніе она дѣйствительно стала безумной, какъ считалъ ее король. Если сынъ не будетъ принадлежать ей, то пусть не достается никому!... Подъ рукой у нея среди другихъ вещей лежалъ ножъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Она схватила его и кинулась на испуганнаго мальчика. Людовикъ вскрикнулъ и бросился, чтобъ удержать ее, но его предупредили. Какая-то женщина вбѣжала въ открытую дверь и схватила руку г-жи де-Монтеспанъ. Произошла недолгая борьба; двѣ величественныя фигуры боролись между собой и ножъ упалъ между ними. Испуганный Людовикъ поднялъ его, схватилъ за руку сына и выбѣжалъ съ нимъ изъ комнаты. Франсуаза де-Монтеспанъ, шатаясь, отошла къ оттоманкѣ и увидѣла передъ собой серьезные глаза и строгое лицо другой Франсуазы—женщины, присутствіе которой какъ бы бросало тѣнь на всю ея жизнь.

— Я спасла васъ, madame, отъ поступка, который вы первая стали бы оплакивать.

— Спасли меня! Вы довели меня до этого!

Павшая фаворитка откинулась на высокую спинку оттоманки, заложивъ руки за спину. Полуопущенныя вѣки прикрывали горѣвшіе глаза, губы были полуоткрыты такъ, что виднѣлись ея бѣлые блестящіе зубы. То была настоящая Франсуаза де-Монтеспанъ, существо изъ кошачьей породы, притаившееся для прыжка. Теперь она была далеко отъ той смиренной, нѣжной Франсуазы, которая вернула себѣ короля кроткими рѣчами. Въ борьбѣ г-жа де-Ментенонъ порѣзала себѣ руку и кровь текла у нея съ кончиковъ пальцевъ, но обѣ женщины не обращали на это вниманія. Сѣрые глаза г-жи де-Ментенонъ были устремлены на бывшую соперницу съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ человѣкъ смотритъ на

слабое, лукавое созданіе, которое можно подчинить болѣе сильной волѣ

— Да, вы довели меня до этого... вы, которую я взяла, когда у васъ не было ни куска хлѣба, ни глотка кислаго вина. Что было у васъ? Ничего... ничего, кромѣ имени, служившаго посмѣшищемъ для всѣхъ. А что я дала вамъ? Я дала вамъ все. Вы знаете, что я дала вамъ все. Деньги, положеніе, возможность бывать при дворѣ. Все это вы получили черезъ меня. А теперь вы издѣваетесь надо мной!

— Сударыня, я не издѣваюсь надъ вами. Я сожалѣю васъ отъ глубины души.

— Сожалѣете! Ха, ха! Вдова Скаррона сожалѣетъ женщину изъ фамиліи Мортемаръ! Ваше сожалѣніе можетъ послѣдовать за вашей благодарностью и вашей репутаціей. Тогда оно не будетъ болѣе безпокоить насъ.

— Ваши слова не огорчаютъ меня.

— Вполнѣ вѣрю—вы не изъ чувствительныхъ.

— Да; у меня совѣсть спокойна.

— Ахъ, она, значитъ, не мучитъ васъ?

— Нисколько въ томъ, что касается этого вопроса, madame.

— Боже мой, какъ должно-быть ужасны другіе вопросы, тревожащіе васъ!

— У меня не было дурныхъ замысловъ противъ васъ.

— Никакихъ замысловъ противъ меня?

— Но что же я сдѣлала? Король приходилъ ко мнѣ въ комнату слѣдить за ученьемъ дѣтей. Онъ оставался, разговаривалъ со мной, спрашивалъ совѣтовъ. Могла ли я молчать? Или я должна была говорить не то, что думала?

— Вы возстановили его противъ меня!

— Я была бы очень рада, если бы содѣйствовала его обращенію на путь добродѣтели.

— Какъ хорошо звучитъ это слово въ вашихъ устахъ

— Желала бы слышать его изъ вашихъ

— Итакъ, по вашему собственному признанію вы украли у меня любовь короля, добродѣтельнѣйшая изъ вдовъ!

— Я была благодарна и хорошо расположена къ вамъ. Вы были моей благодѣтельницей, какъ часто напоминали мнѣ. Вамъ не для чего было говорить мнѣ это, такъ какъ я ни на минуту не забывала о вашихъ благодѣяніяхъ. Но когда король спрашивалъ меня—не отрицаю, я говорила,

что грѣхъ есть грѣхъ и что онъ будетъ болѣе достойнымъ человѣкомъ, если скинетъ съ себя грѣховныя узы.

— Или перемѣнить ихъ на другія.

— На узы долга.

— Ба! Меня тошнитъ отъ вашего лицемѣрія. Если вы представляетесь монахиней, то отчего вы не тамъ, гдѣ монахини? Вамъ хотѣлось бы пользоваться и тѣмъ и другимъ— имѣть все, что даетъ дворъ, и подражать монастырскимъ обычаямъ. Но не для чего продѣлывать это со мной! Я знаю васъ, какъ знаете вы себя въ глубинѣ сердца. Я была честна и, что дѣлала, то дѣлала открыто, передъ всѣмъ свѣтомъ. Вы же подъ прикрытіемъ вашихъ священниковъ и духовниковъ, вашихъ алтарей и молитвенниковъ... неужели вы думаете, что можете обмануть меня, какъ обманывали другихъ?

Въ первый разъ сѣрые глаза ея противницы засверкали. Она поспѣшно сдѣлала шагъ впередъ и подняла бѣлую руку, какъ бы предостерегая соперницу.

— Обо мнѣ можете говорить, что угодно,—сказала она.— Для меня это то же, что болтовня попугая въ вашей прихожей. Но не касайтесь священныхъ вещей. Ахъ, если бы вы могли возвысить ваши мысли, если бы вы могли заглянуть въ вашу душу и увидѣть, прежде чѣмъ будетъ поздно, какъ постыдна и низка та жизнь, которую вели вы! Чего бы вы не могли сдѣлать? Его душа была въ вашихъ рукахъ, какъ глина въ рукахъ горшечника. Если бы вы помогли ему стать выше, направили его на лучшій путь, вызвали все благородное и доброе въ его душѣ, какъ любили бы и благословляли ваше имя повсюду отъ замка до хижины! Но нѣтъ, вы увлекли его внизъ; вы испортили его молодость; вы отвлекли его отъ жены; вы испортили его зрѣлые года. Преступленіе, совершаемое человѣкомъ такого высокаго положенія, порождаетъ тысячи другихъ въ тѣхъ, кто считаетъ его примѣромъ—и всѣ эти преступленія на вашей душѣ. Опомнитесь, madame, Бога ради, опомнитесь пока еще не поздно! Несмотря на всю вашу красоту, вамъ, какъ и мнѣ, можетъ-быть, остается лишь нѣсколько лѣтъ жизни. Тогда, какъ посѣдѣютъ эти каштановые волосы, осунутся эти бѣлыя щеки, потускнѣютъ эти блестящіе глаза, тогда... ахъ, да сжалится Господь надъ грѣшной душой Франсуазы де-Монтеспанъ!

На одно мгновеніе ея соперница опустила голову, услы-

шавъ эти торжественныя слова и видя устремленные на себя прекрасные глаза. Въ первый разъ въ жизни она стояла, молча поникнувъ головой. Но скоро она подняла голову съ обычной вызывающей и насмѣшливой улыбкой на губахъ.

— У меня уже есть духовникъ, благодарю васъ,—сказала она.—О, madame, не воображайте, что можете пустить мнѣ пыль въ глаза! Я знаю васъ, хорошо знаю васъ!

— Напротивъ, какъ кажется, вы знаете меньше, чѣмъ я ожидала. Если вы такъ хорошо меня знаете, то кто же я?

Вся горечь и ненависть, накипѣвшая въ сердцѣ ея соперницы, прозвучали въ ея отвѣтѣ.

— Вы гувернантка моихъ дѣтей и тайная любовница короля,—сказала она.

— Вы ошибаетесь, — спокойно отвѣтила г-жа де-Монтеспанъ,—я гувернантка вашихъ дѣтей и супруга короля.

XXI. Человѣкъ въ каретѣ.

Де-Монтеспанъ часто притворялась, что падаетъ въ обморокъ, когда ей хотѣлось обезоружить гнѣвъ короля. Въ такихъ случаяхъ онъ обнималъ ее и въ душѣ его пробуждалась жалость, родная сестра любви. Но теперь она познала, какъ отъ одного слова можно лишиться чувствъ. Она не сомнѣвалась въ истинѣ того, что услышала. Въ выраженіи лица ея соперницы, въ ея прямомъ взглядѣ, спокойномъ голосѣ была полная увѣренность. Одно мгновеніе де-Монтеспанъ стояла, словно пораженная громомъ, задыхаясь, съ вытянутыми руками, какъ бы хватающимися за воздухъ. Ея смѣлыя глаза потускнѣли и остановились. Потомъ съ рѣзкимъ, отрывистымъ крикомъ, жалобнымъ крикомъ существа, которое видитъ, что борьба проиграна, она опустила гордую голову и упала безъ чувствъ къ ногамъ соперницы.

Г-жа де-Ментенонъ нагнулась и подняла ее своими сильными бѣлыми руками. Неподдѣльная печаль и состраданіе выразились во взглядѣ, которымъ она окинула лежавшее на ея груди мертвенно-блѣдное лицо, съ котораго исчезло выраженіе злобы и гордости. На темныхъ рѣсницахъ блестѣли слезы, а уголки губъ сердито опустились внизъ, какъ у ребенка, наплакавшагося передъ сномъ. Г-жа де-Ментенонъ положила ее на оттоманку и подложила ей подъ голову шелковую подушку. Потомъ она подняла съ ковра разбросанныя драго-

цѣнности, убрала ихъ въ открытый шкафъ, заперла его и, положивъ на столъ ключъ такъ, чтобы хозяйка могла легко найти его, ударила въ гонгъ.

— Вашей госпожѣ дурно,—сказала она вошедшему маленькому черному пажу.—Позовите горничныхъ.—И сдѣлавъ все необходимое, она вышла изъ большой безмолвной комнаты, гдѣ ея прекрасная соперница, безпомощная и лишенная надежды, среди бархата и позолоты лежала, словно растоптанный цвѣтокъ.

Да, безпомощная, такъ какъ что могла она сдѣлать? Лишенная надежды, такъ какъ что могла сдѣлать для нея судьба? Когда де-Монтеспанъ пришла въ себя, она сейчасъ же отослала горничныхъ и теперь лежала съ сжатыми руками, съ осунувшимся лицомъ, обдумывая, что ожидаетъ ее въ грустномъ будущемъ. Она должна уѣхать; это несомнѣнно. Не только потому, что это приказанiе короля, но и потому, что во дворцѣ, гдѣ она царила нераздѣльно, ее ожидаетъ только горе и насмѣшки. Она сумѣла въ былое время отстоять свое положенiе передъ королевой, но ненависть не настолько ослѣпила ее, чтобы она не видѣла, что соперница ея совсѣмъ иная женщина, чѣмъ бѣдная, кроткая Марiя-Терезiя. Нѣтъ, она упала духомъ. Приходится признать себя побѣжденной и уѣхать.

Она встала съ кушетки, чувствуя, что за этотъ часъ постарѣла на десять лѣтъ. Дѣла было много, а времени оставалось мало. Она бросила драгоцѣнности, когда король заговорилъ такъ, какъ будто онѣ могли вознаградить ее за потерю его любви; но теперь, когда исчезла любовь, нѣтъ основанія терять и драгоцѣнности. Если она уже не самая могущественная женщина во Францiи, то можетъ быть самой богатой. Конечно, она будетъ получать пенсiю, и навѣрно, очень большую, такъ какъ Людовикъ всегда отличался щедростью. А потомъ цѣлыя коллекцiи собранныхъ ей за долгiе годы драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, золота, вазъ, картинъ, распятiй, часовъ, бездѣлушекъ—все это вмѣстѣ взятое представляло собой цѣнность во много миллiоновъ ливровъ. Собственными руками она уложила всѣ самыя драгоцѣнныя вещи, которыя можно было взять съ собой, а остальныя отдала на храненiе брату. Цѣлый день она работала съ лихорадочной энергiей, дѣлая все, чтобы не думать о своемъ пораженiи и о побѣдѣ соперницы. Къ вечеру все было готово и она устроилась такъ, что-

бы все ея имущество прислали въ «Petit Bourg», куда она думала переселиться.

За полчаса до времени, назначеннаго для отъѣзда, къ ней въ комнату ввели незнакомаго молодого человѣка.

Онъ пришелъ съ порученіемъ отъ ея брата.

— Г. де-Вивоннъ очень сожалѣетъ, madame, что слухъ о вашемъ отъѣздѣ распространился при дворѣ.

— Что мнѣ за дѣло до этого, monsieur?—отвѣтила г-жа де-Монтеспанъ съ прежнимъ высокомѣріемъ.

— Онъ говоритъ, madame, что у западныхъ воротъ соберутся придворные, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете уѣзжать; тамъ будетъ и г-жа де-Нельи, и герцогиня де-Шамборъ и mademoiselle де-Роганъ и проч.

Монтеспанъ ужаснулась при мысли объ ожидавшемъ ее испытаніи. Выѣхать изъ дворца, гдѣ она имѣла болѣе значенія, чѣмъ королева, подъ насмѣшливыми взглядами и градомъ злыхъ издѣвательствъ столькихъ личныхъ враговъ! Послѣ всѣхъ униженій этого дня, то была послѣдняя горькая чаша. Нервы ея ослабли. Она не была въ состояніи выдержать это испытаніе.

— Передайте моему брату, monsieur, что я очень прошу его сдѣлать новыя распоряженія такъ, чтобъ мой отъѣздъ могъ пройти незамѣченнымъ.

— Онъ приказалъ мнѣ передать вамъ, madame. что онъ уже устроилъ это.

— А! Въ которомъ же часу мы поѣдемъ?

— Сейчасъ, какъ можно скорѣе.

— Я готова. Итакъ, у западныхъ воротъ?

— Нѣтъ; у восточныхъ. Экипажъ уже тамъ.

— А гдѣ же мой братъ?

— Онъ ждетъ насъ у калитки парка.

— Почему же не у воротъ?

— Потому что за нимъ слѣдятъ и, если его увидятъ у экипажа, то все станетъ извѣстнымъ.

— Очень хорошо. Тогда, monsieur, если вы возьмете мой плащъ и шкатулку, мы отправимся немедленно.

Они прошли кружнымъ путемъ черезъ наименѣе посѣщаемые коридоры. Г-жа де-Монтеспанъ шла торопливо, словно преступница, опустивъ капюшонъ на лицо. Сердце ея усиленно билось при каждомъ звукѣ шаговъ. Но судьба благопріятствовала ей. Никто не встрѣтился, и скоро она уже

была у калитки восточныхъ воротъ. По бокамъ калитки, облокотясь на мушкеты, стояли два флегматичныхъ швейцарца. Фонарь бросилъ свѣтъ на ожидавшую карету. Дверца ея была открыта; высокій мужчина, укутанный въ черный плащъ, подсадилъ г-жу де-Монтеспанъ. Потомъ онъ сѣлъ напротивъ нея, захлопнулъ дверцу и карета покатилась по главной дорогѣ.

Она нисколько не удивилась, когда этотъ человѣкъ сѣлъ въ карету, такъ какъ въ то время обыкновенно ѣздили съ провожатымъ и незнакомецъ, очевидно, занималъ пока мѣсто ея брата. Все это было вполнѣ естественно. Но когда прошло десять минутъ, а онъ продолжалъ сидѣть все такъ же неподвижно и безмолвно, она съ любопытствомъ взглянула на него, стараясь разглядѣть его лицо въ окружавшемъ ихъ мракѣ. Насколько она могла разсмотрѣть въ то мгновеніе, когда онъ подсаживалъ ее въ карету, она замѣтила, что онъ одѣтъ, какъ дворянинъ, а поклонъ его показалъ ея опытному взгляду, что она имѣетъ дѣло съ человѣкомъ знакомымъ съ придворными манерами. Но тѣ придворные, которыхъ она знала, бывали всегда любезны и разговорчивы, а этотъ человѣкъ такъ тихъ и молчаливъ. Снова она напрягла зрѣніе, стараясь разглядѣть его во тьмѣ. Шляпа незнакомца была надвинута на глаза, а плащъ закрывалъ нижнюю часть лица, но ей показалось, что изъ-подъ тѣни, бросаемой шляпой, она увидѣла два устремленныхъ на нее глаза.

Отъ продолжительнаго бозмолвія смутное безпокойство зародилось въ ея душѣ. Пора нарушить его.

— Monsieur, мы навѣрное уже проѣхали мимо калитки парка, гдѣ долженъ былъ ожидать насъ мой братъ.

Незнакомецъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ сидѣть все такъ же безмолвно. Она подумала, что, можетъ-быть, тяжелый грохотъ кареты заглушилъ ея голосъ.

— Я говорю, monsieur,—повторила она, наклоняясь впередъ,—что мы проѣхали то мѣсто, гдѣ должны были встрѣтиться съ г-номъ де-Вивоннъ.

Онъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова.

— Monsieur!—крикнула она,—повторяю, мы проѣхали ворота.

Отвѣта не было

Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Кто этотъ безмолвный че-

ловѣкъ? Внезапно ей пришло на умъ, что это, можетъ-быть, нѣмой.

— Можетъ-быть, monsieur не можетъ говорить,—сказала она.—Если это причина вашего молчанія, подымите руку и я пойму васъ.

Онъ сидѣлъ все такъ же неподвижно и безмолвно.

Тогда внезапный страхъ овладѣлъ ея душой. Заперта во тьмѣ съ этимъ ужаснымъ, безголосымъ существомъ! Она громко вскрикнула отъ ужаса и попробовала опустить окно и открыть дверцу. Желѣзная рука схватила ея руку и заставила ее сѣсть на мѣсто. Но сидѣвшій рядомъ съ ней человѣкъ все-таки не двинулся и слышался только стукъ и скрипъ кареты и топотъ мчавшихся лошадей. Путешественники оставили Версаль далеко за собой и ѣхали по сельскимъ дорогамъ. Стало еще темнѣе; на небѣ ходили тяжелыя, темныя тучи; далеко на горизонтѣ слышались раскаты грома.

Г-жа де-Монтеспанъ, задыхаясь, откинулась на кожаныя подушки кареты. Она была смѣлая женщина, но внезапный, странный ужасъ, охватившій ее въ моментъ слабости, потрясъ ее до глубины души. Она забилась въ уголъ экипажа, смотря расширенными отъ ужаса глазами на фигуру человѣка, сидѣвшаго напротивъ нея. Если бы онъ сказалъ хоть что-нибудь! Что бы она ни узнала, что бы ни угрожало ей—все лучше этого молчанія. Было такъ темно, что она едва могла видѣть смутныя очертанія его фигуры, и съ каждой минутой становилось все темнѣе отъ надвигавшейся бури. Вѣтеръ налеталъ короткими, сердитыми порывами; а вдали грохоталъ громъ. Безмолвіе стало невыносимымъ. Она должна нарушить его во что бы то ни стало.

— Сударь,—сказала она,—тутъ произошла какая-то ошибка. Не знаю, по какому праву вы мѣшаете мнѣ опустить окно и отдать приказанія кучеру.

Онъ ничего не сказалъ.

— Повторяю, что тутъ какая-то ошибка. Это карета моего брата, г. де-Вивоннъ, а онъ не изъ тѣхъ людей, которые позволятъ невѣжливо обращаться съ его сестрой.

Нѣсколько тяжелыхъ капель дождя ударились объ одно изъ оконъ. Тучи стали плотнѣе и повисли надъ землею. Монтеспанъ не могла видѣть неподвижной фигуры, но отъ этого она казалась еще ужаснѣе. Она громко вскрикнула отъ ужаса, но крикъ ея произвелъ не болѣе впечатлѣнія, чѣмъ ея слова.

— Сударь!—крикнула она, хватая его за рукавъ,—вы пугаете меня. Вы устрашаете меня! Я не сдѣлала вамъ ничего дурного. Почему же вы хотите обидѣть несчастную женщину? О, скажите что-нибудь, скажите ради Бога!

Тотъ же шумъ дождя, ударяющагося объ окна, и ни единаго звука, кромѣ ея прерывистаго дыханія.

— Можетъ-быть, вы не знаете, кто я?—продолжала де-Монтеспанъ, пытаясь говорить обычнымъ ей властнымъ тономъ и обращаясь къ полной непроницаемой тьмѣ.—Вы можете слишкомъ поздно узнать, кого вы избрали предметомъ своей шутки. Я—маркиза де-Монтеспанъ и я не изъ тѣхъ, которыя забываютъ нанесенное имъ оскорбленіе. Если вы хоть нѣсколько знакомы съ придворной жизнью, то должны знать, что мое слово имѣетъ нѣкоторое значеніе у короля. Вы можете увезти меня въ этой каретѣ, но я не изъ личностей, которыя могутъ исчезнуть безслѣдно и не отмщенными. Если бы вы... О, Іисусе, сжалься надо мной!

Яркая молнія внезапно прорвала огромную тучу и на одно мгновеніе во всей окрестности и внутри кареты стало свѣтло какъ днемъ. Лицо незнакомца было на очень близкомъ разстояніи отъ лица г-жи де-Монтеспанъ, ротъ его былъ широко раскрытъ; въ его блестящихъ, прищуренныхъ глазахъ сверкало злорадное веселье. При яркомъ свѣтѣ ясно были видны всѣ мельчайшія подробности—красный дрожащій языкъ, большіе бѣлые зубы, короткая, торчащая впередъ, остроконечная бородка.

Но не внезапная вспышка молніи, не смѣющееся злое лицо заставили оледенѣть отъ ужаса Франсуазу де-Монтеспанъ. Передъ ней былъ тотъ, кого она боялась болѣе всѣхъ на свѣтѣ и котораго менѣе всего ожидала видѣть.

— Морисъ!—вскрикнула она.—Морисъ, это вы!

— Да, милая женушка, это я. Какъ видите, послѣ долгаго промежутка, мы возвращены другъ другу.

— О, Морисъ, какъ вы напугали меня! Какъ могли вы быть такъ жестоки? Почему вы не хотѣли говорить со мной?

— Потому что пріятно было сидѣть молча и думать, что, послѣ столькихъ лѣтъ, вы принадлежите мнѣ одному, что никто не стоитъ между нами. Ахъ, женушка, какъ часто я мечталъ объ этомъ часѣ!

— Я была виновата передъ вами, Морисъ; я была виновата; простите меня!

— У насъ въ семьѣ не прощаютъ, милая Франсуаза. Не напоминаетъ ли вамъ эта поѣздка былое время? А карета? Это та же самая, въ которой мы возвращались изъ каѳедральнаго собора, гдѣ вы такъ мило произнесли свои обѣты. Я сидѣлъ, гдѣ сижу теперь, а вы сидѣли тамъ; я взялъ вашу руку, какъ беру теперь, и пожалъ ее, и...

— О, негодяй, вы вывихнули... вы сломали мнѣ руку.

— О, нѣтъ, милая женушка! А помните, какъ вы сказали мнѣ, что всегда будете любить меня, какъ я нагнулся къ вашимъ губамъ, и...

— О, помогите, помогите! О, жестокій! вы ударили меня кулакомъ по рту!

— Ударилъ васъ! Кто бы могъ подумать въ тотъ весенній день, когда мы строили наши планы будущаго, что между вами и мной дойдетъ до этого? А вотъ, еще и еще!

Онъ бѣшено ударялъ кулаками во тьмѣ, стараясь попасть ей въ лицо. Она бросилась на полъ кареты и спрятала лицо въ подушки. Съ силой и яростью помѣшаннаго онъ расточалъ удары, падавшіе на кожаныя подушки и на деревянную обшивку, не обращая вниманія на свои пораненыя руки...

— Итакъ я заставилъ васъ замолчать,—наконецъ проговорилъ онъ.—Прежде я останавливалъ васъ поцѣлуями. Но время идетъ, Франсуаза, и все измѣняется, женщины становятся невѣрными, а мужчины суровыми.

— Можете убить меня, если хотите,—простонала она.

— И убью,—просто отвѣтилъ онъ.

Карета попрежнему продолжала мчаться, покачиваясь и подпрыгивая на глубокихъ колеяхъ. Гроза прошла, но еще слышны были отдаленные раскаты грома и далеко на горизонтѣ вспыхивали молніи. Вышла луна; ея ясный холодный свѣтъ серебрилъ большія равнины, окаймленныя тополями, и падалъ сквозь окна кареты на забившуюся въ уголъ фигуру женщины и ея ужаснаго спутника. Онъ откинулся назадъ и, сложивъ руки на груди, съ злорадствомъ смотрѣлъ на отчаяніе оскорбившей его женщины.

— Куда вы везете меня?—проговорила она послѣ долгаго молчанія.

— Въ Портилльякъ, милая женушка.

— Зачѣмъ именно туда? Что вы сдѣлаете со мной?

— Заставлю этотъ лживый язычекъ умолкнуть навѣки. Онъ не будетъ болѣе обманывать людей.

— Такъ вы убьете меня?

— Назовите это какъ угодно.

— У васъ камень вмѣсто сердца.

— Сердце мое было отдано женщинѣ.

— О, я дѣйствительно наказана за мои грѣхи.

— Не сомнѣвайтесь, что будете наказаны за свои грѣхи.

— Неужели я ничѣмъ не могу искупить ихъ?

— Я позабочусь о томъ, чтобы они были искуплены.

— У васъ съ собой шпага, Морисъ. Отчего же вы не убьете меня, если вы такъ сердиты на меня? Отчего вы не вонзите мнѣ ее въ сердцѣ?

— Будьте увѣрены, что я сдѣлалъ бы это, если бы у меня не было превосходной причины не поступать такимъ образомъ.

— Какая же это причина?

— Я скажу вамъ. Въ Портилльякѣ я пользуюсь правомъ надъ жизнью и смертью тамошнихъ жителей. Тамъ я полный властелинъ и могу пытать, постановлять приговоры и казнить виновныхъ. Это моя законная привилегія. Жалкій король не сможетъ даже отомстить за васъ, потому что право на моей сторонѣ и онъ не можетъ отвергать этого, не пріобрѣтя себѣ врага въ каждомъ сеньерѣ Франціи.

Онъ снова открылъ ротъ и расхохотался надъ своей собственной изобрѣтательностью, а она, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвернулась, чтобы не видѣть его жестокаго лица и горящихъ глазъ, и закрыла лицо руками. Еще разъ она вознесла молитву Богу, чтобы Онъ простилъ ее за грѣховную жизнь. Такъ, ночью, мчавшіяся лошади уносили мужа и жену, безмолвно сидѣвшихъ другъ противъ друга съ ненавистью и страхомъ въ сердцахъ. Наконецъ, на поворотѣ дороги они увидали огонь на башнѣ и передъ ними во тьмѣ обрисовалась неясная тѣнь громаднаго зданія. То былъ замокъ Портилльякъ.

XXII. Эшафотъ въ Портилльякѣ.

Такимъ образомъ Амори де-Катина и Амосъ Гринъ увидѣли изъ окна своей тюрьмы пріѣхавшую въ полночь карету, изъ которой вышла плѣнница. Этимъ объяснилась и страшная работа и страшная утренняя процессія. Они видѣли, какъ вели на смерть Франсуазу де-Монтеспанъ, и слышали ея послѣдній жалобный призывъ, когда тяжелая рука негодяя съ топоромъ

на плечѣ упала ей на шею и заставила ее встать на колѣни. Съ крикомъ ужаса она отшатнулась отъ запачканной кровью плахи, палачъ поднялъ свое оружіе, а г. де-Монтеспанъ сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку, чтобы схватить изящную головку за длинные каштановые волосы и притянуть ее на плаху, когда внезапно остановился въ изумленіи, выставилъ впередъ одну ногу и протянувъ руку, съ полуоткрытымъ ртомъ и остановившимся взглядомъ.

И дѣйствительно, представившееся ему зрѣлище могло удивить кого угодно. Изъ маленькаго четырехугольнаго окна передъ нимъ головой впередъ внезапно вылетѣлъ какой-то человѣкъ, упалъ на вытянутыя впередъ руки и затѣмъ вскочилъ на ноги. Вслѣдъ за нимъ, на разстояніи одного фута отъ его пятокъ, показалась голова другого человѣка, который, хотя и упалъ тяжелѣе перваго, но также быстро вскочилъ на ноги. На первомъ былъ гвардейскій мундиръ съ серебряной отдѣлкой; второй съ чисто выбритымъ лицомъ, въ темной одеждѣ имѣлъ видъ мирнаго гражданина; у обоихъ въ рукахъ было по короткому, заржавленному желѣзному пруту. Ни одинъ изъ нихъ не проговорилъ ни слова, но военный быстро сдѣлалъ два шага впередъ и ударилъ палача, который только-что приготовился нанести ударъ своей жертвѣ. Послышался глухой ударъ, шумъ словно изъ лопнувшаго яйца и прутъ отлетѣлъ въ сторону. Палачъ страшно вскрикнулъ, уронилъ топоръ, схватился обѣими руками за голову и, пробѣжавъ зигзагами по эшафоту, упалъ мертвымъ внизъ во дворъ.

Съ быстротой молніи де-Катина поднялъ топоръ и сталъ передъ Монтеспаномъ, закинувъ на плечо тяжелое орудіе, съ вызовомъ въ глазахъ.

— Ну!—сказалъ онъ.

Одно мгновеніе маркизъ былъ такъ ошеломленъ, что не могъ выговорить ни слова. Теперь онъ наконецъ понялъ, что эти незнакомцы стали между нимъ и его жертвой.

— Схватить этихъ людей!—крикнулъ онъ, обращаясь къ своей свитѣ.

— Одну минуту!—громко проговорилъ де-Катина внушительнымъ голосомъ.—По моему мундиру вы видите кто я. Я—тѣлохранитель короля. Кто тронетъ меня—тронетъ его. Поберегитесь. Это опасная игра.

— Впередъ, трусы!—проревѣлъ де-Монтеспанъ.

Но вооруженные слуги колебались, такъ какъ страхъ пе-

редъ королемъ походилъ на огромную тѣнь, нависшую надъ всей Франціей. Де-Катина замѣтилъ ихъ нерѣшительность и воспользовался этимъ.

— Эта женщина—избранница короля,—крикнулъ онъ,—и если вы тронете хоть одинъ волосъ на ея головѣ, говорю вамъ, ни единой душѣ на этомъ дворѣ не избѣгнуть страшной смерти. Безумцы, неужели вы хотите подвергнуться пыткѣ или корчиться въ кипящемъ маслѣ изъ-за приказаній этого сумасшедшаго?

— Кто эти люди, Марсо? — въ бѣшенствѣ крикнулъ маркизъ.

— Плѣнники, ваше сіятельство.

— Плѣнники? Чьи плѣнники?

— Ваши, ваше сіятельство.

— Кто приказалъ задержать ихъ?

— Вы. Ихъ привезли со стражей, у которой было ваше кольцо съ печатью.

— Я никогда не видѣлъ ихъ. Тутъ вмѣшалась дьявольская сила. Но они не посмѣютъ угрожать мнѣ въ моемъ собственномъ замкѣ и стоять между мной и моей женой. Нѣтъ, чортъ возьми! Этого не будетъ и имъ не жить! Эй, вы Марсо, Этьеннъ, Жильберъ, Жанъ, Пьеръ, всѣ, кто ѣстъ мой хлѣбъ, впередъ на нихъ!

Онъ окинулъ всѣхъ яростнымъ взглядомъ, но повсюду встрѣтилъ только поникшія головы и опущенные взоры. Съ отвратительнымъ ругательствомъ онъ выхватилъ изъ ноженъ шпагу и кинулся къ женѣ, стоявшей, почти безъ чувствъ, у плахи. Де-Катина бросился между ними, чтобы защитить ее, но бородатый сенешалъ, Марсо, предупредилъ его и охватилъ своего господина поперекъ туловища. Съ силой безумнаго, съ сжатыми зубами, съ пѣной у рта, де-Монтеспанъ повернулся въ державшихъ его рукахъ и, высвободивъ шпагу, всадилъ ее черезъ темную бороду глубоко въ горло Марсо. Марсо съ ужаснымъ крикомъ упалъ навзничь; кровь брызнула у него изо рта и изъ раны, но прежде чѣмъ убійца успѣлъ вытащить шпагу, де-Катина и американецъ, при помощи дюжины слугъ стащили его съ эшафота, Амосъ Гринъ связалъ его такъ, что онъ могъ только свирѣпо ворочать глазами и плеваться. Слуги были такъ раздражены противъ своего господина — всѣ любили Марсо — что, при наличности топора и плахи, расправа могла бы осуществиться очень

быстро, если бы внезапно не раздался ясный, продолжительный призывъ трубы, переливавшейся въ тихомъ утреннемъ воздухѣ. Де-Катина навострилъ уши, какъ собака, услышавшая зовъ охотника.

— Вы слышали, Амосъ?

— Это труба.

— Это сигналъ гвардіи. Эй вы, бѣгите скорѣе къ воротамъ! Откройте спускную рѣшетку и опустите подъемный мостъ! Поторопитесь, не то и теперь еще можете отвѣтить за грѣхи своего господина! А вѣдь еле спасли ее, Амосъ!

— Да, можно сказать, другъ мой. Я видѣлъ, какъ онъ протянулъ руку къ ея волосамъ въ ту минуту, какъ вы выскочили въ окно. Еще одна минута—и онъ скальпировалъ бы ее. Но она красивая женщина, никогда я не видалъ болѣе красивой женщины и ей не слѣдуетъ стоять колѣнопреклоненной на этихъ доскахъ.

Онъ снялъ съ г. де-Монтеспанъ его длинный черный плащъ и сдѣлалъ изъ него подушку для лежавшей безъ чувствъ женщины съ осторожностью и нѣжностью, казавшейся странной въ человѣкѣ его сложенія и осанки.

Онъ еще стоялъ, наклонясь надъ ней, когда послышался стукъ опускаемаго моста, затѣмъ топотъ копытъ, бряцаніе оружія и во дворъ въѣхалъ отрядъ кавалеристовъ на лошадяхъ съ разлетавшимися по вѣтру гривами. Во главѣ отряда ѣхалъ высокій всадникъ въ парадномъ костюмѣ гвардейца, съ развѣвающимся перомъ на шляпѣ, въ длинныхъ перчаткахъ изъ буйволовой кожи, съ блестѣвшей на солнцѣ шпагой. Легкимъ галопомъ онъ подъѣхалъ къ эшафоту и проницательнымъ взглядомъ темныхъ глазъ оглядѣлъ группу ожидавшихъ его людей. При видѣ его лицо де-Катина просвѣтлѣло и въ одно мгновеніе онъ уже стоялъ у стремени пріѣзжаго.

— Де-Бриссакъ!

— Де-Катина! Вотъ такъ сюрпризъ! Скажи, пожалуйста, откуда ты явился?

— Я былъ въ плѣну. Де-Бриссакъ, ты передалъ порученіе въ Парижъ?

— Конечно, передалъ.

— И архіепископъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ.

— А бракосочетаніе?

— Состоялось, какъ было условлено. Поэтому-то эта женщина и должна была уѣхать изъ дворца.

— Я такъ и думалъ.

— Надѣюсь, съ ней не случилось ничего дурного?

— Я и мой другъ поспѣли какъ разъ во-время, чтобы спасти ее. Ея мужъ лежитъ вотъ тамъ связаннымъ. Это сущій дьяволъ, де-Бриссакъ.

— Очень возможно; но и ангелъ ожесточился бы, будь онъ на его мѣстѣ.

— Мы связали его. Онъ убилъ одного человѣка.

— Право, вы не теряли времени.

— Какъ ты узналъ, что мы здѣсь?

— Это—неожиданное удовольствіе.

— Такъ ты пріѣхалъ не ради насъ?

— Нѣтъ; ради этой дамы.

— А какъ этому негодяю удалось захватить ее?

— Братъ ея долженъ былъ увезти ее въ каретѣ. Мужъ узналъ объ этомъ и ложнымъ извѣстіемъ заманилъ ее въ свою карету, стоявшую у другихъ воротъ. Когда де-Вивоннъ увидѣлъ, что она не идетъ, и узналъ, что ея нѣтъ въ ея комнатѣ, онъ сталъ разспрашивать и скоро узналъ, какъ она уѣхала. На дверяхъ кареты замѣтили гербъ де-Монтеспанъ и король послалъ меня сюда съ моимъ отрядомъ. Мы ѣхали быстро, какъ только могли.

— Ахъ, и все-таки опоздали бы, если бы не странный случай, который привелъ насъ сюда. Не знаю, кто напалъ на насъ, такъ какъ этотъ человѣкъ, очевидно, ничего не зналъ о томъ, что произошло. Впрочемъ все объяснится впослѣдствіи. Что намъ дѣлать теперь?

— Я получилъ приказаніе. Madame надо отправить въ замокъ «Petit Bourg», а всѣхъ, кто виноватъ въ насиліи надъ ней, держать арестованными, пока не станетъ извѣстна воля короля. Замокъ долженъ перейти во владѣніе короля. Но тебѣ, де-Катина, вѣдь нечего дѣлать теперь?

— Нечего; только мнѣ хотѣлось бы съѣздить въ Парижъ, посмотрѣть, какъ поживаютъ дядя и его дочь.

— Ахъ, что за миленькая у тебя кузиночка! Клянусь душой, я нисколько не удивляюсь, что ты такъ хорошо знакомъ всѣмъ обывателямъ улицы Св. Мартина. Ну, хорошо, я передамъ твое порученіе, а теперь ты передай мое.

— Отъ всей души. Куда надо ѣхать?

— Въ Версаль. Король, навѣрно, горитъ отъ нетерпѣнія узнать, какъ мы выполнили его приказаніе. Ты имѣешь полное право разсказать ему все, такъ какъ, если бы не ты и твой другъ, дѣло окончилось бы очень печально.

— Я буду тамъ черезъ два часа.

— Есть у васъ лошади?

— Наши убиты.

— Вы найдете лошадей здѣсь въ конюшняхъ. Выберите самыхъ лучшихъ, такъ какъ потеряли своихъ на службѣ короля.

Совѣтъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы пренебречь имъ. Де-Катина подозвалъ Амоса Грина и оба поспѣшно направились къ конюшнямъ, а де-Бриссакъ въ отрывистыхъ, рѣзкихъ выраженіяхъ велѣлъ слугамъ разоружиться, разставилъ гвардейцевъ по всему замку и распорядился отъѣздомъ г-жи де-Монтеспанъ, а мужа ея велѣлъ посадить въ заключеніе.

Часъ спустя, друзья быстро ѣхали по сельской дорогѣ, вдыхая чудный воздухъ, который казался имъ еще свѣжѣе послѣ того, какъ они дышали сырымъ, отвратительнымъ воздухомъ темницы. Далеко за ними маленькіе темные зубцы стѣны, поднимавшейся надъ лѣсомъ, указывали на покинутый ими замокъ, а на краю горизонта раннее солнце бросало свои лучи на великолѣпный дворецъ—цѣль ихъ путешествія.

XXIII. Паденіе семьи де-Катина.

Черезъ два дня послѣ бракосочетанія г-жи де-Ментенонъ съ королемъ въ ея скромной комнаткѣ происходило собраніе, вызвавшее невыразимыя страданія многихъ тысячъ людей и въ то же время, по премудрости Божіей, ставшее орудіемъ, посредствомъ котораго французскія искусства, французская изобрѣтательность и живость сообщились болѣе вялымъ тевтонскимъ народамъ, ставшимъ и сильнѣе и лучше съ тѣхъ поръ, какъ приняли въ себя эту закваску. Въ исторіи великое зло иногда являлось слѣдствіемъ добродѣтели, а самые благодѣтельные результаты часто слѣдовали немедленно за преступленіемъ.

Наступило время, когда церковь должна была потребовать исполненія обѣщанія г-жи де-Ментенонъ и ея блѣдныя щеки и печальные глаза ясно показывали, какъ безполезно она боролась съ голосомъ своего нѣжнаго сердца, стараясь заглушить

его аргументами окружавшихъ ее ханжей. Она знала французскихъ гугенотовъ. Кто лучше могъ знать ихъ, какъ не она, сама, вышедшая изъ ихъ среды и выросшая въ ихъ вѣрѣ? Она знала ихъ терпѣніе, благородство, независимость, упорство. Какіе шансы, чтобы они согласились на желаніе короля? Можетъ-быть, согласятся нѣкоторые изъ вельможъ, а остальные будутъ смѣяться надъ галерами, тюрьмой и даже висѣлицей, когда зайдетъ дѣло о вѣрѣ ихъ отцовъ. Если вѣру ихъ станутъ гнать и они останутся вѣрными ей, то имъ придется или бѣжать изъ Франціи, или умереть заживо прикованными къ веслу либо идя въ оковахъ по дорогѣ. Такова была ужасная альтернатива, предстоявшая группѣ людей, которая являла изъ себя цѣлый небольшой народъ. Всего ужаснѣе, что она, одной съ ними крови, должна будетъ поднять голосъ противъ нихъ. Но обѣщаніе дано и пришло время выполнить его.

На собраніи былъ краснорѣчивый епископъ Боссюэтъ, военный министръ Лувуа и знаменитый іезуитъ отецъ Лашезъ. Всѣ они приводили аргументы за аргументами, чтобы убѣдить короля. Рядомъ съ нимъ стоялъ еще одинъ священникъ, такой худой и блѣдный, что казался возставшимъ со смертнаго одра. Но въ его большихъ темныхъ глазахъ горѣлъ свирѣпый огонь, а въ сдвинутыхъ бровяхъ и въ сжатыхъ челюстяхъ виднѣлась непоколебимая рѣшимость. Madame наклонилась надъ пяльцами и молча вышивала разноцвѣтными шелками. Король сидѣлъ, подперевъ рукой голову съ видомъ загнаннаго человѣка, который сознаетъ, что не въ силахъ выйти изъ своего тяжелаго положенія. На низкомъ столикѣ лежала бумага, перо и чернила. Это было приказаніе объ отмѣнѣ Нантскаго эдикта, нуждавшееся только въ подписи короля для того, чтобы войти въ законную силу.

— Итакъ, отецъ мой, вы полагаете, что если я уничтожу эту ересь, то могу надѣяться на спасеніе на томъ свѣтѣ?—спросилъ король.

— Вы заслужите награду

— И вы думаете это, г. архіепископъ?

— Конечно, ваше величество.

— А вы, аббатъ дю-Шайла?

Худой священникъ заговорилъ въ первый разъ; слабая краска показалась на его щекахъ, похожихъ на щеки мертвеца, а впалые глаза засверкли еще болѣе мрачнымъ свѣтомъ.

— Не знаю, спасетесь ли вы, ваше величество. Я думаю,

для этого нужно еще очень многое. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что будете осуждены, если не сдѣлаете этого.

Король въ гнѣвѣ привскочилъ на креслѣ и, нахмурясь, взглянулъ на говорившаго.

— Ваши слова нѣсколько рѣзки для моего непривычнаго слуха,—замѣтилъ онъ.

— Было бы жестоко оставить васъ въ сомнѣніи въ подобнаго рода вопросѣ. Повторяю, судьба вашей души виситъ на вѣсахъ. Ересь—смертельный грѣхъ. По одному вашему слову тысячи еретиковъ обратились бы къ господствующей церкви. Поэтому тысячи смертныхъ грѣховъ на вашей душѣ. На что же она можетъ надѣяться, если вы не искупите ихъ?

— Мой отецъ и дѣдъ терпѣлъ ихъ.

— И вашъ отецъ и дѣдъ—если только Богъ не оказалъ имъ особой милости—горятъ теперь въ аду.

— Дерзкій!—крикнулъ король, вскакивая со своего мѣста.

— Государь, я сказалъ бы то, что считаю истиной, будь Вы пятьдесятъ разъ король. Что для меня какой-бы то ни былъ человѣкъ, когда я говорю о царѣ царей? Взгляните, неужели человѣкъ, такъ изуродованный, побоится свидѣтельствовать истину.

Внезапнымъ движеніемъ онъ откинулъ длинные рукава рясы и вытянулъ свои бѣлыя, худыя руки, кости которыхъ были сломаны и изуродованы такъ, что приняли какой-то фантастическій видъ. Даже Лувуа, бездушный придворный, и оба духовныхъ вздрогнули при видѣ этихъ ужасныхъ рукъ. Аббатъ поднялъ руки и возвелъ глаза къ небу.

— И прежде небо избирало меня для свидѣтельствованія объ истинѣ,—сказалъ онъ.—Я услышалъ, что для поддержанія молодой сіамской церкви нужна кровь, и я отправился въ Сіамъ. Они распяли меня, вывихнули и сломали мнѣ кости. Меня бросили, считая мертвымъ, но Богъ вновь вдохнулъ въ меня жизнь, чтобы я помогъ великому дѣлу возрожденія Франціи.

— Вынесенныя вами страданія, отецъ мой, даютъ вамъ полное право и на церковь, и на меня, ея сына и покровителя,—сказалъ Людовикъ, садясь на мѣсто.—Что же вы посовѣтуете относительно тѣхъ гугенотовъ, которые не хотятъ мѣнять своей вѣры, отецъ мой?

— Они перемѣнятъ ее,—вскрикнулъ дю-Шайла съ улыбкой на мертвенно блѣдномъ лицѣ.—Они должны покориться, иначе ихъ слѣдуетъ сломить. Что за бѣда, если они будутъ

истерты въ порошокъ, разъ можно будетъ основать въ странѣ единую церковь?

Его впалые глаза горѣли свирѣпостью; въ бѣшеномъ гнѣвѣ онъ потрясалъ въ воздухѣ своей костлявой рукой.

— Значитъ, жестокости, которыя вамъ пришлось испытать, не сдѣлали васъ болѣе сострадательнымъ къ людямъ?

— Сострадательнымъ! Къ еретикамъ! Нѣтъ, государь, личныя мои страданія показали мнѣ все ничтожество тѣлесной жизни и научили, что истинное милосердіе къ человѣку состоитъ въ томъ, чтобъ уловить его душу, подвергая всякому риску его поганое тѣло. Я взялъ бы эти гугенотскія души, ваше величество, даже въ томъ случаѣ, если бы для этого мнѣ пришлось обратить Францію въ пустыню.

Безстрашныя слова священника, полныя пылкаго убѣжденія, очевидно, произвели сильное впечатлѣніе на Людовика. Онъ глубоко задумался и нѣсколько времени сидѣлъ молча, опустивъ голову на руку.

— Ваше величество,—тихо проговорилъ отецъ Лашезъ,—едва ли понадобятся тѣ крутыя мѣры, о которыхъ упоминалъ достойный аббатъ. Какъ я уже говорилъ вамъ, васъ такъ любятъ въ вашей странѣ, что одного только сообщенія о вашей волѣ въ этомъ вопросѣ будетъ достаточно, чтобы заставить ихъ обратиться въ истинную вѣру.

— Желалъ бы думать такъ, очень бы желалъ, отецъ мой. Но что это?

Въ полуотворенную дверь выглянулъ камердинеръ

— Здѣсь капитанъ де-Катина; онъ желаетъ немедленно видѣть ваше величество

— Попросите капитана войти. Ахъ! — Казалось королю пришла въ голову счастливая мысль.—Посмотримъ, какое значеніе любовь ко мнѣ будетъ играть въ этомъ вопросѣ. Если эта любовь и существуетъ гдѣ-нибудь, то навѣрно среди моихъ тѣлохранителей

Гвардеецъ только-что вернулся изъ своей дальней поѣздки. Оставивъ Амоса Грина съ лошадьми, весь въ пыли и грязи, онъ явился сейчасъ же, чтобы дать отчетъ королю. Войдя въ комнату, онъ остановился со спокойнымъ видомъ человѣка привыкшаго къ подобнымъ сценамъ, и отдалъ честь.

— Какія вѣсти, капитанъ?

— Маіоръ де-Бриссакъ просилъ меня передать вашему ве-

личеству, что онъ занялъ замокъ Портилльякъ, что дама въ безопасности, а мужъ ея арестованъ.

Людовикъ и жена его быстро переглянулись съ видимымъ облегченіемъ.

— Это хорошо,—сказалъ король.—Между прочимъ, капитанъ, въ послѣднее время вы исполнили много моихъ порученій и всегда успѣшно. Я слышалъ, Лувуа, что Деласаль умеръ отъ оспы.

— Онъ умеръ вчера, ваше величество.

— Тогда я приказываю вамъ назначить г. де-Катина на освободившуюся вакансію маіора. Позвольте мнѣ первымъ поздравить васъ, маіоръ, хотя вамъ и придется перемѣнить голубой мундиръ на сѣрый мундиръ мушкатеровъ. Какъ видите, мы не желаемъ разставаться съ вами.

Де-Катина поцѣловалъ протянутую ему руку короля.

— Дай Богъ мнѣ быть достойнымъ оказываемой вами мнѣ милости, ваше величество!

— Вѣдь вы сдѣлали все, что можно, чтобъ услужить мнѣ, не такъ ли?

— Моя жизнь принадлежитъ вамъ, ваше величество.

— Очень хорошо. Тогда я испытаю вашу вѣрность.

— Я готовъ на всякое испытаніе.

— Оно не будетъ очень суровымъ. Видите эту бумагу на столѣ. Это приказъ, чтобы всѣ гугеноты въ моихъ владѣніяхъ отказались отъ своихъ заблужденій подъ страхомъ изгнанія или заточенія. Я знаю, что многіе изъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ виновны въ этихъ заблужденіяхъ, но я увѣренъ, что они отрекутся отъ нихъ, лишь только узнаютъ мое ясно выраженное желаніе, чтобы они сдѣлали это. Я былъ бы очень радъ, если бы мое предположеніе оказалось вѣрнымъ, потому что мнѣ было бы тяжело употреблять силу противъ всякаго, кто носитъ имя француза. Вы слышите меня?

— Да, ваше величество.

Молодой человѣкъ страшно поблѣднѣлъ. Онъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, и то сжимая, то разжимая руки. Много разъ ему приходилось стоять лицомъ къ лицу со смертью, но ни разу онъ не испытывалъ такого тяжелаго чувства на сердцѣ, какъ въ данную минуту.

— Вы сами—гугенотъ, насколько я знаю. Поэтому, на васъ первыхъ я хочу видѣтъ результатъ этой мѣры. Дайте намъ услышать изъ вашихъ устъ, что, по крайней мѣрѣ, вы готовы

послѣдовать за вашимъ королемъ въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ.

Молодой гвардеецъ колебался, хотя его сомнѣнія касались скорѣе формы отвѣта, чѣмъ его содержанія. Онъ почувствовалъ, что въ одно мгновеніе фортуна уничтожила всѣ дары, которыми она осыпала его въ прежнее время. Король поднялъ брови и нетерпѣливо барабанилъ пальцами, смотря на опущенное лицо и печальную осанку молодого человѣка.

— Къ чему столько размышленій?—крикнулъ онъ.—Вы человѣкъ, котораго я возвысилъ и возвышу еще болѣе. Тотъ, кто носитъ въ тридцать лѣтъ эполеты маіора, къ пятидесяти можетъ достичь до маршальскаго жезла. Ваше прошлое принадлежитъ мнѣ, то же можно сказать и про будущее. Развѣ у васъ есть какія-нибудь иныя надежды?

— Никакихъ, помимо вашей службы, ваше величество.

— Такъ почему же вы молчите? Почему вы не соглашаетесь на мое требованіе?

— Не могу, ваше величество.

— Не можете?

— Это невозможно. Я потерялъ бы душевный покой, всякое уваженіе къ себѣ, если бы зналъ, что ради положенія или богатства измѣнилъ вѣрѣ своихъ отцовъ.

— Вы съ ума сошли, мой милый! Съ одной стороны все, чего можетъ желать человѣкъ, а что съ другой?

— Моя честь.

— А развѣ принять мою религію значитъ стать безчестнымъ?

— Съ моей стороны было бы безчестно принять религію, въ которую я не вѣрю, только ради выгодъ.

— Такъ увѣруйте!

— Увы, ваше величество, человѣкъ не можетъ заставить себя вѣрить. Вѣра должна снизойти на него, а не онъ идти къ ней.

— Право, отецъ мой, — проговорилъ Людовикъ съ горькой усмѣшкой, обращаясь къ своему духовнику-іезуиту,—мнѣ придется набрать кадетъ изъ вашей семинаріи, такъ какъ мои офицеры оказываются казуистами и теологами. Итакъ, въ послѣдній разъ, вы отказываетесь исполнить мое требованіе?

— О, ваше величество...

Де-Катина сдѣлалъ шагъ впередъ, съ протянутыми руками, со слезами на глазахъ.

Но король остановилъ его жестомъ.

— Мнѣ не нужно никакихъ увѣреній,—сказалъ онъ.—Я сужу человѣка по его поступкамъ. Отрекаетесь вы или нѣтъ?

— Не могу, ваше величество.

— Видите, — сказалъ Людовикъ, снова оборачиваясь къ іезуиту,—это не такъ легко, какъ вы думали.

— Дѣйствительно, этотъ человѣкъ упрямъ, но другіе будутъ уступчивы.

Король покачалъ головой.

— Хотѣлъ бы я знать, какъ поступить, — сказалъ онъ. — Madame, я знаю, что вы всегда даете мнѣ самые лучшіе совѣты. Вы слышали все, что говорилось здѣсь. Что вы посовѣтуете?

Она продолжала сидѣть съ глазами, устремленными на вышиваніе, но голосъ ея былъ твердъ и ясенъ, когда она отвѣтила:

— Вы сами сказали, что вы старшій сынъ церкви. Если старшій сынъ покинетъ ее, то кто будетъ исполнять ея велѣнія? И въ томъ, что говоритъ святой аббатъ, есть правда. Вы можете погубить свою душу, прощая эту грѣховную ересь. Она растетъ и процвѣтаетъ, и если не вырвать ее съ корнемъ теперь, то плевелы могутъ заглушить пшеницу.

— Въ настоящее время,—сказалъ Боссюэтъ,—во Франціи есть цѣлыя области, гдѣ, путешествуя цѣлый день, не встрѣтишь ни одной церкви и гдѣ всѣ обитатели, отъ вельможъ до крестьянъ, принадлежатъ къ этой проклятой вѣрѣ. Такъ, напр., въ Севеннахъ, гдѣ народъ такъ же дикъ и суровъ, какъ его родныя горы. Да сохранитъ Богъ священниковъ, которымъ придется уговаривать тамошнихъ жителей бросить ихъ заблужденія.

— Кого мнѣ послать на такое опасное дѣло? — спросилъ Людовикъ.

Аббатъ дю-Шайля упалъ на колѣни, простирая свои обезображенныя руки.

— Пошлите меня, государь! Меня! — кричалъ онъ. — Я никогда не просилъ у васъ никакихъ милостей и не буду просить еще чего-нибудь. Но я тотъ человѣкъ, который можетъ сломить этихъ людей. Пошлите меня съ порученіемъ къ жителямъ Севеннъ.

— Боже, помоги жителямъ Севеннъ! — пробормоталъ Людовикъ, смотря со смѣшаннымъ чувствомъ уваженія и отвращенія на изнуренное лицо и свирѣпые глаза, фанати-

ка.—Очень хорошо, аббатъ,—проговорилъ онъ вслухъ, — вы отправитесь въ Севенны.

Можетъ-быть, на одно мгновеніе суроваго священника охватило какъ бы предчувствіе того ужаснаго утра, когда онъ спрятался въ углу своего горящаго дома, при видѣ направленныхъ на него кинжаловъ въ рукахъ. Онъ закрылъ лицо руками и дрожь пробѣжала по его худому тѣлу. Но онъ сейчасъ же всталъ съ колѣнъ и, сложивъ руки, принялъ прежнюю спокойную позу. Людовикъ взялъ со стола перо и пододвинулъ къ себѣ бумагу.

— Итакъ всѣ вы даете мнѣ одинъ и тотъ же совѣтъ, — сказалъ онъ, — вы, епископъ, вы, отецъ мой, вы, madame, и вы, Лувуа. Ну, если изъ этого выйдетъ зло, пусть оно не падетъ на меня! Но что это?

Де-Катина выступилъ впередъ съ вытянутой рукой. Его горячая, порывистая натура внезапно перешла границы осторожности. Передъ нимъ словно промелькнула безчисленная вереница мужчинъ, женщинъ и дѣтей одной съ нимъ вѣры. Всѣ они не были въ состояніи защитить себя ни единымъ словомъ, и всѣ смотрѣли на него, какъ на своего защитника и оратора. Пока все шло хорошо, онъ мало думалъ о подобныхъ вопросахъ, но теперь, когда надвигалась опасность, болѣе глубокая сторона его натуры была затронута, и онъ почувствовалъ, какъ мало значили жизнь и счастье въ сравненіи съ великой вѣчной правдой....

— Не подписывайте этой бумаги, ваше величество, — крикнулъ онъ. — Вы доживете до того времени, когда станете жалѣть, что у васъ не отсохла рука, прежде чѣмъ она взялась за это перо. Я знаю это, государь; я увѣренъ въ этомъ. Вспомните о всѣхъ этихъ безпомощныхъ людяхъ — о маленькихъ дѣтяхъ, о молодыхъ дѣвушкахъ, о старикахъ и слабыхъ. Ихъ вѣра — сами они. Это все равно, что требовать, чтобы листья перемѣнили сучья, на которыхъ они растутъ. Они не могутъ перемѣнить вѣры. Самое большее, на что вы могли надѣяться — это обратить ихъ изъ честныхъ людей въ лицемѣровъ. А зачѣмъ вамъ это? Они почитаютъ васъ. Они любятъ васъ. Они никому не дѣлаютъ вреда. Они гордятся, что служатъ въ вашихъ арміяхъ, сражаются за васъ... Умоляю васъ, государь, хорошенько подумать прежде чѣмъ подписать приказъ, который принесетъ несчастіе и отчаяніе столь многимъ.

На одно мгновеніе король поколебался, слушая короткія,

стрывистыя мольбы молодого воина, но лицо его снова приняло жестокое выраженіе, когда онъ вспомнилъ, какъ его личная просьба не подѣйствовала на этого молодого придворнаго щеголя.

— Религія французскаго короля должна быть религіей Франціи, — сказалъ онъ, — и если мои собственные гвардейцы противятся мнѣ такимъ образомъ, я долженъ найти другихъ, болѣе вѣрныхъ. Вакансія маіора мушкетеровъ должна быть отдана капитану де-Бельмонъ, Лувуа.

— Слушаю, ваше величество.

— Вакансію де-Катина можно передать лейтенанту Лабадуаеръ.

— Слушаю, ваше величество.

— А я не долженъ уже служить вамъ?

— Вы слишкомъ несговорчивы, чтобы служить мнѣ.

Де-Катина безпомощно опустилъ руки и голова его упала на грудь. Когда онъ понялъ гибель всѣхъ надеждъ своей жизни и жестокую несправедливость, съ которой обошлись съ нимъ, онъ испустилъ громкій, отчаянный крикъ и бросился изъ комнаты. Горячія слезы безсильнаго гнѣва текли по его щекамъ. Въ такомъ видѣ съ растегнутымъ мундиромъ, со шляпой на боку, рыдая и жестикулирая, онъ влетѣлъ въ конюшню, гдѣ Амосъ Гринъ спокойно курилъ трубку, наблюдая критическимъ взглядомъ, какъ конюхи ухаживали за лошадьми.

— Что случилось, чортъ возьми! — спросилъ онъ, вынимая трубку изо рта, откуда вылетали клубы голубого дыма.

— Эта шпага, — кричалъ французъ... — я не имѣю болѣе права носить ее! Я сломаю ее!

— Ну, и я сломаю свой ножъ, если это можетъ облегчить васъ.

— Прочь и это! — продолжалъ кричать де-Катина, срывая серебряные эполеты.

— Ну, въ этомъ отношеніи вы перещеголяли меня, такъ какъ ихъ у меня никогда и не было. Но скажите мнѣ, въ чемъ дѣло, нельзя ли помочь ему

— Въ Парижъ! Въ Парижъ! — кричалъ, какъ бѣшеный, де-Катина. — Я погибъ, но, можетъ-быть, еще успѣю спасти ихъ. Скорѣе лошадей!

Американецъ ясно видѣлъ, что случилась какая-то неожиданная бѣда, поэтому онъ сталъ помогать другу, и съ помощью конюховъ они осѣдлали лошадей.

Черезъ пять минутъ оба уже летѣли по дорогѣ, а менѣе чѣмъ черезъ часъ, покрытыя пѣной и еле державшіяся на ногахъ лошади остановились у высокаго дома въ улицѣ Св. Мартина. Де-Катина выпрыгнулъ изъ сѣдла и стремительно вбѣжалъ на лѣстницу. Амосъ Гринъ шелъ за нимъ своей спокойной походкой.

Старый гугенотъ и его прекрасная дочь сидѣли по одну сторону большого камина; рука Адели лежала въ рукѣ ея отца. Оба вскочили съ мѣста; молодая дѣвушка съ крикомъ радости бросилась въ объятія своего возлюбленнаго, а старикъ схватилъ руку, которую протянулъ его племянникъ.

По другую сторону камина, съ очень длинной трубкой во рту и чашей вина, стоявшей рядомъ съ нимъ на скамьѣ, сидѣлъ страннаго вида человѣкъ съ сѣдыми волосами и бородой, съ большимъ мясистымъ краснымъ носомъ и маленькими сѣрыми глазами, сверкавшими изъ-подъ нахмуренныхъ густыхъ бровей. Его худое длинное лицо было испещрено морщинами, особенно у уголковъ глазъ, гдѣ онѣ расходились вѣеромъ во всѣ стороны, и совершенно неподвижно, а такъ какъ цвѣтъ его былъ темноорѣховый, то оно походило на странную фигуру на носу корабля, высѣченную изъ грубаго дерева. Одѣтъ онъ былъ въ синюю саржевую куртку въ красные штаны, выпачканные на колѣняхъ дегтемъ, чистые сѣрые шерстяные чулки, грубые сапоги съ четырехугольными носками и большими стальными пряжками. Рядомъ съ нимъ на толстой дубовой дубинѣ колыхалась сильно пострадавшая отъ непогоды шляпа, обшитая серебрянымъ галуномъ. Сѣдые волосы были собраны назадъ въ короткую, жесткую косу, а на поношенномъ кожаномъ поясѣ висѣлъ ножъ съ мѣдной рукояткой.

Де-Катина былъ слишкомъ занятъ, чтобъ обратить вниманіе на эту странную личность, но Амосъ Гринъ съ радостнымъ крикомъ бросился къ старику, деревянное лицо котораго смягчилось настолько, что показались два испачканныхъ табакомъ клыка. Не вставая съ мѣста, незнакомецъ протянулъ Грину большую красную руку, величиной и формой напоминавшую добрую лопату.

— Ну, капитанъ Эфраимъ, — заговорилъ Амосъ по-англійски, — вотъ ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь! Де-Катина, это мой старый другъ Эфраимъ Савэджъ, которому поручилъ меня отецъ.

— Якорь на подъемѣ, парень, и люки закрыты, — сказалъ

чужестранецъ тѣмъ особеннымъ протяжнымъ тономъ, который жители Новой Англіи унаслѣдовали отъ своихъ предковъ, англійскихъ пуританъ.

— Когда вы отправляетесь?

— Какъ только вы вступите на палубу, если Провидѣніе пошлетъ намъ благопріятный вѣтеръ и приливъ... Ну, какъ ты поживалъ здѣсь, Амосъ?

— Очень хорошо. Мнѣ есть многое что поразсказать вамъ.

— Надѣюсь, что ты держался въ сторонѣ отъ всякой папистской чертовщины?

— Да, да, Эфраимъ. Но что съ вами?

Сѣдые волосы встали отъ ярости дыбомъ, а маленькіе сѣрые глаза засверкали изъ-подъ густыхъ бровей.

Амосъ взглянулъ по направленію, куда были устремлены эти глаза и увидѣлъ, что де-Катина сидѣлъ, обнявъ Адель, а она положила ему на плечо голову.

— Ахъ, если бы я только зналъ ихъ языкъ! Видано ли когда-либо подобное зрѣлище! Амосъ, мой мальчикъ, какъ будетъ по-французски «безстыдница?».

— Ну, ну, Эфраимъ. Право, такое зрѣлище можно видѣть и у насъ за морями и дурного тутъ ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, Амосъ, этого никогда не увидишь въ богобоязненной странѣ.

— Ну, вотъ! Видѣлъ я, какъ ухаживаютъ въ Нью-Іоркѣ!

— Ахъ, Нью-Іоркъ! Я говорилъ о богобоязненной странѣ. Я не могу отвѣчать за Нью-Іоркъ или Виргинію. Къ югу отъ мыса Кодъ или отъ Ньюгавена нельзя сказать, что сдѣлаютъ люди. Знаю только, что въ Бостонѣ, Салемѣ или Плимутѣ сидѣть бы ей въ смирительномъ домѣ, а ему въ колодѣ за гораздо меньшее. Ахъ!

Онъ покачалъ головой и, сдвинувъ брови, посмотрѣлъ на преступную парочку.

Но молодые люди и ихъ старый родственникъ были слишкомъ заняты своими дѣлами, чтобы думать о пуританинѣ-морякѣ. Де-Катина разсказалъ все въ отрывистыхъ, горькихъ словахъ про оказанную ему несправедливость, лишеніе должности, про погибель, ожидавшую гугенотовъ. Адель, съ ангельскимъ инстинктомъ женщины, думала только о своемъ возлюбленномъ и поразившемъ его несчастіи, но старый купецъ вскочилъ, когда услышалъ объ отмѣнѣ эдикта, и дрожа, съ изумленіемъ оглядывался вокругъ.

— Что мнѣ дѣлать?—крикнулъ онъ.—Что дѣлать мнѣ? Я слишкомъ старъ, чтобъ начать жизнь сызнова.

— Не бойтесь, дядя,—ласково проговорилъ де-Катина.—Есть другія страны, кромѣ Франціи.

— Но не для меня. Нѣтъ, нѣтъ; я слишкомъ старъ. Боже, тяжела Твоя десница на рабахъ твоихъ! Вотъ изливается чаша бѣдствій и низвергается святилище Твое. Ахъ, что мнѣ дѣлать, куда обратиться?

Въ волненіи онъ ломалъ себѣ руки.

— Что такое случилось, Амосъ? — спросилъ морякъ. — Хотя я ничего не понимаю изъ того, что онъ говоритъ, но вижу, что онъ выкидываетъ сигналъ бѣдствія.

— Онъ и его родные должны покинуть свою страну, Эфраимъ.

— А почему?

— Потому что они протестанты. а король хочетъ уничтожить ихъ вѣру.

Въ одно мгновеніе Эфраимъ Савэджъ очутился на другомъ концѣ комнаты и сжалъ худую руку стараго купца въ своемъ громадномъ, узловатомъ кулакѣ. Въ этомъ сильномъ пожатіи и въ выраженіи суроваго лица было столько братской симпатіи, что никакія слова не могли бы болѣе ободрить старика.

— Какъ?—спросилъ онъ, оглядываясь черезъ плечо.—Скажи этому человѣку, что мы поможемъ ему. Скажи ему, что у насъ такая страна, къ которой онъ подойдетъ какъ втулка къ боченку. Скажи ему, что у насъ всѣ религіи свободны, а католиковъ нѣтъ ближе, чѣмъ въ Балтиморѣ да у капуцитовъ въ Пенебскотѣ. Скажи ему, что если онъ желаетъ ѣхать—«Золотой Жезлъ» ждетъ съ якоремъ наготовѣ и полнымъ грузомъ. Скажи ему, что хочешь, лишь бы только онъ поѣхалъ съ нами.

— Тогда мы должны ѣхать сейчасъ же,—сказалъ де-Катина, слушая сердечное приглашеніе, передаваемое его дядѣ.—Сегодня будетъ отданъ приказъ и завтра можетъ быть поздно.

— Но моя торговля!—крикнулъ купецъ.

— Захватите всѣ цѣнности, какія можете, а остальное оставьте. Лучше потерять часть, чѣмъ все, да на придачу и свободу.

Наконецъ, все было устроено. Въ тотъ же вечеръ, за

пять минутъ до закрытія городскихъ воротъ, изъ Парижа выѣхало пять человѣкъ; трое изъ нихъ были верхомъ, а двое ѣхали въ каретѣ, на верхушкѣ которой стояло нѣсколько тяжелыхъ сундуковъ. То были первые листья, несущіеся передъ ураганомъ, первые изъ того множества людей, которые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наводнили всѣ дороги изъ Франціи. Часто путешествіе ихъ заканчивалось галерами, тюрьмой и комнатой для пытокъ; однако черезъ границу выливалось множество людей, достаточное для того, чтобъ измѣнить промышленность и характеръ всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Подобно древнимъ израильтянамъ они были изгнаны изъ своихъ домовъ по повелѣнію разгнѣваннаго короля, который, изгоняя ихъ, въ то же время ставилъ всевозможныя препятствія къ ихъ выѣзду. Подобно тѣмъ же израильтянамъ никто изъ нихъ не могъ надѣяться достигнуть обѣтованной земли иначе какъ послѣ тяжелыхъ странствованій, безъ денегъ, безъ друзей, среди лишеній. Многое остается еще неизвѣстнымъ о приключеніяхъ, обо опасностяхъ, встрѣчавшихся на пути этихъ пилигримовъ въ Швейцаріи, на Рейнѣ, среди Валлоновъ, въ Англіи, въ Ирландіи, въ Берлинѣ и даже въ далекой Россіи. Но мы можемъ послѣдовать по крайней мѣрѣ за одной группой этихъ эмигрантовъ въ ихъ полномъ приключеній путешествіи и посмотрѣть, что случилось съ ними на большомъ континентѣ, такъ долго бывшемъ пустынномъ, на которомъ въ данное время росли только отдѣльныя былинки человѣчества. но предназначенномъ къ быстрому и пышному расцвѣту жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВЫЙ СВѢТЪ.

XXIV. Отплытіе „Золотого Жезла“.

Благодаря своевременному извѣщенію гвардейца, маленькое общество уѣхало изъ Парижа раньше, чѣмъ сталъ извѣстенъ приказъ короля. Проѣзжая рано утромъ черезъ деревню Лувье, они увидѣли на навозной кучѣ обнаженный трупъ. Часовой, усмѣхаясь, сказалъ имъ, что это тѣло гугенота, который умеръ нераскаяннымъ, что это дѣло довольно обычное и не указываетъ на какое-либо измѣненіе закона. Въ Руанѣ все было спокойно. Капитанъ Эфраимъ Савэждъ перевезъ до вечера бѣглецовъ и все спасенное ими имущество на свою бригантину «Золотой Жезлъ». Это было маленькое судно, около семидесяти тоннъ, но и въ то время, когда многіе уѣзжали въ море въ открытыхъ лодкахъ, предпочитая гнѣвъ стихіи гнѣву короля, оно казалось настоящимъ убѣжищемъ. Въ ту же ночь капитанъ поднялъ якорь и судно медленно поплыло внизъ по теченію извилистой рѣки.

«Золотой Жезлъ» двигался дѣйствительно очень медленно. На небѣ показался молодой мѣсяцъ, съ востока дулъ легкій вѣтерокъ; рѣка такъ извивалась, постоянно мѣняя русло, что иногда казалось, что судно идетъ верхъ по теченію вмѣсто того, чтобы идти внизъ. Въ длинныхъ плесахъ ставили паруса и судно неслось, но часто приходилось спускать двѣ лодки и съ трудомъ подвигать бригантину съ помощью веселъ. Этимъ обыкновенно занимались шкиперъ Томлинсонъ изъ Салема и шесть серьезныхъ, вѣчно жевавшихъ табакъ, новоанглійскихъ моряковъ въ широкополыхъ шляпахъ. Приходилось грести Амосу Грину, де-Катина и даже старому

купцу, когда морякамъ нужно было справляться съ парусами. Наконецъ, на разсвѣтѣ рѣка стала шире и берега разступились, образуя воронкообразный лиманъ. Эфраимъ съ наслажденіемъ втягивалъ въ себя воздухъ, ходя быстрыми шагами по палубѣ. Его проницательные сѣрые глаза блестѣли отъ удовольствія.

— Гдѣ дѣвушка?—спросилъ онъ.

— Она въ моей каютѣ,—отвѣтилъ Амосъ Гринъ.—Я думаю, она можетъ остаться тамъ, пока мы пріѣдемъ домой.

— А гдѣ же вы будете спать?

— Ну вотъ, сколько лѣтъ я довольствовался кучей еловыхъ вѣтокъ и березовой коры. Чего лучше этой палубы изъ бѣлой чистой сосны и моего одѣяла.

— Очень хорошо. Старикъ и его племянникъ въ голубомъ мундирѣ могутъ занять двѣ пустыхъ койки. Но, Амосъ, ты долженъ поговорить съ этимъ малымъ. Я не хочу, чтобы у меня на кораблѣ завелись всякія шуры-муры... нѣжничанья, обниманья. Скажи ему, что этотъ корабль часть Бостона и ему придется мириться съ бостонскими обычаями, пока онъ не сойдетъ на берегъ. Эти обычаи хороши и для людей получше его. Какъ сказать «шуры-муры» по-французски? Я уже сумѣю поговорить съ нимъ.

— Жаль, что мы уѣхали такъ скоро, а то они могли бы повѣнчаться до отъѣзда. Она хорошая дѣвушка, Эфраимъ, и онъ также славный малый, несмотря на то, что ихъ обычаи не похожи на наши. Они, кажется, относятся къ жизни не такъ сурово, какъ мы, и можетъ-быть, извлекаютъ изъ нея больше удовольствія.

— Никогда не слыхалъ, что жизнь дана намъ для того, чтобъ извлекать изъ нея удовольствіе,—сказалъ покачивая головой старый пуританинъ.—«Долина Смерти», какъ мнѣ кажется, названіе, не подходящее къ площадкѣ для игръ. Жизнь—это мѣсто испытаній и умерщвленіе плоти; вотъ что такое она; она полна горечи и несправедливостей! Мы дурны съ самаго начала, какъ рѣка, вытекающая изъ смраднаго болота, и намъ достаточно дѣла, чтобы стать на путь истинный, не говоря объ удовольствіяхъ.

— Мнѣ кажется, на свѣтѣ все смѣшано между собой,—отвѣтилъ Амосъ.—Посмотрите на это солнце, еле виднѣющееся изъ-за деревьевъ, взгляните на розовый отблескъ облаковъ, на рѣку, извивающуюся, словно розовая лента, позади

насъ. Все это такъ красиво, такъ пріятно дѣйствуетъ на наше зрѣніе и не было бы прекраснымъ, если бы этого не желалъ Творецъ. Много разъ, когда я лежалъ въ лѣсу, куря трубку, и чувствовалъ, какъ хорошъ табакъ, какъ красивы желтые клены, пурпуровые ясени, выдѣляющіеся своими яркими красками среди кустарниковъ, я почувствовалъ, что глупъ тотъ человѣкъ, который можетъ сомнѣваться, что все это создано не для того, чтобы сдѣлать насъ счастливѣе.

— Слишкомъ ты много раздумывалъ въ этихъ лѣсахъ,— сказалъ Эфраимъ Савэджъ, взглядывая съ безпокойствомъ на Грина.—Смотри, парень, не поставь паруса слишкомъ большого для твоего судна и не довѣряй слишкомъ много своему разуму. Ты происходишь отъ предковъ, которые отрясли прахъ Англіи отъ ногъ своихъ, чтобы не поклониться Ваалу. Думай только о томъ, что дѣлается вокругъ тебя, и не залетай далеко. Но что это со старикомъ? Ему, кажется, не по себѣ.

Старый купецъ, перегнувшись черезъ поручни, съ печальнымъ лицомъ смотрѣлъ усталыми глазами на красный извилистый слѣдъ, отмѣчавшій дорогу въ Парижъ. Адель поднялась на палубу и, не думая о предстоявшихъ ей тревогахъ и опасностяхъ, согрѣвала худыя холодныя руки старика, нашептывая ему слова любви и утѣшенія. Они доплыли до того мѣста, гдѣ въ тихой до тѣхъ поръ рѣкѣ начиналъ чувствоваться прибой. Старикъ съ ужасомъ смотрѣлъ на бушпритъ, медленно подымавшійся въ воздухѣ и отчаянно хватался за поручни, словно исчезавшія изъ-подъ его рукъ.

— Мы всегда въ руцѣ Божіей,—шепталъ онъ,—но, Адель, какъ ужасно чувствовать, что Его пальцы движутся надъ нами!

— Пойдемте со мной, дядя,—сказалъ де-Катина, беря старика подъ руку,—вы не отдыхали уже давно. Прошу тебя, Адель, пойди спать, моя дорогая. Путь былъ такъ утомителенъ. Пожалуйста, идите спать, а когда проснетесь—и Франція, и всѣ ваши тревоги будутъ уже далеко.

Когда отецъ и дочь ушли съ палубы, де-Катина подошелъ къ Амосу Грину и капитану.

— Я радъ, что мнѣ удалось уговорить ихъ сойти внизъ, Амосъ,—сказалъ онъ;—боюсь, что намъ предстоятъ еще тревоги.

— Что именно?

— Видите бѣлую дорогу, идущую по южному берегу рѣки? За послѣдніе полчаса я два раза видѣлъ на ней всадниковъ, мчавшихся, словно спасаясь отъ погони. Видите тамъ колокольни и дымъ... это Гонфлеръ и эти люди скакали туда. Только гонцы короля могутъ скакать такъ бѣшено въ такой часъ. О, взгляните, вотъ и третій!

На бѣлой полосѣ, извивавшейся среди зеленыхъ луговъ, виднѣлось темное пятно, двигавшееся чрезвычайно быстро. Оно исчезло за группой деревьевъ и снова появилось, направляясь къ далекому городу. Капитанъ Савэджъ вынулъ зрительную трубу и посмотрѣлъ на всадника.

— Э, э,—сказалъ онъ, пряча трубу.—Это солдатъ. Я вижу блескъ ноженъ, которыя висятъ у него съ бакборда. Думаю, что вѣтеръ окрѣпнетъ. Съ хорошимъ вѣтромъ мы скоро покажемъ пятки Франціи, а теперь галера или военное судно можетъ быстро догнать насъ.

Де-Катина, плохо говорившій по-англійски, научился понимать этотъ языкъ въ Америкѣ и тревожно взглянулъ на Амоса Грина.

— Боюсь, что мы навлечемъ непріятности на добраго капитана,—сказалъ онъ,—и что въ награду за его гостепріимство онъ можетъ потерять и грузъ и судно. Спросите его, не пожелаетъ ли онъ высадить насъ на сѣверный берегъ. Съ помощью денегъ мы могли бы пробраться въ Нидерланды.

Эфраимъ Савэджъ посмотрѣлъ на своего пассажира нѣсколько смягчившимся взглядомъ.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—я вижу, что вы нѣсколько понимаете мой разговоръ. Говорю вамъ, меня трудно напугать. Всякій, кто плавалъ со мной, скажетъ вамъ это. Я только крѣпче стисну руль и держу мой курсъ, пока дозволитъ Богъ. Понимаете?

Де-Катина утвердительно кивнулъ головой, хотя, по правдѣ сказать, онъ неособенно понялъ метафоры моряка.

— Мы подходимъ къ этому городу и минутъ черезъ десять узнаемъ, что ожидаетъ васъ. А пока я разскажу вамъ исторію, которая покажетъ вамъ съ какимъ человѣкомъ вамъ предстоитъ плавать. То, о чемъ я буду разсказывать, случилось десять лѣтъ тому назадъ, когда я плавалъ на «Speedwell», бригантинѣ въ шестьдесятъ тоннъ, между Бостономъ и Джэмстоуномъ; на югъ я возилъ лѣсной матеріалъ, звѣриныя шкуры и мѣха, а на сѣверъ табакъ и патоку. Однаж-

ды ночью, при довольно сильномъ вѣтрѣ съ юга, мы налетѣли на рифъ миляхъ въ двухъ къ востоку отъ мыса Май, пробили такую дыру во днѣ, словно насъ посадили на колокольню вотъ одной изъ этихъ Гонфлерскихъ церквей, и пошли ко дну. Хорошо. На слѣдующее утро я полощусь въ водѣ въ виду земли, держась за обломокъ реи, и не вижу ни товарищей, ни слѣда судна. Мнѣ не было очень холодно, такъ какъ стояла ранняя осень и я могъ высунуться изъ воды на три четверти туловища; но меня мучили голодъ и жажда и я чувствовалъ себя разбитымъ. Затянулъ я потуже поясъ, запѣлъ гимнъ и сталъ оглядываться вокругъ—не увижу ли чего-нибудь. Ну и увидѣлъ... нѣчто неособенно желанное. Въ пяти шагахъ отъ меня оказалась громадная рыба, величиной почти съ тотъ обломокъ реи, на которомъ я держался. Нечего сказать, очень пріятно болтать ногами въ водѣ, когда такое чудовище готово вцѣпиться тебѣ въ пятки!

— Mon Dieu!—вскрикнулъ де-Катина.—И оно не съѣло васъ!

Глазки Эфраима Савэджа заблестѣли при воспоминаніи.

— Я съѣлъ его!—сказалъ онъ.

— Что?—крикнулъ Амосъ Гринъ.

— Истинный фактъ. У меня въ карманѣ былъ складной ножъ—вотъ такой же, какъ этотъ—и я все время брыкался ногой, чтобы отогнать чудовище, пока не отпилилъ отъ реи большой кусокъ. Потомъ я его выстругалъ и заострилъ съ обѣихъ сторонъ, какъ научилъ меня одинъ негръ въ Делаварѣ. Потомъ я сталъ поджидать рыбу и пересталъ брыкаться, а она и бросилась на меня, какъ коршунъ на цыпленка. Только она повернулась брюхомъ вверхъ, я всунулъ лѣвую руку съ деревомъ прямо въ ея широко открытую пасть, а ножемъ давай ее угощать подъ жабры. Она пробовала было вырваться, но я держался крѣпко, хотя она и нырнула со мной такъ глубоко, что я думалъ, не вернуться мнѣ больше. Я почти задохся, когда мы выплыли на поверхности, но она плыла уже брюхомъ вверхъ. И на тѣлѣ у нея было дыръ двадцать. Тутъ я добрался до своей реи—мы проплыли подъ водой саженъ пятьдесятъ—и потерялъ сознаніе.

— А потомъ?

— Когда я очнулся, кругомъ все было тихо, а около меня колыхалась мертвая акула. Я подплылъ къ ней на моей реѣ, отмоталъ нѣсколько ярдовъ оснастки, сдѣлалъ изъ

нея мертвую петлю и затянулъ ею хвостъ акулы, а другой конецъ веревки привязалъ къ реѣ такъ, чтобы ее не могло унести. Потомъ я принялся за дѣло и въ продолженіи недѣли съѣлъ ее вплоть до спинного хребта. Пилъ я дождевую воду, которую собиралъ въ куртку, и когда меня подобрала «Грэси» изъ Глочестера, я былъ такъ толстъ, что еле могъ влѣзть на бортъ. Вотъ, мой милый, что хочетъ сказать Эфраимъ Савэджъ, говоря, что его не такъ-то легко напугать.

Пока морякъ-пуританинъ разсказывалъ свои воспоминанія, глаза его постоянно переходили съ неба на хлопавшіе паруса. Вѣтеръ налеталъ короткими порывами и паруса то надувались, то болтались. Однако на небѣ быстро проносились барашки. На нихъ-то и смотрѣлъ капитанъ съ видомъ человѣка, занятаго разрѣшеніемъ серьезной задачи. Корабль проходилъ теперь мимо Гонфлера на разстояніи полумили отъ города. Тамъ у берега толпилось много лодокъ и бриговъ, и цѣлая флотилія рыбачьихъ лодокъ съ темными парусами входила въ гавань. Но все было тихо на извилистой набережной и въ укрѣпленіи въ видѣ полумѣсяца, надъ которымъ развивался бѣлый флагъ съ золотыми лиліями. По мѣрѣ того, какъ свѣжѣлъ вѣтеръ, корабль удалялся все быстрѣе и быстрѣе и де-Катина сталъ уже считать свои подозрѣнія неосновательными, когда въ одно мгновеніе они снова возникли въ немъ съ еще большей силой.

Изъ-за мола вылетѣла большая темная лодка. Корма ея вспѣнивала воду, быстро разрѣзая ее носомъ съ десятью парами веселъ, поднимавшихся съ бортовъ. Изящный бѣлый флагъ спускался съ кормы, а солнце играло на тяжелой мѣдной коронадѣ *). Лодка была набита людьми и, судя по металлическому блеску ихъ одеждъ, вооруженными съ головы до ногъ. Капитанъ взглянулъ на нихъ въ подзорную трубу и свистнулъ. Потомъ онъ снова посмотрѣлъ на облака.

— Тридцать человѣкъ,—сказалъ онъ,—и дѣлаютъ по три узла на два нашихъ. Отправляйтесь-ка внизъ, сударь, а не то вашъ голубой мундиръ навлечетъ на насъ бѣду. Господь воззритъ на сыновъ своихъ, если только они воздержатся отъ безумія. Откройте люкъ, Томлинсонъ. Такъ! Гдѣ Джимъ Стертъ и Гирамъ Джефферсонъ? Пусть они станутъ у люка и захлопнутъ его, когда я свистну. Бакбордъ! Бакбордъ!

*) Старинное морское орудіе.

Держи сильнѣе! А вы, Амосъ и Томлинсонъ, идите сюда, я скажу вамъ словечко, другое.

Всѣ трое стали совѣщаться, стоя на ютѣ и смотря на преслѣдователей. Не было сомнѣнія, что вѣтеръ крѣпчалъ, онъ дулъ имъ сильно въ лицо, когда они оглядывались, но все же онъ не былъ достаточно силенъ, чтобы корабль могъ уйти отъ преслѣдовавшей его лодки, и она быстро догоняла его. Имъ были уже видны лица сидѣвшихъ на кормѣ солдатъ, а также и огонь зажженнаго фитиля въ рукѣ пушкаря.

— Эй! — крикнулъ офицеръ на превосходномъ англійскомъ языкѣ.—Поверните или мы будемъ стрѣлять.

— Кто вы и чего вамъ нужно?—отвѣчалъ Эфраимъ Саведжъ голосомъ, который можно было бы услышать на берегу.

— Мы посланы отъ имени короля за нѣкіими гугенотами изъ Парижа, сѣвшими на вашъ корабль въ Руанѣ.

— Бросай рею назадъ и стой!—крикнулъ капитанъ.— Опусти фалренъ и гляди въ оба! Такъ! Ну вотъ мы и готовы для встрѣчи!

Рея описала кругъ и корабль остановился, качаясь на волнахъ. Лодка пролетѣла вдоль него съ мѣдной пушкой, наведенной на бригантину. Отрядъ солдатъ держалъ ружья наготовѣ, чтобъ открыть огонь по первой командѣ. Они усмѣхнулись и пожали плечами, увидя на кормѣ своихъ непріятелей—трехъ безоружныхъ людей. Офицеръ, молодой, подвижный человѣкъ, съ усами торчавшими, словно у кошки, въ одно мгновеніе былъ уже на палубѣ корабля со шпагой наголо.

— Идите сюда, вы двое! — крикнулъ онъ. — Сержантъ, стойте здѣсь у фалрена. Бросьте вверхъ веревку, ее можно будетъ привязать къ этой стойкѣ. Не дремать тамъ внизу и быть готовыми открыть огонь! Вы пойдете со мной, капралъ Лемуанъ. Кто капитанъ этого корабля?

— Я, сударь,—смиренно отвѣтилъ Эфраимъ Савэджъ.

— У васъ съ собой три гугенота?

— Эге! Да развѣ они гугеноты? Я видѣлъ, что имъ очень хотѣлось уѣхать, но разъ они заплатили за проѣздъ, какое мнѣ дѣло, кто они. Старикъ, его дочь и молодой человѣкъ вашихъ лѣтъ, въ какой то ливреѣ.

— Въ мундирѣ, сударь. Въ мундирѣ королевской гвардіи. Это тѣ самые, которыхъ я ищу.

— Вы хотите забрать ихъ

— Непремѣнно.

— Бѣдные люди! Жаль мнѣ ихъ!

— Мнѣ самому жаль ихъ, но разъ отданъ приказъ, ничего не подѣлаешь.

— Совершенно вѣрно. Ну, старикъ спитъ на своей койкѣ. Дѣвушка внизу въ каютѣ; а тотъ спитъ въ трюмѣ, куда намъ пришлось помѣстить его, такъ какъ нѣтъ больше мѣста.

— Спитъ, говорите вы? Такъ намъ лучше всего накрыть его врасплохъ.

— А вы не побоитесь сдѣлать это одинъ? Правда, онъ безоруженъ, но малый рослый. Не позвать ли вамъ съ лодки человѣкъ двадцать?

Офицеръ и самъ подумывалъ объ этомъ, но замѣчаніе капитана задѣло его самолюбіе.

— Пойдемте со мной, капралъ,—сказалъ онъ.—Вы говорите, надо спуститься по этой лѣстницѣ?

— Да, по лѣстницѣ, а потомъ прямо. Онъ лежитъ между двумя тюками сукна.

Эфраимъ Савэджъ взглянулъ вверхъ и улыбка подернула уголки его строгаго рта. Теперь вѣтеръ свистѣлъ въ снастяхъ и мачтовыя штанги гудѣли, какъ струны арфы. Амосъ Гринъ стоялъ въ небрежной позѣ рядомъ съ французскимъ сержантомъ у конца веревочной лѣстницы, а шкиперъ Томлинсонъ, держа въ рукахъ шайку воды, обмѣнивался замѣчаніями на плохомъ французскомъ языкѣ съ командой лодки, находившейся подъ бортомъ, у котораго онъ стоялъ.

Офицеръ медленно спустился по лѣстницѣ, которая вела въ трюмъ; капралъ послѣдовалъ за нимъ и поровнялся грудью съ палубой, когда офицеръ былъ уже внизу. Можетъ-быть, что-нибудь въ выраженіи лица Эфраима Савэджа поразило молодого офицера или на него повліялъ окружавшій его мракъ, какъ бы то ни было, но внезапное подозрѣніе возникло въ его умѣ.

— Назадъ, капралъ! — крикнулъ онъ. — Я думаю, вамъ лучше быть наверху!

— А я думаю, что вамъ лучше внизу, другъ мой,— сказалъ пуританинъ, понявшій значеніе словъ офицера по его жесту. Надавивъ подошвой сапога на грудь капрала, онъ толкнулъ его такъ, что тотъ полетѣлъ вмѣстѣ съ лѣстницей внизъ на офицера. Капитанъ свистнулъ—и въ то же

мгновеніе люкъ захлопнулся и его закрѣпили по обѣ стороны желѣзными болтами.

Услышавъ этотъ шумъ, сержантъ обернулся, но Амосъ Гринъ, ожидавшій этого движенія, охватилъ его руками и выбросилъ за бортъ въ море. Въ одно мгновеніе перерубили соединительную веревку, передняя рея со скрипомъ заняла свое прежнее положеніе, а вылитая изъ шайки соленая вода окатила пушкаря и пушку, затушила фитиль и подмочила порохъ. Градъ пуль засвистѣлъ въ воздухѣ и забарабанилъ по обшивкѣ, но корабль качался на короткихъ волнахъ, и цѣлить въ него было невозможно, а пушкарь, какъ безумный, возился съ фитилемъ и зарядомъ. Лодка сбилась съ пути, а бригантина летѣла на всѣхъ парусахъ. Пафъ!—раздался наконецъ выстрѣлъ каронады и пять маленькихъ дырочекъ въ гротѣ показали, что зарядъ попалъ слишкомъ высоко. Второй выстрѣлъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ, а при третьемъ корабль былъ уже внѣ ея прицѣла, Черезъ полчаса отъ Гонфлерской сторожевой лодки видно было только темное пятно на горизонтѣ съ золотой искоркой на одномъ концѣ. Низменные берега все болѣе расходились, синяя полоса воды впереди становилась все шире, дымъ, подымавшійся надъ Гавромъ, казался небольшимъ облакомъ на сѣверномъ горизонтѣ, а капитанъ Эфраимъ Савэджъ расхаживалъ по палубѣ корабля со своимъ обыкновеннымъ суровымъ выраженіемъ лица, но въ его сѣрыхъ глазахъ сверкали веселые огоньки.

— Я зналъ, что Господь призритъ на людей Своихъ,— спокойно сказалъ онъ.—Теперь нашъ корабль на вѣрномъ пути и въ насъ не попадетъ ни комочка грязи отсюда до трехъ Бостонскихъ холмовъ. Въ послѣднее время ты пилъ слишкомъ много французскихъ винъ, Амосъ. Пойдемъ-ка выпьемъ настоящаго бостонскаго пива.

XXV. Лодка мертвецовъ.

Два дня «Золотой Жезлъ» простоялъ вблизи мыса Ла-Хагъ, въ виду бретонскаго берега, тянущагося вдоль всего южнаго горизонта. На морѣ стоялъ штиль. Но на третье утро поднялся сильный вѣтеръ и корабль сталъ быстро удаляться отъ земли, пока она не превратилась въ неясную полосу, сливающуюся съ облаками. На просторѣ океана,

чувствуя на щекахъ дыханіе вѣтра, а на губахъ вкусъ соленыхъ брызгъ, бѣглецы могли бы забыть всѣ свои горести и повѣрить, что они навсегда избавлены отъ усердія людей, строгое благочестіе которыхъ надѣлало болѣе вреда, чѣмъ могли бы причинить легкомысліе и злоба. Но и тутъ тревога не покидала ихъ.

— Я боюсь за отца, Амори,—сказала Адель разъ, когда они оба стояли передъ вантами, смотря назадъ на туманное облачко на горизонтѣ, обозначавшее то мѣсто, гдѣ была Франція, которую имъ не суждено было болѣе видѣть.

— Но вѣдь онъ внѣ всякой опасности.

— Да, онъ избѣгнулъ жестокости законовъ, но боюсь, что онъ не увидитъ обѣтованной земли.

— Что вы хотите сказать, Адель? Дядя бодръ и здоровъ.

— Ахъ, Амори, его сердце приросло къ улицѣ Св. Мартина и, когда его оторвали оттуда, то вырвали его жизнь. Парижъ и его дѣло было для него всѣмъ на свѣтѣ.

— Но онъ привыкнетъ къ этой новой жизни.

— Если бы могло быть такъ! Но я боюсь, сильно боюсь, что онъ слишкомъ старъ для такой перемѣны. Онъ не говоритъ ни слова жалобы. Но по его лицу я вижу, что онъ пораженъ въ самое сердце. Цѣлыми часами онъ смотритъ назадъ, туда, гдѣ осталась Франція, и по щекамъ его катятся тихія слезы. А какъ онъ посѣдѣлъ за эту недѣлю!

Де-Катина тоже замѣтилъ, что худощавый старый гугенотъ еще болѣе похудѣлъ. Морщины на его суровомъ лицѣ стали глубже, а голова склонилась на грудь. Несмотря на это, онъ хотѣлъ было высказать предположеніе, что путешествіе можетъ благотворно подѣйствовать на здоровье старика, какъ вдругъ Адель вскрикнула отъ удивленія и указала на что-то. Въ это мгновеніе со своими черными волосами, развѣвавшимися по вѣтру, съ румянцемъ на щекахъ, вызваннымъ на ея блѣдныя щеки брызгами соленой воды, съ полуоткрытыми отъ волненія губами, она была такъ прекрасна, что, стоя рядомъ съ ней, Катина забылъ все на свѣтѣ, кромѣ ея прелести и граціи.

— Смотрите!—крикнула она,—тамъ что-то плыветъ на морѣ! Я сейчасъ видѣла, на гребнѣ волны...

Онъ взглянулъ по тому направленію, по которому она указывала, но сначала ничего не замѣтилъ. Вѣтеръ попрежнему дулъ имъ въ спину и на морѣ ходили большія волны, крас-

выя, темнозеленаго цвѣта съ бѣлыми гребнями. По временамъ вѣтеръ подхватывалъ эти пѣнистые гребни и они сильнымъ всплескомъ взлетали на палубу, причемъ соленая вода щипала глаза и губы находившихся на палубѣ людей. Внезапно, на глазахъ де-Катина, изъ глубины воды, что-то черное взлетѣло на вершину одной изъ волнъ и затѣмъ упало по другую ея сторону. Это было такъ далеко, что де-Катина не могъ ничего разглядѣть, но болѣе зоркіе глаза другого человѣка успѣли разсмотрѣть этотъ предметъ. Амосъ Гринъ видѣлъ, куда указала дѣвушка, и разглядѣлъ то, что замѣтила она.

— Капитанъ Эфраимъ, — крикнулъ онъ. — За бортомъ лодка.

Морякъ изъ Новой Англіи протеръ трубку и установилъ ее на поручни.

— Да, это лодка,—сказалъ онъ, — но пустая. Можетъ-быть, ее снесло съ корабля или оторвало отъ берега. Держите-ка прямо на нее, м-ръ Томлинсонъ: мнѣ теперь какъ разъ нужна лодка.

Менѣе чѣмъ черезъ минуту «Золотой Жезлъ» сдѣлалъ поворотъ и несся по направленію къ черному пятну, которое скакало и плясало по волнамъ. Когда моряки приблизились къ лодкѣ, они увидѣли что-то торчавшее черезъ край ея.

— Это человѣческая голова!—крикнулъ Амосъ Гринъ.

Лицо Эфраима Савэджа стало еще суровѣе.

— Это человѣческая нога,—сказалъ онъ.—Я думаю, лучше увести дѣвушку внизъ въ каюту.

Среди торжественнаго молчанія они подплыли къ одинокому судну, выкинувшему такой зловѣщій сигналъ. Въ десяти ярдахъ отъ лодки подтянули заднюю рею и моряки взглянули на ужасный экипажъ.

Это была скорлупка футовъ въ тридцать, очень широкая для своей длины и такая плоскодонная, что очевидно предназначалась для плаванія по рѣкѣ или озеру. Подъ лавками лежало трое людей: мужчина въ одеждѣ зажиточнаго ремесленника, женщина того же класса и ребенокъ не старше года. Лодка до половины была наполнена водой; женщина и дитя лежали лицомъ внизъ; свѣтлыя кудри ребенка и темныя косы матери болтались въ водѣ, словно водоросли. Лицо мужчины было обращено къ небу; оно было аспиднаго цвѣта; глаза его закатились такъ, что были видны бѣлки, въ широко открытомъ лбу виднѣлся изсохшій, сморщенный языкъ, похожій на увяд-

шій листъ. На носу, весь скорчившись и зажавъ въ рукѣ единственное оставшееся весло, сидѣлъ человѣкъ, очень маленькаго роста, въ черной одеждѣ; лицо его было прикрыто развернувшейся книгой, а окоченѣлая нога торчала кверху, застрявши пяткою въ уключинѣ. Такъ носилась странная компанія по длиннымъ зеленымъ волнамъ Атлантическаго океана.

Съ «Золотого Жезла» спустили лодку и несчастныхъ перенесли на палубу. У нихъ не нашлось ни крошки хлѣба, ни капли воды—ничего, кромѣ весла и открытой библіи на лицѣ малорослаго человѣка. Мужчина, женщина и ребенокъ умерли, по крайней мѣрѣ сутки тому назадъ; поэтому надъ ними прочли краткія молитвы, употребляющіяся въ этихъ случаяхъ, и опустили въ море. Маленькій человѣкъ казался тоже мертвымъ, но Амосъ замѣтилъ у него слабое біеніе сердца, и стекло отъ часовъ, которыя онъ поднесъ ко рту незнакомца, слегка потускнѣло. Его завернули въ теплое одѣяло, положили около мачты и шкиперъ сталъ ему вливать въ ротъ по нѣсколько капель рома, въ ожиданіи, что таившаяся въ немъ искра жизни вспыхнетъ ярче.

Между тѣмъ Эфраимъ Савэджъ приказалъ привести наверхъ двухъ плѣнниковъ, захваченныхъ имъ въ Гонюлерѣ. Они стояли на палубѣ съ весьма смѣшнымъ видомъ, сморщившись и щуря глаза отъ дневного свѣта, такъ давно невиданнаго ими.

— Весьма сожалѣю о томъ, что случилось, капитанъ,—сказалъ Эфраимъ Савэджъ,—но видите ли, нужно было или вамъ плыть съ нами, или намъ остаться съ вами. Меня ждутъ въ Бостонѣ и, право, я не могъ медлить.

Офицеръ-французъ пожалъ плечами и оглянулся вокругъ съ вытянутымъ лицомъ. И онъ, и его капралъ сильно пострадали отъ морской болѣзни и были несчастны, какъ всякій французъ, который въ первый разъ видитъ, какъ исчезаетъ изъ его глазъ Франція.

— Что вы желаете, плыть съ нами или возвратиться во Францію?

— Возвратиться во Францію, если я смогу найти дорогу. О, я долженъ возвратиться во Францію уже хотя ради того, чтобъ поговорить съ этимъ дуракомъ пушкаремъ.

— Ну, мы вѣдь вылили шайку воды на его фитиль и зарядъ, такъ что онъ, пожалуй, и не виноватъ. Но видите, тамъ Франція—вонъ тамъ, гдѣ туманно.

— Вижу! Вижу! Ахъ, если бы нога моя опять коснулась ея.

— Тутъ у насъ есть лодка, можете взять ее.

— Боже мой, какое счастье! Лодка, капралъ Лемуанъ! Отправимся сейчасъ же.

— Но прежде всего вамъ необходимы нѣкоторыя вещи. Господи Боже мой! Да можно ли ѣхать такъ въ путь! М-ръ Томлинсонъ, спустите-ка въ лодку боченокъ съ водой, мяса и сухарей. Гиримъ Джефферсонъ, принеси два весла. Плыть вамъ не близко и вѣтеръ прямо въ лицо, но погода хорошая и вы можете быть на мѣстѣ завтра къ вечеру.

Скоро французы были снабжены всѣмъ необходимымъ и отчалили, причемъ оставшіеся махали шляпами и кричали имъ вслѣдъ «счастливаго пути!» Корабль снова сдѣлалъ поворотъ и «Золотой Жезлъ» поплылъ къ западу. Еще нѣсколько часовъ была видна лодка, становившаяся все меньше на вершинахъ волнъ; наконецъ, она исчезла въ туманѣ и съ ней для эмигрантовъ исчезло послѣднее звено, связывающее ихъ съ Старымъ Свѣтомъ, который они покидали навѣки.

Пока происходило все это, человѣкъ, лежавшій безъ чувствъ у мачты, приподнялъ вѣки, испустилъ прерывистый вздохъ и затѣмъ совершенно открылъ глаза. Кожа его лица, крѣпко обтягивавшая кости, походила на старый пергаментъ, а торчавшія изъ одежды руки и ноги, казалось, принадлежали болѣзненному ребенку. Однако, несмотря на всю слабость, взглядъ большихъ черныхъ глазъ, которыми онъ окинулъ все окружающее, былъ полонъ достоинства и силы. Старикъ Катина вышелъ на палубу. Увидѣвъ больного и замѣтивъ его одежду, онъ бросился къ нему, съ благоговѣніемъ приподнялъ его голову и положилъ на плечо къ себѣ.

— Онъ одинъ изъ вѣрныхъ!—вскрикнулъ старикъ,—онъ одинъ изъ нашихъ пастырей. О, теперь, дѣйствительно будетъ благословенъ нашъ путь.

Но незнакомецъ покачалъ головой съ кроткой улыбкой.

— Боюсь, что мнѣ не придется совершить съ вами этотъ путь,—сказалъ онъ,—потому что Богъ призываетъ меня въ болѣе отдаленный путь. Я слышалъ Его призывъ и готовъ. Я дѣйствительно священникъ храма въ Изиньи. Когда мы узнали о приказѣ нечестиваго короля, то я и двое вѣрныхъ съ ихъ малюткой пустились въ море, надѣясь добраться до Англіи. Но въ первый же день нахлынувшей волной унесло весло и все, что было въ лодкѣ—хлѣбъ, боченокъ съ водой,—и у насъ оста-

лась только надежда на милость Его. Потомъ Онъ началъ призывать насъ къ Себѣ, одного за другимъ, сначала ребенка, затѣмъ женщину, за ней мужчину. Уцѣлѣлъ одинъ я, но и я чувствую, что мнѣ осталось немного жить. Но такъ какъ вы также изъ вѣрныхъ, не могу ли чѣмъ-либо быть вамъ полезнымъ, прежде чѣмъ умру.

Купецъ покачалъ головой, но внезапно ему пришла въ голову какая-то мысль и онъ съ радостнымъ лицомъ подбѣжалъ къ Амосу Грину и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Амосъ засмѣялся и подошелъ къ капитану.

— И давно пора,—сурово замѣтилъ Эфраимъ Савэджъ.

Пошептавшись, они пошли къ де-Катина. Онъ привскочилъ отъ радости и глаза его засверкали восторгомъ. Потомъ они спустились внизъ въ каюту къ Адели; она вздрогнула и покраснѣла, отвернула свое милое личико и пригладила руками волосы, какъ продѣлываетъ это всякая женщина при такой неожиданности. А такъ какъ нужно было спѣшить потому, что даже тутъ въ пустынномъ морѣ, могъ каждое мгновеніе появиться нѣкто, кто помѣшалъ бы исполненію ихъ намѣренія, то черезъ нѣсколько минутъ этотъ благородный человѣкъ и эта чистая дѣвушка уже стояли на колѣняхъ рука въ руку передъ умирающимъ священникомъ, который благословилъ ихъ слабымъ движеніемъ исхудалой руки, шепча слова, соединявшія ихъ навѣки.

Какъ каждая молодая дѣвушка, Адель представляла себѣ не разъ свою свадьбу. Часто, въ мечтахъ, она видѣла себя рядомъ съ Амори колѣнопреклоненною передъ алтаремъ въ храмѣ св. Мартина. Иногда воображеніе переносило ее въ небольшую провинціальную церковь—одно изъ тѣхъ маленькихъ убѣжищъ, гдѣ собиралась горсть вѣрующихъ, и тутъ мысленно совершался величайшій актъ жизни женщины. Но никогда ей въ въ голову не приходила мысль о подобнаго рода свадьбѣ: подъ ногами новобрачныхъ качалась бѣлая палуба, надъ ихъ головами гудѣли снасти, кругомъ нихъ раздавались крики чаекъ, а вмѣсто свадебнаго гимна раздавался рокотъ волнъ, пѣвшихъ свою пѣсню, старую, какъ міръ. Можетъ ли она когда-нибудь забыть эту сцену? Желтыя мачты и надутые паруса, землистое изможденное лицо и потрескавшіяся губы священника, исхудалое лицо отца, ставшаго на колѣни, чтобъ поддерживать умирающаго, де-Катина въ его голубомъ мундирѣ, уже вылинявшемъ и загрязненнымъ, капитанъ Савэджъ съ его

деревяннымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу, и Амосъ Гринъ съ руками въ карманахъ и съ спокойнымъ сіяніемъ голубыхъ глазъ! А позади—сухощавый шкиперъ и маленькая группа новоанглійскихъ моряковъ въ соломенныхъ шляпахъ, съ серьезными лицами.

Такъ окончилось это вѣнчаніе; затѣмъ новобрачныхъ привѣтствовали сочувственными словами на грубомъ, чужеземномъ языкѣ и пожатіями жесткихъ рукъ, огрубѣлыхъ отъ веревокъ и веселъ. Де-Катина и его жена оперлись на ванты и стали смотрѣть на черный бортъ корабля, то поднимавшійся, то опускавшійся изъ воды, и на зеленыя волны, бѣжавшія мимо нихъ.

— Все это такъ странно и ново,—замѣтила Адель.—Наше будущее кажется такимъ же неяснымъ и темнымъ, какъ та гряда облаковъ, которая собирается впереди насъ на горизонтѣ.

— Насколько зависитъ отъ меня, твоя судьба будетъ такъ же ясна и свѣтла, какъ солнечные лучи, которые играютъ на гребнѣ этихъ волнъ. Страна, изгнавшая насъ, уже далеко, но передъ нами другая, болѣе прекрасная, и каждый порывъ вѣтра приближаетъ насъ къ ней. Тамъ насъ ожидаетъ свобода, съ собой же мы несемъ юность и любовь. Чего же болѣе можетъ желать человѣкъ?

Такъ они стояли и разговаривали, пока не наступили сумерки и на потемнѣвшемъ небѣ не появились первыя блѣдныя звѣзды. Но прежде чѣмъ эти звѣзды поблѣднѣли снова, на «Золотомъ Жезлѣ» успокоилась одна усталая душа, а погибшая община изъ Изиньи снова обрѣла своего пастора.

XXVI. Послѣдняя пристань.

Впродолженіе трехъ недѣль дулъ свѣжій восточный или сѣверовосточный вѣтеръ, переходившій иногда почти въ бурю. «Золотой Жезлъ» весело несся впередъ на всѣхъ парусахъ такъ, что къ концу третьей недѣли Амосъ и Эфраимъ Савэджъ стали высчитывать часы, оставшіеся до тѣхъ поръ, пока они увидятъ родину. Для стараго моряка, привыкшаго и къ встрѣчамъ, и къ разставанью, это было не такъ важно, но Амосъ, въ первый разъ покинувшій родину, горѣлъ нетерпѣніемъ и цѣлыми часами курилъ, сидя на мачтѣ, вглядываясь въ

линію горизонта въ надеждѣ, что его пріятель обманулся въ разсчетѣ и родной берегъ можетъ каждую минуту оказаться въ виду.

— Напрасно, мальчикъ,—сказалъ капитанъ, кладя ему па плечо свою большую красную руку.—Тѣмъ, кто плаваетъ на корабляхъ, надо имѣть много терпѣнія и нечего терзаться изъ-за того, чего нѣтъ.

— А все-таки въ воздухѣ чувствуется что-то родное,—отвѣтилъ Амосъ.—Вѣтеръ дуетъ такъ, какъ онъ никогда не дулъ въ чужой странѣ. Ахъ, чтобъ мнѣ совсѣмъ придти въ себя, надо будетъ еще прожить мѣсяца три въ долинахъ.

— Ну,—отвѣчалъ пріятель, засовывая за щеку щепотку тринидадскаго табаку.—Я плаваю по морю съ тѣхъ поръ, какъ у меня пробились усы, большей частью въ каботажѣ, ну, и по океану, когда это позволяютъ навигаціонные законы. За исключеніемъ двухъ лѣтъ, что я провелъ на сушѣ по дѣлу короля Филиппа, когда требовалась каждая пушка на борту, я никогда не бывалъ далеко отъ соленой воды, и скажу, что не запомню лучшаго плаванія, какъ это.

— Да, мы летѣли словно буйволъ отъ лѣсного пожара. Но мнѣ очень странно, какъ это вы находите дорогу безъ отмѣтокъ и слѣдовъ. Я бы затруднился найти и Америку, Эфраимъ, а не то что Нью-Іоркскій, проливъ.

— Я слишкомъ забрался на сѣверъ, Амосъ. Мы были на пятидесятомъ или около того, съ тѣхъ поръ какъ увидѣли мысъ Ла-Хогъ. Завтра, по моему разсчету, мы можемъ увидѣть землю.

— Ахъ, завтра! А что это будетъ? Гора Пустыни? Мысъ Кодъ? Длинный островъ?

— Нѣтъ, парень, мы на широтѣ Св. Лаврентія и скорѣе увидимъ берегъ Аркадіи. При этомъ вѣтрѣ мы проплывемъ на югъ денекъ, самое большое—два. Еще нѣсколько такихъ плаваній—и я куплю себѣ хорошій кирпичный домъ въ сѣверной части Бостона, въ Гринъ-Лэнѣ, и буду смотрѣть оттуда на заливъ и на уходящіе и приходящіе корабли. Такъ и окончу свою жизнь въ мирѣ и покоѣ.

Цѣлый день Амосъ Гринъ, несмотря на увѣренія пріятеля, напрягалъ зрѣніе въ безплодныхъ поискахъ земли. Когда стало темно, онъ сошелъ внизъ, въ каюту, и досталъ свою охотничью куртку, кожаные штиблеты и енотовую шапку. Эта одежда была ему гораздо больше по сердцу, чѣмъ тонкое

сукно, въ которое одѣлъ его голландскій портной въ Нью-Іоркѣ. Де-Катина тоже переодѣлся въ темное партикулярное платье и вмѣстѣ съ Аделью хлопоталъ, собирая вещи старика, который такъ ослабъ, что почти ничего не могъ сдѣлать для себя. На бакѣ визжала скрипка и далеко за полночь хриплые возгласы грубыхъ пѣсенъ смѣшивались съ рокотомъ волнъ и шумомъ вѣтра. То серьезные новоангличане, по своему, веселились и радовались возвращенію на родину.

Штурманъ долженъ былъ стоять на вахтѣ отъ полуночи до четырехъ часовъ утра. Вначалѣ луна сіяла очень ярко, но къ утру облака заволокли ее и «Золотой Жезлъ» погрузился въ одинъ изъ тѣхъ густыхъ, непроницаемыхъ тумановъ, которые встрѣчаются во всей этой части океана. Туманъ былъ такъ силенъ, что съ кормы еле были видны неясныя очертанія паруса. Дулъ рѣзкій сѣверовосточный вѣтеръ и легкая бригантина ложилась на бокъ, почти касаясь воды подвѣтренными снастями. Внезапно стало очень холодно—такъ холодно, что штурманъ топтался на кормѣ съ ноги на ногу, а его четыре матроса дрожали, укрываясь подъ бортовой загородкой.

Вдругъ одинъ изъ нихъ съ громкимъ крикомъ вскочилъ на ноги, указывая пальцемъ въ воздухѣ. Изъ мрака у самаго бушприта вынырнула громадная бѣлая стѣна, о которую корабль ударился такъ сильно, что мачты его повалились, словно сухой тростникъ отъ порыва вѣтра, а самъ онъ въ одно мгновеніе превратился въ безформенную груду щепъ и обломковъ.

Отъ толчка штурманъ пролетѣлъ вдоль всей кормы и еле спасся отъ ушиба при паденіи мачты, двое изъ матросовъ провалились въ огромную дыру, образовавшуюся на носу, а третьему раздробило голову якорнымъ штокомъ. Томлинсонъ, съ трудомъ поднявшійся на ноги, увидѣлъ, что вся передняя часть корабля была вдавлена внутрь, а единственный уцѣлѣвшій матросъ, совершенно оглушенный, сидѣлъ среди обломковъ щепъ, хлопающихъ парусовъ и извивающихся спутанныхъ канатовъ. Стояла полная тьма и за бортомъ корабля виднѣлся только бѣлый гребень вздымавшейся волны. Штурманъ въ отчаяніи отъ внезапно нагрянувшей бѣда взволнованно озирался вокругъ, какъ вдругъ замѣтилъ возлѣ себя капитана Эфраима Савэджа, полуодѣтаго, но такого же деревяннаго и невозмутимаго, какъ всегда.

— Ледяная гора,—сказалъ онъ, втягивая носомъ холодный воздухъ.—Развѣ вы не почуяли ея, другъ Томлинсонъ?

— Правда, я почувствовалъ, что стало холодно, капитанъ Савэджъ, но приписалъ это туману.

— Вокругъ нея всегда бываетъ туманъ, хотя только Господь въ Своей премудрости вѣдаетъ зачѣмъ, ибо это тяжелое испытаніе для бѣдныхъ моряковъ. Судно быстро погружается, Томлинсонъ, носъ уже въ водѣ.

На палубу выбѣжала слѣдующая вахта. Одинъ изъ матросовъ сталъ измѣрять воду въ трюмѣ.

— Три фута,—крикнулъ онъ,—а на закатѣ солнца выкачали все до суха.

— Гирамъ Джефферсонъ и Джонъ Моретонъ, къ помпамъ!—крикнулъ капитанъ.—М-ръ Томлинсонъ, спустите баркасъ. Посмотримъ, нельзя ли какъ-нибудь исправить бѣду, хотя боюсь, что этого нельзя сдѣлать.

— У баркаса пробиты двѣ доски,—сказалъ одинъ изъ моряковъ.

— Ну, такъ четверку...

— Она разлетѣлась въ щепки.

Штурманъ рвалъ на себѣ волосы, а Эфраимъ Савэджъ улыбался какъ человѣкъ, нисколько не заинтересованный тѣмъ, что можетъ произойти при данныхъ обстоятельствахъ.

— Гдѣ Амосъ Гринъ?

— Здѣсь, капитанъ Савэджъ. Что мнѣ дѣлать?

— А мнѣ?—живо спросилъ де-Катина.

Адель и ея отца завернули въ плащи и помѣстили въ наиболѣе защищенное мѣсто съ подвѣтренной стороны рубки.

— Скажи ему, что онъ можетъ работать у помпъ,—сказалъ Амосу капитанъ.—Ты у насъ, Амосъ, мастеръ въ плотничьемъ дѣлѣ. Спустись въ баркасъ съ фонаремъ и посмотри, не можешь ли заштопать его.

Въ теченіе получаса Амосъ Гринъ стучалъ и возился въ баркасѣ, а мѣрный стукъ помпъ слышался изъ-за шума волнъ. Медленно, очень медленно опускался корабельный носъ, а корма загибалась вверху.

— У насъ осталось мало времени, Амосъ,—спокойно проговорилъ капитанъ.

— Онъ можетъ теперь держаться на водѣ, хотя и течетъ еще немного.

— Очень хорошо. Спускай. У помпъ работай безъ перерыва! М-ръ Томлинсонъ, позаботьтесь взять провіанта и воды сколько будетъ возможно! За мной, Гирамъ Джефферсонъ.

Матросъ и капитанъ спрыгнули въ качавшуюся лодку. У Эфраима Савэджа къ поясу былъ привязанъ фонарь. Они пробрались подъ разбитый носъ и капитанъ покачалъ головой при видѣ его поврежденій.

— Отрѣзать канатъ и дать сюда!—приказалъ онъ.

Томлинсонъ и Амосъ Гринъ перерѣзали веревки ножами и спустили внизъ уголъ паруса. Капитанъ Эфраимъ и морякъ схватили его и потащили на пробоину. Когда капитанъ нагнулся, корабль подкинуло волною вверхъ, и при желтомъ свѣтѣ фонаря Эфраимъ увидѣлъ черныя трещины, расходившіяся лучами отъ центра дыры.

— Сколько воды въ трюмѣ?—спросилъ онъ.

— Пять съ половиною футовъ.

— Значитъ, корабль погибъ. Насколько я вижу назадъ, въ обшивкѣ вездѣ можно просунуть палецъ. Продолжайте работу у помпъ! Готовъ провіантъ и вода, м-ръ Томлинсонъ?

— Да, сэръ.

— Спустите все за бортъ. Эта лодка не продержится болѣе часа или двухъ. Видите вы гору?

— Туманъ рѣдѣетъ слѣва,—крикнулъ одинъ изъ матросовъ.—Вотъ и гора! Она въ четверти мили отсюда, подъ вѣтромъ.

Туманъ внезапно разсѣялся и луна сіяла надъ громаднымъ, пустыннымъ моремъ и разбитымъ кораблемъ. Громадная ледяная гора, о которую разбилось судно, медленно покачивалось на волнахъ.

— Надо плыть въ ней,—сказалъ капитанъ Эфраимъ.—Ничего другого не подѣлаешь. Спустите дѣвушку за бортъ! Ну, ладно, прежде ея отца, если она настаиваетъ на этомъ. Скажите имъ, Амосъ, чтобы они сидѣли смирно, и Господь сохранитъ насъ, если мы не будемъ дѣлать глупостей. Такъ! Ты храбрая дѣвушка, хоть и лопочешь на чудномъ нарѣчіи. Ну, теперь боченки, одѣяла и всѣ теплыя вещи! Затѣмъ француза. Нечего разговаривать... сначала пассажировъ! Потомъ ты, Амосъ, матросы. А ты, другъ Томлинсонъ, прыгай послѣднимъ.

Хорошо, что плыть приходилось недалеко: перегруженная лодка сидѣла очень низко и два матроса безпрерывно отливали воду, которая просачивалась между досками. Когда всѣ усѣлись на мѣста, капитанъ Эфраимъ Савэджъ перескочилъ назадъ на корабль, что было легко сдѣлать, такъ какъ палуба съ каждой минутой становилась все ближе къ поверхности моря. Онъ вернулся съ узломъ одежды, который бросилъ въ лодку.

— Отчаливай!—крикнулъ онъ.

— Такъ прыгайте же!

— Эфраимъ Саваджъ пойдетъ ко дну со своимъ кораблемъ,—спокойно проговорилъ капитанъ.—Другъ Томлинсонъ, я не привыкъ повторять своихъ приказаній. Отчаливай, говорю!

Штурманъ оттолкнулся багромъ. Амосъ и да-Катина вскрикнули отъ ужаса, но стойкіе навоанглійскіе матросы взялись за весла и стали грести къ ледяной горѣ.

— Амосъ! Амосъ! Неужели вы допустите это?—кричалъ гвардеецъ по-французски.—Честь не дозволяетъ мнѣ покинуть его такъ! Это пятно останется мнѣ навѣки! Томлинсонъ, не бросайте его! Взойдите на корабль и заставьте его спуститься.

— На свѣтѣ не существуетъ человѣкъ, который могъ бы заставить его сдѣлать то, чего онъ не желаетъ.

— Онъ можетъ измѣнить свое намѣреніе.

— Онъ никогда не измѣняетъ своихъ намѣреній.

— Но нельзя же бросить его такъ! Надо будетъ плавать вокругъ и выловить его.

— Лодка течетъ, какъ рѣшето,—сказалъ штурманъ.—Я довезу васъ до горы, если можно будетъ, оставлю васъ тамъ и затѣмъ вернусь за капитаномъ. Приналягте хорошенько на весла, ребята. Чѣмъ скорѣе мы доплывемъ туда, тѣмъ скорѣе вернемся обратно.

Но гребцы не сдѣлали еще и пятидесяти взмаховъ, какъ Адель громко вскричала:

— Боже мой, корабль тонетъ!

Корабль погружался все болѣе и болѣе. Внезапно носъ съ трескомъ опустился въ воду, словно нырнувшая морская птица, корма взлетѣла кверху и вскорѣ судно, съ громкимъ, продолжительнымъ бульканьемъ, исчезло среди волнъ. Лодка сразу, подъ вліяніемъ одного чувства, охватившаго всѣхъ гребцовъ, повернула назадъ и полетѣла изо всѣхъ силъ. Но все было тихо на мѣстѣ крушенія. На поверхности моря не было ни одного обломка, который могъ бы указать на мѣсто послѣдней пристани «Золотого Жезла». Въ продолженіе четверти часа, лодка кружилась при свѣтѣ луны, но моряка-пуританина не было и слѣда. Наконецъ, когда несмотря на безпрерывное выкачиваніе, всѣ сидѣвшіе въ лодкѣ оказались по щиколотку въ водѣ, гребцы повернули лодку и молча, съ тяжелымъ сердцемъ, поплыли къ негостепріимному острову, который долженъ былъ служить имъ убѣжищемъ.

Какъ ни ужасно было это прибѣжище, оно являлось единственнымъ спасеніемъ для погибающихъ, такъ какъ течь все увеличивалась и ясно было, что лодка не можетъ долго продержаться. Подплывши ближе къ горѣ, несчастные съ ужасомъ увидѣли, что обращенная къ нимъ сторона представляетъ собой толстую ледяную стѣну въ шестьдесятъ футовъ, гладкую безъ малѣйшей щели или трещины на всей поверхности. Гора была очень велика, и потому оставалась надежда, что другая сторона окажется удобнѣе. Все время вычерпывая воду, они обогнули уголъ—и снова очутились передъ такой же мрачной стѣной. Они подъѣхали съ третьей стороны и нашли еще болѣе высокую стѣну. Отавалась только четвертая сторона и, направляясь къ ней, они знали, что для нихъ рѣшается вопросъ о жизни и смерти, такъ какъ лодка почти уходила изъ-подъ ихъ ногъ. Они выплыли изъ темноты на яркій лунный свѣтъ и увидѣли зрѣлище, которое никто изъ нихъ не забылъ до самой смерти.

Склонъ передъ ними былъ не менѣе крутъ, чѣмъ остальные, и весь блестѣлъ и искрился тамъ, гдѣ лунный свѣтъ падалъ на безчисленныя грани льда. Но, какъ разъ по срединѣ, на уровнѣ поверхности воды оказалось нѣчто вродѣ пещеры. Это было то мѣсто, о которое разбился «Золотой Жезлъ», причемъ онъ выломилъ огромную глыбу и такимъ образомъ, погибая самъ, приготовилъ убѣжище довѣрившимся ему людямъ. Эта пещера была чуднаго изумрудно-зеленаго цвѣта, свѣтлаго и чистаго по краямъ, а въ глубинѣ отливавшаго темнымъ пурпуромъ и синевою. Но не красота грота, не увѣренность въ спасенія вызвали тѣ крики радости и изумленія, которые вырвались изо всѣхъ устъ... На ледяной глыбѣ спокойно покуривая глиняную трубку, сидѣлъ никто иной, какъ капитанъ Эфраимъ Савэджъ изъ Бостона! Одно мгновеніе изгнанники подумали, что это его призракъ. Но призраки не появляются въ такомъ прозаическомъ видѣ, а тонъ его голоса вскорѣ доказалъ имъ, что это онъ самъ и далеко не въ смиренномъ, христіанскомъ настроеніи духа.

— Другъ Томлинсонъ,—сказалъ онъ,—когда я велю плыть къ ледяной горѣ, то значитъ желаю, чтобы вы плыли прямо туда, а не разгуливали по океану. Изъ-за васъ я чуть было не утонулъ. Хорошо еще, что у меня былъ сухой табакъ и коробка съ трутомъ.

Не отвѣчая на упреки капитана. штурманъ направилъ лодку

къ покатому выступу, пробитому носомъ бригантины такъ, что къ нему было удобно пристать. Капитанъ Савэджъ схватилъ изъ лодки узелъ съ сухимъ платьемъ, исчезъ въ глубинѣ пещеры и вскорѣ вернулся, согрѣтый тѣлесно и болѣе спокойный душой. Баркасъ перевернулся вверхъ дномъ для сидѣнія; вынули изъ него рѣшетки и доски и, покрывъ ихъ одѣялами, устроили постель для молодой женщины и открыли боченокъ съ сухарями.

— Мы боялись за васъ, Эфраимъ, — сказалъ Амосъ Гринъ.—У меня было такъ тяжело на сердцѣ, когда я думалъ, что уже никогда не увижусь съ вами.

— Ну, Амосъ, тебѣ бы слѣдовало знать меня лучше.

— Но какъ вы попали сюда, капитанъ?—спросилъ Томлинсонъ.—Я думалъ, что вы пошли ко дну вмѣстѣ съ кораблемъ.

— Такъ и было. Это уже третій корабль, съ которымъ я иду ко дну, только мнѣ никакъ не приходится остаться тамъ. Сегодня я нырнулъ глубже, чѣмъ на «Скороходѣ», но не такъ глубоко, какъ на «Губернаторѣ Винтропѣ». Когда я вынырнулъ то поплылъ къ горѣ, нашелъ этотъ уголокъ и заползъ въ него. Радъ васъ видѣть, потому что боялся, что вы утонули.

— Мы вернулись, чтобъ отыскать васъ, и въ темнотѣ проплыли мимо васъ. Что намъ теперь дѣлать?

— Развѣсимъ этотъ парусъ, устроимъ помѣщеніе для дѣвочки. Потомъ поужинаемъ и выспимся насколько будетъ можно. Сегодня дѣла больше нѣтъ, а завтра можетъ оказаться много.

XXVII. Тающій островъ.

Утромъ Амосъ Гринъ проснулся отъ прикосновенія чьей-то руки къ его лицу. Онъ вскочилъ на ноги и увидѣлъ предъ собой де-Катина. Оставшійся въ живыхъ экипажъ спалъ тяжелымъ сномъ, группируясь вокругъ опрокинутой лодки. Красный край солнца только-что показался надъ моремъ; небо пылало пурпуровымъ и оражевымъ цвѣтами, переходившими постепенно отъ ослѣпительно-золотого на горизонтѣ до нѣжно-розоваго въ зенитѣ. Первые солнечные лучи падали прямо въ пещеру, блестѣли и отражались въ ледяныхъ кристаллахъ и наполняли весь гротъ яркимъ, теплымъ свѣтомъ. Никакой волшебный дворецъ не могъ сравниться красотой съ пловучимъ убѣжищемъ, ниспосланнымъ бѣглецамъ природой.

Но ни американецъ, ни французъ не были въ состояніи наслаждаться новизной и красотой этой сцены. Лицо де Ка-

типа было серьезно и Гринъ увидѣлъ по его глазамъ, что имъ угрожаетъ какая-то опасность.

— Что случилось?

— Гора разваливается.

— Вздоръ, мой милый. Она прочна, какъ настоящій островъ.

— Я наблюдалъ за ней. Видите трещину, которая идетъ вглубь отъ конца нашего грота? Два часа тому назадъ я еле могъ просунуть руку. Теперь я весь свободно войду въ нее. Говорю вамъ, гора лѣзетъ врозь.

Амосъ Гринъ дошелъ до конца воронкообразнаго углубленія и увидѣлъ, что его другъ говоритъ правду: по горѣ шла зеленая извилистая трещина, образовавшаяся или отъ прибоя волнъ, или отъ страшнаго удара корабля. Онъ разбудилъ капитана Эфраима и указалъ на угрожавшую имъ опасность.

— Ну, если она дастъ течь, мы погибли,—сказалъ капитанъ.—Быстро же она таетъ.

Теперь было ясно видно, что ледяныя стѣны, казавшіяся такими гладкими при лунномъ свѣтѣ, были всѣ исчерчены и изборождены, словно лицо старика, струйками растаявшей воды, безпрерывно бѣжавшими внизъ. Вся громадная масса подтаяла и стала очень хрупкой. Кругомъ бѣглецовъ уже слышалось зловѣщее капанье и журчанье безчисленныхъ ручейковъ, стекавшихъ въ океанъ.

— Эй! Это что?—крикнулъ Амосъ Гринъ.

— Что такое?

— Вы ничего не слышали?

— Нѣтъ.

— Я готовъ поклясться, что слышалъ чей-то голосъ.

— Невозможно. Мы всѣ здѣсь.

— Значитъ, это послышалось мнѣ.

Капитанъ Эфраимъ прошелъ къ обращенному къ морю краю пещеры и обвелъ глазами океанъ. Вѣтеръ совершенно упалъ и море тянулось на западъ, гладкое и пустынное. Только вблизи того мѣста, гдѣ затонулъ «Золотой Жезлъ», виднѣлся длинный черный брусъ.

— Мы должно быть находимся на пути какихъ-нибудь кораблей,—задумчиво проговорилъ капитанъ.—Тутъ могутъ быть ловцы трески и сельдей. Впрочемъ, я думаю, здѣсь слишкомъ южно для нихъ. Но мы миляхъ въ двухстахъ отъ «Королевскаго порта» въ Аркадіи и на линіи, по которой идетъ торговля изъ

Св. Лаврентія. Будь у меня три бѣлыхъ горныхъ сосны, Амосъ, да сотня аршинъ крѣпкой парусины, я взобрался бы на верхушку этой штуки и закатилъ бы такія мачты съ парусами, что мы съ льдиной внеслись бы въ Бостонскій заливъ. Тамъ я разломалъ бы ее, продалъ, да еще и нажилъ бы кое-что. Она— тяжелая, старая посудина, а все же если бы подогнать ее ураганомъ, могла бы сдѣлать въ часъ узелъ-другой. Но что это съ тобой, Амосъ?

Молодой охотникъ стоялъ, насторожив уши, нагнувъ голову и смотря вбокъ, съ видомъ человѣка, напряженно прислушивающагося къ чему-то. Онъ только-что хотѣлъ отвѣтить, какъ де-Катина вскрикнулъ, указывая въ глубину пещеры.

— Посмотрите на трещину!

Она стала шире еще на футъ съ тѣхъ поръ, какъ ее осматривали, и являлась не трещиной, а цѣлой разсѣлиной или проходомъ.

— Пройдемъ туда,—сказалъ капитанъ.

— Да вѣдь только и будетъ, что выйдемъ на другую сторону горы.

— Посмотримъ другую сторону.

Капитанъ пошелъ впередъ; остальные шли за нимъ. Между высокими ледяными стѣнами, съ которыхъ журча бѣжали струйки, было очень темно; надъ головами виднѣлась только узкая, извилистая полоска голубого неба. Ощупью, спотыкаясь, они медленно подвигались впередъ. Внезапно проходъ сталъ шире и они очутились на большой ледяной площадкѣ. Въ центрѣ гора оказывалась ровной и съ краевъ площадки поднимались тѣ высокіе ледяные утесы, которые окаймляли ее.

Съ трехъ сторонъ ледяныя стѣны были очень круты, но съ четвертой подымались покато и постоянное таяніе изборозило ихъ тысячами неровностей, по которымъ отважному человѣку можно было взобраться наверхъ.

Всѣ трое сейчасъ же начали карабкаться на гору и минуту спустя стояли недалеко отъ ея вершины въ семидесяти футахъ отъ уровня моря, откуда открывался видъ на добрыхъ пятьдесятъ миль. На всемъ этомъ пространствѣ не было признака жизни, только солнце сверкало, отражаясь въ волнахъ.

Капитанъ Эфраимъ свистнулъ.

— Не везетъ намъ,—замѣтилъ онъ.

Амосъ Гринъ съ изумленіемъ оглядывался вокругъ.

— Не понимаю,—проговорилъ онъ.—Я готовъ былъ поклясться... Боже мой! Слышите?

Въ утреннемъ воздухѣ ясно раздались звуки военной трубы. Съ крикомъ удивленія всѣ трое взобрались наверхъ и заглянули черезъ край.

У самой горы стоялъ большой корабль. Они увидѣли передъ собой бѣлоснѣжную палубу, окаймленную мѣдными пушками и усѣянную матросами. На кормѣ небольшой отрядъ солдатъ занимался военными упражненіями; оттуда и раздались звуки трубы, такъ неожиданно поразившіе слухъ бѣглецовъ. Пока они не были на краю горы, имъ не только не были видны верхушки мачтъ корабля, но и желанные сосѣди не могли видѣть ихъ. Теперь же по восклицаніямъ и крикамъ ясно было видно, что ихъ увидѣли съ корабля.

Бѣглецы не стали медлить ни минуты. Скользя и спотыкаясь, спустились они по мокрому, скользкому склону и съ криками добѣжали черезъ расщелину до пещеры, гдѣ товарищи ихъ только-что были изумлены звуками трубы, раздавшимися во время ихъ невеселаго завтрака. Нѣсколько торопливыхъ словъ—и пробитый баркасъ спустился на воду; въ него сбросили все имущество и снова поплыли. Обогнувъ ледяной выступъ горы, путешественники очутились у кормы прекраснаго корвета, съ бортовъ котораго глядѣли на нихъ привѣтливыя лица, а сверху развѣвалось громадное бѣлое знамя, украшенное золотыми лиліями Франціи. Въ нѣсколько минутъ лодку ихъ подняли на палубу «Св. Христофора», военнаго корабля, везшаго маркиза де-Денонвиля, новаго генералъ-губернатора Канады, къ мѣсту его служенія.

XXVIII. Въ Квебекской гавани.

На кораблѣ потерпѣвшіе крушеніе очутились въ довольно странномъ обществѣ. «Св. Христофоръ» отправился изъ Ла-Рошель три недѣли тому назадъ въ сопровожденіи четырехъ маленькихъ судовъ, на которыхъ находилось пятьсотъ солдатъ, отправляемыхъ на помощь переселенцамъ на рѣкѣ Св. Лаврентія. Но въ океанѣ суда отбились другъ отъ друга и губернаторъ продолжалъ путь одинъ, надѣясь встрѣтиться съ другими при устьѣ рѣки. Съ нимъ была рота Керсійскаго полка, его штабъ, С.-Валлье, новый епископъ Канады, три монаха, пять іезуитовъ, отправлявшихся въ опасную миссію къ ирокезамъ,

съ полдюжины дамъ, ѣхавшимъ къ своимъ мужьямъ, двѣ монахини-урсулинки, десять или двѣнадцать любителей приключеній, надѣявшихся поправить свое состояніе за моремъ, и двадцать анжуйскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, разсчитывавшихъ найти себѣ жениховъ, которые польстятся на ихъ приданое въ видѣ простынь, горшка, оловянныхъ тарелокъ и котла, которыми король снабжалъ своихъ смиренныхъ опекаемыхъ.

Присоединить къ такому обществу горсть новоанглійскихъ индепендентовъ, пуританина изъ Бостона и трехъ гугенотовъ значило приложить горящую головню къ боченку съ порохомъ. Но на кораблѣ всѣ были такъ заняты своими дѣлами, что предоставили бѣглецовъ самимъ себѣ. Среди солдатъ тридцать человѣкъ страдали лихорадкой и цынгой такъ, что всѣ монахи и монахини были заняты уходомъ за больными. Губернаторъ Денонвиль, благочестивый драгунъ, весь день расхаживалъ по палубѣ, читая псалмы Давида, и сидѣлъ далеко за полночь обложенный картами и планами, обдумывая, какъ истребить ирокезовъ, опустошавшихъ ввѣренный ему край. Кавалеры и дамы флиртовали, дѣвушки изъ Анжу дѣлали глазки солдатамъ, а епископъ С.-Валлье отправлялъ богослуженія и поучалъ своихъ подчиненныхъ. Эфраимъ Савэджъ цѣлыми днями простаивалъ на палубѣ, сердито глядя на добряка и его требникъ съ краснымъ обрѣзомъ и ворча про «мерзость запустѣнія». Но никто не обращалъ на него вниманія и всѣ объясняли его странности пребываніемъ на ледяной горѣ и убѣжденіемъ, свойственнымъ французамъ, что люди англосаксонской расы не отвѣтственны за свои поступки.

Въ данное время отношенія между Англіей и Франціей были мирныя, хотя въ Канадѣ и Нью-Іоркѣ чувтвовалось взаимное недовольство. Французы полагали—и не безъ основанія,—что англійскіе колонисты подстрекали нападавшихъ на нихъ демоновъ. Поэтому Эфраима и остальныхъ приняли гостепріимно, но на кораблѣ было такъ тѣсно, что пришлось размѣститься гдѣ попало. Семьѣ Катина былъ оказанъ еще болѣе любезный пріемъ; слабость старика и красота дочери обратили на нихъ вниманіе самого губернатора. Во время путешествія де-Катина смѣнилъ свой мундиръ на простое темное платье, и, за исключеніемъ военной выправки, ничто въ немъ не указывало на дезертира. Старикъ Катина балъ такъ слабъ, что не могъ отвѣчать на вопросы, дочь была постоянно при немъ, а офицеръ, достаточно привыкшій къ придворной жизни, умѣлъ гово-

рить много, ничего не высказывая, и такимъ образомъ окружавшая бѣглецовъ тайна оставалась неразоблаченной. Де-Катина отлично зналъ положеніе гугенотовъ въ Канадѣ еще до измѣненія закона и вовсе не желалъ испытывать его на себѣ.

На другой день послѣ своего спасенія они увидѣли на югѣ мысъ Бретонъ и, подгоняемые восточнымъ вѣтромъ, быстро прошли мимо виднѣвшагося въ неясныхъ очертаніяхъ восточнаго края Антикости. Потомъ они поплыли вверхъ по громадной рѣкѣ, съ середины которой еле можно было видѣть ея берега. Когда берега приблизились, они увидѣли направо дикое ущелье рѣки Сагенея; надъ соснами вздымался дымъ изъ хижинъ маленькой рыбачьей и торговой станціи Тадузака. Голые индѣйцы съ мѣдно-красными лицами, алгокинезы и абенаки, въ своихъ берестовыхъ челнокахъ, окружили корабль, предлагая плоды и овощи, которые должны были влить новую жизнь въ погибавшихъ отъ цынги солдатъ. Затѣмъ корабль прошелъ мимо залива Маль, обрыва Обваловъ и залива Св. Павла съ его широкой долиной и лѣсистыми горами, сверкавшими своимъ великолѣпнымъ осеннимъ уборомъ — пурпуромъ и золотомъ кленовъ, ясеней, молодыхъ дубовъ и березовыхъ побѣговъ. Амосъ Гринъ, опершись на бортъ, смотрѣлъ жаднымъ взоромъ на эти громадныя пространства дѣвственныхъ лѣсовъ, куда лишь изрѣдка заходилъ дикарь или отважный «coureus de bois». Потомъ передъ ними появились смѣлыя очертанія мыса Бурь; они проплыли мимо мирныхъ луговъ Бопрэ, помѣстья Лаваля, мимо поселковъ Орлеанскаго острова, увидѣли передъ собой широкій затонъ, водопады Монморенси, высокіе частоколы мыса Леви, группу кораблей и, наконецъ, направо ту дивную скалу, увѣнчанную башнями, съ городомъ у подошвы, которая составляла центръ и главный оплотъ французскаго могущества въ Америкѣ. Сверху изъ крѣпости загремѣли пушки, корабль отвѣтилъ салютами, взвились флаги, поднялись въ воздухѣ шляпы и флотилія судовъ и лодокъ устремилась навстрѣчу новоприбывшимъ, чтобы привѣтствовалъ новаго губернатора и перевезти на берегъ солдатъ и пассажировъ.

Со времени отъѣзда изъ Франціи старый купецъ увядалъ, какъ растеніе, вырванное съ корнемъ изъ родной почвы. Испугъ во время кораблекрушенія и ночь, проведенная въ холодномъ убѣжищѣ на ледяной горѣ, оказались ему не по лѣтамъ и не по силамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его подняли на военный

корабль, онъ лежалъ среди больныхъ цынгою солдатъ почти безъ признаковъ жизни за исключеніемъ слабаго дыханія и судорожнаго подергиванія исхудалой шеи. При громѣ пушекъ и восклицаніяхъ народа онъ открылъ глаза и медленно, съ усиліемъ, приподнялся на подушкахъ.

— Что съ вами, батюшка? Что можемъ мы сдѣлать для васъ? — крикнула Адель, — Мы въ Америкѣ... вотъ Амори и я, ваши дѣти.

Но старилъ покачалъ головой.

— Господь довелъ меня до обѣтованной земли, но не судилъ мнѣ вступить въ нее, — проговорилъ онъ. — Да будетъ воля Его и да благословенно имя Его во вѣки. Но, какъ Моисей, я хотѣлъ бы по крайней мѣрѣ взглянуть на эту землю, если мнѣ не суждено вступить на нее. Амори, не можешь ли ты взять меня подъ руку и вывести на палубу?

— Если кто-нибудь поможетъ мнѣ, — сказалъ де-Катина. Онъ быстро поднялся наверхъ и вернулся съ Амосомъ.

— Ну, батюшка, если вы положите руки на плечи намъ, то вамъ почти не придется касаться пола.

Минуту спустя старый купецъ былъ на палубѣ. Молодые люди усадили его на груду канатовъ, прислонивъ спиною къ мачтѣ такъ, что онъ былъ въ сторонѣ отъ сутолоки. Солдаты толпою сходили въ лодки и были такъ заняты своимъ дѣломъ, что не обратили вниманія на маленькую группу бѣглецовъ, собравшуюся вокругъ больного. Онъ съ трудомъ поворачивалъ голову изъ стороны въ сторону; но глаза его просвѣтлѣли при видѣ обширнаго синяго пространства воды, блеска отдаленныхъ водопадовъ, высокаго замка и длинной линіи багряныхъ горъ, тянувшихся къ сѣверо-западу.

— Она не похожа на Францію, — сказалъ старикъ. — Это не зеленая, мирная, улыбающаяся земля, а величественная, строгая и суровая, какъ Тотъ, Кто создалъ ее. По мѣрѣ того какъ я становился слабѣе, Адель, душа моя освобождалась отъ тѣлесныхъ узъ и многое изъ того, что казалось смутнымъ, стало яснымъ для меня. И мнѣ кажется, дѣти мои, что американская страна — не только Канада, но и та мѣстность, гдѣ ты родился, Амосъ Гринъ, и та, которая тянется къ заходящему солнцу — явится лучшимъ даромъ Господа людямъ. Вѣками Онъ скрывалъ ее для того, чтобы нынѣ на ней осуществилась Его высшая воля. Ибо это невинная страна, которой не надо искупать прежнихъ грѣховъ, гдѣ нѣтъ ни вражды,

ни дурныхъ обычаевъ, ни какого-либо зла. И съ теченiемъ времени всѣ несчастные, усталые, бездомные, униженные, и угнетенные обратятся сюда, какъ обратились мы. И явится народъ, который, безъ сомнѣнiя, восприметъ все лучшее, отвергнетъ все дурное и будетъ стремиться къ наивысшему. Я вижу передъ собой могущественный народъ, народъ, который будетъ больше заботиться о возвышенiи низшихъ, чѣмъ о возвеличенiи высшихъ, который пойметъ, что въ мирѣ больше доблести, чѣмъ въ войнѣ, который признаетъ, что всѣ люди — братся, сердце котораго не будетъ сужено своими собственными границами, но будетъ согрѣто сочувствiемъ ко всякому правому дѣлу на всемъ свѣтѣ. Вотъ что я вижу, Адель, лежа здѣсь въ виду берега, на который никогда не вступитъ моя нога; я говорю вамъ, если ты и Амори послужите основанiю такого народа, то жизнь ваша не будетъ безплодной. Это сбудется, а когда сбудется, да хранитъ Господь этотъ народъ и да направитъ его на путь правды.

Голова его опускалась все ниже и ниже на грудь, вѣки медленно прикрывали глаза, устремленные мимо Пуанъ Леви, на лѣса и отдаленныя горы.

Съ крикомъ отчаянiя Адель обвила руками шею старика.

— Онъ умираетъ, Амори, онъ умираетъ! — вскрикнула она.

Угрюмый францисканецъ, молившiйся, перебирая четки, невдалекѣ отъ нихъ, услышалъ это восклицанiе и тотчасъ же подошелъ къ нимъ.

— Онъ дѣйствительно умираетъ,—проговорилъ онъ, взглянувъ на мертвенно-блѣдное лицо старика. — Совершены ли надъ нимъ таинства церкви?

— Не думаю, чтобы онъ нуждался въ нихъ, — уклончиво ответилъ де-Катина.

— Кому могутъ быть они ненужны, молодой человѣкъ!— сурово отвѣтилъ монахъ. — А какъ можетъ человѣкъ надѣяться на спасенiе души, помимо нихъ? Я самъ немедленно причащу его.

Но старый гугенотъ открылъ глаза и, собравъ послѣднiя силы, оттолкнулъ нагнувшуюся надъ нимъ фигуру въ сѣромъ капюшонѣ.

— Я покинулъ все, что любилъ, чтобъ не пойти на уступки, — крикнулъ онъ, — а вы думаете, что можете одолѣть меня теперь.

Францисканецъ отскочилъ при этихъ словахъ и устремилъ

жесткій, подозрительный взглядъ на де-Катина и на плачущую молодую женщину.

— Вотъ какъ! Такъ, значитъ, вы гугеноты?

— Тсъ! Не подымайте споровъ въ присутствіи умирающаго! — крикнулъ де-Катина такимъ же рѣзкимъ тономъ.

— Въ присутствіи умершаго, — торжественно проговорилъ Амосъ Гринъ.

Въ то время, какъ онъ произносилъ эти слова, лицо старика прояснилось; тысячи морщинъ разгладились, словно отъ прикосновенія невидимой руки, а голова откинулась назадъ къ мачтѣ. Адель осталась неподвижной, продолжая обвивать его шею руками и прижавшись щекой къ его плечу. Она была въ обморокѣ. Де-Катина поднялъ жену и отнесъ ее въ каюту одной дамы, которая и раньше выказывала имъ свое сочувствіе. Смерть не была необыкновеннымъ событіемъ на кораблѣ. Во время переѣзда умерло десять солдатъ, а теперь, среди радостной суеты прибытія, мало кто подумалъ объ умершемъ переселенцѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ шепотомъ передавали другъ другу, онъ былъ гугенотъ. Отдано было краткое приказаніе спустить его въ рѣку въ ту же ночь и такимъ образомъ были покончены всѣ заботы людей о Теофилѣ Катина. Но съ оставшимися въ живыхъ дѣло обстояло иначе. Когда окончилась высадка солдатъ, ихъ собрали на палубѣ въ ожиданіи рѣшенія офицера изъ свиты губернатора. Офицеръ былъ дородный, добродушный человѣкъ съ румянымъ лицомъ, но де-Катина со страхомъ замѣтилъ, что рядомъ съ нимъ шелъ францисканецъ, шепотомъ обмѣнявшійся съ нимъ нѣсколькими словами. На темномъ лицѣ монаха играла злобная улыбка, предвѣщавшая мало добраго еретикамъ.

— Будетъ принято во вниманіе, отецъ мой, будетъ принято во вниманіе,—нетерпѣливо отвѣчалъ офицеръ въ отвѣтъ на нашептываемыя ему внушенія. — Я такой же ревностный слуга Святой Церкви, какъ и вы сами.

— Надѣюсь, г. де-Бонвиль. При такомъ набожномъ губернаторѣ, какъ г. де-Денонвиль, офицерамъ его штаба даже на этомъ свѣтѣ невыгодно быть равнодушными къ религіи.

Офицеръ сердито взглянулъ на собесѣдника, такъ какъ хорошо понялъ угрозу, скрывавшуюся въ его словахъ.

— Позвольте себѣ напомнить вамъ, отецъ мой, что если вѣра есть добродѣтель, то и милосердіе также. Кто здѣсь капитанъ Савэджъ? — сказалъ онъ по-англійски.

— Я — Эфраимъ Савэджъ изъ Бостона.

— А г. Амосъ Гринъ?

— Я — Амосъ Гринъ изъ Нью-Іорка.

— Г. Томлинсонъ?

— Джонъ Томлинсонъ изъ Салема.

— Матросы: Гирамъ Джефферсонъ, Джозефъ Куперъ, Сикгрэсъ Спаульдингъ и Павелъ Кушингъ — всѣ изъ Массачусетса?

— Мы здѣсь.

— По приказанію губернатора всѣ вы должны быть немедленно доставлены на коммерческій бригъ «Надежда» — вотъ тотъ корабль съ бѣлой полосой на борту. Черезъ часъ онъ отправляется въ англійскія провинціи.

Гулъ радости поднялся среди матросовъ при мысли о столь быстромъ возвращеніи домой. Они бросились собирать тѣ немногіе пожитки, которые имъ удалось спасти во время кораблекрушенія. Офицеръ положилъ бумагу въ карманъ и подошелъ къ де-Катина, который съ мрачнымъ видомъ стоялъ, прислонившись къ periламъ.

— Вы, вѣроятно, помните меня, — сказалъ онъ. — Я узналъ васъ, несмотря на то, что вы перемѣнили голубой мундиръ на темную одежду.

Де-Катина схватилъ протянутую ему руку.

— Я хорошо помню васъ, де-Бонвиль, и наше путешествіе въ фортъ Фронтенакъ, но теперь, когда мои дѣла идутъ такъ плохо, мнѣ неловко было напоминать вамъ о нашей дружбѣ.

— Напрасно. Для меня другъ всегда остается другомъ.

— Къ тому же я боялся, чтобы знакомство со мной не повредило вамъ въ глазахъ мрачнаго, закутаннаго въ капюшонъ монаха, который ходитъ слѣдомъ за вами.

— Ну, вы вѣдь знаете, какъ здѣсь обстоитъ дѣло. Фронтенакъ умѣлъ держать ихъ въ рукахъ, а этотъ новый обѣщаетъ идти по тому же пути. Между сульпиціанцами въ Монреалѣ а здѣшними іезуитами — мы несчастные, словно между двумя жерновами. Но я огорченъ до глубины души, что приходится такъ встрѣчать своего стараго товарища по службѣ да еще съ молодой женой.

— Что же будетъ?

— Вы останетесь на кораблѣ до его отплытія, самое большее черезъ недѣлю.

— А потомъ?

— Васъ доставятъ во Францію и передадутъ губернатору Рашели для доставленія въ Парижъ. Таковъ приказъ г. де-Денонвиля и если мы не исполнимъ его, то навлечемъ на себя все осиное гнѣздо.

Де-Катина застоналъ, услышавъ эти слова. Послѣ всѣхъ перенесенныхъ мукъ и бѣдствій вернуться снова въ Парижъ, стать предметомъ презрѣнія враговъ и сожалѣнія друзей... униженіе было слишкомъ велико. При одной мысли румянецъ стыда вспыхнулъ на его щекахъ. Быть приведеннымъ назадъ, какъ дезертиръ-крестьянинъ, скучающій по дому! Ужъ лучше прямо кинуться въ широкую голубую рѣку подъ ногами... но что станется тогда съ бѣдной Аделью, у которой кромѣ него нѣтъ никого на свѣтѣ? Все это такъ заурядно, такъ постыдно. А между тѣмъ какъ вырваться изъ этой тюрьмы съ женщиной, судьба которой связана съ его собственной?.

Де-Бонвиль отошелъ отъ него, сказавъ ему нѣсколько простыхъ сочувственныхъ словъ. Монахъ продолжалъ расхаживать по палубѣ, украдкой поглядывая на него; два солдата, поставленные на ютѣ, нѣсколько разъ прошли мимо него. Очевидно, имъ было предписано слѣдить за нимъ. Въ полномъ унынія онъ перегнулся черезъ бортъ и сталъ слѣдить за индѣйцами, татуированными и съ перьями въ волосахъ, шнырявшими взадъ и впередъ въ своихъ челнокахъ. Потомъ онъ взглянулъ на городъ. Торчащія изъ кровель балки и обгорѣлыя стѣны напоминали объ ужасномъ пожарѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ истребившемъ нижнюю часть города.

Какъ разъ въ это время всплескъ веселъ привлекъ его вниманіе и передъ нимъ проплыла большая лодка, полная народа.

То были новоангличане, которыхъ перевозили на корабль, долженствовавшій доставить ихъ на родину.

Четверо матросовъ столпились вмѣстѣ, а у паруса капитанъ Эфраимъ Савэджъ разговаривалъ съ Амосомъ Гриномъ, указывая ему на суда. Окаймленное сѣдыми волосами лицо стараго пуританина и смѣлое лицо охотника не разъ оборачивались въ сторону одинокаго изгнанника, но онъ не замѣтилъ ни привѣтливаго движенія руки, не услышалъ ни слова прощанія. Они были такъ полны своимъ будущимъ и своимъ

счастьемъ, что имъ некогда было подумать о его несчастной судьбѣ. Отъ враговъ онъ все могъ вынести, но неожиданное забвеніе друзей переполнило чашу его страданій. Онъ склонилъ лицо на руки и страшныя рыданія вырвались изъ его груди. Когда онъ поднялъ голову, бригъ уже поднялъ якорь и на всѣхъ парусахъ выходилъ изъ Квебекскихъ водъ.

XXIX. Голосъ у пушечнаго люка.

Въ эту ночь тѣло стараго Теофила Катина было спущено въ воду. При похоронахъ присутствовала только его дочь и ея мужъ. Слѣдующее утро де-Катина провелъ на палубѣ, среди шума и суеты разгрузки, съ тяжестью на сердцѣ стараясь развлечь Адель веселой болтовней. Онъ указывалъ ей хорошо знакомыя мѣста: крѣпость, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ, коллегію іезуитовъ, соборъ епископа Лаваля, склады старой компаніи, разрушенные пожаромъ, и домъ Обера де-ла-Шене, единственный изъ частныхъ домовъ, уцѣлѣвшій въ нижней части города. Съ палубы видны были не только интересныя мѣста, но и то пестрое населеніе, которымъ этотъ городъ такъ отличался ото всѣхъ другихъ за исключеніемъ своего меньшаго брата, Монреаля. По крутой дорожкѣ, окаймленной частоколомъ и соединявшей двѣ части города, передъ ихъ глазами проходила панорама всей канадской жизни — солдаты въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ перевязями черезъ плечо, прибрежные жители въ своихъ грубыхъ крестьянскихъ одеждахъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ ихъ бретонскихъ и нормандскихъ предковъ, и молодые щеголи изъ Франціи и окрестныхъ помѣстій. Тутъ же появлялись небольшія группы «лѣсныхъ бродягъ» или странниковъ въ охотничьихъ кожаныхъ курткахъ, въ штиблетахъ съ бахромой, въ мѣховыхъ шапкахъ съ орлинымъ перомъ. Люди эти разъ въ годъ появлялись въ городахъ, оставляя своихъ женъ-индѣянокъ и дѣтей въ отдаленныхъ вигвамахъ. Были тутъ и краснокожіе: алгокинцы, рыбаки и охотники, дикіе микмаки съ востока и абенакійцы съ юга, и повсюду виднѣлись темныя одежды францисканцевъ и черныя рясы и широкополыя шляпы іезуитовъ.

Таковъ былъ народъ, толпившійся на улицахъ столицы этого страннаго отпрыска Франціи, пересаженнаго за тысячи миль отъ родной страны на берега великой рѣки. И странная это была колонія, быть-можетъ, самая странная на свѣтѣ. Оба

тянулась на тысячу двѣсти миль отъ Тадусака вплоть до торговыхъ стоянокъ на берегахъ великихъ озеръ, ограничиваясь большей частью узкими полосами обработанной земли вдоль береговъ рѣкъ, за которыми возвышались дикія лѣсныя пространства и невѣдомыя горы, соблазнявшія крестьянина бросить заступъ и соху для болѣе свободной жизни съ весломъ и ружьемъ. Небольшія, рѣдкія просѣки, перемежавшіяся съ маленькими бревенчатыми домиками, обнесенными заборами, указывали путь, по которому цивилизація пробиралась внутрь громаднаго материка, съ трудомъ борясь за существованіе и чуть не погибая вслѣдствіе суровости сѣвернаго климата и свирѣпости безпощадныхъ враговъ. Все бѣлое населеніе этого громаднаго округа, включая солдатъ, монаховъ и жителей лѣсовъ, съ женами и дѣтьми не достигало двадцати тысячъ душъ, но энергія ихъ была настолько велика, а выгоды центральнаго управленія такъ значительны, что они наложили свой отпечатокъ на весь материкъ. Въ то время какъ зажиточные англійскіе переселенцы довольствовались жизнью въ своихъ помѣстьяхъ и топоры ихъ еще не звучали по ту сторону Аллеганскихъ горъ, французы выгнали своихъ безстрашныхъ піонеровъ-миссіонеровъ въ темныхъ рясахъ и охотниковъ въ кожаныхъ курткахъ къ отдаленнѣйшимъ предѣламъ материка. Они сняли карты озеръ и завели мѣновую торговлю съ свирѣпыми сіу на великихъ равнинахъ, гдѣ деревянныя вигвамы уступили мѣсто шалашамъ изъ кожъ. Маркетъ прошелъ по Иллинойсу до самаго Миссисипи, слѣдуя по теченію великой рѣки, первый изъ бѣлыхъ увидѣлъ мутныя волны бурнаго Миссури. Ласаль отважился проникнуть еще дальше, миновалъ Огайо и, достигнувъ Мексиканскаго залива, поднялъ французскій флагъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіе возникъ городъ Новый Орлеанъ. Другіе добрались до Скалистыхъ горъ и до обширныхъ пустынь сѣверо-запада, проповѣдуя, ведя мѣновую торговлю, плутуя, крестя, повинуясь самымъ различнымъ побужденіямъ и сходясь между собой только въ одномъ — въ неустрашимой храбрости и находчивости, которая выводила ихъ невредимыми изо всѣхъ опасностей. Французы были и къ сѣверу отъ британскихъ поселковъ, и къ западу, и къ югу отъ нихъ, и если материкъ въ настоящее время не весь принадлежитъ французамъ, это уже, конечно, не вина желѣзныхъ предковъ нынѣшнихъ канадцевъ.

Все это де-Катина объяснилъ Адели въ тотъ осенній день,

стараясь отвлечь ея мысли отъ печалей прошлаго и отъ долгаго, тоскливаго пути, предстоявшаго имъ. Привыкшая къ сидячей жизни въ Парижѣ и къ мирнымъ картинамъ береговъ Сены, она съ изумленіемъ смотрѣла на рѣку, лѣса и горы и съ ужасомъ хваталась за руку мужа, когда мимо, брызгая пѣной съ веселъ, проносился челнокъ, полный дикихъ алгонкинцевъ, одѣтыхъ въ шкуры, съ лицами, разрисованными бѣлой и красной краской.

Рѣка изъ голубой снова стала розовой, старая крѣпость снова одѣлась пурпуромъ заката и бѣглецы, обращаясь другъ къ другу со словами ободренія на устахъ, сошли въ свои каюты, съ тяжестью на сердцѣ.

Койка де-Катина находилась около одного изъ пушечныхъ люковъ и онъ имѣлъ обыкновеніе не запирать этого люка, такъ какъ рядомъ помѣщались кухня, гдѣ происходила стряпня на весь экипажъ, и потому воздухъ былъ слишкомъ тепелъ и удушливъ. Въ этотъ вечеръ онъ никакъ не могъ уснуть и ворочался подъ одѣяломъ, перебирая въ умѣ всякія средства, какъ бѣжать съ этого проклятаго корабля. Но если бы даже и удалось бѣжать, то куда дѣться? Вся Канада была закрыта для нихъ. Лѣса на югѣ полны свирѣпыхъ индѣйцевъ. Правда, въ англійскихъ колоніяхъ они могли бы свободно исповѣдывать свою вѣру, но что дѣлать ему и женѣ его, безъ друзей, среди чуждаго имъ народа? Не измѣни имъ Амосъ Гринъ, все было бы хорошо. Но онъ покинулъ ихъ. Конечно, у него не было причины поступить иначе. Онъ не родной имъ и безъ того уже много разъ оказывалъ имъ услуги. Дома его ожидала семья и любимый образъ жизни. Чего ради ему медлить здѣсь изъ-за людей, съ которыми онъ познакомился лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Этого нельзя и требовать.... и все же де-Катина не могъ примириться съ тѣмъ, что произошло.

Но что это? Среди тихаго плеска волнъ вдругъ раздалось рѣзкое: „Тсс...“ Вѣроятно, плылъ какой-нибудь лодочникъ или индѣецъ. Звукъ повторился еще настойчивѣе. Де-Катина присѣлъ на койкѣ и сталъ оглядываться. Звукъ несомнѣнно доносился изъ открытаго пушечнаго люка. Онъ взглянулъ, но передъ глазами его былъ только широкій затонъ, неясныя очертанія судовъ и огни, мерцавшіе вдали на Пуанъ-Леви. Онъ снова опустился на подушку, но въ это время какой-то предметъ ударился о его грудь и съ легкимъ шумомъ упалъ на полъ. Онъ вскочилъ, схватилъ съ крюка фонарь и направилъ его на

свѣтъ на полъ. Передъ нимъ лежала маленькая золотая булавка. Онъ поднялъ ее и, внимательно взглянувъ на нее, вздрогнулъ отъ радости. То была его собственная булавка, онъ отдалъ ее Амосу Грину на второй день по его пріѣздѣ, когда они вмѣстѣ отправлялись въ Версаль.

Значитъ, это сигналъ... Амосъ Гринъ не покинулъ ихъ! Весь дрожа отъ волненія, онъ одѣлся и вышелъ на палубу. Стоялъ глубокій мракъ, такъ что онъ ничего не могъ разглядѣть, но мѣрный звукъ шаговъ гдѣ-то на передней палубѣ показывалъ, что часовые еще здѣсь. Бывшій гвардеецъ подошелъ къ борту и устремилъ взглядъ во тьму. Онъ увидѣлъ смутныя очертанія лодки.

— Кто тутъ? — шепнулъ онъ

— Это вы, де-Катина?

— Да.

— Мы пріѣхали за вами.

— Да благословитъ васъ Богъ, Амосъ.

— Ваша жена здѣсь?

— Нѣтъ, но я сейчасъ разбужу ее.

— Отлично! Но сначала поймайте эта веревку. Теперь тащите лѣстницу.

Де-Катина схватилъ брошенную ему бичевку и, потянувъ ее къ себѣ, увидѣлъ, что къ ней привязана веревочная лѣстница, снабженная желѣзными крючьями для прикрѣпленія къ борту. Укрѣпивъ ее, онъ потихоньку пробрался въ среднюю часть корабля, гдѣ находились дамскія каюты, одна изъ которыхъ была отведена его женѣ. Въ данную минуту она была единственной женщиной на кораблѣ, такъ что онъ могъ безпрепятственно постучаться въ дверь и въ краткихъ словахъ объяснить, что нужно спѣшить и не шумѣть. Черезъ десять минутъ Адель съ маленькимъ узломъ въ рукахъ выскользнула изъ каюты. Вмѣстѣ они вышли на палубу и прокрались на корму. Они почти дошли до борта, когда де-Катина остановился и проклятіе вылетѣло изъ-за его стиснутыхъ зубовъ. Между ними и веревочной лѣстницей при ночномъ свѣтѣ висѣвшаго на вантахъ фонаря выдѣлялась угрюмая фигура францисканца. Онъ вглядывался во мракъ изъ-подъ своего надвинутаго капюшона и медленно подвигался впередъ, какъ будто замѣтивъ бѣглецовъ. Затѣмъ онъ снялъ фонарь и навелъ свѣтъ на нихъ.

Но де-Катина былъ не изъ тѣхъ людей, съ которыми можно шутить. Всю жизнь онъ отличался быстротой рѣшеній и дѣй-

ствій. Неужели мстительный монахъ можетъ стать ему помѣхой въ послѣднюю минуту? Плохо это можетъ окончиться для него! Де-Катина быстро толкнулъ Адель къ мачтѣ и, когда монахъ приблизился къ нему, кинулся на него и вцѣпился въ него. При этомъ капюшонъ свалился съ головы монаха и вмѣсто суровыхъ чертъ францисканца, де-Катина, при свѣтѣ фонаря, къ великому своему изумленію, увидѣлъ лукавые сѣрые глаза и грубое лицо Эфраима Савэджа. Въ то же самое время изъ-за борта появилась другая фигура и мягкосердечный французъ бросился въ объятія Амоса Грина.

— Все идетъ хорошо,—сказалъ молодой охотникъ, высвобождаясь съ трудомъ изъ объятій пріятеля.—Онъ у насъ въ лодкѣ съ кожаной перчаткой въ глоткѣ.

— Кто «онъ»?

— Человѣкъ, одежда котораго на капитанѣ Эфраимѣ. Онъ наткнулся на насъ, пока вы ходили за женой, но мы скоро успокоили его. Здѣсь ваша жена?

— Вотъ она.

— Ну, такъ скорѣе, а то можетъ придти кто-нибудь.

Адель подняли черезъ бортъ и усадили на кормѣ берестяного челнока. Мужчины отстегнули лѣстницу и спустились по веревкѣ, а два индѣйца, сидѣвшіе у веселъ, безмолвно оттолкнули лодку и быстро поплыли противъ теченія. Черезъ минуту отъ «Св. Христофора» осталось только смутное очертаніе съ двумя желтыми огоньками.

— Возьмите-ка весло, Амосъ, а я возьму другое,—сказалъ капитанъ Савэджъ, сбрасывая съ себя одежду монаха.—На палубѣ корабля я чувствовалъ себя въ безопасности въ этомъ нарядѣ, а здѣсь онъ только мѣшаетъ. Я думаю, мы могли бы закрыть всѣ люки и забрать весь корабль съ мѣдными пушками и со всѣмъ, что на немъ есть.

— А на другой день висѣть на реяхъ, въ качествѣ пиратовъ,—замѣтилъ Амосъ.—По моему мы сдѣлали хорошо, забравъ медъ и не тронувъ колоды. Надѣюсь, что вы здоровы, сударыня?

— Я не понимаю, что случилось и гдѣ мы теперь.

— Какъ и я, Амосъ.

— Развѣ вы не ждали, что мы вернемся за вами?

— Я не зналъ что и думать.

— Ну, вотъ! Неужели же вы могли думать, что мы бросимъ васъ, не сказавъ ни словечка?

— Признаюсь, это огорчило меня до глубины души.

— Я этого опасался, когда, искоса взглянувъ на васъ, замѣтилъ, что вы такъ печально смотрѣли вслѣдъ намъ. Но если бы замѣтили, что мы бесѣдуемъ или совѣщаемся, то непремѣнно стали бы слѣдить за нами. А такъ мы ни въ комъ не возбудили подозрѣній за исключеніемъ того молодца, что лежитъ на днѣ лодки.

— Что же вы сдѣлали?

— Вчера вечеромъ сошли съ брига на берегъ Бопрэ, наняли этотъ челнокъ и притаились на цѣлый день. Потомъ ночью подплыли къ кораблю. Я скоро разбудилъ васъ, такъ какъ зналъ, гдѣ вы спите. Монахъ чуть было не испортилъ все дѣло, когда вы спустились внизъ, но мы заткнули ему глотку и спустили къ себѣ въ лодку. Эфраимъ надѣлъ рясу, чтобы встрѣтить васъ и помочь, не подвергаясь опасности. Мы очень боялись промедленія.

— Ахъ, какъ прекрасно быть снова свободнымъ! Какъ безконечно обязанъ я вамъ, Амосъ!

— Ну, вы охраняли меня, когда я былъ въ вашей странѣ. Теперь я поберегу васъ.

— Куда же мы ѣдемъ?

— Ахъ! Вотъ въ этомъ и вопросъ. Путь моремъ закрытъ для насъ. Придется какъ-нибудь пробираться по материку и надо отплыть какъ можно дальше отъ Квебека, такъ какъ тамъ, повидимому, пріятнѣе захватить гугенота, чѣмъ ирокезскаго вождя. Клянусь Богомъ, не понимаю, какъ можно подымать такой шумъ изъ-за того, какимъ образомъ человѣкъ хочетъ спасти свою душу! Впрочемъ вотъ и старый Эфраимъ такъ же нетерпимъ въ этомъ отношеніи. Значитъ глупость вездѣ возможна.

— Что ты тамъ говоришь про меня?—спросилъ морякъ, насторoживъ уши при упоминаніи своего имени.

— Только то, что вы — добрый, стойкій, старый протестантъ.

— Да, слава Богу. Мой девизъ—свобода совѣсти для всѣхъ, исключая квакеровъ, папистовъ... ну, потомъ не люблю я женщинъ-проповѣдницъ и разныхъ подобныхъ глупостей.

Амосъ Гринъ расхохотался.

— Вѣдь Господь Богъ допускаетъ все это, такъ чего же вы такъ принимаете къ сердцу,—проговорилъ онъ.

— Ахъ, ты еще молодъ и глупъ. Поживешь—узнаешь.

Ты, еще чего добраго, станешь заступаться и за эту нечисть,—сказалъ Эфраимъ, указывая весломъ на распростертаго монаха.

— Что же, по своему, и онъ хорошій человѣкъ.

— Ну, конечно, и акула, по своему, хооршая рыба. Нѣтъ, парень, не втереть мнѣ очковъ. Можешь болтать, пока не свихнешь себѣ челюсти, а все же противнаго вѣтра не сдѣлаешь попутнымъ. Передай-ка мнѣ кисетъ и огниво, а твой пріятель не смѣнитъ-ли меня за весломъ?

Всю ночь они плыли вверхъ по рѣкѣ, напрягая всѣ силы, чтобы уйти отъ ожидаемой погони. Придерживаясь южнаго берега и такимъ образомъ минуя главную силу теченія, они быстро подвигались впередъ. Амосъ и де-Катина были опытные гребцы; индѣйцы работали веслами такъ, словно были не изъ плоти и крови, а изъ стали и желѣза. На всей громадной рѣкѣ царила глубокая тишина, нарушаемая только плескомъ воды о борта лодки, шелестомъ крыльевъ ночныхъ птицъ надъ головами путниковъ, да громкимъ, пронзительнымъ лаемъ лисицъ въ глубинѣ лѣсовъ. Когда, наконецъ, настало утро и черныя тѣни ночи замѣнились на горизонтѣ бѣлымъ цвѣтомъ, они были далеко отъ крѣпости и всякихъ слѣдовъ людей. Дѣвственные лѣса въ чудномъ осеннемъ разнообразномъ уборѣ спускались съ обѣихъ сторонъ до самой рѣки, а посрединѣ виднѣлся маленькій островъ, окаймленный желтымъ пескомъ, въ центрѣ котораго ярко горѣли красные цвѣты сумаховъ и другихъ деревьевъ.

— Я уже былъ здѣсь,—сказалъ де-Катина.—Помню, что сдѣлалъ отмѣтку вонъ на томъ кленѣ съ толстымъ стволомъ, когда въ послѣдній разъ ѣздилъ съ губернаторовъ въ Монреаль. Это было при Фронтенакѣ, когда король еще считался первымъ лицомъ въ государствѣ, а епископъ вторымъ.

При этомъ имени краснокожіе, сидѣвшіе, какъ фигуры изъ терракоты, безъ малѣйшаго выраженія на неподвижныхъ лицахъ, насторожили уши.

— Мой брасъ сказалъ про великаго Ононтіо,—проговорилъ, оглянувшись, одинъ изъ нихъ.—Мы слышали свистъ зловѣщихъ птицъ, увѣряющихъ, что онъ болѣе не вернется изъ-за моря къ своимъ дѣтямъ.

— Онъ теперь у великаго бѣлаго отца,—отвѣтилъ де-

Катина.—Я самъ видѣлъ его въ совѣтѣ и онъ непремѣнно вернется изъ-за моря, если будетъ нуженъ своему народу.

Индѣецъ покачалъ бритою головой.

— Звѣриный мѣсяцъ протекъ, братъ мой,—сказалъ онъ ломанымъ французскимъ языкомъ,—а прежде чѣмъ наступить мѣсяцъ птичьихъ гнѣздъ, на этой рѣкѣ не останется и одного бѣлого кромѣ тѣхъ, что живутъ за каменными стѣнами.

— Что такое! Мы ничего не слышали! Ирокезы напали на бѣлыхъ?

— Братъ мой, они сказали, что съѣдятъ гуроновъ и гдѣ теперь гуроны? Они обратили свои лица противъ эріевъ—и гдѣ теперь эріи? Они пошли къ западу на иллинойцевъ—и кто найдетъ хоть одно иллинойское селеніе? Они подняли топоръ на андастовъ—и имя андастовъ стерто съ лица земли. А теперь они проплясали пляску и пропѣли пѣсню, отъ которой мало будетъ добра моимъ бѣлымъ братьямъ.

— Гдѣ же они?

Индѣецъ повелъ рукой въ сторону всего южнаго и западнаго горизонта.

— Гдѣ нѣтъ ихъ? Лѣса кишатъ ими. Они словно пожаръ въ сухой травѣ—такъ же быстры и ужасны.

— Ну,—сказалъ де-Катина,—если дѣйствительно эти дьяволы сорвались съ цѣпи—нашимъ въ городѣ придется вызвать старика де-Фронтенака, если они не желаютъ очутиться въ рѣкѣ.

— Да,—сказалъ Амосъ,—я видѣлъ его разъ, когда, вмѣстѣ съ другими, меня привели къ нему за то, что я торговалъ во владѣніяхъ, которыя онъ считалъ французскими. Ротъ у него былъ стиснутъ, словно капканъ для хорька, а смотрѣлъ онъ на насъ такъ, какъ-будто хотѣлъ сдѣлать себѣ штиблеты изъ нашихъ скальповъ. Но все же было видно, что онъ вождь и храбрый человѣкъ.

— Онъ былъ врагъ церкви и правая рука дьявола въ этой странѣ,—сказалъ голосъ со дна челнока.

То говорилъ монахъ. Ему удалось освободиться отъ кожаной перчатки и пояса, которыми заткнули ему ротъ американцы. Теперь онъ лежалъ, скорчившись, и свирѣпо смотрѣлъ на своихъ спутниковъ сверкающими, огненными черными глазами.

— Челюстная снасть у него пообслабла,—сказалъ капитанъ Эфраимъ.—Сейчасъ затяну ее хорошенько.

— Нѣтъ, зачѣмъ намъ тащить его дальше?—проговорилъ Амосъ. — Лишній грузъ, а пользы никакой. Выкинемъ-ка его.

— Да, пускай выплыветъ или потонетъ,—съ одушевленіемъ крикнулъ старый Эфраимъ.

— Нѣтъ, выкинемъ на берегъ.

— Для того, чтобъ онъ побѣжалъ сказать чернымъ курткамъ?

— Ну, такъ на островъ.

— Прекрасно. Онъ можетъ позвать перваго изъ своихъ, кто проѣдетъ мимо.

Они подплыли къ острову и высадили монаха, который ничего не сказалъ, но взглядомъ послалъ имъ проклятіе. Ему оставили небольшой запасъ сухарей и муки, чтобы онъ могъ просуществовать, пока его не найдетъ кто-нибудь. Затѣмъ, миновавъ поворотъ рѣки, бѣглецы пристали къ берегу въ маленькой бухтѣ, гдѣ кустики клюквы и брусники доходили до самаго края воды, а лужокъ пестрѣлъ бѣлымъ молочайникомъ, синей генціаной и пурпуровымъ пчелинымъ листомъ. Здѣсь они выложили свою незатѣйливую провизію и поѣли съ аппетитомъ, обсуждая свои будущіе планы.

XXX. Погоня.

Они были снабжены всѣмъ необходимымъ для путешествія. Капитанъ брига, на которомъ американцы выѣхали изъ Квебека, хорошо зналъ Эфраима Савэджа. Да впрочемъ, кто же и не зналъ его на берегахъ Новой Англіи? Поэтому онъ взялъ съ Эфраима вексель на три мѣсяца за столько процентовъ, сколько ему удалось выжать съ него, далъ ему три превосходныхъ ружья, хорошій запасъ аммуниціи и достаточно денегъ. Такимъ образомъ Савэджъ могъ нанять челнокъ, индѣйцевъ и запастись мясомъ и сухарями по крайней мѣрѣ дней на десять.

— Словно новая жизнь влилась въ мои жилы съ тѣхъ поръ, какъ я чувствую ружье за спиной и слышу запахъ деревьевъ,—сказалъ Амосъ.—Отсюда, навѣрно, не болѣе ста миль до Альбани или Шенектеди, если идти прямо лѣсомъ.

— Да, парень; но какъ дѣвочкѣ-то пройти сто миль по лѣсу? Нѣтъ, нѣтъ, останемся лучше на водѣ и положимся на Господа Бога.

— Тогда у насъ только одинъ путь. Нужно проплыть всю рѣку Ришелье и взять направо къ озеру Шампленъ и С.-Сакраменто. Тогда мы будемъ какъ разъ у верховьевъ Гудзона.

— Это опасный путь,—сказалъ де-Катина, который понималъ разговоръ своихъ спутниковъ, хотя и не могъ принять участіе въ немъ.—Намъ придется пробираться по владѣніямъ могауковъ.

— Другого пути, я думаю, нѣтъ. Выбирать намъ не изъ чего.

— У меня на рѣкѣ Ришелье есть другъ, который, я увѣренъ, поможетъ намъ,—съ улыбкой сказалъ де-Катина.— Адель, ты вѣдь слышала отъ меня о Шарлѣ де-ла-Ну, владѣльцѣ Св. Маріи?

— Котораго ты называлъ канадскимъ герцогомъ, Амори?

— Вотъ именно. Его владѣнія лежатъ на рѣкѣ Ришелье, нѣсколько на югъ отъ форта С.-Луи. Я увѣренъ, что онъ окажетъ намъ помощь.

— Отлично!—крикнулъ Амосъ.—Если у насъ окажется тамъ другъ, все пойдетъ хорошо. Итакъ, дѣло рѣшено, мы будемъ держаться рѣки. Приналяжемъ на весла, а не то этотъ монахъ надѣлаетъ намъ хлопотъ, если сможетъ.

Впродолженіе цѣлой недѣли маленькое общество съ трудомъ подымалось вверхъ по теченію большой рѣки, придерживаясь южнаго берега. Съ обѣихъ сторонъ тянулись густые лѣса, но по временамъ попадались просѣки и узкая полоса желтаго жнивья указывала на мѣсто, гдѣ росли хлѣба. Адель съ любопытствомъ разсматривала деревянные домики съ выступающими верхними этажами и причудливыми коньками на крышахъ, прочные каменные дома помѣщиковъ и мельницы въ каждомъ поселкѣ, служившія двойной цѣли— размалыванію зерна и мѣстомъ убѣжища въ случаѣ нападенія. Горькій опытъ научилъ канадскихъ поселенцевъ тому, чему только впослѣдствіи научились и англійскіе переселенцы, а именно, что въ странѣ дикарей безумно строить уединенныя фермы среди полей. Въ этой мѣстности всѣ лѣсныя просѣки расходились лугами отъ селъ и каждый коттэджъ былъ расположенъ сообразно съ военными потребностями всего поселка такъ, чтобы при защитѣ можно было отстаивать всѣ его пункты и, въ заключеніе, сосредоточиться въ каменномъ домѣ и мельницѣ. Изъ-за ка-

ждаго пригорка и холмика вблизи селеній виднѣлись сверкавшіе на солнцѣ мушкеты часовыхъ. Извѣстно было, что отряды пяти племенъ, скальпировавшіе попадавшихся имъ въ руки поселянъ, бродятъ повсюду и могутъ явиться нежданно-негадано во всякомъ мѣстѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, куда бы ни направился путникъ,—к рѣкѣ Св. Лаврентія, или къ западу на озера, на берега Миссисипи, или на югъ, въ страну широкіевъ или криковъ,— вездѣ онъ нашелъ бы жителей въ одинаковомъ состояніи тревожнаго ожиданія и все по той же причинѣ. Ирокезы, какъ ихъ называли французы, или Пять Племенъ, какъ они сами называли себя, нависли, какъ туча, надо всѣмъ обширнымъ материкомъ. Союзъ ихъ являлся вполнѣ естественнымъ, такъ какъ они всѣ происходили отъ одного корня, говорили на одномъ языкѣ и всѣ попытки разъединить ихъ были напрасны. Могауки, каюги, онондаги, онеиды и сенеки въ мирное время гордились своими особыми племенными значками и вождями, но во время войны онѣ всѣ становились ирокезами и врагъ однихъ считался врагомъ всѣхъ. Численность ихъ была невелика: имъ никогда не удавалось выставить въ поле и двухъ тысячъ воиновъ: владѣнія ихъ не были обширны, такъ какъ состояли изъ поселковъ, разбросанныхъ на пространствѣ между озеромъ Шампленъ и озеромъ Онтаріо. Но они были крѣпко связаны между собой, лукавы, отчаянно храбры, дерзки и энергичны. Занимая центральное положеніе, они дѣлали набѣги во всѣ стороны поочередно, никогда не довольствуясь пораженіемъ противниковъ, но уничтожая и истребляя ихъ окончательно. Война была для нихъ дѣломъ, а жестокости развлеченіемъ. Одно за другимъ они истребили различныя племена на пространствѣ тысячи квадратныхъ миль, оставивъ лишь тѣхъ, существованіе которыхъ казалось имъ не опаснымъ. Въ одномъ ужасномъ избіеніи они смели съ лица земли гуроновъ и гуронскія миссіи. Они истребили племена сѣверо-запада такъ, что даже отдаленные саки и фоксы (лисицы) дрожали при одномъ ихъ имени. Они опустошили набѣгами всю страну на западѣ такъ, что ихъ скальпировальные отряды достигли владѣній ихъ родичей, сіу, властителей великихъ равнинъ, какъ ирокезы были властителями лѣсовъ. Новоанглійскіе индѣйцы на востокѣ и шавніи и делавары далѣе къ югу платили имъ дань, а страхъ передъ ихъ оружіемъ

достигъ границъ Мериланда и Виргиніи. Быть-можетъ, никогда въ исторіи не встрѣчалось примѣра, чтобы такая малочисленная кучка людей господствовала такъ долго надъ такой обширной территоріей.

Втеченіе полувѣка эти племена питали злобу противъ Франціи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Шампленъ и нѣкоторые изъ его послѣдователей приняли сторону ихъ враговъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ они набирались силъ въ своихъ лѣсныхъ поселкахъ, лишь по временамъ выдавая себя отдѣльными пограничными набѣгами, но въ общемъ выжидая болѣе удобныхъ обстоятельствъ. И это время, казалось имъ, наступило теперь. Они истребили всѣ племена, которыя могли бы вступить въ союзъ съ бѣлыми, и изолировали, такимъ образомъ, иностранцевъ. Ирокезы запаслись хорошими ружьями и множествомъ боевыхъ припасовъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ голландцевъ и англичанъ изъ Нью-Іорка. Длинная, разбросанная линія французскихъ поселковъ была открыта передъ ними. Словно собаки на сворахъ, они собирались въ лѣсахъ, ожидая приказаній вождей, чтобы броситься съ пылающими факелами и томагавками на линію селъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда бѣглецы плыли вдоль берега рѣки, видя въ ней единственный путь къ спокойствію и свободѣ. Однако они хорошо понимали опасность, которая угрожала имъ. Вдоль всей рѣки Ришелье были французскіе передовые посты и укрѣпленія, потому что когда въ Канадѣ вводилась феодальная система, то многимъ вельможамъ и туземному дворянству были розданы помѣстья въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это было выгодно для колоніи. Каждый помѣщикъ со своими вассалами, обученными владѣть оружіемъ, представлялъ собой военную силу совершенно какъ въ средніе вѣка; каждый фермеръ долженъ былъ, по первому требованію, выступить въ походъ съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому старые офицеры Кариньякскаго полка и наиболѣе смѣлые изъ колонистовъ были водворены вдоль линіи рѣки Ришелье, текущей подъ прямымъ угломъ къ Св. Лаврентія по направленію къ области могауковъ. Жившіе въ укрѣпленіяхъ могли постоять за себя; но кучка путниковъ, принужденная переходить отъ одного изъ нихъ къ другому, подвергалась смертельной опасности. Правда, ирокезы не воевали съ англичанами, но въ военное время не стали бы

церемониться, и американцы, если бы даже захотѣли, не могли не раздѣлить судьбы своихъ французскихъ спутниковъ.

Подымаясь по рѣкѣ Св. Лаврентія, они встрѣтили много лодокъ, плывшихъ внизъ по теченію. То ѣхалъ въ столицу офицеръ или чиновникъ изъ «Трехъ Рѣкъ» или Монреаля, то индѣйцы или лѣсные бродяги везли грузъ звѣриныхъ шкуръ, для отправки въ Европу. Иногда имъ попадался челнокъ, въ которомъ сидѣлъ загорѣлый, сѣдовласый человѣкъ въ порыжѣлой, полинявшей отъ дождя и солнца рясѣ. Человѣкъ этотъ приставалъ то къ одному, то къ другому берегу и выходилъ у каждой индѣйской хижины. Если и было что-либо неладное въ Канадской церкви, то виноваты были никакъ не эти деревенскіе священники, не щадившіе ни трудовъ, ни усилій, ни даже жизни на то, чтобъ внести утѣшеніе, надежду и хоть немного просвѣщенія въ эти дебри. Нѣсколько разъ эти встрѣчные пытались заговорить съ бѣглецами, но тѣ поспѣшно плыли мимо, несмотря на всѣ сигналы и оклики. Съ низовьевъ рѣки никто не перегонялъ ихъ. Они работали веслами съ утра до ночи, а когда останавливались, втаскивали челнокъ на берегъ и разводили костеръ изъ хвороста, такъ какъ въ воздухѣ уже чувствовалось приближеніе зимы.

Не одни обитатели этой страны и ихъ жилища вызывали удивленіе молодой француженки, которая цѣлыми днями просиживала на кормѣ. Мужъ и Амосъ Гринъ, обращали ея вниманіе на лѣса и на многое другое, на что она сама не обратила бы вниманія. Изъ древесной разсѣлины вдругъ выглядывала пушистая морда енота; подъ прибрежными кустами плыла выдра съ бѣлой рыбкой во рту. Дикая кошка кралась по сучку, устремивъ злобные желтые глаза на бѣлокъ, игравшихъ на другомъ концѣ вѣтки; канадскій дикобразъ стремительно, съ трескомъ пролагалъ себѣ путь сквозь спутанную поросль желтыхъ цвѣтовъ смолистыхъ кустарниковъ и черники. Адель научилась различать крикъ трясогузки и трепетъ ея крыльевъ среди листвы, нѣжное щебетанье бѣлой съ чернымъ стрепатки и протяжное мяуканье кошки-птицы *). На лонѣ широкой голубой рѣки, среди чуднаго концерта природы, доносившагося съ береговъ, красоты умиравшаго лѣса, горѣвшаго всѣми красками, какія могли только представлять-

*) Американскій дроздъ.

ся воображенію художника, Адель какъ бы ожила. Улыбка снова появилась на ея губахъ, румянецъ здоровья, какого не могла дать ей Франція, горѣлъ теперь на ея щекахъ. Де-Катина видѣлъ эту перемѣну, но она не радовала его... Онъ чувствовалъ гнетущій страхъ, такъ какъ зналъ, что природа создала эти лѣса раемъ, но люди превратили ихъ въ адъ, что за красою этихъ вянущихъ листьевъ и чудныхъ цвѣтовъ таится неописуемый ужасъ. Часто ночью, лежа на своемъ ложѣ изъ сосновыхъ вѣтокъ у потухающаго костра, онъ взглядывалъ на укутанную въ одѣяло фигурку, мирно спавшую рядомъ съ нимъ, думалъ, что не имѣлъ права подвергать ее такимъ опасностямъ, и рѣшалъ, что на утро повернетъ лодку къ Квебеку и покорится всему, что можетъ ожидать его тамъ. Но вмѣстѣ съ разсвѣтомъ приходили мысли объ униженіи, страшномъ возвращеніи на родину, разлукѣ, которая ожидала бы ихъ на галерахъ или въ тюрьмѣ—и намѣренія, возникшія ночью, исчезали.

На седьмой день они остановились въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья рѣки Ришелье, гдѣ де-Сорель выстроилъ громадное укрѣпленіе, фортъ Ришелье. Отсюда было недалеко до помѣстья вельможи, знакомаго де-Катина, на поддержку котораго онъ разсчитывалъ. Они провели ночь на островкѣ посреди рѣки и на зарѣ только-что принялись стаскивать свой челнокъ съ песчаной отмели, на которой онъ стоялъ, какъ вдругъ Эфраимъ Савэджъ проворчалъ что-то себѣ подъ носъ и указалъ на рѣку.

Вверхъ по рѣкѣ неслась большая лодка со всей быстротой, какую могли придать двѣнадцать веселъ. На кормѣ сидѣла темная фигура, наклонявшаяся впередъ при каждомъ взмахѣ веселъ, словно пожираемая стремленіемъ придать лодкѣ болѣе ходу. Невозможно было ошибиться даже на такомъ разстояніи: то былъ фанатикъ-монахъ, котораго они оставили на островѣ.

Бѣглецы спрятались въ кусты и дождались, пока ихъ преслѣдователи промчались мимо и скрылись за поворотомъ рѣки. Потомъ они въ смущеніи посмотрѣли другъ на друга.

— Лучше было выкинуть его за бортъ или тащить съ собой, какъ балластъ,—сказалъ Эфраимъ.—Теперь онъ далеко впереди насъ и несется во всю.

— Ну, дѣла ужъ не поправишь,—замѣтилъ Амосъ.

— Но какъ же намъ быть?—съ унынiемъ проговорилъ

де-Катина.—Этотъ мстительный дьяволъ предупредитъ всѣхъ и въ портѣ и повсюду на рѣкѣ. Онъ изъ Квебека. Это лодка губернатора и идетъ вполтора раза скорѣе нашей.

— Дайте-ка мнѣ подумать,—сказалъ Амосъ Гринъ. Онъ сѣлъ на упавшій кленовый стволъ и подперъ голову руками.

— Ну, — наконецъ проговорилъ онъ, — если нельзя идти впередъ и невозможно идти назадъ, то остается только идти въ сторону. Не правда-ли, Эфраимъ?

— Да, парень, такъ; когда нельзя плыть, приходится лавировать; только у насъ-то мелко съ обоихъ бортовъ.

— Нельзя идти на сѣверъ, значитъ надо идти на югъ.

— Оставить лодку?

— Это нашъ единственный шансъ на спасеніе. Мы можемъ пройти прямо лѣсомъ къ усадьбѣ на Ришелье. Монахъ потеряетъ нашъ слѣдъ и не помѣшаетъ намъ, если останется на рѣкѣ Св. Лаврентія.

— Больше ничего не остается дѣлать,—печально сказалъ Эфраимъ.—Не люблю ходить лѣсомъ, когда можно плыть водой, да и не бывалъ тамъ со временъ короля Филиппа. Такъ ужъ ты держи курсъ и не сбивайся, Амосъ.

— Это не такъ далеко и идти не долго. Выйдемъ на южный берегъ и въ путь! Если ваша жена устанетъ, мы можемъ поочереди нести ее, де-Катина.

— Ахъ, вы себѣ и представить не можете, какой я хорошій ходокъ. На этомъ чудесномъ воздухѣ можно идти безконечно.

— Ну, такъ переѣзжаемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они были уже у другого берега и причалили къ опушкѣ лѣса. Мужчины раздѣлили между собой ружья, заряды, провизію и скудный багажъ. Затѣмъ бѣглецы расплатились съ индѣйцами, наказавъ имъ никому не говорить, куда они пошли, повернулись спиной къ рѣкѣ и углубились въ безмолвный лѣсъ.

XXXI. Скальпированный.

Весь день они шли по лѣсу гуськомъ; впереди—Амосъ Гринъ, за нимъ капитанъ, Адель; де-Катина замыкалъ шествіе. Молодой охотникъ подвигался осторожно. Онъ слышалъ и видѣлъ многое, что ускользало отъ его путниковъ, безпре-

станно останавливался и осматривалъ то листъ, то мохъ, то вѣтку. Путь ихъ, по большей части, лежалъ по прогалинамъ среди густого сосноваго лѣса; подъ ногами у нихъ разстилался зеленый коверъ травы, среди которой красовались пурпуровыя астры, бѣлый молочайникъ и желтый золотушникъ. По временамъ громадные сучья сплетались надъ ихъ головами и имъ приходилось идти ощупью, въ полумракѣ или пробираться сквозь побѣги зеленаго сассафраса или алаго сумаха. Иногда лѣсъ внезапно разступался передъ ними и они шли по болотамъ, заросшимъ дикимъ рисомъ, среди котораго виднѣлись маленькія группы ольховыхъ деревьевъ, или вдоль безмолвныхъ лѣсныхъ озеръ, глубокая синяя гладь которыхъ пестрѣла тѣнями отъ деревьевъ, склонявшихъ надъ ними свои ярко красные, алые и бронзовые листья. Встрѣчались имъ и рѣки то свѣтлыя и журчащія, гдѣ въ водѣ сверкала чешуя форели и блестѣли перья зимородка, то мрачныя и ядовитыя отъ вліянія болотъ у ихъ истоковъ. Путникамъ приходилось переходить ихъ вбродъ выше колѣнъ въ водѣ и нести на рукахъ Адель. Такъ шли они цѣлый день по громадному лѣсу, не встрѣчая человѣческаго слѣда.

Но если не было людей, то не чувствовалось недостатка въ жизни. Кругомъ нихъ въ болотахъ, рѣкахъ, кустарникахъ все жужжало, стрекотало, щебетало. Порою между отдаленныхъ деревьевъ виднѣлась стройная фигура оленя, порою барсукъ убѣгалъ при ихъ приближеніи въ свою нору. Разъ они увидѣли на мягкой землѣ слѣдъ вывороченной внутрь ступни медвѣдя, а въ другой разъ Амосъ снялъ съ дерева большой олеий рогъ, который животное сбросило мѣсяцъ тому назадъ. Маленькія красныя бѣлки скакали и щелкали надъ ихъ головами; съ каждаго дуба несся хоръ сотенъ тоненькихъ голосовъ, пищавшихъ въ его листвѣ. Когда они шли вдоль озеръ, тяжелый сѣрый аистъ взлеталъ передъ ними, хлопая крыльями, дикія утки шумно поднимались въ воздухѣ и какіе-то странные, дрожащіе крики раздавались въ пространствѣ.

Ночь они провели въ лѣсу. Амосъ Гринъ развелъ костеръ въ такой густой заросли, что въ двѣнадцати шагахъ отъ нея ничего не было видно. Такъ какъ упало нѣсколько капель дождя, то Амосъ съ умѣньемъ опытнаго жителя лѣсовъ, быстро устроилъ два навѣса изъ липовой и вязовой коры—одинъ для де-Катина и его жены, другой для себя и Эфраима. Онъ застрѣлилъ дикаго гуся, мясо котораго, вмѣ-

стѣ съ остатками сухарей, пошло имъ на ужинъ и на завтракъ. На слѣдующій день, въ полдень, они вышли на полянку и посрединѣ ея увидѣли уголья и золу отъ костра. Амосъ употребилъ полчаса на то, чтобъ прочесть все, что могли ему сказать сучья и земля. Когда бѣглецы пошли дальше, Амосъ объяснилъ своимъ спутникамъ, что огонь разведенъ три недѣли тому назадъ, что разводили его одинъ бѣлый и два индѣйца, но они шли съ запада на востокъ и что въ числѣ двухъ индѣйцевъ была женщина. Никакихъ другихъ слѣдовъ присутствія имъ не встрѣчалось, но, уже къ вечеру, Амосъ внезапно остановился среди густой заросли, приложивъ руку къ уху.

— Слушайте!—крикнулъ онъ

— Я ничего не слышу,—сказалъ Эфраимъ.

— И я также,—прибавилъ де-Катина.

— А я слышу!—радостно вскричала Адель.—Звонитъ колоколъ... и какъ разъ въ то время, когда обыкновенно звонятъ колокола въ Парижѣ!

— Вы правы, сударыня. Это звонятъ къ вечерней молитвѣ.

— Ахъ, теперь слышу и я!—сказалъ де-Катина.—Мнѣ мѣшало щебетанье птицъ. Но откуда этотъ звонъ въ сердцѣ Канадскихъ лѣсовъ?

— Мы близко отъ поселковъ на Ришелье. Должно-быть, это колоколъ часовни въ фортѣ.

— Фортъ С.-Луи! Такъ значитъ мы недалеко отъ помѣстья моего друга.

— Тогда мы можемъ переночевать у него, если вы думаете, что ему можно довѣриться.

— Да. У него есть свои странности, но я готовъ довѣрить ему свою жизнь.

— Прекрасно. Такъ мы пойдемъ на югъ отъ форта и придемъ къ его дому. Но что это такъ переполошило птицъ? А, я слышу шумъ шаговъ. Спрячьтесь-ка за кусты сумаха и посмотримъ, кто это такъ смѣло идетъ по лѣсу.

Всѣ четверо притаились въ кустахъ, смотря по направленію взгляда Амоса. Долго остальные не слышали звука, уловленнаго чуткимъ слухомъ охотника, но наконецъ и они разслышали хрустъ вѣтокъ. Кто-то пролагалъ себѣ путь черезъ поросль. Минуту спустя, на прогалинѣ показался человѣкъ

такой странный и не подходящій къ обстановкѣ внѣшности, что даже Амосъ въ изумленіи смотрѣлъ на него.

Это былъ человѣкъ очень маленькаго роста съ такимъ темнымъ, загорѣлымъ лицомъ, что его можно было бы принять за индѣйца, если бы не походка и одежда, нисколько не напоминавшія краснокожаго. На головѣ у него была широкополая шляпа, сильно потертая на поляхъ и такъ вылинявшая, что нельзя было опредѣлить ея первоначальнаго цвѣта. Грубо скроенная одежда изъ шкуръ свободно болталась на его тѣлѣ, а на ногахъ были высокіе драгунскіе сапоги такіе же рваные и грязные, какъ и все остальное. На спинѣ онъ несъ большой свертокъ холста, изъ котораго торчали двѣ длинныя палки, а подъ мышками двѣ квадратныя картины.

— Онъ не индѣецъ,—шепнулъ Амосъ,—и не охотникъ. Ей-Богу, въ жизни не видалъ ничего подобнаго.

— Онъ не купецъ, не солдатъ, не «лѣсной бродяга»!—сказалъ де-Катина.

— Мнѣ кажется, у него на спинѣ мачты, а подъ мышками—паруса,—замѣтилъ капитанъ Эфраимъ.

— Ну, какъ кажется, онъ одинъ, а потому мы можемъ безъ боязни окликнуть его.

Бѣглецы вышли изъ засады и незнакомецъ увидѣлъ ихъ. Вмѣсто того, чтобъ обнаружить тревогу, вполнѣ естественную при встрѣчѣ съ чужими людьми въ такой странѣ, онъ измѣнилъ направленіе и пошелъ къ нимъ. Когда онъ проходилъ прогалину и услышалъ колокольный звонъ, то мгновенно снялъ шляпу и преклонилъ голову. Крикъ ужаса вырвался не только у Адель, но и у всѣхъ остальныхъ при видѣ зрѣлища, представившагося ихъ глазамъ.

Вся верхняя часть головы незнакомца была ободрана. Не оставалось слѣда ни волосъ, ни кожи, вмѣсто нихъ виднѣлась только ужасная, сморщенная безцвѣтная поверхность съ рѣзкой, красной каймой, проходившей надо лбомъ и вокругъ ушей.

— Клянусь Богомъ!—вскрикнулъ Амосъ.—Этотъ человѣкъ скальпированъ.

— Боже мой!—сказалъ де-Катина.—Взгляните на его руки.

Незнакомецъ поднялъ ихъ для молитвы. Торчавшіе вверхъ два-три обрубка указывали мѣста, гдѣ были прежде пальцы.

— Видалъ я на своемъ вѣку много разныхъ головъ, но такой никогда еще не видывалъ,—замѣтилъ капитанъ Эфраимъ.

Дѣйствительно, чѣмъ ближе они подходили къ незнакомцу,

тѣмъ болѣе поражало ихъ его лицо. Нельзя было опредѣлить ни возраста, ни національности этого человѣка, такъ были изуродованы его черты. Одно вѣко было закрыто и своимъ плоскимъ, сморщеннымъ видомъ указывало на отсутствіе глаза. Другой глазъ напротивъ смотрѣлъ такъ весело, ясно и добродушно, словно принадлежалъ баловню судьбы. Лицо все было усѣяно какими-то отвратительными темными пятнами, а носъ раздавленъ и сплющенъ какъ отъ сильнаго удара. Но, несмотря на все это безобразіе, въ осанкѣ этого человѣка, въ поворотѣ его головы и въ выраженіи, которое, подобно аромату измятаго цвѣтка, украшало его исковерканныя черты, было столько благородства, что даже грубый морякъ пуританинъ ощутилъ его вліяніе.

— Добрый вечеръ, дѣти мои,—сказалъ незнакомецъ, поднявъ картины и подходя къ путникамъ.—Полагаю, что вы изъ форта, хотя позволю себѣ замѣтить, что въ настоящее время лѣса не безопасны для дамъ.

— Мы идемъ въ замокъ Св. Маріи, принадлежащій Шарлю де-ла-Ну,—отвѣтилъ де-Катина,—и надѣемся скоро быть въ безопасности. Но какъ мнѣ жаль видѣть, сударь, что вы такъ ужасно истерзаны.

— Ага! Такъ значитъ вы замѣтили мои небольшія поврежденія. Они, бѣдняки, не умѣютъ поступать лучше. Они просто проказливыя дѣти—веселыя, проказливыя дѣти. Ну право, не смѣшно ли, какъ ничтожное бренное тѣло человѣка постоянно задерживаетъ порывы его духа? Вотъ и теперь, я полонъ желанія идти впередъ, я долженъ присѣсть отдохнуть на этотъ пень, такъ какъ повѣсы взорвали икры у меня на ногахъ.

— Боже мой, взорвали икры! Да это сущіе дьяволы!

— Ахъ, право ихъ нельзя винить за это. Это было бы жестоко. Они—невѣжественные, бѣдные люди, а князь тьмы ходить за ними, подстрекая ихъ ко злу. Они заложили мнѣ въ ноги небольшіе заряды пороха и затѣмъ взорвали ихъ такъ, что я сталъ ходить хуже прежняго, хотя и вообще никогда не былъ хорошимъ ходокомъ. И въ школѣ въ Турѣ, и потомъ въ семинаріи, меня вездѣ звали «Улиткой».

— Но кто же вы, сударь, и кто тѣ, которые такъ постыдно обошлись съ вами?

— О, я очень неважная особа. Я—Игнатій Мора, изъ общества Іисуса, а что касается до тѣхъ, кто обошлись со мной нѣсколько сурово... то вѣдь кто идетъ миссіонеромъ къ прокезамъ,

знаетъ, чего можетъ ожидать. Мнѣ собственно не на что жаловаться. Со мной обошлись гораздо лучше, чѣмъ съ отцомъ Жогомъ, отцомъ Бребефомъ и многими другими, кого я могу назвать. Правда, бывали и такія времена, что я надѣялся пріять вѣнецъ мученичества, особенно, когда они, по ихъ шутливому выраженію, полагали, что тонзура у меня слишкомъ мала. Но, вѣроятно, я не былъ достоинъ этого вѣнца... да и дѣйствительно недостоинъ... и потому все закончилось только небольшими грубостями.

— Куда же вы идете?—спросилъ Амосъ, съ изумленіемъ слушавшій незнакомца.

— Я иду въ Квебекъ. Видите, я такой безполезный человѣкъ, что пока не повидаю епископа—никуда не гожусь.

— Вы хотите повидать епископа, чтобы попросить его отозвать васъ изъ миссіи?

— О нѣтъ. Очень возможно, что я сдѣлалъ бы это, будь я предоставленъ самъ себѣ, такъ какъ я невообразимый трусъ. Вы не можете себѣ представить, чтобы служитель Господа могъ такъ бояться, какъ иногда боюсь я. Одинъ видъ огня приводитъ меня въ трепетъ послѣ того, какъ я подвергся испытанію горящими сосновыми щепками, отъ котораго у меня остались эти некрасивыя пятна на лицѣ. Но вѣдь надо подумать объ орденѣ, а члены ордена не оставляютъ дѣла изъ-за пустяковъ. По уставамъ Св. Церкви калѣкамъ воспрещается отправлять богослуженіе, и потому, пока я не получу разрѣшенія отъ епископа, я безполезнѣе чѣмъ когда-либо.

— А что вы сдѣлаете, получивъ разрѣшеніе?

— О тогда, я конечно, вернусь къ своей паствѣ.

— Къ ирокезамъ!

— Да, къ мѣсту моего назначенія.

— Амосъ,—сказалъ де-Катина,—я провелъ свою жизнь среди храбрыхъ людей, но этотъ—храбрѣйшій изо всѣхъ, кого мнѣ доводилось видѣть.

— Честное слово, видывалъ я не мало хорошихъ людей,—сказалъ Амосъ,—но никогда лучше этого. Вы устали, отецъ мой. Закусите кусочкомъ холоднаго гуся, а во фляжкѣ у меня найдется еще немного коньяку.

— Э, сынъ мой, если я съѣмъ что-нибудь кромѣ самой простой пищи, я становлюсь такъ лѣнивъ, что дѣйствительно превращаюсь въ улитку.

— Но у васъ нѣтъ ни ружья, ни съѣстныхъ припасовъ. Чѣмъ же вы питаетесь?

— О, Милосердый Господь позаботился, чтобы въ этихъ лѣсахъ было достаточно пищи для путника, которому нельзя много ѣсть. Я ѣлъ и дикія сливы, и дикій виноградъ, и орѣхи, и бруснику, и слизняковъ со скалъ.

Охотникъ сдѣлалъ отчаянную гримасу при упоминаніи объ этомъ лакомствѣ.

— Я ужъ лучше бы съѣлъ горшокъ клею,—сказалъ онъ.— Но что это вы несете на спинѣ?

— Это моя церковь. Ахъ, у меня тутъ все—палатка, алтарь и ризы—рѣшительно все. Безъ разрѣшенія епископа я самъ не могу отправлять богослуженія, но, безъ сомнѣнія, этотъ почтенный человѣкъ принадлежитъ къ числу духовныхъ и совершитъ для насъ святую службу.

Амосъ, лукаво подмигивая, перевелъ это предложеніе Эфраиму, который стоялъ, стиснувъ красныя руки, и бормоталъ что-то о папизмѣ. Да-Катина поспѣшно отвѣтилъ, что всѣ они свѣтскіе люди и что имъ необходимо немедленно идти дальше, чтобы дойти до мѣста до наступленія ночи.

— Вы правы, сынъ мой,—сказалъ маленькій іезуитъ.—Эти бѣдные люди уже покинули свои селенія и черезъ нѣсколько дней лѣса будутъ полны ими, хотя я не думаю, чтобы они перешли Ришелье. Я бы попросилъ васъ сдѣлать мнѣ одно одолженіе.

— Какое?

— Прошу васъ помнить, что я оставилъ у отца Лаамбревиля, въ странѣ онондаговъ, составленный мною французско-ирокезскій словарь. Тамъ же мое описаніе мѣдныхъ залежей у великихъ озеръ, которыя я посѣтилъ два года тому назадъ, а также и карта сѣвернаго неба, показывающая положеніе звѣздъ на каждый мѣсяцъ, какъ они бываютъ видны подъ здѣшними широтами. Если что-либо случится съ отцемъ Ламбервиль или со мной—а въ ирокезскихъ миссіяхъ вообще долго не живутъ,—то пусть кто-нибудь воспользуется моими трудами.

— Сегодня же скажу моему другу. Но что это за картины, отецъ мой, и зачѣмъ вы носите ихъ по лѣсу?

Іезуитъ повернулъ ихъ и бѣглецы столпились вокругъ, съ изумленіемъ смотря на то, что представлялось ихъ взорамъ.

Картины были самой грубой живописи, пестро размалеванныя. На первой былъ изображенъ красный человѣкъ, возле-

жавшій на чемъ-то вродѣ цѣпи горъ, съ музыкальнымъ инструментомъ въ рукахъ, короной на головѣ и улыбкой на лицѣ. На другой—такой же человѣкъ кричалъ во все горло, причемъ съ полдюжины черныхъ колотили его палками и кололи копьями.

— Это—душа въ аду и душа въ раю,—сказалъ отецъ Игнатій Мора, смотря съ нѣкоторымъ самодовольствомъ на картины.—Вотъ облака, на которыхъ паритъ душа праведника, наслаждаясь райскимъ блаженствомъ. Она хорошо нарисована, но не производитъ впечатлѣнія, потому что тутъ не нарисована трубка съ табакомъ. Видите, у этихъ бѣдняжекъ мало̀ разума и потому приходится просвѣщать ихъ, насколько возможно, при помощи ихъ зрѣнія и грубыхъ ощущеній. Другая картина лучше. Она помогла мнѣ обратить нѣсколькихъ женщинъ и не одного индѣйца. Весной, когда я приду сюда, я не принесу души въ раю, зато принесу пять душъ въ аду, по одной для каждаго народа. Видите, съ сатаной надо бороться всякимъ орудіемъ. А теперь, дѣти мои, если вамъ надо идти дальше, позвольте мнѣ призвать на васъ благословеніе небесъ.

И тутъ произошло нѣчто необычайное. Красота души этого человѣка сіяла такъ ярко сквозь жалкія тучи сектантскихъ различій, что, когда онъ поднялъ руку для благословенія—протестанты стали на колѣни и даже старый Эфраимъ съ умиленнымъ сердцемъ и склоненной головой выслушалъ полупонятныя слова изувѣченнаго, полуслѣпого, маленькаго незнакомца.

— Ну, прощайте,—сказалъ онъ, когда остальные поднялись съ колѣнъ.—Да осѣнитъ васъ сіяніе Св. Евлаліи, и защититъ васъ въ минуту опасности Св. Анна изъ Бопре.

Такъ они оставили эту комичную и вмѣстѣ героическую изувѣченную фигуру, ковылявшую среди лѣса со своей палаткой и картинами. Если когда-либо римская церковь погибнетъ, то виной этому будутъ ея высшія духовныя лица, составляющія слабость, общую всѣмъ церквамъ, или ея узкія воззрѣнія на слишкомъ широкія вопросы, но никакъ не ея низшіе служители: нигдѣ люди, какъ мужчины такъ и женщины, не проявили столько силъ и героизма, какъ на служеніе ей

XXXII. Владѣлецъ Св. Маріи.

Изгнанники, оставивъ направо фортъ С.-Луи, откуда доносился колокольный звонъ, поспѣшно пошли впередъ, такъ какъ солнце было уже столь низко, что на просѣкахъ тѣнь отъ кустовъ ложилась, какъ отъ деревьевъ. Вдругъ передъ ними, среди

стволовъ, вмѣсто зеленой травы сверкнула голубая вода и они увидѣли широкую быструю рѣку. Во Франціи она считалась бы громадной, но глаза путника, только-что видѣвшіе рѣку Св. Лаврентія, привыкли къ еще большимъ воднымъ пространствамъ. Амосъ и де-Катина и прежде бывали на Ришелье и теперь сердца ихъ радостно забились при видѣ этой рѣки, такъ какъ они знали, что по ней лежитъ прямой путь—одному—домой, другому — къ спокойствіею и свободѣ. Нѣсколько дней пути по Ришелье, еще нѣсколько дней по прекраснымъ, усѣяннымъ островами озорамъ Шамиленъ и Св. Сакраменто, подъ тѣнью деревьевъ Адирондика—и они на верховьяхъ Гудзона и всѣ пережитые ими труды и опасности станутъ лишь предметомъ разговоровъ въ зимніе вечера.

На другомъ берегу лежала страна страшныхъ ирокезовъ и въ двухъ мѣстахъ они замѣтили дымъ, вздымавшійся къ вечернему небу. Они помнили слова іезуита, что воинственные отряды еще не переходили черезъ рѣку, и поэтому пошли по тропинкѣ вдоль восточнаго берега. Однако черезъ нѣсколько шаговъ ихъ остановилъ грозный военный окликъ и изъ чащи на тропинкѣ сверкнули два мушкетныхъ дула, направленныхъ на нихъ.

— Мы—друзья!—крикнулъ де-Катина.

— Откуда же вы?—спросилъ невидимый часовой.

— Изъ Квебека.

— А куда идете?

— Навѣстить г. Шарля де-ла Ну, владѣльца Св. Маріи.

— Прекрасно. Опасности нѣтъ, дю-Лю. Съ ними еще и дама. Привѣтствую васъ отъ имени моего отца, сударыня.

Изъ чащи вышло двое людей, изъ которыхъ одинъ могъ сойти за чистокровнаго индѣйца, если бы не вѣжливыя слова, произнесенныя на безукоризненномъ французскомъ языкѣ. Это былъ высокій, тонкій молодой человѣкъ, очень смуглый, съ проницательными черными глазами и рѣзкими, неумолимыми очертаніями рта, которыя указывали на несомнѣнно индѣйское происхожденіе. Его жесткіе, длинные волосы были собраны кверху въ чубъ; воткнутое въ нихъ орлиное перо служило его единственнымъ украшеніемъ. Грубая кожаная куртка и мокассины изъ оленьей шкурки совершенно походили на одежду Амоса Грина, но блескъ золотой цѣпи на поясѣ, сверканіе драгоцѣннаго кольца на пальцѣ и изящной работы мушкетъ придавали элегантность его костюму. Широкая желтая полоса охры на лбу

и томагаукъ у пояса еще усиливали впечатлѣніе двойственности, производимое его внѣшностью.

Другой былъ несомнѣнно природный французъ, пожилой, темноволосый и жилистый съ жестокой черной бородой, съ суровымъ энергичнымъ лицомъ. На немъ также была охотничья одежда, но за яркимъ, полосатымъ поясомъ торчала пара длинныхъ пистолетовъ. Его оленья куртка была украшена спереди крашеными иглами дикобраза и индѣйскими бусами, а ярко-красные штиблеты—бахромой изъ енотовыхъ хвостовъ. Опершись на свое длинное темное ружье, онъ смотрѣлъ на путниковъ, тогда какъ молодой человѣкъ пошелъ навстрѣчу имъ.

— Извините наши предосторожности,—проговорилъ онъ.—Никогда нельзя предвидѣть, что предпримутъ эти негодяи для того, чтобъ провести насъ. Боюсь, сударыня, что такой долгій и трудный путь сильно утомилъ васъ.

Бѣдная Адель, славившаяся своей опрятностью даже среди хозяевъ улицы Св. Мартина, едва осмѣлилась взглянуть на свое испачканное и грязное платье. Она съ улыбкой переносила всѣ опасности и усталость, но терпѣніе чуть не измѣнило ей при мысли, что она явится передъ посторонними въ такомъ видѣ.

— Моя мать будетъ очень рада принять васъ и позаботиться обо всемъ необходимомъ,—поспѣшно проговорилъ молодой человѣкъ, какъ-будто читая ея мысли.—Но васъ, сударь, я, навѣрно, видѣлъ прежде.

— И я васъ!—вскрикнулъ гвардеецъ.—Я—Амори де-Катина, бывшій офицеръ Пикардійскаго полка. Вы, безъ сомнѣнія, Ахиллъ де-ла-Ну де-Сенъ-Мари. Я припоминаю, что видалъ васъ на губернаторскихъ пріемахъ въ Квебекѣ, гдѣ вы бывали вмѣстѣ съ вашимъ отцомъ.

— Да, это я,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, протягивая руку и улыбаясь нѣсколько принужденно.

Де-Катина дѣйствительно помнилъ его какъ одного изъ множества молодыхъ дворянъ, которые пріѣзжали разъ въ годъ въ столицу, гдѣ освѣдомлялись о послѣднихъ модахъ, болтали о прошлогоднихъ версальскихъ сплетняхъ и хоть впродолженіе нѣсколькихъ недѣль жили тою жизнью, которая соотвѣтствовала традиціямъ ихъ сословія. Въ настоящую минуту, подъ тѣнью большихъ дубовъ съ чубомъ и военной раскраской, съ мушкетомъ въ рукѣ и томагаукомъ за поясомъ онъ казался совсѣмъ инымъ существомъ.

— У насъ въ лѣсахъ одна жизнь, а въ городѣ—другая,—сказалъ онъ,—хотя мой добрый отецъ не признаетъ этого и повсюду носитъ Версаль за собой. Вы знаете его, сударь, и потому нечего объяснять вамъ моихъ словъ. Но намъ пора смѣниться и мы можемъ проводить васъ домой.

Двое людей въ одеждѣ канадскихъ фермеровъ, держа ружья такъ, что опытный глазъ де-Катина сейчасъ же призналъ въ нихъ хорошо обученныхъ солдатъ, внезапно появились передъ разговаривавшими. Молодой де-ла-Ну въ краткихъ словахъ отдалъ имъ нѣсколько приказаній и затѣмъ пошелъ съ бѣглецами вдоль тропинки.

— Вы, можетъ-быть, не знаете моего пріятеля,—сказалъ онъ, указывая на другого часового,—но я увѣренъ, что имя его знакомо вамъ. Это Грейсолонъ дю-Лю.

Амосъ и де-Катина съ величайшимъ любопытствомъ и интересомъ посмотрѣли на знаменитаго предводителя «лѣсныхъ бродягъ»—человѣка, который всю жизнь провелъ, двигаясь все дальше и дальше на западъ, мало говорившаго, ничего не записывавшаго и постоянно оказывавшагося впереди вездѣ, гдѣ встрѣчалось затрудненіе или грозила опасность. Въ эти пустынныя, дикія западныя страны его влекла не религія и не жажда наживы, а горячая любовь къ природѣ и страсть къ приключеніямъ. У него было столь полное отсутствіе честолюбія, что онъ никогда не описывалъ своихъ странствованій и никто не зналъ, гдѣ онъ бывалъ и гдѣ останавливался. На цѣлые мѣсяцы исчезалъ онъ изъ поселковъ колонистовъ и пропадалъ въ обширныхъ равнинахъ Дакоты или въ громадныхъ пустыняхъ сѣверо-запада и въ одинъ прекрасный день внезапно появлялся въ «Sault la Marie» или въ какомъ-либо другомъ форпостѣ цивилизаціи, нѣсколько болѣе худой и загорѣлый, чѣмъ прежде, но все такой же молчаливый. Индѣйцы отдаленнѣйшихъ частей материка отлично знали его. Онъ могъ поднимать цѣлыя племена и приводилъ на помощь французамъ по тысячѣ разрисованныхъ людоѣдовъ, говорившихъ на никому неизвѣстномъ языкѣ и появлявшихся съ береговъ никому, кромѣ него, невѣдомыхъ рѣкъ. Самые смѣлые французскіе піонеры, достигнувъ, послѣ множества приключеній, какъ они думали, новооткрытой земли, часто встрѣчали тамъ дю-Лю, сидящаго у костра, съ трубкой во рту рядомъ съ какой-нибудь женщиной. Иногда, сбившіеся съ пути, окруженные опасностями путники, за тысячи миль отъ друзей, внезапно встрѣчали

этого молчаливаго человѣка съ однимъ или двумя товарищами. Дю-Лю выводилъ путниковъ изъ затрудненій и исчезалъ такъ же внезапно, какъ появлялся. Таковъ былъ тотъ, кто шелъ рядомъ съ ними вдоль берега рѣки де-Ришелье, и Амосъ и де-Катина знали, что его присутствіе здѣсь имѣетъ зловѣщее значеніе, такъ какъ Грейсолонъ дю-Лю всегда находился въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грозила опасность.

— Что вы думаете о тѣхъ огняхъ, дю-Лю?—спросилъ молодой де-ла-Ну.

Искатель приключеній набивалъ себѣ трубку отвратительнымъ индѣйскимъ табакомъ, который онъ отрѣзалъ отъ пачки скальпировальнымъ ножомъ. Онъ взглянулъ на два столбика дыма, вырисовывавшихся на красномъ фонѣ вечерняго неба.

— Они не нравятся мнѣ,—сказалъ онъ.

— Такъ тамъ ирокезы?

— Да.

— Ну, по крайней мѣрѣ это доказываетъ, что они на томъ берегу.

— Это доказываетъ, что они на этомъ.

— Какъ?

Дю-Лю зажегъ трубку.

— Ирокезы на этомъ берегу,—сказалъ онъ.—Они переправились къ югу отъ насъ.

— А вы не сказали этого намъ. Какъ вы знаете, что они переправились, и почему не сказали намъ объ этомъ?

— Я не зналъ, пока не увидѣлъ этихъ огней.

— Ну, а что же они сказали вамъ?

— Эхъ, каждый индѣйскій мальчишка скажетъ вамъ это,—нетерпѣливо отвѣтилъ дю-Лю.—Ирокезы, во время войны, ничего не дѣлаютъ безъ цѣли. Они намѣренно показываютъ намъ этотъ дымъ. Будь всѣ ихъ военные отряды на той сторонѣ, это было бы безполезно. Очевидно, самые смѣлые уже переплыли рѣку. А съ сѣвера они не могли этого сдѣлать, такъ какъ ихъ увидѣли бы изъ форта. Значитъ, они переправились на югѣ.

Амосъ кивнулъ головой съ видомъ полнаго одобренія.

— Это вполнѣ въ правахъ индѣйцевъ,—сказалъ онъ.—Ручаюсь, что онъ правъ.

— Такъ они могутъ быть въ лѣсахъ вокругъ насъ. Мы, можетъ-быть, въ опасности!—вскрикнулъ де-ла-Ну.

Дю-Лю утвердительно кивнулъ головой и зажегъ трубку.

Де-Катина окинулъ взглядомъ громадные стволы деревьевъ, увядавшую листву, мягкую траву подъ ногами, на которой перекрещивались вечернія тѣни. Какъ трудно было представить себѣ, что за этой красотой таилась опасность, такая страшная и грозная, что могла напугать и одинокаго мужчину, а тѣмъ болѣе того, рядомъ съ которымъ шла любимая женщина. Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ его груди, когда на большой полянѣ онъ увидѣлъ частоколъ, за которымъ возвышался высокій каменный домъ. Вдоль частокола тянулись въ линію около дюжины маленькихъ домиковъ, крытыхъ кедровымъ гонтомъ съ крышами, загибавшимися вверхъ на нормандскій манеръ; здѣсь, подъ защитою господскаго замка, жили вассалы—странный обломокъ феодальной системы въ сердцѣ американскихъ лѣсовъ. Подойдя ближе къ воротамъ, путники замѣтили громадный деревянный щитъ съ нарисованнымъ на немъ гербомъ: на серебряномъ полѣ двѣ полосы подъ угломъ между тремя красными значками. Изъ бойницъ на каждомъ углу выглядывали маленькія мѣдныя пушки. Когда они вошли въ ворота, сторожъ заперъ ихъ изнутри и заложилъ огромной поперечиной. Небольшая кучка мужчинъ, женщинъ и дѣтей стояла у крыльца замка, гдѣ на высокомъ креслѣ возсѣдалъ какой-то человѣкъ.

— Вы знаете моего отца,—сказалъ, пожимая плечами, молодой человѣкъ.—Онъ воображаетъ себѣ, что никогда не покидалъ своего нормандскаго замка и продолжаетъ быть французскимъ помѣщикомъ и вельможей древнѣйшей нормандской крови. Теперь онъ принимаетъ дань и ежегодную присягу отъ своихъ вассаловъ и счелъ бы неприличнымъ прервать эту торжественную церемонію даже ради самого губернатора. Если вамъ интересно посмотрѣть, то можно отойти сюда и подождать, пока онъ кончитъ. Васъ же, сударыня, я сейчасъ же провожу къ моей матери, если вы соблаговолите послѣдовать за мной.

Зрѣлище, по крайней мѣрѣ для американцевъ, было совершенно необыкновенное. Передъ крыльцомъ тройнымъ полукругомъ стояли мужчины, женщины и дѣти; мужчины—грубые и загорѣлые, женщины—простыя на видъ, чисто одѣтыя, съ бѣлыми чепчиками на головѣ, дѣти—съ разинутыми ртами и вытаращенными глазами, необыкновенно присмирѣвшія при видѣ благоговѣйнаго почтенія старшихъ. Среди нихъ, на высокомъ рѣзномъ стулѣ, очень прямо и неподвижно, сидѣлъ пожилой человѣкъ съ чрезвычайно торжественнымъ выраженіемъ ли-

ца. Это былъ красивый мужчина, высокій, широкоплечій, съ рѣзкими, крупными чертами начисто выбритаго лица, глубокими морщинами, большимъ носомъ, напоминавшимъ клювъ, и густыми, щетинистыми бровями, которыя подымались дугами почти вплоть до громаднаго парика, пышнаго и длиннаго, какъ носили во Франціи въ его молодые годы. На парикѣ была надѣта бѣлая шляпа съ краснымъ перомъ, граціозно изогнутая съ одного бока, а самъ онъ былъ одѣтъ въ камзолъ изъ коричневаго сукна, отдѣланный серебромъ на воротникѣ и на карманахъ, очень красивый, хотя поношенный и очевидно не разъ бывавшій въ починкѣ. Камзолъ, черные бархатные штаны до колѣнъ и высокіе, хорошо начищенные сапоги—все это вмѣстѣ составляло такой костюмъ, какого де-Катина никогда прежде не видывалъ въ дикихъ дебряхъ Канады.

Изъ толпы вышелъ неуклюжій земледѣлецъ и, ставъ на колѣни на маленькій коврикъ, вложилъ свои руки въ руки вельможи.

— Господинъ де-Сенъ-Мари, господинъ де-Сенъ-Мари, господинъ де-Сенъ-Мари,—сказалъ онъ три раза.—Приношу вамъ, по долгу, присягу на вѣрность за мой ленъ Эрберъ, которымъ владѣю, какъ вассалъ вашей милости.

— Будь вѣренъ, сынъ мой. Будь храбръ и вѣренъ!—торжественно проговорилъ старый вельможа и внезапно прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:—Какого чорта тащитъ тамъ твоя дочь?

Изъ толпы вышла дѣвушка, неся широкую полосу коры, на которой лежала куча рыбы.

— Это—тѣ одиннадцатыя рыбы, которыя я присягой обязанъ отдавать вамъ,—сказалъ онъ.—Тутъ ихъ семьдесятъ три, а за этотъ мѣсяцъ я поймалъ восемьсотъ штукъ.

— Peste!—крикнулъ вельможа.—Неужто ты думаешь, Дюбуа, что я стану разстраивать себѣ здоровье, съѣвъ всѣ эти семьдесятъ три рыбы? Что же ты думаешь, что у моихъ личныхъ слугъ, домочадцевъ и другихъ членовъ моего дома только и дѣла, что ѣсть твою рыбу? Впередъ приноси въ уплату подати не болѣе пяти рыбъ сразу. Гдѣ дворецкій? Теріе, отнеси рыбу въ складъ да смотри, чтобы запахъ не дошелъ до голубой комнаты или до аппартаментовъ барыни.

Человѣкъ въ очень потертой черной ливреѣ, полинялой и заплатанной, подошелъ съ большимъ жестянымъ подносомъ и унесъ кучу бѣлой рыбы. Затѣмъ вассалы выходили

одинъ за другимъ, приносили свою старозавѣтную присягу и каждый изъ нихъ оставлялъ извѣстную долю своего промысла на содержаніе своего господина: кто—снопъ пшеницы, кто—мѣру картофеля; нѣкоторые принесли оленьи и бобровыя шкуры. Дворецкій уносилъ приношенія, пока вся дань не была уплачена и странная церемонія не пришла къ концу. Когда помѣщикъ всталъ съ своего мѣста, его сынъ, уже вернувшійся, взялъ за руку де-Катина и провелъ его сквозь толпу.

— Отецъ,—сказалъ онъ,—это господинъ де-Катина. Быть-можетъ, вы помните, что встрѣтили его въ Квебекѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Вельможа поклонился съ чрезвычайно снисходительнымъ видомъ и пожалъ гвардейцу руку.

— Очень радъ видѣть въ своихъ владѣніяхъ, какъ васъ, такъ и вашихъ слугъ...

— Это мои друзья, сударь г. Амосъ Гринъ и капитанъ Эфраимъ Савэджъ. Моя жена тоже со мной, но вашъ сынъ былъ такъ любезенъ, что уже отвелъ ее къ вашей супругѣ.

— Я польщенъ... очень польщенъ!—крикнулъ старикъ съ вычурнымъ поклономъ.—Я очень хорошо помню васъ, сударь, такъ какъ люди подобные вамъ не часто встрѣчаются въ здѣшней странѣ. Помню и вашего отца, мы были съ нимъ при Рокруа, хотя онъ служилъ въ пѣхотѣ, а я въ красныхъ драгунахъ у Гриссо. У васъ въ гербѣ молотокъ на перекладинѣ въ лазоревомъ полѣ... а, вспомнилъ! Вторая дочка вашего прадѣдушки вышла замужъ за племянника одного изъ де-ла-Ну д'Андали, которые принадлежали къ младшей вѣтви нашего рода. Добро пожаловать, своякъ!

Онъ вдругъ обнялъ обѣими руками де-Катина и трижды похлопалъ его по спинѣ.

Молодой человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ такого радушнаго пріема.

— Я недолго буду злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ,—сказалъ онъ.—Мы направляемся къ озеру Шампленъ и надѣемся, что дня черезъ два будемъ въ состояніи продолжать нашъ путь.

— Въ ваше распоряженіе будетъ отданъ рядъ аппартаментовъ на все время, что вы окажете мнѣ честь вашимъ пребываніемъ здѣсь. Чортъ возьми! Мнѣ не каждый день приходится принимать человѣка благороднаго происхожденія!

Ахъ, сударь! Это и есть самое тягостное въ моемъ изгнаніи, что мнѣ не съ кѣмъ говорить какъ съ равными. Развѣ съ губернаторомъ, интендантомъ, пожалуй, однимъ, двумя священниками, съ тремя, четырьмя офицерами,—но изъ дворянства? Едва ли найдется одинъ дворянинъ. Титулы здѣсь покупаютъ, какъ пушной товаръ, и лучше имѣть челнокъ полный бобровыхъ шкуръ, чѣмъ родословную отъ Роланда. Но я забываю свои обязанности. Вы и ваши друзья, навѣрно, устали и проголодались. Пойдемте въ салонъ и посмотримъ, не найдутъ ли мои дворецкіе чѣмъ угостить васъ. Вы, если не ошибаюсь, играете въ пикетъ? Ахъ, я нѣсколько разучился, но буду очень радъ сыграть съ вами партію-другую.

Замокъ былъ высокъ и крѣпокъ, со стѣнами изъ сѣраго камня. Большая входная дверь, окованная желѣзомъ, съ отверстіями для мушкетныхъ дулъ, вела въ цѣлый рядъ погребовъ и кладовыхъ, въ которыхъ хранилась свекла, морковь, картофель, капуста, солонина, сушеные угри и другіе зимніе запасы. По винтовой каменной лѣстницѣ они прошли въ огромную, высокую кухню, отъ которой во всѣ стороны шли комнаты слугъ или свиты, какъ предпочиталъ называть ихъ старый вельможа. Этажомъ выше находилось господское помѣщеніе, центръ котораго составляла обширная столовая съ громаднымъ очагомъ и грубою, домашняго издѣлія мебелью. Богатые ковры изъ медвѣжьихъ и оленьихъ шкуръ покрывали сплошь темный, деревянный полъ, а по стѣнамъ рогатыя оленьи головы выглядывали между рядами мушкетовъ. Большой, грубо сдѣланный кленовый столъ занималъ средину комнаты, на немъ стояли пирогъ съ дичиной, кусокъ копченой лососины и большой брусничный пирогъ; голодные путники отдали всему этому должную честь. Хозяинъ объяснилъ, что онъ уже ужиналъ, но, позволивъ себя уговорить закусить вмѣстѣ съ другими, кончилъ тѣмъ, что съѣлъ больше Эфраима Савэджа, выпилъ болѣе дю-Лю и, въ заключеніе, спѣлъ любовную французскую пѣсенку, слова которой, къ счастью для всей остальной компаніи, остались вполнѣ непонятными жителю Бостона.

— Ваша супруга кушаетъ въ комнатѣ моей жены,—замѣтилъ онъ, когда унесли блюда.—Можете подать бутылку фронтиньяка изъ ларя тринадцатаго, Теріе. О, вы увидите, господа, что даже въ этихъ дебряхъ есть кое-что хорошее. Итакъ, вы прямо изъ Версаля, де-Катина? Онъ былъ построенъ пос-

лѣ меня, но какъ я помню старую придворную жизнь въ С.-Жерменѣ, прежде чѣмъ Людовикъ сталъ серьезнымъ. Ахъ, что это были за невинные, счастливые дни, когда г-жѣ де-Нейваль приходилось загораживать окна комнатъ фрейлинъ, чтобы король не забрался туда, а мы всѣ съ восьми часовъ выходили на лужайку для утреннихъ поединковъ! Клянусь Св. Діонисіемъ! я еще не совсѣмъ позабылъ нѣкоторые пріемы и, какъ ни старъ, радъ былъ бы поупражняться.

Своей обычной величественной походкой онъ приблизился къ стѣнѣ, на которой висѣли рапира и кинжалъ, снялъ ихъ и началъ нападать на дверь, то наклоняясь, то откидываясь назадъ, отражая кинжаломъ воображаемые удары и притоптывая ногами съ короткими восклицаніями, употребляющимися въ фехтовальныхъ школахъ. Наконецъ, онъ вернулся къ гостямъ, тяжело дыша и съ парикомъ на сторону.

— Вотъ какъ мы, бывало, упражнялись въ наше время,— проговорилъ онъ.—Безъ сомнѣнія вы, молодежь, усовершенствовалась въ этомъ искусствѣ, но все же оно сослужило намъ службу противъ испанцевъ при Рокруа и при нѣкоторыхъ другихъ бояхъ. А при дворѣ вѣдь все та же жизнь, я думаю. Навѣрно и любовныя исторіи, и кравопролитныя стычки. Ну какъ сватовство Лозена къ m-elle де-Монпансье? Доказано ли, что г-жа де Клермонъ купила какой-то флаконъ у Леви, торговки ядами, за два дня передъ тѣмъ, какъ супъ такъ вредно подѣйствовалъ на брата короля? Что сдѣлалъ герцогъ де-Биронъ, когда его племянникъ убѣжалъ съ герцогиней? Правда ли, что онъ прибавилъ ему пятьсотъ тысячъ ливровъ въ годъ на содержаніе за это дѣло?

Таковы были вопросы, касавшіеся событій, происшедшихъ въ Парижѣ два года тому назадъ и заключеніе которыхъ еще не было извѣстно на берегахъ рѣки Ришелье. До глубокой ночи, когда его товарищи давно уже храпѣли подъ одѣялами, де-Катина, жмурясь и позѣвывая, все еще старался удовлетворить любопытство стараго придворнаго и посвятить его въ подробности версальскихъ сплетенъ.

XXXIII. Убійство «Рыжаго Оленя».

Два дня провели наши путники въ помѣстьи «Св. Марія» и охотно пробыли бы и дольше, такъ какъ помѣщеніе было удобно, а пріемъ радушенъ, но красные тона осени перехо-

дили уже въ коричневые, а они хорошо знали, какъ внезапно появляются снѣгъ и морозъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ и какъ невозможно будетъ имъ добраться до мѣста своего назначенія, если наступитъ зима. Старый вельможа разослалъ развѣдчиковъ и по водѣ и по сушѣ, но на восточномъ берегу не было и слѣдовъ ирокезовъ. Очевидно было, что дю-Лю ошибся. Но съ другой стороны рѣки къ небу попрежнему поднимались столбы сѣраго дыма, указывая, что враги недалеко. Цѣлый день были эти сигналы опасностей видны изъ оконъ усадьбы и изъ-за ограды, напоминая обитателямъ, что ихъ подстерегаетъ ужасная смерть.

Бѣглецы отдохнули, освѣжились и единодушно желали продолжать путь.

— Если выпадетъ снѣгъ, будетъ въ тысячу разъ опаснѣе,—говорилъ Амосъ,—потому что тогда всякій ребенокъ найдетъ нашъ слѣдъ.

— Да и чего намъ бояться?—доказывалъ старый Эфраимъ.—Правда, это пустыня Аравійская, хотя и ведетъ въ землю Ханаанскую, но Господь защититъ насъ отъ этихъ сыновъ Іеровоама. Правь прямо, парень, и не выпускай руля, ибо кормчій приведетъ насъ въ пристань.

— И я не боюсь, Амори, и совсѣмъ отдохнула,—сказала Адель.—Намъ будетъ гораздо лучше въ англійскихъ провинціяхъ. А теперь, какъ знать, можетъ-быть, этотъ ужасный монахъ явится съ приказомъ тащить насъ снова въ Квебекъ или въ Парижъ.

Дѣйствительно, было весьма возможно, что мстительный францисканецъ, не найдя бѣглецовъ ни въ Монреалѣ, ни въ «Трехъ Рѣкахъ», можетъ искать ихъ на берегахъ Ришелье. Когда де-Катина вспомнилъ, какъ онъ, въ тотъ день, проплылъ мимо нихъ въ большой лодкѣ, съ наклоненнымъ впередъ лицомъ, полнымъ нетерпѣнія, съ туловищемъ въ темный рясѣ, раскачивавшимся въ тактъ ударовъ веселъ, онъ чувствовалъ, что опасность, о которой говорила жена, не только возможна, но и вполнѣ вѣроятна. Владѣлецъ „Св. Маріи“ относится къ нему дружелюбно, но онъ не можетъ не исполнить требованія губернатора. Могучая рука, простертая черезъ море изъ Версаля, тяготѣла надъ ними даже здѣсь въ глубинѣ дѣвственнаго лѣса, готовая схватить ихъ и увлечь назадъ на униженіе и горе. Всѣ опасности лѣсовъ лучше этого!

Помѣщикъ и его сынъ, не зная причинъ, которыя заста-

вляли де-Катина торопиться, усердно уговаривали его остаться, находя поддержку и въ неразговорчивомъ дю-Лю; немногія слова, которыя онъ бормоталъ, имѣли болѣе вѣса, чѣмъ длиннѣйшія разглагольствованія, такъ какъ онъ говорилъ только о томъ, что зналъ въ совершенствѣ.

— Вы видите мою маленькую усадьбу,—говорилъ старый вельможа, дѣлая изящный жестъ своей покрытой кольцами рукой, выставлявшейся изъ кружевной манжетки.—Она не такова, какой я желалъ бы ее видѣть, но я ото всего сердца предлагаю ее въ ваше распоряженіе на зиму, если вы и ваши товарищи сдѣлаете мнѣ честь остаться у меня. Что же касается вашей супруги, то я не сомнѣваюсь, что она найдетъ чѣмъ заняться и развлечься вмѣстѣ съ моей женой. Кстати, де-Катина, я вспомнилъ, что вы еще не представлены ей. Теріе, поди къ барынѣ и доложи ей, что я прошу ее пожаловать въ залу съ балдахиномъ.

Де-Катина вообще было трудно удивить, но и онъ былъ нѣсколько озадаченъ, когда дама, о которой старый вельможа упоминалъ въ преувеличенно почтительныхъ выраженіяхъ, оказалась настолько же похожей на настоящую индѣянку, насколько зало съ балдахиномъ — на французскую ригу. Правда, на ней былъ лифъ изъ ярко-красной тафты, черная юбка, башмаки съ серебряными пряжками, а у пояса висѣлъ на серебряной цѣпи флаконъ съ душистымъ мускуснымъ шарикомъ, но цвѣтъ ея лица напоминалъ кору шотландской сосны, а крупный носъ и рѣзкій ротъ въ соединеніи съ висѣвшими вдоль спины двумя косами жесткихъ черныхъ волосъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея происхожденія.

— Позвольте мнѣ, г. де-Катина,—торжественно проговорилъ владѣлецъ «Св. Маріи»,—представить васъ женѣ моей, Онегѣ де-ла-Ну де-Сенъ-Мари, совладѣтельницѣ моей этого помѣстья, а также замка д'Андели въ Нормандіи и помѣстья Вареннъ въ Провансъ, по собственному происхожденію имѣющей наслѣдственное право на титулъ принцессы въ племени онондаговъ. Мой ангелъ, я стараюсь убѣдить нашихъ друзей остаться у насъ въ «Св. Маріи» вмѣсто того, чтобъ продолжать путь къ озеру Шамиленъ.

— По крайней мѣрѣ оставьте у насъ вашу Бѣлую Лилію,—сказала темнокожая принцесса на превосходномъ французскомъ языкѣ, сжимая своими мѣдно-красными пальцами

бѣлоснѣжную руку Адель.—Мы сбережемъ вамъ ее до тѣхъ поръ, пока не растаетъ ледъ и не вернутся листья и ягоды. Я знаю моихъ соотечественниковъ, сударь, и скажу вамъ, что лѣса полны убійства, и листья не даромъ приняли цвѣтъ крови: за каждымъ деревомъ притаилась смерть.

Выразительная рѣчь хозяйки произвела на де-Катина болѣе впечатлѣнія, чѣмъ всѣ слышанныя имъ до сихъ поръ предостереженія. Конечно, она, болѣе чѣмъ кто бы ни было, должна понимать знаменія времени.

— Не знаю, что и дѣлать!—въ отчаяніи вскрикнулъ онъ.—Я долженъ идти, а между тѣмъ какъ я могу подвергать ее такимъ опасностямъ? Я съ радостью остался бы здѣсь на зиму, но даю вамъ слово, что не могу сдѣлать этого.

— Дю-Лю, вы можете помочь намъ,—сказалъ де-ла-Ну.—Что вы посовѣтуете моему другу, разъ ему такъ необходимо пробраться въ англійскія колоніи до наступленія зимы?

Мрачный, молчаливый піонеръ задумался надъ этимъ вопросомъ, поглаживая бороду.

— Есть одинъ только выходъ,—наконецъ, проговорилъ онъ,—да и то опасный. Лѣса безопаснѣе рѣки, потому что тростники кишатъ спрятанными челноками. Въ пяти миляхъ отсюда находится укрѣпленіе Пуату, а въ пятнадцати—Овернь. Завтра мы пройдемъ лѣсами до Пуату и посмотримъ, безопасно ли тамъ. Я пойду съ вами и даю слово, что если ирокезы тамъ, то Грейсалонъ дю-Лю узнаетъ это. Барыню мы оставимъ и, если найдемъ, что все благополучно, то вернемся за ней. Такимъ же образомъ мы пройдемъ и въ Овернь, а тамъ вамъ надо будетъ подождать, пока узнаете, гдѣ ихъ военные отряды. Я думаю, что мы узнаемъ это довольно скоро.

— Какъ! Вы хотите разлучить насъ!—вскрикнула пораженная Адель.

— Такъ лучше, сестра моя,—сказала Онега, ласково обнимая ее.—Ты не знаешь опасности, а мы знаемъ и мы не можемъ допустить, чтобы наша Бѣлая Лилія подверглась ей. Ты останешься здѣсь и будешь радовать насъ, пока великій вождь дю-Лю и французскій воинъ, твой мужъ, и старый воинъ, который кажется такимъ суровымъ, и другой вождь, похожій на дикую серну, пройдутъ по лѣсамъ и посмотрятъ, можно ли тебѣ идти.

Наконецъ все было рѣшено и Адель, несмотря на всѣ ея возраженія, осталась на попеченіи хозяйки Св. Маріи, а де-Катина поклялся, что онъ немедленно вернется за ней изъ Пуату. Старый вельможа и его сынъ охотно приняли бы участіе въ этомъ предпріятіи, но на нихъ лежала отвѣтственность за участь своего помѣстья и всѣхъ тѣхъ, кто зависитъ отъ нихъ; къ тому же, въ лѣсу маленькому отряду грозила меньшая опасность, чѣмъ большому. Де-ла-Ну далъ имъ письмо къ де-Ланну, коменданту укрѣпленія Пуату, и, на ранней зарѣ, всѣ четверо, какъ тѣни, выскользнули изъ калитки ограды и въ одно мгновеніе пропали во макрѣ громаднаго лѣса.

Отъ Ла-Ну до Пуату было только двѣнадцать миль, но по лѣсу, гдѣ приходилось переходить черезъ рѣчки, обходить обросшія тростникомъ озера и отыскивать тропинки между топями, гдѣ дикій рисъ подымался выше ихъ роста, а вѣтви ольховника сплетались въ непроходимую чащу—разстояніе было вдвое больше. Они шли гуськомъ — дю-Лю впереди, быстрыми, безшумными шагами дикаго звѣря, наклоняясь впередъ, съ ружьемъ наготовѣ, смотря проницательнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ во всѣ стороны, замѣчая все отъ малѣйшаго слѣда на землѣ или пнѣ до движенія каждаго звѣря или птицы въ кустарникѣ. За нимъ шелъ де-Катина, потомъ Эфраимъ Савэджъ и послѣднимъ—Амосъ, всѣ насторожѣ и съ ружьями наготовѣ. Къ полудню они прошли болѣе половины пути и остановились, чтобы скромно позавтракать хлѣбомъ съ сыромъ, такъ какъ дю-Лю не позволилъ имъ развести костра.

— Они еще не дошли сюда,—прошепталъ онъ,—а все же я увѣренъ, что они перешли черезъ рѣку. Ахъ, губернаторъ де-ла-Барръ не зналъ, что дѣлалъ, раздражая этихъ людей, а добрый драгунъ, котораго прислалъ намъ король, знаетъ еще того менѣе.

— Я видѣлъ ихъ въ мирное время,—замѣтилъ Амосъ.— Я велъ торговлю съ онондагами и въ странѣ сенековъ. Они прекрасные охотники и храбрые люди.

— Охотники они прекрасные, но люди—та дичь, за которой они больше всего любятъ охотиться. Я самъ водилъ ихъ скальпировальные отряды, а также и сражался противъ нихъ и могу сказать вамъ, что если изъ Франціи пріѣзжаетъ генералъ, который едва знаетъ, что въ битвѣ надо стоять

спиной къ солнцу, то ему придется убѣдиться, что отъ нихъ ничего не добьешься. Говорятъ о томъ, чтобъ сжечь ихъ села! Это такъ же умно, какъ, разоривши осиное гнѣздо, думать, что истреблены всѣ осы. Вы изъ Новой Англіи, сударь?

— Мой товарищъ изъ Новой Англіи; я же изъ Нью-Іорка.

— Ахъ, да. По вашей походкѣ и взгляду я долженъ былъ бы видѣть, что вы въ лѣсу, какъ дома. Люди изъ Новой Англіи плаваютъ по водамъ и больше любятъ бить треску, чѣмъ оленей. Можетъ-быть, поэтому у нихъ такія печальныя лица. Я былъ на океанѣ и помню, что и мое лицо было тоже печально. Вѣтеръ очень слабый и потому, я думаю, намъ можно безопасно закурить трубки. Мнѣ случалось видѣть, какъ при хорошемъ вѣтрѣ зажженная трубка привлекаетъ скальпировальный отрядъ за двѣ мили, но деревья останавливаютъ запахъ, а носы ирокезовъ менѣе чувствительны, чѣмъ носы сіу и дакотовъ. Да поможетъ вамъ Богъ, въ случаѣ если у васъ будетъ война съ индѣйцами. Это дурно для насъ, но для васъ будетъ въ тысячу разъ хуже.

— Почему же?

— Потому что мы съ самаго начала сражались съ индѣйцами и никогда не забываемъ о нихъ, когда строимся. Видите, какъ вдоль этой рѣки каждый домъ, каждый поселокъ поддерживаетъ другъ друга. Но у васъ... клянусь Св. Анной изъ Бопрэ! У меня зачесался мой скальпъ, когда я пришелъ къ вашимъ границамъ и увидѣлъ уединенные домики и небольшія просѣки въ лѣсахъ... и на двадцать миль въ окружности никакой помощи. Война съ индѣйцами—чистилище для Канады и адъ для англійскихъ колоній!

— Мы друзья съ индѣйцами,—сказалъ Амосъ,—и не стремимся къ завоеваніямъ.

— Вашъ народъ умѣетъ завоевывать, хотя и говоритъ, что не желаетъ этого,—замѣтилъ дю-Лю.—Ну, а мы бьемъ въ барабаны, размахиваемъ знаменами, а на дѣлѣ-то ничего особеннаго еще не вышло. У насъ въ Канадѣ было только двое великихъ людей. Одинъ изъ нихъ—Ласалль, котораго въ прошломъ году собственные люди застрѣлили на низовьяхъ великой рѣки, другой старикъ Фронтенакъ, которому придется вернуться сюда, чтобы Пять Племенъ не превратили въ пустыню Новую Францію. Я нисколько не удивляюсь, если черезъ два года бѣлый съ золотомъ флагъ будетъ развѣваться только на скалѣ Квебека. Но я вижу, что вы съ нетерпѣніемъ погля-

дываете на меня, г. де-Катина, и знаю, что вы считаете часы до нашего возвращенія въ Св. Марію. Итакъ впередъ и да будетъ вторая часть нашего пути такой же спокойной, какъ первая.

Впродолженіе часа или болѣе они пробирались по лѣсу за старымъ піонеромъ - французомъ. Стоялъ чудный день, на небѣ почти не было видно облаковъ, и лучи солнца, проникая сквозь листву, покрывали траву, словно золотой сѣткой. Иногда лѣсъ рѣдѣлъ; тогда яркій солнечный свѣтъ лился на путниковъ, но вслѣдъ затѣмъ они опять погружались въ густыя чащи, куда только мѣстами одинокій солнечный лучъ пробирался сквозь густой плотный лиственный покровъ. Эти внезапные переходы отъ свѣта къ мраку были бы восхитительны, если бы сознаніе страшной опасности, грозящей въ каждомъ тѣнистомъ мѣстѣ, не наполняло душу скорѣе ужасомъ, чѣмъ восторгомъ. Безмолвно, легкою поступью четыре путника пролагали себѣ путь между громадными стволами.

Внезапно дю-Лю бросился на колѣни и приложилъ ухо къ землѣ. Онъ всталъ, покачивая головой, и пошелъ дальше съ серьезнымъ лицомъ, бросая пристальные взгляды во всѣ стороны.

— Вы слышали что-нибудь?—прошепталъ Амосъ.

Дю-Лю приложилъ палецъ къ губамъ и черезъ минуту прижался лицомъ къ землѣ и приникъ ухомъ. Затѣмъ онъ вскочилъ на ноги съ видомъ человѣка услышавшаго то, чего онъ ожидалъ.

— Идите дальше, — спокойно проговорилъ онъ, — совершенно такъ же, какъ шли до сихъ поръ.

— Что же случилось?

— Индѣйцы.

— Впереди насъ?

— Нѣтъ, сзади.

— Что они дѣлаютъ?

— Выслѣживаютъ насъ.

— Сколько ихъ?

— Думаю, двое.

Товарищи невольно оглянулись назадъ въ пустую тьму лѣса. Въ одномъ мѣстѣ широкая полоса свѣта проникала между двухъ сосенъ и бросала золотой отблескъ на ихъ слѣдъ. Кругомъ же все было мрачно и безмолвно.

— Не оборачивайтесь,—строго шепнулъ дю-Лю.—Идите, какъ шли прежде.

— Это—враги?

— Ирокезы.

— И преслѣдуютъ насъ?

— Нѣтъ, теперь мы преслѣдуемъ ихъ.

— Не повернуть ли намъ назадъ?

— Нѣтъ, они исчезнутъ, какъ тѣни.

— Далеко ли они?

— Я думаю, шагахъ въ двухстахъ.

— Значитъ, они не могутъ видѣть насъ?

— Думаю, что не могутъ, но не вполнѣ увѣренъ въ этомъ. Полагаю, что они идутъ по нашему слѣду.

— Что же намъ дѣлать?

— Обойдемъ кругомъ и зайдемъ сзади нихъ.

Круто повернувъ налѣво, онъ повелъ ихъ по лѣсу, описывая длинную дугу. Онъ шелъ быстро и беззвучно въ густой тѣни деревьевъ. Наконецъ, онъ опять повернулъ и остановился.

— Это нашъ слѣдъ,—сказалъ онъ.

— Да, и по нему прошли два краснокожихъ!—вскрикнулъ Амосъ, нагибаясь и указывая на слѣды, совершенно невидимые для Эфраима Савэджа и де-Катина.

— Взрослый воинъ и юноша въ первый разъ идущій въ битву,—сказалъ дю-Лю.—Какъ видите, они шли очень быстро: еле вдавлены пятки ихъ мокассинъ. Они шли гуськомъ. Ну, теперь пойдемъ за ними, какъ они шли за нами, и посмотримъ, не будемъ ли мы счастливѣе.

Онъ быстро пошелъ впередъ, держа мушкетъ наготовѣ, другіе шли слѣдомъ; но въ тѣнистыхъ лѣсахъ вокругъ нихъ не было ни звука, ни признака жизни. Внезапно дю-Лю остановился и уперся въ землю ружьемъ.

— Они все еще сзади насъ,—сказалъ онъ.

— Все сзади?

— Да. Вотъ мѣсто, гдѣ мы свернули. Одно мгновеніе они колебались, какъ видно по ихъ слѣдамъ, а потомъ пошли за нами.

— Если мы пойдемъ быстрѣе и сдѣлаемъ еще кругъ, то можемъ нагнать ихъ.

— Нѣтъ, теперь они насторожѣ. Они знаютъ, что мы идемъ вторично по своимъ слѣдамъ, только чтобы сбить ихъ.

Приляжемъ за это упавшее дерево и посмотримъ, не увидимъ ли ихъ.

Большой гнилой пень, весь зеленый отъ мха и покрытый розовыми и красными грибами, лежалъ вблизи того мѣста, гдѣ остановились путники. Французъ притаился за нимъ, три товарища послѣдовали его примѣру и всѣ вмѣстѣ стали смотрѣть изъ-за вѣтвей скрывавшаго ихъ кустарника. Все та же широкая полоса свѣта лилась между двумя соснами, а вокругъ попрежнему все было темно и безмолвно, словно въ обширномъ храмѣ съ колоннами изъ деревьевъ и кровлей изъ листвы. Не хрустнулъ сучекъ, не хлестнула вѣтка; только рѣзкій лай лисицы раздавался гдѣ-то въ глубинѣ лѣса. Дрожь возбужденія пробѣгала по тѣлу де-Катина. Ему вспомнились игры въ прятки среди дубовъ и тиссовыхъ изгородей Версаля, которыми забавлялся дворъ, когда Людовикъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи. Но призомъ тамъ былъ рѣзной вѣеръ или коробка конфектъ, а здѣсь дѣло шло о жизни и смерти.

Прошло десять минутъ, но ничто не обнаруживало присутствія живого существа позади нихъ.

— Они вонъ въ той чащѣ,—шепнулъ дю-Лю, кивая головой по направленію густого кустарника въ двухстахъ шагахъ

— Вы видѣли ихъ?

— Нѣтъ.

— Почему же вы знаете?

— Я видѣлъ, какъ бѣлка вышла изъ своего дупла на той большой березѣ и бросилась назадъ, какъ будто испугавшись чего-то. Изъ дупла ей видно, что дѣлается въ тѣхъ кустахъ.

— Вы думаете, они знаютъ, что мы здѣсь?

— Они не могутъ насъ видѣть, но подозрѣваютъ. Они боятся западни.

— Не кинуться ли намъ въ кусты?

— Они застрѣлятъ двухъ изъ насъ и исчезнутъ въ лѣсу, какъ тѣни. Нѣтъ, намъ лучше идти своей дорогой.

— Но они пойдутъ за нами.

— Врядъ ли. Насъ четверо, а ихъ только двое и они знаютъ, что мы насторожѣ и умѣемъ распознавать слѣды не хуже ихъ самихъ. Ступайте за эти стволы; оттуда имъ не видно насъ. Такъ! Ну, нагибайтесь, пока не выйдемъ

изъ ольховника. Теперь надо идти скорѣй, потому что гдѣ два ирокеза, тамъ, навѣрно, недалеко двѣсти.

— Слава Богу, что я не взялъ съ собой Адель!—сказалъ де-Катина.

— Да, сударь, хорошо человѣку имѣть жену-товарища, но не на границахъ страны Ирокезовъ или какой-либо другой индѣйской страны.

Такъ вы не берете съ собой жены, когда отправляетесь въ путешествіе?—спросилъ офицеръ.

— Беру, но не позволяю ей переходить изъ поселка въ поселокъ. Она остается въ вигвамѣ.

— Значитъ, вы разстаетесь съ ней?

— Напротивъ, она всегда бываетъ на мѣстѣ, чтобъ привѣтствовать меня. Клянусь Св. Анной, мнѣ было бы очень тяжело, если бы я пришелъ въ какой-нибудь поселокъ и меня не встрѣтила бы тамъ жена.

— Значитъ, она идетъ впереди васъ.

Дю-Лю расхохотался беззвучно, но ото всего сердца.

— Новый поселокъ, новая жена,—проговорилъ онъ.—Но у меня вездѣ бываетъ только по одной женѣ; французу стыдно давать дурной примѣръ, когда святые отцы жертвуютъ своею жизнью, проповѣдуя добродѣтель. Ахъ вотъ и рѣчка, Аджидаумо, гдѣ индѣйцы ставятъ сѣти на осетровъ. До Пуату остается еще семь миль.

— Значитъ, мы дойдемъ туда до сумерекъ?

—Я думаю, намъ лучше дождаться сумерекъ. Если ирокезскіе развѣдчики дошли такъ далеко, то, навѣрно, ихъ очень много вокругъ Пуату, и послѣдняя часть пути, если мы не примемъ предосторожностей, окажется самой опасной для насъ, въ особенности если эти двое обгонятъ насъ и предупредятъ остальныхъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, наклонивъ голову и прислушиваясь.

— Клянусь Св. Анной,—пробормоталъ онъ,—мы не отдѣлались отъ нихъ. Они идутъ по нашему слѣду.

— Вы слышите ихъ?

— Да; они недалеко отъ насъ. Ну, на этотъ разъ они найдутъ, что напрасно пошли за нами. Сейчасъ я покажу вамъ лѣсной фокусъ, который, можетъ-быть, покажется новинкой для васъ. Снимайте ваши мокассины.

Де-Катина снялъ сапоги, то же сдѣлалъ и Дю-Лю.

— Надѣньте ихъ вмѣсто перчатокъ,—сказалъ піонеръ и минуту спустя обувь товарищей оказалась на рукахъ Эфраима Савэджа и Амоса.

— Мушкеты можете закинуть на спину. Вотъ такъ! Теперь идите на четвереолькахъ, хорошенько согнувшись, руками крѣпко давите на землю. Превосходно. Двое могутъ оставлять слѣдъ четверыхъ! А вы, сударь, ступайте за мной.

Онъ перепрыгивалъ отъ одного куста къ другому по направленію параллельному пути товарищей и въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нихъ; потомъ внезапно спрятался за кустъ и дернулъ за собой де-Катина.

— Они пройдутъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ,—проговорилъ онъ.—Не стрѣляйте, если возможно.—Что-то сверкнуло въ рукѣ дю-Лю и товарищъ его, взглянувъ внизъ, увидѣлъ, что онъ вытащилъ изъ-за пояса острый маленькій томагаукъ. Снова безумный, дикій трепетъ пробѣжалъ по тѣлу воина, и онъ сталъ пристально вглядываться сквозь массу спутавшихся между собой вѣтвей въ ожиданіи тѣхъ, кто долженъ былъ показаться изъ-подъ свода мрачныхъ, безмолвныхъ деревьевъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ какое-то существо, нѣчто, скользившее отъ ствола къ стволу, какъ тѣнь и такъ быстро, что де-Катина не могъ сказать, былъ ли это звѣрь или человѣкъ. Снова и снова онъ видѣлъ то одну, то двѣ тѣни, безмолвныя, крадущіяся, словно волкъ-оборотень, которымъ пугала его нянька въ дѣтствѣ. Затѣмъ на нѣсколько минутъ все вокругъ замерло и наконецъ изъ кустовъ выползло страшнѣйшее изъ чудовищъ, когда-либо населявшихъ землю—ирокезскій вождь въ военномъ головномъ уборѣ.

Это былъ высокій, сильный человѣкъ. Благодаря торчавшему на его головѣ чубу съ орлиными перьями, въ полумракѣ онъ казался настоящимъ великаномъ, такъ какъ отъ его унизанныхъ бусами мокассиномъ до верхняго пера его головного убора было добрыхъ восемь футовъ. Одна половина его лица была разрисована сажей, охрой и киноварью на подобіе собачьей морды, а другая изображала птицу, такъ что общій видъ получался необыкновенно комичный и странный. Вампумовый поясъ поддерживалъ его набедренную повязку, а у верхняго края наколѣнниковъ при каждомъ его движеніи развѣвалось съ дюжину вражескихъ скальповъ. Голова его была наклонена впередъ, глаза го-

рѣли зловѣщимъ блескомъ, а ноздри расширялись и сжимались, какъ у раздраженнаго животнаго. Ружье его было направлено впередъ и онъ крался, согнувъ колѣни, высматривая, прислушиваясь, останавливаясь, кидаясь впередъ, изображая собой полное олицетвореніе осторожности. Въ двухъ шагахъ отъ него шелъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, одѣтый и вооруженный такъ же, какъ онъ, но съ нераскрашеннымъ лицомъ и безъ ужасныхъ трофеевъ у пояса. Это былъ первый походъ мальчика, но глаза его уже сверкали, а ноздри трепетали отъ той же жажды убійства, которая пылала въ его старшемъ товарищѣ. Такъ подвигались они, безмолвные, ужасные, выходя изъ тѣни лѣса такъ же, какъ раса ихъ вышла изъ мрака исторіи, съ желѣзными тѣлами и душами тигровъ.

Они уже поровнялись съ кустомъ, за которымъ сидѣли путники, какъ вдругъ что-то привлекло вниманіе молодого воина—быть-можетъ, сдвинутая вѣтка или колыхавшійся листокъ—и онъ остановился съ выраженіемъ подозрѣнія во всѣхъ чертахъ лица. Еще мгновеніе и онъ предупредилъ бы товарища, но дю-Лю уже выскочилъ и вонзилъ свой топорикъ въ черепъ старшаго воина. Де-Катина услыхалъ глухой трескъ, словно отъ топора, разрубавшаго гнилое дерево, и индѣецъ упалъ, какъ бревно, съ ужаснымъ хохотомъ, корчась своимъ могучимъ туловищемъ. Молодой воинъ перескочилъ, какъ серна, черезъ своего упавшаго товарища и бросился въ лѣсъ, но мгновеніе спустя среди деревьевъ раздался выстрѣлъ, а затѣмъ слабый, жалобный крикъ.

— Это его предсмертный вой,—спокойно сказалъ дю-Лю.—Жаль было стрѣлять, а все же лучше чѣмъ упустить.

Въ это время подошли остальные. Эфраимъ забивалъ себѣ въ мушкетъ новый зарядъ.

— Кто смѣялся?—спросилъ Амосъ.

— Вотъ онъ,—сказалъ дю-Лю, указывая на умирающаго воина, голова котораго плавала въ крови, а на разрисованномъ лицѣ замерла неподвижная улыбка.—Это ихъ обычай при смертномъ ударѣ. Я видѣлъ, какъ одинъ предводитель сенековъ хохоталъ въ продолженіи шести часовъ во время пытки. Ахъ, онъ отправился на тотъ свѣтъ!

Индѣецъ еще разъ судорожно дернулъ руками и ногами и затѣмъ вытянулся неподвижно, устремивъ лицо съ застывшей на немъ улыбкой къ полоскѣ синяго неба надъ нимъ.

— Это—великій вождь,—сказалъ дю-Лю.—Это «Рыжій

Олень» могауковъ, а мальчикъ—его второй сынъ. Мы пролили первую кровь, но не думаю, чтобы она была послѣдней, такъ-какъ ирокезы не оставляютъ безъ отмщенія смерть своихъ вождей. Онъ былъ могучимъ бойцомъ, въ чемъ вы можете убѣдиться, взглянувъ на его шею.

На индѣйцѣ было странное ожерелье изъ почернѣвшей бобовой шелухи, нанизанной на веревку, какъ показалось де-Катина. Но когда онъ нагнулся, чтобы разсмотрѣть хорошенько, то съ ужасомъ увидѣлъ, что это была не бобовая шелуха, а высохшіе человѣческіе пальцы.

— Все правые указательные, — сказалъ дю-Лю, — такъ что каждый изъ нихъ представляетъ отдѣльную жизнь. Всѣхъ пальцевъ сорокъ два. Восемнадцать взято отъ убитыхъ въ бою, а двадцать четыре отъ замученныхъ плѣнниковъ.

— Почему вы это знаете?

— Потому что только восемнадцать съ ногтями. Если ирокезъ беретъ плѣнника живьемъ, то прежде всего откусываетъ у него ногти. Вы видите, что ногтей не хватаетъ на двадцати четырехъ пальцахъ.

Де-Катина содрогнулся. Что это за демоны, къ которымъ забросила его злая судьба? И возможно ли, чтобы Адель попала въ руки такихъ адскихъ чертей? Нѣтъ, нѣтъ, безъ сомнѣнія милосердный Богъ, ради Котораго они столько терпѣли, не допуститъ такого несчастья! А между тѣмъ подобнаго рода участь постигала женщинъ такихъ же нѣжныхъ, какъ Адель, мужчинъ такихъ же любящихъ, какъ онъ. Была ли хоть одна деревушка въ Канадѣ, гдѣ не сохранялось бы воспоминаній о подобныхъ страшныхъ событіяхъ? Ужасъ охватилъ его душу. Въ тѣхъ смутныхъ изгибахъ души, гдѣ безсиленъ разсудокъ и царятъ только инстинкты и впечатлѣнія, у насъ является болѣе ясное представленіе о будущемъ, чѣмъ мы полагаемъ. Предчувствіе чего-то ужаснаго нависло надъ нимъ, словно туча. Деревья съ громадными выдающимися вѣтвями походили на призрачныхъ демоновъ, протягивавшихъ длинныя руки, чтобы схватить его. Потъ выступилъ у него на лбу, и онъ тяжело оперся на мушкетъ.

— Клянусь Св. Евлаліей,—сказалъ дю-Лю,—для стараго воина, сударь, вы слишкомъ поблѣднѣли отъ небольшого кровопролитія.

— Мнѣ нездоровится. Я былъ бы очень радъ хлебнуть коньяку изъ вашей фляги.

— Вотъ она. На здоровье, товарищъ! Ну, отчего же мнѣ не взять этотъ славный скальпъ, чтобы намъ было что показать послѣ нашей прогулки.

Онъ взялъ между ногъ голову индѣйца и въ одно мгновеніе, круговымъ движеніемъ ножа, снялъ отвратительный мокрый трофей.

— Пойдемъ!—крикнулъ де-Катина, съ отвращеніемъ отворачиваясь отъ него.

— Да, пойдемъ. Вотъ только возьму еще этотъ вампумовый поясъ, помѣченный знакомъ медвѣдя. Такъ! И ружье! Взгляните-ка, на замкѣ стоитъ «Лондонъ». Ахъ, г. Гринъ, г. Гринъ, не трудно угадать, кто снабжаетъ орудіемъ враговъ Франціи!

Наконецъ, они пошли дальше; дю-Лю несъ свою добычу, а трупъ краснокожаго все съ той же усмѣшкой остался подъ безмолвными деревьями. Мимоходомъ они увидѣли и мальчика, который лежалъ, скорчившись, тамъ, гдѣ упалъ между кустами. Піонеръ шелъ очень быстро до того мѣста, гдѣ маленькій притокъ впадалъ въ большую рѣку. Тутъ онъ снялъ сапоги и штиблеты и вмѣстѣ съ товарищами прошелъ вбродъ около полумили.

— Они пойдутъ по нашимъ слѣдамъ, когда найдутъ его,—сказалъ онъ,—но это собьетъ ихъ съ толку, потому что ирокезъ теряетъ слѣдъ только въ текучей водѣ. А теперь мы заляжемъ въ эту заросль до сумерекъ, такъ какъ Пуату намъ остается немного болѣе мили, а подвигаться впередъ опасно—лѣсъ здѣсь рѣдѣетъ.

Они пролежали въ ольховникѣ, пока тѣни изъ короткихъ не стали длинными, а проносившіяся надъ ними бѣлыя облака не порозовѣли отъ заходившаго солнца. Дю-Лю, съ трубкою въ зубахъ, свернулся въ комочекъ и впалъ въ легкую дремоту, настороживая уши и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ въ лѣсу. Американцы долго шептались между собою; Эфраимъ разсказывалъ длинную исторію о крейсированіи брига «Промышленность», ходившаго въ Джемстоунъ за сахаромъ и патокою; но наконецъ убаюкивающій шелестъ вѣтерка въ вѣтвяхъ усыпилъ и ихъ; оба уснули. Не спалъ только де-Катина. Его нервы еще трепетали подъ вліяніемъ того внезапнаго, страннаго чувства, которое охватило его душу. Что могло бы это значить? Неужели Адель въ опасности? Ему приходилось слышать о подобнаго рода предчувствіяхъ, но

вѣдь онъ оставилъ ее въ безопасности за частоколомъ и пушками. Онъ увидитъ ее, самое позднее—завтра къ вечеру. Глядя на небо сквозь чащу мѣднокрасныхъ листьевъ, подъ которыми онъ лежалъ, онъ унесся мыслью вслѣдъ за облаками надъ его головой, и снова увидѣлъ себя сидящимъ у окошка, выдающагося надъ улицей Св. Мартина, на широкой скамьѣ изъ испанской кожи; золоченый тючекъ со скрипомъ качался надъ окномъ, а рука его обнимала трепетную робкую Адель, которая сравнивала себя съ маленькой мышкой въ старомъ домѣ и однако нашла въ себѣ мужество раздѣлить съ нимъ этотъ опасный путь. Потомъ онъ мысленно перенесся въ Версаль, снова увидѣлъ каріе глаза короля, красивое, смѣлое лицо де-Монтеспанъ, ясныя черты де-Ментенонъ, снова скакалъ ночью въ Парижъ по ихъ порученію, мчался по мановенію руки демоническаго возницы и спрыгнулъ вмѣстѣ съ Амосомъ на эшафотъ, чтобы спасти первую красавицу Франціи. Все это представлялось ему такъ ясно и живо, что онъ вздрогнулъ, придя въ себя среди американскаго лѣса, гдѣ наступала уже темнота ночи, и видя, что дю-Лю проснулся и готовъ продолжать путь.

— Вы не спали?—спросилъ піонеръ.

— Нѣтъ.

— Вы ничего не слышали?

— Ничего, кромѣ крика совы.

— Мнѣ показалось, что во снѣ я слышалъ далекій выстрѣлъ.

— Во снѣ?

— Да; во снѣ я слышу такъ же хорошо, какъ на яву и, просыпаясь, помню звуки, которые слышалъ. Теперь идите за мною по пятамъ и мы скоро будемъ въ фортѣ.

— У васъ дѣйствительно удивительный слухъ,—сказалъ де-Катина, пробираясь сквозь чащу лѣса.—Какъ, напримѣръ, могли вы услышать, что эти люди шли за нами? Я не слыхалъ ни звука, когда они были уже совсѣмъ близко отъ насъ.

— Сначала и я не слыхалъ ихъ.

— Значитъ, вы видѣли ихъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Такъ какъ же вы узнали, что они тутъ?

— Проходя мимо деревьевъ, я замѣтилъ, какъ оттуда спорхнула испуганная сойка. Десять минутъ спустя повто-

рилось то же. Я понялъ, что кто-то идетъ по нашему слѣду и сталъ прислушиваться.

— Чортъ возьми! вы—настоящій житель лѣсовъ!

— Я полагаю, что эти лѣса кишатъ ирокезами, хотя намъ посчастливилось не встрѣтиться съ ними. Такой знаменитый вождь, какъ «Рыжій Олень», не пойдетъ безъ большой свиты и изъ-за пустяковъ. Они замышляютъ что-то скверное на рѣкѣ Ришелье. Вы не сожалѣете, что не взяли съ собой своей супруги?

— Я благодарю Бога за это!

— Боюсь, что въ лѣсахъ будетъ небезопасно до самой весны. Вамъ придется остаться въ «Св. Маріи», если де-ла-Ну не можетъ дать вамъ охраны.

— Я готовъ лучше остаться тамъ навѣки, чѣмъ рисковать, чтобъ моя жена попала къ такимъ дьяволамъ.

— Да, это дѣйствительно дьяволы. Вотъ вы, сударь, поморщились, когда я снялъ скальпъ съ «Рыжаго Оленя», но если бы вы насмотрѣлись на индѣйцевъ, какъ я, то и у васъ ожесточилось бы сердце. А теперь мы у самаго края опушки; укрѣпленіе стоитъ вотъ за тѣми кленами. У нихъ плохая стража: уже минутъ десять я все жду оклика: «кто идетъ?» Васъ не подпустили такъ близко къ «Св. Маріи», не окликнувъ, а между тѣмъ де-Ланнъ такой же старый вояка, какъ ла-Ну. Отсюда не видно, но вотъ тамъ у рѣки, у него бываютъ ученья...

— Онъ какъ разъ занимается этимъ,—сказалъ Амосъ.— Съ дюжину людей стоитъ въ рядъ.

— Часовыхъ нѣтъ, а всѣ люди на ученьѣ!—съ презрѣніемъ вскрикнулъ дю-Лю.—Правда, я и самъ вижу ряды и каждый изъ нихъ стоитъ прямо, словно сосновый пень! Взглянувъ на нихъ, такъ подумаешь, что нѣтъ ни одного индѣйца ближе Оранжа. Мы подойдемъ къ нимъ и, клянусь Св. Анной, я выскажу коменданту все, что думаю о его распоряженіяхъ.

Дю-Лю вышелъ изъ кустарника и всѣ четверо пошли по полянѣ, направляясь къ ряду людей, безмолвно ожидавшихъ ихъ въ неясномъ свѣтѣ сумерекъ. Бѣглецы были въ пятидесяти шагахъ отъ нихъ, но ни одинъ не поднялъ руки, не произнесъ ни слова. Было что-то странное въ этомъ молчаніи, и лицо дю-Лю измѣнилось, когда онъ пристально

взглянулъ передъ собой. Онъ повернулъ голову и взглянулъ вверхъ по рѣкѣ.

— Боже мой!—вскрикнулъ онъ.—Взгляните на фортъ!

Они миновали группу деревьевъ. Передъ ними должны были бы открыться очертанія укрѣпленія, но его и слѣда не было. Фортъ исчезъ!

XXXIV. Кровавое дѣло.

Ударъ былъ такъ неожиданъ, что даже дю-Лю, съ дѣтства привыкшій ко всякимъ неожиданностямъ и потрясеніямъ, былъ потрясенъ и смущенъ. Но онъ скоро оправился и съ страшнымъ ругательствомъ побѣжалъ изо всѣхъ силъ къ ряду солдатъ; его товарищи послѣдовали за нимъ

По мѣрѣ того, какъ они приближались, ясно было видно, что не всѣ стоятъ въ одинъ рядъ. Безмолвный, неподвижный офицеръ стоялъ на двадцати шагахъ разстоянія передъ фронтомъ своихъ безмолвныхъ, неподвижныхъ солдатъ. На головѣ его виднѣлось какое-то высокое и странное украшеніе. Путники продолжали быстро бѣжать впередъ, еле дыша отъ мрачныхъ предчувствій. Когда, къ ихъ ужасу, украшеніе на головѣ офицера начало удлиняться и расширяться и большая птица тяжело поднялась вверхъ и затѣмъ опустилась на ближайшій древесный пень, тогда они поняли, что ихъ худшія опасенія оправдались и что передъ ними стоялъ гарнизонъ Пуату.

Около двадцати человѣкъ, совершенно обнаженныхъ, были привязаны къ низкимъ кольямъ ивовыми вѣтками въ самыхъ ужасныхъ позахъ, указывавшихъ на перенесенныя ими муки. Впереди стоялъ сѣдой комендантъ, съ головнями въ глазныхъ впадинахъ, съ кусками тѣла, висѣвшими, какъ лохмотья. За нимъ рядъ солдатъ съ обугленными до колѣнъ ногами и съ такими обгорѣлыми и изувѣченными тѣлами, что, казалось, только ивовыя вѣтви поддерживали ихъ. Съ минуту четверо товарищей въ безмолвномъ ужасѣ смотрѣли на страшную группу. Потомъ каждый поступилъ сообразно своей натурѣ. Де-Катина въ полномъ изнеможеніи, шатаясь, прислонился головой къ дереву. Дю-Лю бросился на колѣни, взывая къ небу и потрясая стиснутыми руками по направленію къ потемнѣвшему небесному своду. Эфраимъ, съ сжатыми губами

и сверкающими глазами, осматривалъ зарядъ ружья, а Амосъ Гринъ молча началъ бѣгать вокругъ, отыскивая слѣдъ.

Но черезъ мгновеніе дю-Лю былъ уже снова на ногахъ и бѣгалъ взадъ и впередъ, какъ гончая, отмѣчая сотни подробностей, на которыя не обратилъ бы вниманія даже Амосъ. Онъ описалъ нѣсколько круговъ вокругъ труповъ, потомъ отбѣжалъ къ опушкѣ лѣса и затѣмъ вернулся къ обугленнымъ развалинамъ блокгауза, съ которыхъ поднимался еще тонкій дымокъ.

— Совсѣмъ нѣтъ слѣдовъ женщинъ и дѣтей,—сказалъ онъ.

— Боже мой! Развѣ здѣсь были женщины и дѣти?

— Дѣтей они держатъ, чтобъ сжечь ихъ на свободѣ у себя въ селеніяхъ. Женщинъ же замучатъ или возьмутъ себѣ, какъ имъ вздумается. Но чего нужно старику?

— Я хочу, чтобы ты спросилъ его, Амосъ,—сказалъ морякъ,—чего мы тутъ зѣваемъ и стоимъ на якорѣ, когда намъ нужно нестись на всѣхъ парусахъ вслѣдъ за ними?

Дю-Лю, улыбаясь, покачалъ головой.

— Вашъ другъ,—храбрый человѣкъ,—проговорилъ онъ,—если рѣшается вчетверомъ преслѣдовать сто пятьдесятъ человѣкъ.

— Скажи ему, Амосъ, что Господь поможетъ намъ,—взволнованно сказалъ капитанъ,—скажи ему, что Господь будетъ съ нами противъ дѣтей Іеровоама и мы истребимъ ихъ и вырвемъ съ корнемъ. Какъ сказать по-французски: «бей безпощадно?» Ахъ, лучше бы ходить съ завязаннымъ ртомъ, чѣмъ съ людьми, которые не понимаютъ простого языка.

Но дю-Лю отклонилъ совѣты моряка.

— Намъ нужно быть осторожными,—сказалъ онъ,—не то мы потеряемъ свои собственные скальпы, да, благодаря намъ, и обитатели «Св. Маріи» потеряютъ свои.

— «Св. Маріи!» — вскрикнулъ де-Катина. — Развѣ есть опасность для «Св. Маріи?»

— Да, они теперь въ волчьей пасти. Это дѣло произошло сегодня ночью. Укрѣпленіе взялъ приступомъ отрядъ въ сто пятьдесятъ человѣкъ. Сегодня утромъ они ушли къ сѣверу. Весь день они прятались въ лѣсахъ между «Св. Маріей» и Пуату.

— Значитъ, мы прошли среди нихъ?

— Да, мы прошли среди нихъ. Сегодня они стояли лаге-

ремъ и высылали развѣдчиковъ. «Рыжій Олень» и его сынъ были въ числѣ ихъ и напали на нашъ слѣдъ. Сегодня ночью...

— Сегодня ночью они нападутъ на «Св. Марію!»

— Весьма возможно. Хотя я не думаю, чтобы они рѣшились на это съ такимъ небольшимъ отрядомъ. Ну, во всякомъ случаѣ намъ нужно какъ можно скорѣе идти назадъ и предупредить о грозящей опасности.

И они пустились въ утомительный обратный путь; думы ихъ были слишкомъ заняты другими мыслями, чтобъ считать, сколько миль они прошли и сколько имъ остается сдѣлать. Старый Эфраимъ, менѣе привыкшій къ ходьбѣ, чѣмъ его молодые товарищи, уже хромалъ и чувствовалъ боль въ ногахъ, но, несмотря на свой возрастъ, онъ былъ крѣпокъ, какъ орѣховое дерево, и замѣчательно выносливъ. Дю-Лю снова шелъ впереди по направленію къ сѣверу.

На небѣ ярко свѣтила луна, но она мало помогала путникамъ въ чащѣ лѣса. Тамъ было темно и днемъ, а ночью царилъ такой глубокій мракъ, что де-Катина не видѣлъ древесныхъ стволовъ, которые задѣвалъ плечомъ. По временамъ встрѣчалась открытая поляна, вся залитая луннымъ сіяніемъ; иногда тонкій серебрянный лучъ прорывался между вѣтвями, образуя на землѣ большое бѣлое пятно, но дю-Лю избѣгалъ открытыхъ пространствъ и обходилъ поляны. Вѣтеръ нѣсколько посвѣжѣлъ и воздухъ былъ полонъ шороха и шелеста листьевъ. За исключеніемъ этого глухого гула кругомъ царило полное молчаніе, нарушаемое только изрѣдка крикомъ совы да трепетаніемъ крыльевъ какой-нибудь ночной птицы.

Несмотря на тьму, дю-Лю шелъ такъ же быстро и увѣренно, какъ при солнечномъ свѣтѣ. Но его товарищи замѣчали, что онъ велъ ихъ по другому пути, потому что раза два видѣли сверканіе большей рѣки, тогда какъ утромъ встрѣчали только ручьи, впадавшіе въ нее. Когда они увидѣли во второй разъ рѣку, дю-Лю указалъ на дальній берегъ, гдѣ по водѣ скользили какія-то черныя тѣни.

— Ирокезскіе челноки,—шепнулъ онъ.—Ихъ десять и въ каждомъ по восьми человѣкъ. Это другой отрядъ и тоже плыветъ на сѣверъ.

— Почему вы знаете, что это другой отрядъ?

— Потому что часъ тому назадъ мы пересѣкли слѣды перваго.

Де-Катина былъ полонъ изумленія передъ этимъ удивп-

тельнымъ человѣкомъ, который слышалъ во снѣ и различалъ слѣдъ, когда обыкновенному глазу не видны были и деревья. Дю-Лю остановился на одно мгновеніе, посмотрѣлъ на челноки, потомъ повернулся спиной къ рѣкѣ и снова углубился въ лѣсъ. Путники прошли около двухъ миль, какъ вдругъ онъ замеръ на мѣстѣ, втягивая носомъ воздухъ, какъ собака, учуявшая дичь.

— Пахнетъ горѣлымъ деревомъ,—проговорилъ онъ.—Гдѣ-то, не дальше мили отъ насъ по эту сторону, горитъ огонь.

— Я тоже чувствую запахъ,—сказалъ Амосъ.—Прокрадемся туда и взглянемъ на ихъ лагерь.

— Но будьте осторожны,—замѣтилъ дю-Лю.—Отъ хрустѣнія вѣтокъ можетъ зависѣть ваша жизнь.

Они шли очень медленно и сторожно, пока внезапно между дальними деревьями не мелькнуло красное пламя костра. Продолжая попрежнему скользить между кустами, они кружили до тѣхъ поръ, пока не нашли мѣста, откуда могли смотрѣть, не рискуя быть замѣченными.

Костеръ изъ сухихъ полѣньевъ ярко пылалъ среди небольшой поляны. Огненные языки подымались вверхъ, а сѣрый дымъ разстилался надъ ними. Казалось, то было какое-то странное дерево съ сѣрой листвой и огненнымъ стволомъ. Вблизи не было ни одного живого существа и громадный костеръ гудѣлъ и трещалъ среди безмолвнаго лѣса. Они подвигались все ближе и ближе, но не было замѣтно никакого движенія, кромѣ порыва огня, не слышно никакого звука, кромѣ треска горящихъ вѣтвей.

— Не подойти ли къ нему? — шепотомъ проговорилъ де-Катина.

Опытный старый піонеръ покачалъ головой.

— Это можетъ быть западня,—сказалъ онъ.

— Или покинутый лагерь.

— Нѣтъ, огонь разведенъ не болѣе часа.

— Къ тому же онъ слишкомъ великъ для лагернаго костра,—замѣтилъ Амосъ.

— Чѣмъ же вы объясняете это?—спросилъ дю-Лю.

— Это—сигналъ.

— Да, я думаю, вы правы. Этотъ огонь—опасный сосѣдъ, поэтому уйдемъ отъ него, а потомъ повернемъ прямо къ «Св. Маріи».

Вскорѣ огонь превратился въ блестящую точку позади

путниковъ, а затѣмъ совсѣмъ исчезъ среди деревьевъ. Дю-Лю быстро шелъ впередъ и, наконецъ, дошелъ до края прогалины, залитой луннымъ свѣтомъ. Онъ только-что хотѣлъ обойти ее, какъ внезапно схватилъ де-Катина за плечо и толкнулъ его въ заросль сумаховъ: Амосъ сдѣлалъ то же съ Эфраимомъ Саваджемъ.

Съ противоположной стороны открытаго пространства вышелъ человѣкъ. Онъ пересѣкъ поляну наискось и направлялся къ рѣкѣ; шелъ согнувшись почти вдвое. Когда человѣкъ этотъ вышелъ изъ тѣни деревьевъ, то путники увидѣли, что это индѣйскій воинъ въ полной военной раскраскѣ, въ мокассинахъ, набедренномъ покровѣ и съ мушкетомъ. Сзади него, почти по пятамъ, слѣдовалъ другой, затѣмъ третій, четвертый и т. д. Казалось, что весь лѣсъ полонъ людей и рядъ ихъ безконеченъ. Они скользили, какъ тѣни при свѣтѣ мѣсяца, въ полномъ безмолвіи и всѣ одинаково гнулись, пробѣгая безостановочно и беззвучно одинъ за другимъ. Послѣднимъ прошелъ человѣкъ въ опушенной мѣхомъ охотничьей курткѣ и въ шапкѣ съ перомъ на головѣ. Онъ проскользнулъ, какъ и остальные, и всѣ исчезли во тьмѣ такъ же тихо, какъ и появились. Прошло минутъ пять прежде, чѣмъ дю-Лю рѣшилъ, что можно выйти изъ засады.

— Клянусь Св. Анной! — прошепталъ онъ. — Сосчитали вы ихъ?

— Триста девяносто шесть,—сказалъ Амосъ.

— По моему, четыреста два.

— А вы думали, что ихъ только полтораста!—вскрикнулъ де-Катина.

— Ахъ, вы не понимаете. Это другой отрядъ. Тѣ, которые взяли блокгаузъ, должны быть вонъ тамъ, потому что ихъ слѣдъ идетъ между нами и рѣкой.

— Конечно, это не тѣ, потому что тутъ ни у одного не было свѣжаго скальпа,—сказалъ Амосъ.

Дю-Лю съ одобреніемъ взглянулъ на молодого охотника.

— Даю слово,—сказалъ онъ,—я не зналъ, что вы— жители лѣсовъ—такіе молодцы. У васъ есть глаза, сударь, и, можетъ-быть, когда-нибудь вы съ удовольствіемъ вспомните, что Грейсолонъ дю-Лю сказалъ вамъ это.

Амосъ вспыхнулъ отъ гордости при словахъ этого человѣка, имя котораго пользовалось почетомъ вездѣ, гдѣ только купцы или охотники курили вокругъ лагернаго костра. Онъ только-что хотѣлъ отвѣтить, какъ изъ лѣсу внезапно раздался страш-

ный крикъ, ужасный вопль, выражавшій крайній предѣлъ человѣческаго страданія. Стоя во тьмѣ, съ поблѣднѣвшими щеками, путники снова и снова слышали ужасный крикъ, раздававшійся среди ночи и страшно звучавшій въ лѣсу.

— Они мучаютъ женщинъ,—сказалъ дю-Лю.—Вонъ тамъ разбитъ ихъ лагерь.

— Неужели мы не можемъ ничѣмъ помочь?—вскрикнулъ Амосъ.

— Да, да, парень,—сказалъ капитанъ по-англійски.—Мы не можемъ пропускать сигналовъ бѣдствія, не мѣняя курса. Повернемъ и бѣжимъ прямо туда.

— Въ этомъ лагерѣ,—медленно проговорилъ дю-Лю,—теперь около шестисотъ воиновъ. Насъ четверо. То, что вы говорите, не имѣетъ смысла. Если мы не предупредимъ жителей «Св. Маріи», эти дьяволы устроятъ имъ западню. Ихъ отряды подходятъ и по водѣ и по сушѣ, и къ разсвѣту число ихъ можетъ дойти до тысячи. Нашъ долгъ идти впередъ, чтобъ предупредить во-время.

— Онъ говоритъ правду, — сказалъ Амосъ Эфраиму. — Нѣтъ, одинъ-то вы ужъ не пойдете!

Онъ схватилъ за руку стараго моряка и силой помѣшалъ ему бѣжать въ лѣсъ.

— Есть одинъ способъ, которымъ мы можемъ испортить ихъ ночную забаву,—сказалъ дю-Лю.—Деревья сухи, какъ порохъ; уже три мѣсяца не было ни капли дождя.

— Ну?

— И вѣтеръ дуетъ прямо на ихъ лагерь, а рѣка съ другой стороны его.

— Намъ надо поджечь лѣсъ!

— Лучшаго ничего не выдумать.

Въ одно мгновеніе дю-Лю набралъ охапку сухого хвороста и сложилъ его въ кучу у корня засохшаго бука, сухого, словно трутъ. Удара кремня о сталь достаточно для того, чтобы вызвать пламя, которое постепенно удлинняясь и разгораясь, стало охватывать бѣлые клочья висѣвшей коры. Черезъ четверть мили дю-Лю сдѣлалъ то же самое, потомъ повторилъ это еще разъ такъ, что лѣсъ запылалъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ. Поспѣшно удаляясь, путники слышали за собой глухой трескъ разгоравшагося пожара и когда, приближаясь къ «Св. Маріи», оглянулись назадъ, то увидѣли, какъ длинная полоса пламени распространялась на западъ къ рѣкѣ Ришелье, подымаясь къ

небу огромными столбами всякій разъ, какъ попадались группы сосенъ, которыя оно охватывало, словно вязанки хвороста. Дю-Лю молча усмѣхнулся, глядя на огромное зарево на небѣ.

— Придется имъ поплавать,—сказалъ онъ.—Челноковъ не хватитъ на всѣхъ. Ахъ, будь у меня человѣкъ двѣсти моихъ „лѣсныхъ бродягъ", ни одинъ изъ нихъ не ушелъ бы отъ меня.

— Между ними былъ воинъ, одѣтый какъ бѣлый,—замѣтилъ Амосъ.

— Да, и это самый ужасный изъ нихъ. Его отецъ былъ голландскій купецъ, мать—ирокезка, а онъ самъ извѣстенъ подъ именемъ «Фламандскаго Метиса». Ахъ, я хорошо его знаю и скажу вамъ, что если для ада потребуется король, то онъ найдется въ его вигвамѣ. Клянусь Св. Анной, у меня съ нимъ свои счеты и можетъ быть мнѣ удастся свести ихъ до окончанія этого дѣла. Ну, вотъ свѣтятся огни въ «Св. Маріи». Понимаю вашъ вздохъ облегченія, сударь, потому что, послѣ того, что мы увидѣли въ Пуату, я самъ былъ неспокоенъ, пока не увидѣлъ этихъ огней.

XXXV. Стучится смерть.

Заря только-что занималась, когда четверо путешественниковъ подошли къ воротамъ замка, но несмотря на ранній часъ, всѣ поселяне и ихъ семьи были на ногахъ и смотрѣли на громадный пожаръ, бушевавшій на югъ отъ нихъ. Де-Катина протолкался сквозь толпу и бросился наверхъ къ Адели, которая уже бѣжала къ нему внизъ, такъ что они встрѣтились на срединѣ лѣстницы и кинулись въ объятія другъ друга съ неясными восклицаніями истинной любви, не поддающимися описанію. Вмѣстѣ, обнявшись, они вошли въ громадную столовую, гдѣ старый де-ла-Ну съ сыномъ, стоя у окна, глядѣли на разстилавшееся передъ ними зрѣлище.

— Ахъ, сударь,—сказалъ старый вельможа съ придворнымъ поклономъ,—искренне радъ видѣть васъ снова подъ моей кровлей, и не только ради васъ самихъ, но и ради глазъ вашей супруги, которые, если она позволитъ замѣтить мнѣ, старику, слишкомъ прекрасны для того, чтобы, портя ихъ, смотрѣть цѣлыми днями на лѣсъ въ надеждѣ, что оттуда выйдетъ кое-кто. Вы сдѣлали сорокъ миль, сударь, и безъ сомнѣнія, устали и проголодались. Когда вы вполнѣ оправитесь, я попрошу васъ сыграть со мной въ пикетъ, чтобъ отыграться. Въ послѣдній разъ мнѣ очень не везло.

Но вслѣдъ за де-Катина вошелъ дю-Лю съ вѣстями о надвигающейся опасности.

— Вамъ придется вести другую игру, господинъ де-Сентъ-Мари,—сказалъ онъ.—Въ лѣсу шестьсотъ ирокезовъ, которые готовятся напасть на васъ.

— Ну вотъ! Мы не можемъ нарушить хода нашей жизни изъ-за горсти дикарей,—сказалъ владѣлецъ «Св. Маріи».—Долженъ извиниться передъ вами, де-Катина, что подобнаго рода люди тревожатъ васъ, когда вы находитесь у меня въ помѣстьѣ. Что же касается до пикета, по моему, ваши ходы съ короля и валета болѣе рискованы, чѣмъ благоразумны. Когда я въ послѣдній разъ игралъ съ де-Ланномъ изъ Пуату...

— Де-Ланнъ изъ Пуату и всѣ его люди убиты,—замѣтилъ дю-Лю,—а укрѣпленіе—только груда дымящихся развалинъ.

Де-ла-Ну поднялъ брови и взялъ понюшку табаку, постучавъ по крышкѣ своей маленькой золотой табакерки.

— Я всегда говорилъ ему, что его фортъ возьмутъ, если онъ не велитъ срубить кленовъ, которые доходили до самыхъ стѣнъ. Такъ вы говорите, они всѣ убиты?

— Всѣ, до послѣдняго человѣка.

— А фортъ сожженъ?

— Совершенно.

— Видѣли вы этихъ подлецовъ?

— Мы видѣли слѣды полутораста человѣкъ. Потомъ до сотни ихъ было на лодкахъ, а боевой отрядъ въ четыреста людей подъ предводительствомъ Фламандскаго Метиса прошелъ мимо насъ. Лагерь ихъ—въ пяти миляхъ внизъ по рѣкѣ и тамъ ихъ не менѣе шестисотъ.

— Вы счастливо ушли отъ нихъ.

— Но имъ не посчастливилось уйти отъ насъ. Мы убили «Рыжаго Оленя» и его сына и зажгли лѣсъ такъ, что выгнали ихъ изъ лагеря.

— Превосходно! Превосходно!—сказалъ де-ла-Ну, апплодируя своими изящными руками.—Вы очень хорошо сдѣлали, дю-Лю! Я думаю, вы очень устали?

— Я не легко устаю. Я готовъ хоть сейчасъ пройти ту же дорогу.

— Такъ, можетъ-быть, вы возьмете нѣсколько человѣкъ и сходите въ лѣсъ посмотрѣть, что дѣлаютъ эти негодяи?

— Я буду готовъ черезъ пять минутъ.

— Не хочешь ли и ты пойти, Ахиллъ?

Темные глаза и индѣйское лицо молодого человѣка вспыхнули свирѣпой радостью.

— Да, я тоже пойду,—отвѣтилъ онъ.

— Очень хорошо, а за время вашего отсутствія мы приготовимъ все здѣсь. Сударыня, извините, пожалуйста, за эти маленькія непріятности, омрачающія удовольствіе вашего посѣщенія. Когда вы въ слѣдующій разъ сдѣлаете мнѣ честь навѣстить меня, я надѣюсь, что мое помѣстье будетъ очищено отъ этой сволочи. У насъ здѣсь есть свои преимущества. Въ рѣкѣ Ришелье больше рыбы, а въ лѣсахъ здѣсь больше оленей, чѣмъ у короля въ любомъ помѣстьѣ. Но зато, какъ видите, у насъ есть и свои небольшія неудобства. Прошу извинить меня: мнѣ надо осмотрѣть кое-что. Де-Катина, вы опытный воинъ и я буду радъ вашимъ совѣтамъ. Онега, дайте мнѣ мой кружевной платокъ и трость изъ дымчатаго янтаря. Позаботьтесь о г-жѣ де-Катина, пока мы съ ея супругомъ не вернемся.

Наступилъ уже свѣтлый день, и четыреугольный дворъ за оградой былъ полонъ встревоженной толпой, только-что узнавшей дурныя вѣсти. Большинство оброчныхъ были старые солдаты и охотники, принимавшіе много разъ участіе въ войнахъ съ индѣйцами; это было ясно видно по ихъ загорѣлымъ лицамъ и смѣлой осанкѣ. Они были сыны той расы которая, болѣе или менѣе удачно, сожгла больше пороха, чѣмъ какая-либо другая раса на земномъ шарѣ. При взглядѣ на этихъ людей, стоявшихъ кучками, обсуждая положеніе и осматривая оружіе, ни одинъ полководецъ не пожелалъ бы болѣе закаленныхъ или воинственнхыъ солдатъ. Въ то же время изъ домиковъ за оградой бѣжали блѣдныя женщины, задыхаясь и таща за собой дѣтей, на плечахъ они несли самыя дорогія вещи изъ своего имущества. Суматоха, суетня, крики дѣтей, бросаніе узловъ и поспѣшное бѣгство за другими составляло рѣзкій контрастъ съ тишиною и красотою лѣса, залитаго лучами утренняго солнца. Трудно было повѣрить, смотря на волшебную красу разноцвѣтной листвы, чтобы духъ убійства и жестокости свободно разливался за этой прекрасной завѣсою.

Отрядъ развѣдчиковъ подъ начальствомъ дю-Лю и Ахилла де-ла-Ну уже вышелъ за ограду, и ворота, по приказанію хозяина, были заложены толстыми дубовыми поперечинами, вдвинутыми въ желѣзныя скобы. Дѣтей помѣстили въ нижней кладовой подъ присмотромъ нѣсколькихъ женщинъ, а остальнымъ велѣли смотрѣть за пожарными ведрами и заряжать мушкеты.

Мужчинамъ сдѣлали смотръ; ихъ оказалось пятьдесятъ два человѣка, которыхъ раздѣлили на отряды для защиты палисада со всѣхъ сторонъ. Съ одного бока частоколъ доходилъ до рѣки; это обстоятельство не только избавляло отъ необходимости защищать эту сторону, но еще позволяло добывать свѣжую воду, спуская ведро на веревкѣ изъ-за ограды. На берегу, подъ стѣной, находились всѣ люди и челноки изъ «Св. Маріи»—драгоцѣнное, послѣднее средство спасенія. Ближайшій фортъ, С.-Луи, былъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ вверхъ по рѣкѣ, и де-ла-Ну уже послалъ туда быстраго гонца съ вѣстью объ опасности. По крайней мѣрѣ было куда отступить въ случаѣ, если придется плохо.

А что дѣло кончится плохо, это было очевидно для такого опытнаго жителя лѣсовъ, какъ Амосъ Гринъ. Онъ оставилъ Эфраима Савэджа храпѣть въ глубокомъ снѣ на полу, а самъ, съ трубкою въ зубахъ, обходилъ укрѣпленія, внимательно осматривая каждую подробность. Частоколъ былъ очень крѣпокъ, въ девять футовъ вышины и прочно построенъ изъ дубовыхъ заостренныхъ бревенъ, достаточно толстыхъ, чтобъ не пропустить пули. На половинѣ высоты въ немъ были продѣланы длинныя узкія отверстія, откуда могли стрѣлять защитники. Но съ другой стороны въ ста шагахъ отъ него росли деревья, которыя могли служить прикрытіемъ для нападающихъ, а гарнизонъ былъ такъ малочисленъ, что не могъ дать болѣе двадцати человѣкъ на каждую сторону. Амосъ зналъ, какъ смѣлы и стремительны ирокезскіе воины, какъ они хитры и изобрѣтательны— и лицо его омрачилось при мысли о молодой новобрачной, которую довели сюда онъ и его товарищи, и о женщинахъ и дѣтяхъ, находившихся въ усадьбѣ.

— Не лучше ли было бы услать ихъ вверхъ по рѣкѣ?—намекнулъ онъ владѣльцу имѣнія.

— Я очень охотно сдѣлалъ бы это, сударь, и можетъ-быть, и сдѣлаю ночью, если мы будемъ еще живы и небо будетъ облачное. Но въ настоящую минуту я не могу дать имъ охраны, а посылать ихъ однѣхъ невозможно, такъ какъ извѣстно, что на рѣкѣ ирокезскіе челноки, а берега кишатъ ихъ развѣдчиками.

— Вы правы; это было бы безуміемъ.

— Я назначилъ сюда на восточную сторону васъ съ товарищами и еще пятнадцать человѣкъ. Г. де-Катина, желаете командовать отрядомъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Я возьму себѣ южную сторону, такъ какъ она, кажется, самая опасная. Дю-Лю можетъ стать на сѣверной, а къ рѣкѣ достаточно и пяти человѣкъ?

— Есть у васъ провизія и порохъ?

— Муки и копченыхъ угрей у меня хватитъ до конца этой исторіи. Плохая ѣда, дорогой мой, но, я думаю, въ Голландіи вы испытали, что послѣ перепалки вода изъ канавы бываетъ вкуснѣе того фронтиньякскаго съ синей печатью, которое вы помогли мнѣ распить недавно. Что же касается до пороха—то его у насъ много.

— Мы не успѣемъ срубить хоть нѣкоторыя изъ тѣхъ деревьевъ?—спросилъ де-Катина.

— Невозможно. За срубленными деревьями прятаться еще легче.

— Но по крайней мѣрѣ слѣдовало бы убрать хоть тѣ кусты, что вокругъ березы между восточной стѣной и опушкой лѣса. Это хорошее прикрытіе для ихъ застрѣльщиковъ.

— Да, это надо сжечь сейчасъ же.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, я придумалъ лучше, — сказалъ Амосъ. — Мы можемъ устроить западню. Гдѣ тотъ порохъ, о которомъ вы говорили?

— Дворецкій Теріе раздаетъ его въ главномъ погребѣ.

— Очень хорошо.

Амосъ исчезъ и скоро вернулся съ большимъ холщевымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Онъ наполнилъ его порохомъ, взвалилъ на плечи, отнесъ въ кусты и положилъ у корня березы, причемъ вырѣзалъ полоску коры, какъ разъ надъ нимъ. Затѣмъ, при помощи вѣтокъ и опавшихъ листьевъ, онъ прикрылъ мѣшокъ такъ, что онъ сталъ похожъ на небольшую кочку. Устроивъ все, онъ влѣзъ на частоколъ и спрыгнулъ обратно.

— Думаю, что теперь мы вполнѣ готовы встрѣтить ихъ, — сказалъ де-ла-Ну. — Хотѣлось бы мнѣ, чтобы женщины и дѣти были въ безопасномъ мѣстѣ, но если все пойдетъ хорошо, мы можемъ отослать ихъ ночью. Не слышалъ ли кто-нибудь о дю-Лю?

— У Жана слухъ лучше, чѣмъ у насъ всѣхъ, ваше сіятельство, — сказалъ старикъ, стоявшій у угловой мѣдной пушки.— Ему послышались выстрѣлы нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Ну, значитъ, онъ столкнулся съ ними. Этьенъ, возьми десять человѣкъ и ступай къ сухому дубу, чтобы прикрыть ихъ, если они отступаютъ, но ни шага дальше ни въ какомъ слу-

чаѣ. У меня и такъ мало людей. Вы, можетъ-быть, хотите спать, де-Катина?

— Нѣтъ, я не въ состояніи заснуть.

— Здѣсь мы больше ничего не можемъ сдѣлать. Что скажете насчетъ партіи — другой въ пикетъ? Карты помогутъ намъ провести время.

Они поднялись въ верхнюю залу, куда пришла Адель и сѣла возлѣ мужа, а темнолицая Онега помѣстилась у окна и, не отрываясь, смотрѣла въ лѣсъ. Де-Катина мало думалъ о картахъ; мысли его были заняты угрожавшею имъ всѣмъ опасностью и женщиной, рука которой лежала на его рукѣ. Напротивъ, старый вельможа совершенно увлекся игрой и бранился потихоньку, и хихикалъ, и усмѣхался, смотря по тому, шла къ нему карта или не шла. Внезапно, среди игры, раздались два рѣзкихъ удара снаружи.

— Кто-то стучится, — вскрикнула Адель.

— Это стучится смерть, — сказала индіанка у окна.

— Да, да, это двѣ пули ударились въ стѣну. Вѣтеръ относитъ звукъ выстрѣловъ. Карты смѣшаны. Мнѣ снимать, а вамъ сдавать. Канотъ былъ, кажется, мой.

— Изъ лѣсу бѣгутъ люди! — закричала Онега.

— Ага! Это дѣлается серьезнымъ! — сказалъ вельможа.— Мы можемъ окончить игру. Помните, что вамъ сдавать. Посмотримъ, что это значитъ.

Де-Катина уже бросился къ окну. Дю-Лю, молодой Ахиллъ де-ла-Ну и восемь человѣкъ прикрытія, нагнувъ головы, бѣжали къ оградѣ, ворота которой открылись, чтобы пропустить ихъ. Тамъ и сямъ изъ-за деревьевъ появлялись облачка синяго дыма; одинъ изъ бѣжавшихъ, въ бѣлыхъ коленкоровыхъ штанахъ, внезапно запрыгалъ, а на бѣлой матеріи показалось красное пятно. Двое другихъ обхватили его руками и всѣ трое стремглавъ влетѣли въ ворота, которыя сейчасъ же закрылись за ними. Минуту спустя въ углу стѣны засверкала и загремѣла мѣдная пушка, а вся опушка лѣса заволоклась облаками дыма, и пули застучали въ деревянную ограду, словно градъ въ окна.

XXXVI. Взятіе ограды.

Де-Катина, поручивъ жену заботамъ хозяйки-индѣянки и предупредивъ ее не подходить къ окнамъ, если она дорожитъ жизнью, схватилъ мушкетъ и поспѣшно побѣжалъ внизъ. На пу-

ти его пуля со свистомъ влетѣла въ одну изъ маленькихъ бойницъ и впилась маленькимъ свинцовымъ пятномъ въ противоположную сторону. Де-ла-Ну былъ уже внизу и разговаривалъ у двери съ дю-Лю.

— Вы говорите, ихъ тысяча?

— Да, мы напали на свѣжій слѣдъ большого воинскаго отряда, по крайней мѣрѣ въ триста человѣкъ. Все могауки и каюги съ небольшой примѣсью онеидовъ. Мы сражались на бѣгу на протяженіи пяти миль и потеряли пять человѣкъ.

— Надѣюсь мертвыми?

— Надѣюсь, но насъ такъ преслѣдовали, что мы боялись быть отрѣзанными. Жанъ Мансъ раненъ въ ногу.

— Я видѣлъ, что въ него попали.

— Намъ слѣдуетъ все приготовить, чтобы запереться въ домѣ, если возьмутъ ограду, а отстоять ее нѣтъ надежды, такъ какъ у насъ одинъ человѣкъ противъ двадцати.

— Все готово.

— Нашими пушками мы помѣшаемъ ихъ лодкамъ пройти вверхъ, такъ что ночью можно будетъ услать женщинъ.

— Я такъ и предполагалъ. Вы возьмете на себя защиту сѣверной стороны. Сейчасъ вы можете придти ко мнѣ съ десятью людьми, а если они нападутъ съ другой стороны, я приду къ вамъ.

Стрѣльба шла безпрерывно со всей опушки лѣса и въ воздухѣ мелькали пули. Нападавшіе были опытные стрѣлки, люди, которые кормились своими ружьями и для которыхъ дрожь въ рукѣ или плохое зрѣніе означали бѣдность и голодъ. Каждая трещина, каждая щелочка служила цѣлью для выстрѣловъ, а поднятая на ружьѣ надъ частоколомъ шапка была сбита въ одно мгновеніе. Съ другой стороны и защитники были опытны въ борьбѣ съ индѣйцами и ловки во всякихъ фокусахъ и пріемахъ, пригодныхъ для того, чтобы защитить себя и принудить врага выйти изъ-подъ прикрытія. Они стояли по бокамъ бойницъ, смотрѣли сквозь трещины въ оградѣ и стрѣляли при первой возможности. Красная нога, совершенно прямо торчавшая вверхъ изъ-за пня, показывала, что, по крайней мѣрѣ одна пуля попала въ цѣль, но, вообще, цѣлить было не во что: только искры и клубы дыма вылетали изъ листвы, да иногда на одно мгновеніе мелькали неясныя очертанія фигуры воина, быстро перебѣгавшаго отъ одного ствола къ другому. Семеро изъ канадцевъ были уже ранены, но только трое смертельно; осталь-

ные четверо мужественно стояли у своихъ бойницъ, хотя одинъ изъ нихъ, раненый въ челюсть, вмѣстѣ съ пулями выплевывалъ свои зубы въ ружейный стволъ. Тамъ гдѣ нужна была быстрая стрѣльба, женщины сидѣли на землѣ въ одну линію, каждая съ блюдечкомъ пуль и кузовомъ пороха и подавали ружья стрѣлкамъ.

Сначала вся атака была направлена на южную сторону, но по мѣрѣ того какъ къ ирокезамъ подходили новые отряды, линія ихъ растягивалась все больше и больше, такъ что и вся восточная сторона оказывалась подъ выстрѣлами, которые постепенно захватывали и сѣверъ. Вся усадьба была опоясана широкимъ кольцомъ дыма, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ протекала широкая рѣка. У противоположнаго берега мелькали индѣйскіе челноки; одинъ изъ нихъ съ десятью вооруженными людьми попробовалъ было переплыть рѣку, но удачный выстрѣлъ изъ мѣдной пушки попалъ въ бортъ лодки и потопилъ ее, а второй выстрѣлъ картечью оставилъ въ живыхъ только четверыхъ изъ пловцовъ, высокіе чубы которыхъ поднимались надъ водой словно спинные плавники какой-то необыкновеной рыбы. Со стороны суши де-ла-Ну не велѣлъ болѣе стрѣлять изъ пушекъ, такъ какъ широкія амбразуры привлекали огонь враговъ и половину всѣхъ раненыхъ составляли тѣ, кто дѣйствовалъ пушками.

Старый вельможа расхаживалъ въ своихъ бѣлыхъ брыжжахъ, съ янтарной тростью въ рукахъ, позади ряда закопченныхъ людей, постукивая по табакеркѣ, выкрикивая шуточки. Онъ казался гораздо менѣе озабоченнымъ, чѣмъ во время игры въ пикетъ.

— Ну, что вы думаете, дю-Лю?

— Думаю, что дѣло очень плохо. Мы слишкомъ быстро теряемъ людей.

— Развѣ можно ожидать иного, другъ мой? Когда на такое маленькое мѣстечко направлена тысяча мушкетовъ, комунибудь придется пострадать. Ахъ, бѣдняга, и ты уже готовъ!

Стоявшій рядомъ съ нимъ человѣкъ внезапно, съ шумомъ упалъ и лежалъ неподвижно, уткнувшись лицомъ въ блюдо саго, принесенное женщинами изъ дома. Дю-Лю взглянулъ на него и потомъ оглянулся вокругъ.

— Онъ — не на линіи бойницъ, а ему попало въ плечо,— сказалъ онъ. — Откуда же взялась эта пуля! Ахъ, клянусь Св.

Анной, взгляните-ка сюда! — Онъ указалъ вверхъ на облачко дыма, окружавшее верхушку высокаго дуба.

— Негодяй смотритъ въ ограду сверху. Но стволъ едва ли достаточно толстъ на этой высотѣ, чтобы защитить его. Ну, бѣднягѣ не понадобиться больше его мушкетъ, хотя, я вижу, онъ цѣлится снова.

Де-ла-Ну положилъ трость, отвернулъ манжеты, поднялъ ружье убитаго и выстрѣлилъ въ притаившагося воина. Съ дерева полетѣли, два листа, на одно мгновеніе появилось красное ухмыляющееся лицо и раздался насмѣшливый крикъ. Съ быстротой молніи дю-Лю положилъ мушкетъ на плечо и дернулъ собачку. Индѣецъ сдѣлалъ страшный прыжокъ и упалъ въ густую листву. Онъ упалъ внизъ на семьдесятъ-восемьдесятъ футовъ на громадный сукъ съ шумомъ, напоминавшимъ паденіе большого камня въ колодезь, и повисъ на немъ перегнувшись пополамъ, словно красная тряпка; чубъ его болтался между ногами. При видѣ этого крикъ восторга раздался со стороны канадцевъ, но былъ заглушенъ яростнымъ воплемъ дикарей.

— Онъ шевелится. Онъ еще не умеръ!—крикнулъ де-ла-Ну.

— Умретъ,—равнодушно проговорилъ старый піонеръ, кладя новый зарядъ въ ружье.—Ахъ, вотъ сѣрая шляпа всегда появляется, когда у меня нѣтъ заряда.

— Я видѣлъ въ кустахъ шляпу съ перомъ.

— Это—Фламандскій Метисъ. Мнѣ было бы пріятно имѣть въ рукахъ одинъ его скальпъ, чѣмъ скальпы сотни его лучшихъ воиновъ.

— Развѣ онъ такъ храбръ?

— Да, онъ достаточно храбръ. Это ужъ нельзя отрицать. Какъ бы иначе онъ могъ быть вождемъ ирокезовъ? Но къ тому же онъ уменъ, хитеръ и жестокъ... Ахъ, Боже мой, если все, что про него разсказываютъ, правда, то жестокость его прямо невѣроятна. Боюсь, чтобъ у меня не отсохъ языкъ, если бы я сталъ перечислять, что дѣлалъ этотъ человѣкъ. Ахъ, вотъ онъ опять.

Въ дыму снова показалась сѣрая шляпа съ перомъ. Де-ла-Ну и дю-Лю выстрѣлили одновременно и шляпа взлетѣла на воздухъ. Въ то же мгновеніе кусты раздвинулись и высокій воинъ очутился передъ глазами защитниковъ. Лицомъ онъ былъ похожъ на индѣйца, но цвѣтъ кожи былъ нѣсколько свѣтлѣе и остроконечная черная борода падала на охотничью куртку. Презрительнымъ движеніемъ онъ вскинулъ руки, простоялъ одно

мгновеніе, пристально смотря на фортъ, и затѣмъ прыгнулъ назадъ подъ прикрытіе, среди града пуль, сносившихъ всѣ мелкія вѣтви вокругъ него.

— Да, онъ довольно храбръ,—съ ругательствомъ повторилъ дю-Лю.—У вашихъ оброчныхъ въ рукахъ чаще бывали мотыги, чѣмъ мушкеты, судя по ихъ стрѣльбѣ. Однако индѣйцы, кажется, собираются къ восточной сторонѣ и, я думаю, скоро пойдутъ на приступъ.

Дѣйствительно, съ той стороны ограды, которую защищалъ де-Катина, пальба стала гораздо ожесточеннѣе, и ясно было, что тутъ собраны главныя силы ирокезовъ. Изъ-за каждаго ствола, пня, дупла и куста вылетали красныя искры, окруженныя сѣрымъ дымомъ, и пули пѣли непрерывную пѣсню, пролетая сквозь бойницы. Амосъ сдѣлалъ себѣ дыру на футъ надъ землею и лежалъ ничкомъ, заряжая ружье и стрѣляя съ своимъ обычнывъ методическимъ спокойствіемъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ Эфраимъ Савэджъ, съ сурово сжатыми губами, съ горѣвшими глазами подъ нахмуренными бровями. Вся душа его была поглощена истребленіемъ „амалекитянъ". Шляпа его свалилась съ головы, сѣдые волосы развѣвались по вѣтру, большія пятна пороха пестрили его загорѣлое лицо, а ссадина на правой щекѣ показывала, гдѣ контузила его индѣйская пуля. Де-Катина велъ себя, какъ опытный воинъ, расхаживая среди своихъ людей съ краткими словами похвалы или предостереженія, тѣми пламенными словами, грубыми и мѣткими, отъ которыхъ разгораются сердца и вспыхиваютъ щеки. Семеро изъ его людей были убиты, но такъ какъ атака, усилившись на его сторонѣ, ослабѣла съ другой, то старикъ де-ла-Ну пришелъ къ нему съ сыномъ, а дю-Лю привелъ ему на помощь десять человѣкъ. Де-ла-Ну только-что протянулъ табакерку де-Катина, какъ пронзительный крикъ сзади заставилъ ихъ обернуться. Онега ломала руки надъ тѣломъ своего сына. Сразу было видно, что пуля прошла ему сквозь сердце, онъ былъ мертвъ.

На одно мгновеніе худое лицо старика вельможи стало немного блѣднѣе и рука, державшая золотую табакерку, закачалась, словно вѣтка отъ порыва вѣтра. Но онъ тотчасъ же овладѣлъ собою, сунулъ руку въ карманъ и подавилъ судорогу, исказившую его лицо.

— Всѣ де-ла-Ну умираютъ на полѣ чести,—сказалъ онъ.—Я думаю, что въ тотъ уголъ, гдѣ стоитъ пушка, надо прибавить людей.

Теперь стало ясно, почему ирокезы выбрали главною цѣлью нападенія восточную сторону. Здѣсь, между опушкой и оградой, находилась группа кустовъ, которая могла служить имъ надежнымъ прикрытіемъ. Туда могъ пробраться цѣлый отрядъ, чтобы идти на окончательный приступъ. Одинъ за другимъ, два воина перебрались ползкомъ черезъ неширокую полоску открытаго пространства, за ними перепрыгнулъ третій и всѣ скрылись въ кустахъ. Четвертый былъ раненъ и упалъ съ перешибленной спиной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки лѣса, но потокъ воиновъ продолжалъ непрерывно стремиться впередъ, пока тридцать шесть дикарей не притаилось подъ вѣтвями. Настало время отличиться Амосу Грину.

Съ того мѣста, гдѣ онъ лежалъ, была видна бѣлая полоска отъ срѣзанной имъ березовой коры. Онъ зналъ, что прямо подъ ней лежитъ мѣшокъ съ порохомъ. Онъ нацѣлился въ полоску и потомъ медленно опустилъ ружье внизъ, пока не установилъ его, насколько могъ расчитывать, противъ деревца, находившагося среди чащи кустарника. Первый выстрѣлъ остался безъ послѣдствій и при второмъ прицѣлѣ онъ навелъ ружье на футъ ниже. Пуля попала въ мѣшокъ. Произошелъ взрывъ, отъ котораго задрожалъ домъ и весь рядъ крѣпкихъ кольевъ ограды закачался, словно колосья отъ порыва вѣтра. Столбъ синяго дыма поднялся выше самыхъ высокихъ деревьевъ; послѣ перваго удара наступило глубокое молчаніе, нарушаемое только шумомъ падающихъ тѣлъ. Затѣмъ раздался дикій крикъ радости осажденныхъ и въ отвѣтъ на него бѣшеный вопль индѣйцевъ, а пальба изъ лѣса возобновилась съ еще большей яростью.

Но ударъ былъ нанесенъ сильный. Изъ тридцати шести воиновъ, избранныхъ передовыми за свою храбрость, только четверо вернулись въ лѣсъ, да и тѣ были такъ изувѣчены, что могли считаться погибшими. Индѣйцы и раньше понесли уже большія потери и это новое бѣдствіе заставило ихъ перемѣнить планъ атаки. Ирокезы были настолько же осторожны, насколько храбры, и лучшимъ вождемъ считался тотъ, кто дорожилъ жизнью своихъ воиновъ. Пальба постепенно слабѣла и, наконецъ, за исключеніемъ единичныхъ выстрѣловъ, почти замолкла.

— Неужели они прекратятъ атаку!—съ радостью вскрикнулъ де-Катина.—Амосъ, вы, кажется, спасли насъ!

Но осторожный дю-Лю покачалъ головой.

— Скорѣе волкъ бросилъ бы полуобгрызенную кость, чѣмъ прокезы такую добычу.

— Но вѣдь они понесли сильныя потери.

— Да, но не такія большія, какъ наши, если принять во вниманіе число сражающихся съ обѣихъ сторонъ. Они потеряли пятьдесятъ изъ тысячи, мы—двадцать изъ шестидесяти. Нѣтъ, нѣтъ, у нихъ идетъ совѣщаніе и мы скоро узнаемъ результатъ его. Но до тѣхъ поръ можетъ пройти нѣсколько часовъ и, послушайтесь моего совѣта, сосните немного. По вашимъ глазамъ я вижу, что вы менѣе меня привыкли обходиться безъ сна, а ночью намъ врядъ ли дадутъ покой.

Де-Катина дѣйствительно усталъ до послѣдней степени. Амосъ Гринъ и капитанъ уже завернулись въ свои одѣяла и спали подъ защитой ограды. Офицеръ побѣжалъ наверхъ, сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія дрожащей Адели, затѣмъ бросился на кровать и заснулъ сномъ безъ видѣній, сномъ изнеможеннаго человѣка. Когда новый взрывъ пальбы изъ лѣсу разбудилъ его, солнце стояло уже низко на небѣ и тонкіе вечерніе тона окрашивали голыя стѣны комнаты. Онъ вскочилъ съ кровати, схватилъ мушкетъ и бросился внизъ. Защитники собрались у бойницъ, а дю-Лю, де-ла-Ну и Амосъ Гринъ озабоченно шептались между собою. Мимоходомъ онъ замѣтилъ, что Онега, тихо причитая, все въ томъ же положеніи сидѣла у трупа сына.

— Что это? Развѣ они наступаютъ?—спросилъ онъ.

— Они задумали какую-то чертовщину,—сказалъ дю-Лю, выглядывая изъ-за угла амбразуры.—Они собираются толпой на восточной сторонѣ, а стрѣляютъ съ юга. Индѣйцы не имѣютъ обыкновенія нападать на открытомъ мѣстѣ, но если они боятся, что къ намъ подойдетъ помощь изъ форта, то отважатся и на это.

— Лѣсъ передъ нами кишитъ ими,—замѣтилъ Амосъ.—Они хлопочутъ подъ кустами, словно бобры.

— Можетъ-быть, они хотятъ напасть съ этой стороны подъ прикрытіемъ стрѣльбы съ фланга.

— Я такъ и думаю,—вскричалъ де-ла-Ну.—Принесите сюда всѣ лишнія ружья и позовите всѣхъ людей, оставивъ по пяти съ каждой стороны.

Едва онъ успѣлъ выговорить эти слова, какъ изъ лѣсу раздался пронзительный вой и въ одно мгновеніе на открытое пространство выскочила цѣлая куча воиновъ и побѣжала

къ оградѣ, визжа, прыгая и размахивая въ воздухѣ ружьями и тамагауками. И въ кошмарѣ не могли присниться такія ужасныя фигуры, какъ эти индѣйцы съ ихъ раскрашенными яркими полосами лицами, съ развѣвающимися чубами, размахивающими въ воздухѣ руками, открытыми ртами, конвульсиво извивающимися тѣлами. Нѣкоторые изъ переднихъ несли челноки и, когда добѣжали до ограды, поставили ихъ стоймя и полѣзли, словно на лѣстницы. Другіе стрѣляли сквозь бойницы такъ, что дула ихъ мушкетовъ соприкасались съ мушкетными дулами противниковъ; третьи вскарабкивались на верхъ ограды и безстрашно спрыгивали внутрь. Канадцы сопротивлялись какъ люди, не ожидающіе пощады. Они стрѣляли, еле успѣвая заряжать ружья, и, обернувши мушкеты, бѣшено колотили по каждой красной головѣ, которая показывалась надъ оградой. Во дворѣ стоялъ невообразимый шумъ: возгласы и крики французовъ, завываніе дикарей, вопли ужаса испуганныхъ женщинъ—все это сливалось въ одинъ ужасный гамъ, среди котораго возвышался голосъ стараго вельможи, умолявшаго своихъ оброчныхъ держаться стойко. Съ рапирой въ рукѣ, безъ шляпы, со сбившимся на сторону парикомъ, забывъ свои жеманныя манеры, старый воинъ являлся тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нѣкогда при Рокруа, и вмѣстѣ съ дю-Лю, Амосомъ Гриномъ, де-Катина и Эфраимомъ Савэджемъ, оказывался вездѣ впереди своихъ воиновъ. Они бились отчаянно, ружья ихъ и приклады одерживали верхъ надъ томагауками, такъ что хотя пятьдесятъ ирокезовъ сразу проникли за ограду, они перебили большинство ихъ, а остальныхъ прогнали обратно за ограду. Но внезапно новый потокъ полился съ южной стороны, лишенной защитниковъ. Дю-Лю сразу увидѣлъ, что дворъ потерянъ и остается только одно средство спасти домъ.

— Задержите ихъ на минуту!—крикнулъ онъ и, подбѣжавъ къ мѣдной пушкѣ, ударилъ огниво и кремень и выпалилъ прямо въ толпу дикарей. Затѣмъ, когда они попятились на мгновеніе, дю-Лю сунулъ гвоздь въ запальное отверстіе и вбилъ его ударомъ приклада. Кинувшись въ противоположную сторону двора, онъ заклепалъ пушку съ другой стороны и бросился къ входной двери, куда нападающіе оттѣснили остатки гарнизона. Канадцы кинулись въ домъ и захлопнули за собой массивную дверь, сломавъ ногу первому индѣйцу, который попытался послѣдовать за ними. Такимъ образомъ, они могли передохнуть немного и обдумать, что дѣлать дальше.

XXXVII. Появленіе монаха.

А дѣла ихъ были очень плохи. Если бы враги могли обратить противъ нихъ пушки, всякое сопротивленіе было бы безполезнымъ; но присутствіе духа дю-Лю избавило ихъ отъ этой опасности. Двѣ пушки со стороны рѣки и челноки были въ безопасности, потому что ихъ защищали изъ оконъ дома. Но число защитниковъ страшно уменьшилось, а оставшіеся были утомлены, ранены и измучены. Девятнадцать человѣкъ вошло въ домъ, но одинъ изъ нихъ былъ прострѣленъ насквозь и лежалъ на полу, а у другого было томагаукомъ разрублено плечо такъ, что онъ не могъ поднять мушкета. Дю-Лю, де-ла-Ну и де-Катина остались невредимыми, но Эфраиму Саваджу пуля пробила руку, у Амоса изъ порѣза на лицѣ текла кровь. Остальные пострадали болѣе или менѣе, но не время было думать о ранахъ, такъ какъ опасность надвигалась и требовала рѣшительныхъ дѣйствій. Нѣсколькими выстрѣлами изъ забаррикадированныхъ оконъ удалось очистить дворъ, такъ какъ цѣлиться туда было удобно, но съ другой стороны враги могли теперь укрываться за частоколомъ и открыли огонь снаружи его. Съ полдюжины оброчныхъ отвѣчали на пальбу въ то время, какъ предводители совѣщались между собою.

— У насъ двадцать пять женщинъ и четырнадцать дѣтей,— сказалъ де-ла-Ну.—Я увѣренъ, что вы, господа, согласитесь со мной, что мы обязаны прежде всего подумать о нихъ. Нѣкоторые изъ васъ, подобно мнѣ, потеряли сыновей или братьевъ. Такъ спасите, по крайней мѣрѣ, нашихъ женъ и сестеръ.

— Вверхъ по рѣкѣ не видно ирокезкихъ челноковъ, — сказалъ одинъ изъ канадцевъ.—Если женщины отправятся ночью, онѣ могутъ добраться до форта.

— Клянусь Св. Анной,—воскликнулъ дю-Лю,—хорошо бы услать отсюда и мужчинъ, потому что я не знаю, какъ мы продержимся до утра.

Одобрительный ропотъ пробѣжалъ между канадцами, но старый вельможа съ рѣшимостью покачалъ своей украшенной парикомъ головой.

— Э! э! Это что за вздоръ!—крикнулъ онъ.—Неужели мы бросимъ замокъ Св. Маріи во власть первой шайкѣ дикарей, которая вздумала напасть на него? Нѣтъ, нѣтъ, господа! Насъ здѣсь еще около двадцати человѣкъ, а когда гарнизонъ узна-

етъ, что на насъ напали,—самые позднее завтра утромъ,—то конечно пришлетъ намъ подкрѣпленіе.

Дю-Лю угрюмо покачалъ головой.

— Если вы настаиваете на томъ, чтобы удержать фортъ, я не покину васъ,—сказалъ онъ,—но жаль безполезно жертвовать такими храбрецами.

— Челноковъ еле хватитъ на женщинъ и дѣтей,—замѣтилъ Теріе.—Ихъ всего два большихъ и четыре малыхъ. Ни одному мужчинѣ не найдется мѣста.

— Значитъ, вопросъ рѣшенъ,—сказалъ де-Катина.—Но кто же повезетъ женщинъ?

— По теченію всего нѣсколько миль и у насъ всѣ женщины умѣютъ грести.

Ирокезы совершенно притихли и только отдѣльные выстрѣлы съ деревьевъ изъ-за ограды напоминали по временамъ объ ихъ присутствіи. Потери ихъ были велики и теперь они или занимались уборкой труповъ, или держали совѣтъ о дальнѣйшемъ ходѣ битвы. Наступали сумерки; солнце уже зашло за верхушки деревьевъ. Предводители оставили по одному человѣку у каждаго окна и сошли къ задней сторонѣ дома, гдѣ на пескѣ лежали челноки. Къ сѣверу не было видно ни слѣда непріятеля.

— Намъ везетъ,—сказалъ Амосъ.—Собираются тучи и будетъ темно.

— Это дѣйствительно счастье, такъ какъ полнолуніе наступило только три дня тому назадъ,—отвѣтилъ дю-Лю.—Удивляюсь, почему ирокезы не отрѣзали насъ отъ рѣки; очень возможно, что ихъ лодки поплыли на югъ за подкрѣпленіемъ. Они могутъ скоро вернуться и намъ не слѣдуетъ терять ни минуты.

— Черезъ часъ станетъ достаточно для того, чтобъ отправиться въ путь.

— Мнѣ кажется, пойдетъ дождь и тогда будетъ еще темнѣе.

Собрали женщинъ и дѣтей и указали имъ мѣста въ лодкахъ. Жены оброчныхъ, суровыя, мужественныя женщины, проведшія всю жизнь подъ угрозой опасности, относились къ предстоявшему отъѣзду, въ въ большинствѣ, спокойно и разсудительно; только нѣкоторыя, болѣе молодыя, плакали. Женщина всегда храбрѣе, когда у нея есть ребенокъ, отвлекающій ея мысли отъ своей особы, а тутъ каждой замужней женщинѣ на время плаванія было поручено по ребенку. Начальство надъ

женщинами было довѣрено индѣянкѣ Онегѣ, храброй и умной женѣ владѣльца „Св. Маріи“.

— Это не очень далеко, Адель,—сказалъ де-Катина женѣ, которая прижалась къ его плечу.—Помнишь, какъ мы слышали церковный звонъ, когда шли по лѣсу? Это звонили въ фортѣ С.-Луи, въ одной или двухъ миляхъ отсюда.

— Но я не хочу покидать тебя, Амори! Мы были вмѣстѣ все время. О, Амори, зачѣмъ намъ разлучаться теперь?

— Милая моя, дорогая, ты разскажешь въ фортѣ, что дѣлается здѣсь, и намъ пришлютъ помощь.

— Пусть другія сдѣлаютъ это, а я останусь здѣсь, Амори. Я буду помогать тебѣ, Амори. Онега научила меня заряжать ружье. Я не буду бояться, право, не буду. только позволь мнѣ остаться здѣсь.

— Не проси объ этомъ, Адель. Это невозможно, дитя. Я не могу оставить тебя здѣсь.

— Но я увѣрена, что такъ было бы лучше.

Болѣе грубый мужской умъ еще не научился цѣнить по достоинству тѣхъ тонкихъ инстинктовъ, которые руководятъ женщинами. Де-Катина увѣщевалъ и доказывалъ до тѣхъ поръ, пока, если не убѣдилъ жены, то заставилъ ее замолчать.

— Сдѣлай это ради меня, моя милая. Ты не знаешь, какую тяжесть снимешь съ моего сердца, когда я узнаю, что ты въ безопасности. А за меня тебѣ нечего бояться. Мы смѣло можемъ продержаться до утра. Тогда подойдетъ подкрѣпленіе изъ форта—я слышалъ, что тамъ много лодокъ, и мы всѣ свидимся снова.

Адель молчала, но крѣпко сжала руками руку мужа. Де-Катина продолжалъ успокаивать ее, какъ вдругъ у часового, стоявшаго у окна, вырвался крикъ.

— Къ сѣверу отъ насъ на рѣкѣ лодка!

Осажденные въ смущеніи переглянулись между собой. Такъ значитъ, ирокезы отрѣзали отступленіе.

— Сколько въ ней воиновъ?—спросилъ де-ла-Ну.

— Не вижу. Темно, къ тому же и тѣнь отъ берега.

— Куда она плыветъ?

— Сюда. Ахъ, вотъ она выплываетъ на открытое мѣсто и теперь хорошо видно. Слава Тебѣ, Господи! Двѣнадцать свѣчей поставлю въ Квебекскомъ соборѣ, если доживу до будущаго лѣта!

— Да что же тамъ такое?—нетерпѣливо крикнулъ де-ла-Ну.

— Это не ирокезкій челнокъ. Въ немъ только одинъ человѣкъ. Онъ—канадецъ.

— Канадецъ! — воскликнулъ дю-Лю, вспрыгивая въ окно.—Только безумный можетъ отважиться явиться одинъ въ это осиное гнѣздо. Ага, теперь я вижу его. Онъ держится вдали отъ берега, чтобъ избѣжать ихъ выстрѣловъ. Вотъ онъ на половинѣ рѣки и поворачиваетъ къ намъ. Честное слово, этотъ святой отецъ не въ первый разъ держитъ весло въ рукахъ.

— Это іезуитъ,—сказалъ, вытягивая шею, одинъ изъ осажденныхъ. — Они всегда появляются въ самомъ опасномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, я вижу его капюшонъ,—отвѣтилъ другой,—это—францисканскій монахъ.

Минуту спустя, лодка зашуршала по песку и въ растворившуюся дверь вошелъ человѣкъ въ длинной, темной одеждѣ францисканскаго ордена. Онъ быстро оглянулъ все вокругъ, подошелъ къ де-Катина и положилъ руку ему на плечо.

— Итакъ вы не ушли отъ меня!—проговорилъ онъ.—Мы нашли дурное сѣмя, прежде чѣмъ оно успѣло дать ростки.

— Что вамъ угодно, отецъ мой?—спросилъ де-ла-Ну.—Вы, очевидно, ошиблись. Это—мой хорошій пріятель Амори де-Катина, изъ французскихъ дворянъ.

— Это—Амори де-Катина, еретикъ и гугенотъ,—крикнулъ монахъ.—Я гнался за нимъ по рѣкѣ Св. Лаврентія, а затѣмъ по Ришелье и погнался бы за нимъ на край свѣта, чтобы взять его съ собой.

— Ну, батюшка, ваше усердіе заводитъ васъ слишкомъ далеко,—замѣтилъ де-ла-Ну.—Куда же вы хотите взять моего друга?

— Онъ съ женой долженъ вернуться во Францію. Въ Канадѣ нѣтъ мѣста для еретиковъ.

— Клянусь Св. Анной, батюшка!—проговорилъ онъ,—если бы вы въ настоящее время взяли насъ всѣхъ во Францію, мы были бы очень обязаны вами.

— И вспомните,—строго проговорилъ де-ла-Ну,—что вы подъ моей кровлей и говорите о моемъ гостѣ.

Но нахмуренное лицо стараго вельможи не могло смутить монаха.

— Взгляните на это,—сказалъ онъ, вытаскивая изъ-за пазухи какую-то бумагу.—Она подписана губернаторомъ и предписываетъ вамъ подъ страхомъ королевской немилости вернуть

этого человѣка въ Квебекъ. А, сударь! Когда вы въ то утро высадили меня на островъ, вы не воображали, что я вернусь въ Квебекъ, чтобы получить эту бумагу, и проплыву за вами столько сотенъ миль по рѣкѣ. Но теперь вы въ моихъ рукахъ и я не покину васъ до тѣхъ поръ, пока не увижу васъ съ женой на кораблѣ, который повезетъ васъ во Францію.

Несмотря на злобную мстительность, горѣвшую въ глазахъ монаха, де-Катина не могъ не восхищаться энергіей и стойкостью этого человѣка.

— Мнѣ кажется, батюшка, что вы болѣе прославились бы, какъ воинъ, чѣмъ какъ послѣдователь Христа,—сказалъ онъ,—но такъ какъ вы пробрались за нами сюда, откуда нѣтъ выхода, то мы обсудимъ этотъ вопросъ позднѣе, на досугѣ.

Но американцы были менѣе склонны къ такому мирному взгляду. Борода Эфраима Савэджа топорщилась отъ злобы, онъ шепнулъ что-то на ухо Амосу Грину.

— Мы съ капитаномъ можемъ легко справиться съ нимъ,—сказалъ молодой житель лѣсовъ, отводя въ сторону де-Катина.—Разъ онъ такъ настойчиво становится на нашемъ пути, онъ долженъ поплатиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, Амосъ! Оставьте его въ покоѣ. Онъ исполняетъ то, что считаетъ своимъ долгомъ, хотя, повидимому, вѣра въ немъ сильнѣе милосердія. Но вотъ и дождь, и достаточно темно для слѣдованія лодокъ.

Большая темная туча покрыла небо и темнота наступила такъ быстро, что едва могли различить полосу рѣки передъ ними. Дикари въ лѣсахъ и за отбитою оградою сидѣли смирно, изрѣдка только давая знать о себѣ отдѣльными выстрѣлами, но визгъ и крики въ коттэджахъ оброчныхъ указывали, что побѣдители предались грабежу. Внезапно надъ одной изъ крышъ появилось мутное, красное зарево.

— Они поджигаютъ дома,—крикнулъ дю-Лю.—Надо поскорѣе отправлять челноки, такъ какъ скоро на рѣкѣ станетъ свѣтло какъ днемъ. Въ лодки! Въ лодки! Нельзя терять ни минуты.

Прощаться было нѣкогда. Одинъ страстный поцѣлуй—и Адель увели и усадили въ самую маленькую лодку, въ которой она очутилась съ Онегой, тремя дѣтьми и одной дѣвушкой. Остальныя кинулись къ своимъ мѣстамъ и черезъ нѣсколько минутъ отчалили и исчезли въ дождѣ и мракѣ. Большая туча разразилась дождемъ, который падалъ крупными каплями на

кышу и брызгалъ въ лица оставшимся, напрягавшимъ зрѣніе, смотря вслѣдъ исчезавшимъ лодкамъ.

— Благодареніе Богу за эту грозу!—пробормоталъ дю-Лю.—Она не даетъ огню слишкомъ быстро охватить постройки.

Но онъ забылъ, что, хотя крыши намокли, внутренность коттэджей была суха, какъ трутъ. Онъ еле успѣлъ проговорить эти слова, какъ длинный, желтый языкъ пламени показался изъ одного окна, за нимъ другой, третій... внезапно провалилась половина крыши и коттэджъ запылалъ, какъ смоляная бочка. Огонь шипѣлъ и трещалъ подъ потоками дождя, но, поддерживаемый снизу, разгорался все сильнѣе и подымался выше, бросая красный отблескъ на большія деревья и придавая ихъ стволамъ видъ полированной мѣди. Отъ свѣта его вокругъ дома и на большое протяженіе по рѣкѣ стало ясно, какъ днемъ. По страшнымъ крикамъ изъ лѣсу можно было заключить, что дикари увидѣли лодки, которыя—какъ отлично было видно изъ окна—успѣли проплыть не болѣе четверти мили.

— Они бѣгутъ по лѣсу. Бѣгутъ къ рѣкѣ!—крикнулъ де-Катина.

— У нихъ тамъ нѣсколько челноковъ,—сказалъ дю-Лю.

— Но вѣдь они не могутъ миновать насъ!—крикнулъ владѣлецъ «Св. Маріи».—Спуститесь къ пушкамъ и попытайтесь остановить ихъ.

Едва они успѣли добѣжать до пушекъ, какъ двѣ большія лодки, наполненныя воинами, вылетѣли изъ тростниковъ, росшихъ ниже форта, выплыли на середину и бѣшено погнались за бѣглянками.

— Жанъ, ты у насъ лучшій стрѣлокъ,—сказалъ де-ла-Ну.—Цѣль въ нее, когда она пойдетъ мимо большой сосны. Ламберъ, стрѣляй изъ другой пушки. Жизнь всѣхъ, кого вы любите, зависитъ отъ этихъ выстрѣловъ.

Оба сморщенные старые артиллеристы выглянули изъ-за своихъ пушекъ и стали ожидать челноковъ. Пламя пожара подымалось все выше и выше и широкая рѣка казалась листомъ темнаго металла съ двумя черными точками—быстро несшимися челноками. Одинъ плылъ за другимъ на разстояніи пятидесяти ярдовъ, но въ обоихъ индѣйцы одинаково яростно налегали на весла, а товарищи ихъ съ берега громкими криками поощряли ихъ. Бѣглянки уже исчезли за поворотомъ рѣки.

Когда первый челнокъ поровнялся съ первой пушкой, канадецъ перекрестилъ запалъ и выстрѣлилъ. Крики радости, а затѣмъ стоны вырвались изъ груди напряженно смотрѣвшихъ зрителей. Зарядъ попалъ въ рѣку у самой лодки и залилъ ее такимъ потокомъ воды, что одно мгновеніе осажденнымъ показалось, что онъ затопилъ ее. Но минуту спустя волненіе улеглось и челнокъ полетѣлъ впередъ; только одинъ изъ пловцевъ выронилъ весло и упалъ головой на спину сидѣвшаго передъ нимъ товарища. Второй пушкарь намѣтился въ тотъ же челнокъ, но въ то мгновеніе, какъ онъ подносилъ огонь, изъ-за ограды вылетѣла со свистомъ пуля и онъ упалъ мертвымъ, не издавъ никакого звука.

— Это дѣло я немножко знаю, парень!—крикнулъ Эфраимъ Савэджъ, внезапно выскакивая впередъ.—Но когда я палю изъ пушки, я люблю направлять ее самъ. Помоги мнѣ двинуть ее и наводи прямо на островъ. Вотъ такъ! Пониже! Ну, готово!—Онъ опустилъ фитиль и выстрѣлилъ.

Выстрѣлъ былъ превосходный. Весь зарядъ попалъ въ лодку въ шести футахъ ниже носа и опрокинулъ ее, какъ яичную скорлупу. Прежде чѣмъ разсѣялся дымъ, она затонула, а вторая лодка остановилась, чтобы подобрать раненыхъ. Остальные индѣйцы, чувствовавшіе себя въ водѣ не хуже чѣмъ на сушѣ, уже плыли къ берегу.

— Скорѣй! Скорѣй!—кричалъ де-ла-Ну.—Заряжай пушку! Можемъ опрокинуть и другую!

Но этой надеждѣ не суждено было исполниться. Задолго до того, какъ удалось зарядить пушку, ирокезы успѣли подобрать своихъ раненыхъ и снова бѣшено понеслись по рѣкѣ. Внезапно пожаръ потухъ и все вокругъ потонуло въ дождѣ и мракѣ.

— Боже мой!—вскричалъ де-Катина внѣ себя.—Ихъ догонятъ. Бросимъ этотъ домъ, возьмемъ лодку и поплывемъ за ними! Скорѣе, скорѣе! Нельзя терять ни минуты!

— Милостивый государь, вы заходите слишкомъ далеко въ вашей вполнѣ естественной тревогѣ,—холодно проговорилъ вельможа.—Я не склоненъ такъ легко покинуть мой постъ.

— Ахъ! Что намъ въ этомъ домѣ! Только дерево и камень; домъ можно снова построить. Но подумать, что женщины въ рукахъ этихъ дьяволовъ! О, я съ ума схожу. Скорѣй. скорѣй! Ѣдемъ ради Христа, ѣдемъ!

Лицо молодого человѣка было смертельно блѣдно и онъ, словно бѣшеный, размахивалъ руками въ воздухѣ.

— Не думаю, чтобъ ихъ догнали,—сказалъ дю-Лу, успокоительно кладя ему на плечо руку.—Не бойтесь. Они отплыли гораздо раньше, а здѣшнія женщины умѣютъ грести не хуже мужчинъ. Къ тому же въ челнокѣ ирокезовъ было и такъ много людей, а теперь имъ пришлось взять еще и раненыхъ. Да и дубовыя лодки могауковъ не такъ быстроходны, какъ наши берестяныя, альгонкинскія. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ ѣхать, такъ какъ у насъ нѣтъ лодки.

— Вотъ тамъ лежитъ одна.

— Ахъ, въ нее можетъ усѣсться только одинъ человѣкъ. Это челнокъ, въ которомъ пріѣхалъ монахъ.

— Ну, такъ я поѣду въ немъ! Мое мѣсто тамъ, гдѣ Адель!

Онъ распахнулъ дверь, выскочилъ и уже хотѣлъ оттолкнуть утлый челнокъ, какъ вдругъ кто-то бросился передъ нимъ и ударомъ топора проломилъ бокъ лодки.

— Это моя лодка,—сказалъ монахъ, бросая топоръ и складывая руки на груди.—Я могу дѣлать съ ней, что мнѣ вздумается.

— Ахъ, дьяволъ! Вы погубили насъ!

— Я нашелъ васъ и вамъ не убѣжать отъ меня.

Горячая кровь бросилась въ голову офицера, онъ поднялъ топоръ и поспѣшно сдѣлалъ шагъ впередъ. Свѣтъ изъ открытой двери падалъ на серьезное, суровое лицо монаха, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, когда онъ увидѣлъ, какъ взвился топоръ въ рукѣ взбѣшеннаго молодого человѣка. Онъ только перекрестился и прошепталъ полатыни какую-то молитву. Это спокойствіе спасло ему жизнь. Де-Катина съ страшнымъ ругательствомъ бросилъ топоръ и отвернулся отъ разбитой лодки,—какъ вдругъ главная входная дверь неожиданно съ трескомъ повалилась внутрь и толпа дикарей съ ужасными криками ворвалась въ домъ.

XXXVIII. Столовая въ замкѣ «Св. Маріи».

Легко объяснить, какъ это случилось. Часовые у оконъ, выходившихъ во дворъ, не въ силахъ были оставаться на своихъ мѣстахъ, когда по другую сторону дома рѣшалась участь ихъ женъ и дѣтей. Въ оградѣ было тихо; казалось,

индѣйцы такъ же заняты происходившемъ на рѣкѣ, какъ и канадцы. Поэтому часовые, одинъ за другимъ, уходили со своихъ постовъ и вмѣстѣ съ остальными осажденными радостно привѣтствовали выстрѣлъ капитана, а затѣмъ пришли въ отчаяніе, когда оставшаяся невредимой лодка бросилась, словно гончая, по слѣду бѣглянокъ. Но во главѣ дикарей стоялъ человѣкъ такой же находчивый и изобрѣтательный, какъ и дю-Лу. Фламандскій Метисъ стерегъ домъ изъ-за ограды, какъ такса подстерегаетъ крысу у норы, и тотчасъ же замѣтилъ, что осажденные покинули свои мѣста. Взявъ съ собой двадцать человѣкъ, онъ притащилъ съ опушки лѣса громадный чурбанъ. Дикари безпрепятственно пробѣжали открытое пространство и, во главѣ со своимъ предводителемъ, ударили чурбаномъ въ дверь съ такой силой, что деревянная поперечина сломалась, а двери слетѣли съ петель. Первое извѣстіе объ этомъ событіи дошло до защитниковъ, когда они услышали трескъ двери и крики двоихъ изъ небрежныхъ сторожей, которыхъ схватили и оскальпировали въ сѣняхъ. Весь нижній этажъ былъ въ рукахъ индѣйцевъ, а де-Катина и его врагъ—монахъ—оказались отрѣзанными отъ лѣстницы.

Къ счастью, помѣщичьи дома въ Канадѣ строили, всегда имѣя въ виду необходимость защиты противъ индѣйцевъ, и потому даже теперь не все было потеряно для осажденныхъ. Съ верхняго этажа, со стороны рѣки, спускалась на землю висячая деревянная лѣстница, которую можно было втащить наверхъ въ случаѣ нужды. Де-Катина кинулся къ ней; за нимъ монахъ. Въ темнотѣ онъ сталъ искать лѣстницу ощупью. Ея не было.

Сердце молодого человѣка замерло отъ отчаянія. Куда бѣжать ему? Лодка испорчена. Между нимъ и лѣсомъ—ограда, да и то въ рукахъ ирокезовъ. Ихъ бѣшеные крики звенѣли у него въ ушахъ. Они еще не увидали его, но скоро должны замѣтить. Внезапно, въ окружавшей его темнотѣ, сверху раздался чей-то голосъ.

— Давай мнѣ твое ружье, парень,—говорилъ чей-то голосъ.—Я вижу внизу, у стѣны, тѣнь какихъ-то язычниковъ.

— Это я! Это я, Амосъ!—крикнулъ де-Катина.—Спускайте лѣстницу, а не то я погибъ.

— Смотрите. Это, можетъ-быть, хитрость,—проговорилъ дю-Лу.

—Нѣтъ! нѣтъ! Ручаюсь вамъ!—крикнулъ Амосъ и черезъ минуту лѣстница была спущена. Де-Катина и монахъ поспѣшно полѣзли по ней и едва успѣли добраться до верхнихъ ступеней, какъ изъ входной двори выбѣжала толпа индѣйскихъ воиновъ и разбѣжалась по берегу рѣки. Сверху раздалось два выстрѣла изъ мушкетовъ, что-то бухнулось въ рѣку, словно лосось, и въ слѣдующее мгновенiе оба француза были среди своихъ товарищей, а лѣстницу втянули на верхъ.

Но въ послѣднемъ убѣжищѣ осталась только горсточка защитниковъ. Всего девять человѣкъ: владѣлецъ «Св. Марiи», дю-Лу, два американца, монахъ, Де-Катина, дворецкiй Терiе и два оброчныхъ. Израненные, измученные, почернѣвшiе отъ пороха, они были полны безумной отваги людей, знающихъ, что въ случаѣ сдачи имъ грозитъ ужасная смерть. Каменная лѣстница вела прямо изъ кухни въ столовую и оканчивалась дверью, которую заложили до половины двумя матрацами. Хриплыя перешептыванья и щелканья взводимыхъ курковъ указывали, что ирокезы готовятся къ нападенiю.

— Поставьте фонарь у двери, — сказалъ дю-Лю, — такъ, чтобы свѣтъ падалъ на лѣстницу. Здѣсь мало мѣста, стрѣлять можно только троимъ, но остальные могутъ заряжать и подавать ружья. Г. Гринъ и ты, Жанъ Дюваль, станьте на колѣни рядомъ со мной. Если ранятъ одного изъ насъ, пусть замѣнитъ кто-нибудь другой. Ну, готовьтесь! Они идутъ!

Снизу раздался рѣзкiй свистъ и въ одно мгновенiе лѣстница наполнилась краснокожими, которые поспѣшно бѣжали вверхъ, размахивая оружiемъ. Пафъ! Пафъ! Пафъ! грянули три ружья и затѣмъ снова и снова — Пафъ! Пафъ! Пафъ! Въ низкой комнатѣ стало такъ темно отъ дыма, что еле можно было передавать мушкеты въ едва различимыя нетерпѣливо протягиваемыя за ними руки. Но ни одинъ изъ ирокезовъ не добрался до двери и на лѣстницѣ умолкъ шумъ ихъ шаговъ. Только сердитое рычанiе, да по временамъ стонъ доносились снизу. Стрѣлки были невредимы, но перестали стрѣлять, ожидая, чтобы разсѣялся дымъ.

Когда же дымъ разсѣялся, они увидѣли, какъ смертеленъ былъ ихъ прицѣлъ на такомъ близкомъ разстоянiи. Выпущено было только девять выстрѣловъ, а на каменныхъ ступеняхъ лѣстницы валялось семеро индѣйцевъ. Пятеро

изъ нихъ лежали неподвижно, а двое пытались сползти внизъ, къ товарищамъ. Дю-Лю и Жанъ Дюваль подняли мушкеты, и искалѣченные люди легли смирно.

— Клянусь Св. Анной!—сказалъ старый піонеръ, забивая въ стволъ новую пулю.—Если они и добудутъ наши скальпы, то дорогою цѣной. Не менѣе сотни сквау завоютъ въ ихъ селеніяхъ, когда узнаютъ о нашихъ сегодняшнихъ подвигахъ.

— Да, они не забудутъ пріемъ въ «Св. Маріи»,—сказалъ старикъ де-ла-Ну.—Я снова долженъ выразить вамъ, мой дорогой де-Катина, свое глубочайшее сожалѣніе, что вамъ и вашей супругѣ пришлось подвергнуться столькимъ непріятностямъ, когда вы были настолько добры, что навѣстили меня. Надѣюсь, что она и прочія женщины теперь уже въ безопасности въ фортѣ.

— Дай Богъ! О, у меня не будетъ ни минуты покоя, пока я снова не увижу ее.

— Если онѣ добрались, мы можемъ ждать подкрѣпленія къ утру; только бы продержаться такъ долго. Комендантъ Шамбли—не такой человѣкъ, чтобы покинуть товарища въ нуждѣ.

На одномъ концѣ стола съ предыдущаго утра остались карты; взятки нетронутыми лежали одна на другой. Но тутъ же было и нѣчто болѣе интересное: завтракъ также остался неубраннымъ, а бойцы сражались все время, еле успѣвъ перекусить. Даже лицомъ къ лицу со смертью природа заявляетъ свои права и голодные люди съ жадностью набросились на хлѣбъ, ветчину и холодную дикую утку. На буфетѣ стояло нѣсколько бутылокъ винъ; съ нихъ сбили пробки и опрокинули ихъ содержимое въ засохшія горла. Однако все время трое часовыхъ стояли по очереди у двери, чтобы не быть снова захваченными врасплохъ. Снизу до нихъ доносились вопли и визгъ дикарей; словно всѣ волки лѣса собрались тамъ, но на лѣстницѣ не было никого кромѣ семи бездыханныхъ тѣлъ.

— Они не полѣзутъ больше!—съ увѣренностью сказалъ дю-Лю.—Мы дали имъ слишкомъ жестокій урокъ.

— Они подожгутъ домъ.

— Трудно имъ будетъ сдѣлать это,—сказалъ дворецкій.—Домъ весь изъ камня—и стѣны, и лѣстница—только

нѣсколько деревянныхъ балокъ. Совсѣмъ не то, что коттэджи.

— Тсъ!—крикнулъ Амосъ Гринъ, подымая руку. Крики прекратились; слышались тяжелые удары молота о дерево.

— Что бы это могло быть?

— Безъ сомнѣнія, какая-нибудь новая чертовщина.

— Къ сожалѣнію долженъ сказать, господа, — замѣтилъ старый вельможа все съ той же свойственной ему придворной учтивостью,—что, по моему мнѣнію, они взяли примѣръ съ нашего молодого друга и выбиваютъ днища у пороховыхъ бочекъ въ погребѣ.

Но дю-Лю только покачалъ головой при этихъ словахъ.

— Краснокожій не станетъ терять порохъ попусту,—сказалъ онъ.—Это слишкомъ драгоцѣнная вещь для нихъ. А! Прислушайтесь!

Завываніе и визгъ возобновились, но въ рѣзкихъ звукахъ слышалось что-то еще болѣе дикое, безумное и все перемѣшивалось съ обрывками пѣсенъ и взрывами хохота.

— Ахъ, это они вскрыли бочки съ водкой!—вскрикнулъ дю-Лю.—Хороши они были и раньше, а теперь станутъ хуже чертей, выпущенныхъ изъ ада.

Какъ разъ въ это время послышался новый взрывъ воплей, среди которыхъ возвышался жалобный голосъ, молившій о пощадѣ. Оставшіеся въ живыхъ съ ужасомъ взглянули другъ на друга. Снизу поднялся тяжелый запахъ горящаго тѣла, а ужасный голосъ попрежнему кричалъ и молилъ о пощадѣ. Потомъ онъ медленно сталъ замирать и наконецъ умолкъ навѣки.

— Кто это былъ?—шепотомъ спросилъ де-Катина. Кровь замерла у него въ жилахъ.

— Я думаю, что это былъ Жанъ Корбейль.

— Упокой Господи его душу! Страданія его окончены. Хорошо бы и намъ успокоиться подобно ему. Ахъ! Стрѣляйте въ него! Стрѣляйте!

На площадку внизу лѣстницы внезапно выбѣжалъ какой-то человѣкъ и вытянулъ руку, какъ будто бросая что-то. Это былъ Фламандскій Метисъ. Амосъ Гринъ навелъ на него дуло своего мушкета, но дикарь бросился назадъ такъ же быстро, какъ появился. Что-то влетѣло въ комнату и покатилось по полу.

— Нагнитесь! Нагнитесь! Это бомба! — крикнулъ де-Катина

Но брошенный предметъ лежалъ у ноги дю-Лю и онъ хорошо разглядѣлъ его. Онъ взялъ со стола скатерть и прикрылъ его.

— Это не бомба,—спокойно проговорилъ онъ.—А умеръ дѣйствительно Жанъ Корбейль.

Впродолженіе четырехъ часовъ изъ кладовой неслись звуки пѣсенъ, плясокъ и разгула; воздухъ весь пропитался запахомъ водки. По временамъ дикари ссорились и дрались; казалось, они совсѣмъ забыли объ осажденныхъ; но послѣдніе скоро убѣдились, что за ними слѣдятъ непрерывно. Дворецкій Терье былъ убитъ наповалъ пулею изъ-за частокола, когда проходилъ мимо бойницы, Амосъ Гринъ и де-ла-Ну еле избѣгли той же участи. Тогда заставили всѣ окна, кромѣ одного, выходившаго на рѣку. Съ этой стороны не было опасности, а такъ какъ начала заниматься заря, то у окна постоянно стоялъ кто-нибудь изъ осажденныхъ, смотря вдоль рѣки въ ожиданіи желанной помощи.

На востокѣ мало-по-малу становилось свѣтлѣе; сначала узкая полоска жемчужнго цвѣта порозовѣла, стала шире, длиннѣе и, наконецъ, загорѣлась темнымъ свѣтомъ по всему небу, окрашивая края бѣгущихъ облаковъ. Надъ лѣсами лежалъ тонкій сѣрый паръ, изъ котораго высовывались верхушки большихъ дубовъ, словно острова изъ моря тумановъ. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ свѣтало, туманъ разрывался на маленькіе клочья, которые становились тоньше и постепенно таяли. Наконецъ, надъ лѣсомъ на востокѣ появилось огненное солнце и лучи его засверкали надъ пурпуромъ и золотомъ увядшихъ листьевъ и надъ яркой синевой широкой рѣки, исчезавшей къ сѣверу. Де-Катина стоялъ у окна, вдыхая свѣжій смолистый запахъ деревьевъ, смѣшанный съ тяжелыми, влажными испареніями сырой земли. Вдругъ, къ сѣверу, на рѣкѣ ему бросилось въ глаза какое-то темное пятно.

— Сверху плыветъ челнокъ!—крикнулъ онъ.

Въ одно мгновеніе всѣ бросились къ окну; но дю-Лю кинулся за ними и сердито сталъ толкать къ двери.

— Что вы? Хотите, что ли, умереть раньше срока!—крикнулъ онъ.

—Да, да!—сказалъ капитанъ, который понялъ если не слова, то жестъ дю-Лю.—Надо оставить вахту на палубѣ Амосъ, стань-ка рядомъ со мной и будемъ готовы на случай, если они покажутся.

Американецъ и старый піонеръ остались у баррикады; остальные старались разглядѣть приближавшуюся лодку. Внезапно изъ груди оставшагося въ живыхъ оброчнаго вырвался глухой стонъ.

— Это ирокезская лодка!—крикнулъ онъ.

— Невозможно!

— Увы, это такъ, ваша милость. И та самая, которая ушла отъ насъ вчера.

— Ахъ! такъ женщины спаслись отъ нихъ!

— Вѣроятно. Но увы, баринъ. народу въ ней больше чѣмъ было.

Замирая отъ тревоги, кучка оставшихся въ живыхъ осажденныхъ слѣдила за лодкой, которая быстро мчалась вверхъ по рѣкѣ, оставляя по обѣимъ сторонамъ полосы пѣны, а сзади длинную, раздвоенную струю. Видно было, что на ней очень много народа, но осажденные припомнили, что сюда взяты раненые съ другой лодки. Челнокъ продолжалъ летѣть впередъ, пока не поровнялся съ усадьбой. Тутъ лодка повернулась кругомъ и гребцы, съ пронзительнымъ, насмѣшливымъ крикомъ, подняли весла вверхъ. Даже на такомъ разстояніи нельзя было не узнать двухъ лицъ—одного нѣжнаго, блѣднаго, другого—темнаго. царственнаго. То были Онега и Адель.

XXXIX. Два пловца.

Шарль де-ла-Ну, владѣлецъ «Св. Маріи», былъ человѣкъ сдержанный, сильной воли; но и у него вырвался стонъ и проклятіе, когда онъ увидѣлъ свою индіанку-жену въ рукахъ ея соплеменниковъ, отъ которыхъ она не могла ожидать состраданія. Но даже тутъ старомодная вѣжливость не покинула его и онъ повернулся къ де-Катина, чтобы сказать ему нѣсколько словъ сочувствія, какъ вдругъ раздался грохотъ; что-то заслонило окно—и молодой офицеръ исчезъ изъ столовой. Не говоря ни слова, онъ спустилъ лѣстницу и полѣзъ по ней внизъ съ безумной быстротой. Коснувшись

ногами земли, онъ знаками далъ знать товарищамъ, чтобы они подняли лѣстницу, бросился къ рѣкѣ и поплылъ къ челноку. У него не было ни оружія, ни плана дѣйствія, одна только мысль, что его мѣсто—рядомъ съ женой въ минуту грозящей ей опасности. Ея судьба должна быть его судьбою и, разсѣкая воду своими сильными руками, онъ далъ себѣ клятву, что онъ раздѣлитъ съ ней жизнь или смерть.

Но былъ еще другой человѣкъ, чувство долга котораго влекло его къ опасности. Всю ночь францисканецъ стерегъ де-Катина, какъ скупецъ бережетъ свои сокровища. Все существо его было полно мысли, что этотъ еретикъ представляетъ собой маленькое зерно, которое, разростаясь все болѣе и болѣе, можетъ заглушить вертроградъ избранной церкви Господней. Когда онъ увидѣлъ, что де-Катина спускается съ лѣстницы, изъ души монаха исчезло всякое чувство страха, кромѣ опасенія потерять свою драгоцѣнную добычу. По пятамъ своего врага онъ также спустился съ лѣстницы.

Тогда смотрѣвшіе изъ окна увидѣли изумительное зрѣлище. Среди рѣки стояла лодка, на кормѣ которой темнымъ кольцомъ тѣснились воины и виднѣлись двѣ женщины. Къ нимъ, какъ безумный, плылъ де-Катина, съ каждымъ ударомъ руки выскакивая изъ воды до плечъ, а за нимъ поднималась выстриженная макушка головы францисканца съ темнымъ капюшономъ и длинной рясой, тянувшимися за нимъ по водѣ. Но монахъ въ своемъ рвеніи не разсчиталъ силъ. Онъ былъ хорошій пловецъ, но неудобная одежда мѣшала ему и связывала его движенія. Все медленнѣе и медленнѣе становились удары его рукъ, все ниже и ниже опускалась его голова... наконецъ, съ громкимъ крикомъ: «Въ руки Твои Господи!..» онъ взбросилъ руки кверху и пошелъ ко дну. Минуту спустя зрители, охрипшіе отъ криковъ, призывавшихъ его вернуться, увидѣли, какъ де-Катина втащили на ирокезскую лодку, которая тотчасъ же повернулась и продолжала свой путь по рѣкѣ.

— Боже мой!—глухо вскрикнулъ Амосъ.—Они взяли его! Онъ погибъ!

— Видалъ я странныя дѣла за сорокъ лѣтъ, но никогда не видалъ ничего подобнаго!—сказалъ дю-Лю.

Де-ла-Ну взялъ понюшку табаку изъ золотой табакерки

и смахнулъ изящнымъ кружевнымъ платкомъ пылинки, упавшія на передъ рубашки.

— Г. де-Катина поступилъ, какъ подобаетъ французскому дворянину,—проговорилъ онъ.—Если бы я могъ плавать такъ, какъ плавалъ тридцать лѣтъ тому назадъ, я былъ бы теперь съ нимъ.

Дю-Лю оглянулся вокругъ и покачалъ головой.

— Насъ теперь только шестеро,—сказалъ онъ.—Боюсь, что они задумали какую-нибудь чертовщину, потому что такъ притихли.

— Они уходятъ изъ дома!—крикнулъ оброчный, смотрѣвшій въ боковое окно.—Что это значитъ! Пресвятая Дѣва! Неужели мы спасены? Посмотрите, какъ они толпами бѣгутъ между деревьевъ. Они направляются къ лодкамъ, размахиваютъ руками, указываютъ на что-то.

— Вотъ сѣрая шляпа того дьявола,—сказалъ капитанъ.—Я бы пустилъ въ него пулю, если бы не боялся понапрасну истратить порохъ и свинецъ.

— Я попадалъ въ цѣль на этомъ разстояніи,—сказалъ Амосъ, просовывая свое длинное, темное ружье сквозь щель въ баррикадѣ, которою была перегорожена нижняя часть окна.—Я отдалъ бы весь свой барышъ будущаго года, чтобы свалить его.

— Это на сорокъ шаговъ далѣе, чѣмъ хватаетъ мушкетъ,—замѣтилъ дю-Лю,—но я видалъ, что англичане попадаютъ очень ловко изъ такихъ длинныхъ ружей.

Амосъ тщательно прицѣлился, оперши ружье на подоконникъ, и выстрѣлилъ. Крикъ восторга вырвался изъ груди оставшихся въ живыхъ осажденныхъ. Фламандскій Метисъ упалъ, но черезъ минуту онъ былъ снова на ногахъ и вызывающе погрозилъ кулакомъ по направленію къ окну.

— Чортъ возьми!—съ горечью крикнулъ Амосъ по англійски.—Пуля попала въ него на излетѣ. Все равно, что пустилъ камешкомъ.

— Не чертыхайся, Амосъ, а попробуй въ другой разъ; положи еще пороху, если не разорветъ ружья.

Гринъ положилъ большой зарядъ и выбралъ изъ мѣшка хорошую, круглую пулю; но когда онъ поднялъ голову, то не было уже ни Метиса, ни воиновъ. На рѣкѣ ирокезскій челнокъ летѣлъ такъ быстро, какъ только могли уносить его двадцать

веселъ; но за исключеніемъ этого темнаго пятна на голубой поверхности не было видно ни слѣда врага. Они исчезли, какъ страшный сонъ, дурное сновидѣніе. Осталась простреленная ограда, груды мертвыхъ тѣлъ во дворѣ, обгорѣвшіе коттэджи безъ крышъ, а безмолвные лѣса сіяли въ лучахъ утренняго солнца, мирные и спокойные, какъ будто въ нихъ не бушевали враги, словно вырвавшіеся изъ ада.

— Честное слово, они, кажется, ушли! — крикнулъ де-ла-Ну.

— Берегитесь, не хитрость ли это какая, — сказалъ дю-Лю.—Зачѣмъ имъ бѣжать отъ шести людей, когда они побѣдили шестьдесятъ.

Но оброчный выглянулъ въ другое окно и тотчасъ же упалъ на колѣни, поднявъ къ небу руки и почернѣвшее отъ пороха лицо и бормоча слова молитвы и благодарности. Его товарищи подбѣжали къ окну и радостныя восклицанія огласили комнату. Верхній плесъ рѣки покрывала цѣлая флотилія лодокъ; солнце играло на дулахъ мушкетовъ и на металлическихъ уборахъ сидѣвшихъ въ лодкахъ людей. Уже можно было разсмотрѣть бѣлые мундиры регулярныхъ войскъ, коричневыя куртки „лѣсныхъ бродягъ“ и яркія одежды гуроновъ и альгонкинцевъ. Все ближе и ближе подплывали они, покрывая рѣку во всю ея ширину и становясь виднѣе съ каждымъ мигомъ, а далеко, на южномъ изгибѣ, ирокезскій челнокъ казался маленькимъ, движущимся пятнышкомъ, которое подлетѣло къ дальнему берегу и исчезло подъ тѣнью деревьевъ. Минуту спустя оставшіеся въ живыхъ уже были на берегу, махая въ воздухѣ шляпами, а носы лодокъ спасителей уже шуршали по песку. На кормѣ передней лодки сидѣлъ сморщенный человѣкъ въ большомъ русомъ парикѣ и съ положенной на колѣни рапирой съ позолоченнымъ эфесомъ. Онъ выскочилъ изъ лодки, какъ только киль коснулся дна, пошелъ по водѣ, разбрасывая воду своими высокими сапогами, и бросился въ объятія стараго вельможи.

— Мой милый Шарль,—крикнулъ онъ,—вы защищались геройски. Какъ, васъ только шестеро? Ай! Ай! Кровавое было дѣло.

— Я зналъ, что вы не оставите товарища въ бѣдѣ, Шамбли. Мой сынъ убитъ. Моя жена—вонъ въ томъ ирокезскомъ челнокѣ.

Комендантъ форта С.-Луи съ молчаливымъ сочувствіемъ пожалъ руку пріятеля.

— Остальныя доѣхали благополучно,—сказалъ онъ, спустя нѣсколько времени.—Захватили только одну эту лодку, потому что у нихъ сломалось весло. Три утонули, а двѣ забрали. Какъ я слышалъ, кромѣ вашей супруги тамъ была еще какая-то дама—француженка.

— Да; они забрали и ея мужа.

— Ахъ, бѣдняги! Ну, если вы и ваши товарищи чувствуете въ себѣ достаточно силъ, чтобы плыть съ нами, то мы, не теряя ни минуты, погонимся за ними. Десять человѣкъ я оставлю здѣсь въ домѣ, а вы можете взять ихъ лодку. Садитесь скорѣе и впередъ—отъ нашей поспѣшности можетъ зависѣть ихъ жизнь и смерть!

XL. Конецъ.

Ирокезы обошлись вовсе не грубо съ де-Катина, когда втащили его изъ воды въ лодку. Такъ непонятно для нихъ было, почему человѣкъ могъ покинуть безопасное убѣжище и отдаться въ ихъ власть, что они сочли его сумасшедшимъ, а эта болѣзнь внушаетъ индѣйцамъ страхъ и уваженіе. Они даже не связали ему рукъ: не будетъ же онъ пытаться бѣжать, когда добровольно отдался имъ въ руки. Два воина обыскали его, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли у него оружія, и затѣмъ бросили на дно между двухъ женщинъ, пока лодка подплыла къ берегу чтобы передать вѣсть о приближеніи гарнизона форта С.-Луи. Затѣмъ она отчалила и быстро понеслась посрединѣ рѣки. Адель была смертельно блѣдна и рука, за которую взялъ ее мужъ, была холодна, какъ мраморъ.

— Дорогая моя,—прошепталъ онъ,—скажи мнѣ, невредима ли ты... не обидѣли ли тебя?

— О, Амори, зачѣмъ ты здѣсь! Зачѣмъ, Амори? О, я думаю, что могла бы вынести все, но если тронутъ тебя, я не вынесу.

— Какъ могъ я оставаться тамъ, зная, что ты въ ихъ рукахъ. Я сошелъ бы съ ума!

— Ахъ, единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была мысль, что ты въ безопасности.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы столько перенесли вмѣстѣ, что не можемъ больше разстаться. Что такое смерть, Адель? Зачѣмъ намъ бояться ея?

— Я не боюсь смерти.

— И я также. Все будетъ въ концѣ концовъ хорошо. Останемся живы, сохранимъ воспоминаніе объ этомъ времени. Умремъ, рука объ руку перейдемъ въ иную жизнь. Смѣлѣе, родная, все обойдется хорошо для насъ.

— Скажите мнѣ, сударь,—спросилъ Онега.—Живъ ли еще мой господинъ?

— Да, онъ живъ и здоровъ.

— Это хорошо. Онъ—великій вождь, и я никогда не жалѣла — не жалѣю и теперь — что вышла замужъ за человѣка не моего народа. Но, ахъ, мой сынъ! Кто отдастъ мнѣ моего сына? Онъ былъ похожъ на молодое деревцо, такой стройный и крѣпкій! Кто другой могъ бѣгать, скакать, плавать, какъ онъ? Раньше чѣмъ зайдетъ солнце, мы всѣ будемъ мертвы и я рада этому, такъ какъ снова увижу моего мальчика.

Ирокезы усердно налегали на весла, пока между ними и «Св. Маріей» не осталось пространство миль въ десять. Затѣмъ они причалили въ небольшомъ заливѣ на своей сторонѣ рѣки, выскочили изъ лодки и вытащили плѣнниковъ. Восемь человѣкъ на плечахъ отнесли лодку въ лѣсъ, гдѣ спрятали ее между двумя свалившимися деревьями, наваливъ на нее груду вѣтвей. Потомъ, послѣ короткаго совѣщанія, они пошли по лѣсу гуськомъ, помѣстивъ въ середину трехъ плѣнныхъ. Всѣхъ воиновъ было пятнадцать, изъ нихъ восемь шли впереди, а семь сзади плѣнниковъ. Всѣ они были вооружены мушкетами и быстроноги, какъ лани, такъ что о бѣгствѣ нечего было и думать. Плѣнникамъ приходилось только идти за своими провожатыми и терпѣливо ожидать, что будетъ съ ними.

Цѣлый день длился ихъ тяжелый путь. Имъ приходилось идти по обширнымъ болотамъ, тянувшимся вдоль голубыхъ лѣсныхъ озеръ, гдѣ при ихъ приближеніи изъ тростниковъ поднимался сѣрый аистъ, тяжело хлопая крыльями. По временамъ они углублялись въ глубь лѣсовъ, гдѣ царилъ вѣчный полумракъ и только звукъ паденія дикаго каштана да щелканье бѣлки на сотнѣ футовъ надъ ихъ головами нарушали полное безмолвіе. Онега обладала выносливостью, свойственной индѣйскимъ племенамъ, но Адель, не смотря на то, что ей пришлось странствовать и раньше, еще до вечера почувствовала боль въ ногахъ и усталость. Поэтому де-Катина съ облег-

чешемъ увидѣлъ яркіе отблески костра, внезапно засверкавшие между стволами деревьевъ, и индѣйскій лагерь, гдѣ собралась большая часть военнаго отряда, прогнаннаго съ «Св. Маріи». Тутъ было также много женщинъ, пришедшихъ изъ селеній могауковъ и каюговъ, чтобы былъ ближе къ воинамъ. Кругомъ были воздвигнуты вигвамы, образуя кольцо. Передъ каждымъ изъ нихъ горѣлъ огонь, надъ костромъ висѣлъ котелокъ на трехъ палкахъ, гдѣ готовился ужинъ. Въ серединѣ горѣлъ громадный костеръ, сдѣланный изъ вѣтвей, наваленныхъ въ видѣ круга, такъ что въ центрѣ оставалось открытое пространство футовъ въ двадцать. Въ серединѣ этой площадки находился столбъ и къ нему было привязано что-то, все вымазанное краснымъ и чернымъ. Де-Катина быстро всталъ передъ Аделью, чтобы не дать ей разглядѣть ужасное зрѣлище, но было уже поздно. Она вздрогнула и порывисто вздохнула, но ни единаго звука не вырвалось изъ ея блѣдныхъ губъ.

— Итакъ, они уже начали,—спокойно сказала Онега.— Ну, теперь очередь за нами и мы покажемъ имъ, что умѣемъ умирать.

— Они еще не сдѣлали намъ ничего дурного,—сказалъ де-Катина.—Можетъ-быть, они оставятъ насъ для выкупа или обмѣна.

Индіанка покачала головой.

— Не обманывайте себя такими надеждами,—проговорила она.—Если они такъ кротки съ вами, это вѣрный знакъ, что они предназначаютъ васъ на казнь. Вашу жену отдадутъ замужъ за кого-нибудь, а мы съ вами должны умереть; вы, потому, что воинъ, а я—старуха.

Выдадутъ замужъ!... Эти ужасныя слова вызвали въ сердцахъ молодыхъ людей такое страданіе, какого не могла вызвать мысль о смерти. Де-Катина опустилъ голову на грудь, покачнулся и упалъ бы, если бы Адель не схватила его за руку.

— Не бойся, милый Амори,—шепнула она.—Все можетъ случиться, но не это, потому что, клянусь тебѣ, я не переживу тебя. Да, грѣхъ это или нѣтъ, но если смерть не придетъ ко мнѣ сама, я пойду навстрѣчу ей.

Де-Катина взглянулъ на нѣжное личико, черты котораго выражали теперь твердую, непоколебимую рѣшимость. Онъ зналъ, что она исполнитъ свое намѣреніе и что это послѣднее

оскорбленіе не постигнетъ ихъ. Могъ ли онъ предположить, что сердце его забьется отъ радости при мысли о смерти жены? Когда они вошли въ селеніе ирокезовъ, навстрѣчу имъ выбѣжали воины и женщины и имъ пришлось идти среди страшныхъ криковъ, сквозь двойной рядъ ужасныхъ лицъ, которыя ухмылялись, кривлялись при видѣ ихъ. Плѣнниковъ провели сквозь толпу къ отдѣльно стоявшей хижинѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ ивовыхъ рыболовныхъ сѣтей, висѣвшихъ на стѣнѣ, и кучи тыквъ въ углу, хижина была совершенно пуста.

— Вожди придутъ и рѣшатъ, что дѣлать съ нами,—сказала Онега.—Вотъ они идутъ и вы увидите, что я буду права, потому что знаю обычаи моего народа.

Минуту спустя старый военный вождь въ сопровожденіи двухъ болѣе молодыхъ воиновъ и бородатаго полуголландца-полуирокеза, предводительствовавшаго нападеніемъ на замокъ, остановились на порогѣ хижины, глядя на плѣнниковъ и обмѣниваясь короткими горловыми звуками. Знаки Сокола, Волка, Медвѣдя и Змѣи указывали, что всѣ они происходятъ изъ знатныхъ семей своего народа. Метисъ курилъ глиняную трубку, но говорилъ больше всѣхъ, очевидно, споря съ однимъ изъ молодыхъ дикарей, который, наконецъ, казалось, согласился съ его мнѣніемъ. Въ заключеніе старый вождь строго проговорилъ нѣсколько короткихъ словъ и дѣло было, очевидно, рѣшено.

— А ты, прекрасная госпожа, — сказалъ по-французски Метисъ, обращаясь къ Онегѣ,—ты сегодня получишь хорошій урокъ за то, что пошла противъ своего народа.

— Ахъ, ты, ублюдокъ,—отвѣтила безстрашная старуха,—тебѣ слѣдовало бы шляпу снять, когда говоришь съ женщиной, въ жилахъ которой течетъ лучшая кровь. Ононъ, ты—воинъ? Ты, который съ тысячей человѣкъ за спиной не смогъ войти въ маленькій домикъ, защищаемый горстью бѣдныхъ земледѣльцевъ! Не удивительно, что народъ твоего отца отвергъ тебя! Ступай копать землю или играть въ камешки, а не то, пожалуй, встрѣтишь когда-нибудь въ лѣсахъ настоящаго мужчину и тогда навлечешь позоръ на принявшее тебя племя!

Злое лицо Метиса смертельно поблѣднѣло при презрительныхъ словахъ плѣнницы. Онъ подошелъ къ ней и, схвативъ ея руку, сунулъ ея указательный палецъ въ свою горящую трубку. Она не сдѣлала ни малѣйшаго усилія, чтобы

освободить и продолжала сидѣть съ спокойнымъ лицомъ, смотря черезъ открытую дверь на заходящее солнце и группы болтавшихъ между собой индѣйцевъ. Метисъ внимательно слѣдилъ въ надеждѣ услышать крикъ или увидѣть судорогу боли на ея лицѣ; но, наконецъ, съ проклятіемъ бросилъ ея руку и вышелъ изъ хижины. Она сунула обуглившійся палецъ за пазуху и разсмѣялась.

— Онъ никуда не годится,—крикнула она.—Не знаетъ даже, какъ надо мучить. Ну, я бы сумѣла заставить его кричать. Увѣрена въ этомъ. Но вы... какъ вы блѣдны, сударь.

— Это отъ того ужаса, который я только-что видѣлъ. Ахъ, если бы мы могли стать лицомъ другъ къ другу, я—со шпагой, онъ—съ какимъ угодно оружіемъ... клянусь Господомъ Богомъ, онъ отвѣтилъ бы кровью за свое злодѣяніе!

Индіанка казалась удивленной.

— Мнѣ странно, что вы можете думать обо мнѣ, когда вы сами въ такомъ же положеніи,—проговорила она.—Но наша судьба будетъ именно такая, какъ я говорила.

— Ахъ!

— Мы съ вами умремъ у столба. Ее отдадутъ тому псу, который только-что вышелъ отъ насъ.

— Адель! Адель! Что дѣлать мнѣ!

Де-Катина въ полномъ отчаяніи рвалъ на себѣ волосы.

— Не бойся, Амори, не бойся; у меня хватитъ мужества. Что значитъ смерть, если она соединитъ насъ!

— Молодой вождь заступался за васъ; онъ говорилъ, что Великій Духъ поразилъ васъ безуміемъ; это ясно было видно изъ того, что вы подплыли къ ихъ лодкѣ. И гнѣвъ Духа падаетъ на племя, если васъ приведутъ къ столбу. Но Метисъ сказалъ, что у блѣднолицыхъ любовь часто походитъ на безуміе и что она-то и побудила васъ сдѣлать это. Тогда рѣшили, что вы умрете, а она пойдетъ въ его вигвамъ, такъ какъ онъ былъ предводителемъ военнаго отряда. Ко мнѣ сердца ихъ жестоки и меня казнятъ сосновыми лучинками.

Де-Катина прошепталъ молитву, чтобы ему дано было встрѣтить смерть, какъ подобаетъ воину и дворянину.

— Когда назначена казнь?—спросилъ онъ.

— Теперь! Сейчасъ же! Они пошли все приготовить. Но у васъ есть еще время, потому что меня казнятъ первой.

— Амори, Амори, нельзя ли намъ умереть вмѣстѣ, сей-

часъ?—крикнула Адель, обнимая мужа.—Если это грѣхъ, то онъ, навѣрно, простится намъ. Уйдемъ отсюда, дорогой мой! Покинемъ этихъ ужасныхъ людей и этотъ жестокій свѣтъ. Уйдемъ туда, гдѣ мы найдемъ покой...

Глаза индіанки заблестѣли отъ удовольствія.

— Хорошо сказано, Бѣлая Лилія!—крикнула она.—Зачѣмъ ждать, чтобы они схватили васъ. Взгляни: блескъ ихъ огней уже отражается на стволахъ деревьевъ, уже слышны завыванія тѣхъ, кто жаждетъ вашей крови. Если вы умрете отъ своей собственной руки, они лишатся зрѣлища, а предводитель ихъ—невѣсты. И въ концѣ концовъ вы будете побѣдителями, а они побѣжденными. Ты вѣрно сказала, Бѣлая Лилія. Это—единственный выходъ для васъ.

— Но какъ это сдѣлать?

Онега пристально взглянула на двухъ воиновъ, которые стояли на стражѣ у двери въ хижину. Они отвернулись, поглощенные происходившими ужасными приготовленіями. Тогда она порылась въ складкахъ своего платья и вытащила оттуда маленькій пистолетъ съ двумя мѣдными дулами и собачками въ видѣ крылатыхъ драконовъ. По виду это была изящная игрушка, изукрашенная рѣзьбой и насѣчкой, произведеніе искусства какого-нибудь парижскаго оружейника. Де-ла-Ну купилъ ее за красоту, во время своего посѣщенія Квебека, но, при случаѣ, она могла пригодиться и оба ствола были заряжены.

— Я хотѣла воспользоваться имъ для себя,—сказала Онега, всовывая пистолетъ въ руку де-Катина.—Но теперь я хочу показать имъ, что сумѣю умереть, какъ подобаетъ женщинѣ изъ племени онондаговъ и что я достойна крови ихъ вождей, которая течетъ въ моихъ жилахъ. Возьмите; клянусь, мнѣ онъ не нуженъ, развѣ только для того, чтобъ всадить обѣ пули въ сердце этого Метиса.

Трепетъ радости охватилъ де-Катина, когда пальцы его стиснули пистолетъ. Вотъ онъ ключъ, который можетъ отворить имъ врата мира! Адель прижалась щекой къ его плечу и засмѣялась отъ радости.

— Ты простишь меня, дорогая?—шепнулъ онъ.

— Простить тебя! Благословляю тебя и люблю всѣмъ сердцемъ и душой. Обними меня крѣпче, мой милый, и помолимся въ послѣдній разъ.

Они упали на колѣни. Въ эту минуту въ комнату вошли три воина и сказали своей соотечественницѣ нѣсколько отрывистыхъ словъ. Она встала, улыбаясь.

— Меня ждутъ,—сказала она.—Бѣлая Лилія и вы, сударь, увидите, что я вынесу все съ достоинствомъ, подобающимъ моему положенію. Прощайте и помните Онегу.

Она снова улыбнулась и вышла изъ хижины среди воиновъ быстрой и твердой походкой королевы, направляющейся къ трону.

— Теперь, Амори...—шепнула Адель, закрывая глаза и еще крѣпче прижалась къ нему.

Онъ поднялъ пистолетъ, но вдругъ уронилъ его и, стоя на колѣняхъ, смотрѣлъ расширенными глазами на дерево, которое росло передъ дверью хижины.

Это была береза, чрезвычайно старая и корявая: береста на ней висѣла клочьями, а стволъ весь былъ покрытъ мхомъ и плѣсенью. Футахъ въ десяти отъ земли главный стволъ дѣлился на двое и въ образовавшемся такимъ образомъ отверстіи внезапно появилась большая, красная рука съ жестомъ страстнаго отрицанія, торопливо мотавшаяся изъ стороны въ сторону. Черезъ минуту рука исчезла изъ глазъ въ изумленіи смотрѣвшихъ на нее плѣнниковъ и вмѣсто нея появилась голова, такъ же настойчиво качавшаяся изъ стороны въ сторону. Невозможно было не узнать этого темнокраснаго сморщеннаго лица, большихъ щетинистыхъ бровей и маленькихъ сверкающихъ глазокъ. То былъ капитанъ Эфраимъ Савэджъ изъ Бостона.

Плѣнники все еще не могли придти въ себя отъ изумленія, когда внезапно изъ глубины лѣса раздался пронзительный свистъ и въ одно мгновеніе всѣ деревья, кусты и заросли стали изрыгать пламя и дымъ и цѣлый градъ пуль съ оглушительнымъ трескомъ упалъ на кричавшихъ дикарей. Ирокезскіе часовые увлеклись кровожаднымъ желаніемъ посмотрѣть, какъ будутъ умирать плѣнники, а въ это время канадцы напали на нихъ и заключили ихъ лагерь въ кольцо огня. Ирокезы бросались изъ стороны въ сторону, всюду встрѣчая смерть, пока не нашли какого-то промежутка среди нападающихъ и не устремились въ него, словно овцы сквозь проломъ плетня. Они бѣжали, какъ бѣшеные, по лѣсу; пули враговъ не переставая свистѣли у самыхъ ихъ ушей, пока новый свистъ не остановилъ преслѣдователей.

Но одинъ изъ дикарей рѣшилъ, прежде чѣмъ бѣжать, окончить задуманное дѣло. Фламандскій Метисъ предпочелъ мщеніе безопасности! Кинувшись къ Онегѣ, онъ разрубилъ ей голову томагаукомъ, а затѣмъ, съ боевымъ крикомъ, размахивая окровавленнымъ топоромъ, бросился къ хижинѣ, гдѣ плѣнники продолжали стоять на колѣняхъ. Де-Катина замѣтилъ его и дикая радость блеснула въ его глазахъ. Онъ всталъ съ колѣнъ, чтобы встрѣтить Метиса, и при приближеніи пустилъ ему въ лицо оба заряда. Мгновеніе спустя канадцы подбѣжали къ хижинѣ по извивавшимся въ предсмертныхъ судорогахъ тѣламъ враговъ; плѣнники почувствовали горячія пожатія дружескихъ рукъ и при видѣ улыбающихся, знакомыхъ лицъ Амоса Грина, Савэджа и дю-Лю, поняли, что желанный миръ, наконецъ, наступилъ для нихъ.

Такъ, наконецъ, бѣглецы достигли конца своего путешествія. Зиму они мирно провели въ фортѣ С.-Луи, а лѣтомъ, когда ирокезы перенесли свои военныя дѣйствія на верховья рѣки Св. Лаврентія, путешественники получили возможность отправиться въ англійскія провинціи и спуститься по рѣкѣ Гудзону до Нью-Іорка, гдѣ ихъ ожидалъ радушный пріемъ семьи Амоса Грина. Дружба между Амосомъ и де-Катина такъ упрочилась, благодаря общимъ воспоминаніямъ и пережитымъ опасностямъ, что они сдѣлались компаніонами по торговлѣ мѣхами и имя француза стало такъ же извѣстно въ горахъ Мона и на склонахъ Аллегановъ, какъ въ былое время въ салонахъ и коридорахъ Версаля. Впослѣдствіи де-Катина построилъ себѣ домъ на Стотэнѣ, гдѣ поселились многіе изъ его единовѣрцевъ, и употреблялъ большую часть своихъ доходовъ на помощь своимъ неимущимъ собратьямъ — гугенотамъ. Амосъ Гринъ женился на голландской дѣвушкѣ изъ Шенсктади. Адель такъ подружилась съ ней, что этотъ бракъ еще тѣснѣе скрѣпилъ узы любви, связывавшія ихъ семьи. Что касается до капитана Эфраима Савэджа, то онъ благополучно вернулся въ свой возлюбленный Бостонъ и осуществилъ свою завѣтную мечту, построивъ хорошенькій домикъ на возвышенности въ сѣверной части города, откуда ему были видны корабли и на рѣкѣ, и на заливѣ. Тутъ онъ жилъ, уважаемый согражданами, сдѣлавшими его выборнымъ и членомъ городского совѣта. Они же назначали его командиромъ чудеснаго корабля, когда сэръ Вильямъ Финсъ напалъ на Квебекъ и убѣдился въ невозможности изгнать стараго де-Фронтенака

изъ его логова. Такъ, среди всеобщаго почета, старый морякъ прожилъ многіе годы и въ слѣдующемъ столѣтіи его потускнѣвшій старческій взоръ могъ уже увидѣть возраставшее величіе его страны.

Замокъ «Св. Маріи» былъ скоро возстановленъ, но владѣлецъ его совершенно измѣнился съ того дня, какъ потерялъ жену и сына. Онъ похудѣлъ, сталъ озлобленнѣе, жесточе и безпрестанно организовывалъ походы въ ирокезскіе лѣса, гдѣ его отряды своими злодѣяніями превосходили жестокости дикарей. Наконецъ, насталъ день, когда онъ отправился въ походъ, изъ котораго не вернулся ни онъ, ни его спутники. Много страшныхъ тайнъ хранятъ эти безмолвные, тихіе лѣса и къ числу ихъ слѣдуетъ отнести и судьбу, постигшую Шарля де-ла-Ну, владѣльца «Св. Маріи».

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.